Орсон Скотт Кард

Новая Земля

Подмастерье Элвин

Сказания о Мастере Элвине

Подмастерье Элвин
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Подмастерье Элвин. (Сказание о Мастере Элвине-3)
Глава 1. НАДСМОТРЩИК
Глава 2. БЕГЛЯНКА
Глава 3. ЛОЖЬ
Глава 4. МОДЕСТИ
Глава 5. ЛОЗОХОД
Глава 6. МАСКАРАД
Глава 7. КОЛОДЦЫ
Глава 8. РАССОЗДАТЕЛЬ
Глава 9. ИВОЛГА
Глава 10. ПРОЩАНИЕ
Глава 11. ЛОЗА
Глава 12. ШКОЛЬНЫЙ СОВЕТ
Глава 13. ДОМИК У РУЧЬЯ
Глава 14. РЕЧНАЯ КРЫСА
Глава 15. УЧИТЕЛЬНИЦА
Глава 16. СОБСТВЕННОСТЬ
Глава 17. ПРАВОПИСАНИЕ
Глава 18. КАНДАЛЫ
Глава 19. ПЛУГ

Глава 20. ДЕЯНИЕ КЭВИЛА
Глава 21. ЭЛВИН-ПУТЕШЕСТВЕННИК
ГЛОССАРИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Аннотация

Путь Мастера долог и извилист. Что ждет его в конце дороги? Элвину предстоит встретиться лицом к лицу с врагом всего живого, с тьмой, наползающей на мир. Первый бой выигран, но это еще не победа.

Орсон Скотт Кард
Подмастерье Элвин
(Сказание о Мастере Элвине-3)

Глава 1
НАДСМОТРЩИК

Позвольте мне начать историю ученичества Элвина с того самого момента, когда все пошло наперекосяк. События те начались далеко на юге, и ответственен за них человек, с которым Элвин никогда в жизни не встречался и никогда не встретится. Однако именно этот человек повернул ход всей истории в сторону. Именно эта дорога привела Элвина к тому, что закон называет «убийством». А случилось оное в день, когда срок ученичества нашего героя подошел к концу и Элвин получил полное право называться мужчиной.

То местечко находилось в Аппалачах, а год стоял 1811-й, как раз накануне подписания Аппалачами Договора о беглых рабах и присоединения гор к Соединенным Штатам. В те времена на границах Аппалачей и Королевских Колоний белый человек считал своей святой обязанностью иметь в подчинении хотя бы несколько чернокожих рабов, которые трудились бы на него круглый день.

Рабство для белых людей, живущих в тех краях, являлось своего рода алхимией. Каждую капельку пота чернокожих рабовладельцы умудрялись превратить в золотую монетку; каждый отчаянный стон, слетевший с губ рабыни, отзывался чистым, милым сердцу звоном серебреника, падающего на стол торговца-менялы. В тех местах продавали и покупали души. Однако никто, ни один тамошний житель, не понимал, что когда-нибудь последует расплата, расплата за то, что ты владел другими людьми.

Слушайте внимательно, и я поведаю вам, каким казался мир изнутри сердца Кэвила Плантера. Но прежде проверьте, спят ли дети, ибо эта часть моей истории не предназначена для ушек маленьких ребятишек, ведь в ней пойдет речь о голоде и страстях, которых они еще не понимают, а я вовсе не хочу, чтобы мой рассказ натолкнул их на дурные мысли.

Кэвил Плантер был благочестивым человеком — он исправно посещал церковь и платил свою десятину. Каждого нового раба немедленно обучали английскому, чтобы он мог внимать Священному Писанию, после чего крестили и нарекали христианским именем. Таким образом все рабы Кэвила Плантера были крещены

и носили христианские имена. Практика темных искусств была строго-настрого запрещена — Кэвил не позволял своим рабам даже курицу зарезать, поскольку даже столь невинное деяние они могли обратить в жертвоприношение своему жуткому языческому божеству. В общем, Господу Богу Кэвил Плантер преданно служил и всячески угождал.

Но какова ж была награда за такую праведность?! У жены его, Долорес, вдруг начались ужасные боли, пальцы ее стали сгибаться, превращаясь в скрюченные когти, прямо как у старухи. Ей еще и двадцати пяти не исполнилось, а все ночи она рыдала от неимоверных страданий, так что супружеское ложе стало для Кэвила настоящей пыткой.

Он пытался помочь ей. Делал примочки холодной ключевой водой, грел ей пальцы над раскаленным паром, поил порошками, мазал мазями — он потратил целое состояние на всяких шарлатанов-докторов с дипломами Камелотского университета, приводил к ней целые колонны молящихся о вечной жизни проповедников и бормочущих под нос бесконечные литании священников. И все это ни к чему не привело, ровным счетом ни к чему. Каждую ночь он слы-

шал ее рыдания, пока в конце концов слезы не сменялись тихонькими стонами, а уже стоны, в свою очередь, превращались к мерные сонные вздохи-выдохи, в которых лишь изредка проскальзывало тихое поскуливание, свидетельство о недремлющей боли.

Кэвил чуть с ума не сошел от жалости, гнева и отчаяния. Многие месяцы он не спал нормальным, человеческим сном. Целый день, от восхода до заката, он работал, а по ночам слушал стоны жены, молясь, чтобы Господь даровал ей облегчение. Если не ей, то ему.

Именно Долорес неожиданно подарила ему спокойный сон по ночам.

— Кэвил, ты каждый день трудишься, но у тебя не хватит сил исполнять свою работу, если ты как следует не выспишься. Я не могу сдерживаться и постоянно бужу тебя рыданиями. Прошу тебя — спи в другой комнате.

Но Кэвил все равно не хотел уходить.

— Я твой муж, я должен спать рядом с тобой… — возразил он, но она и слушать не захотела.

— Уходи, — попросила она. Даже повысила голос. — Иди!

И он ушел, терзаемый стыдом, ведь в душе он испытывал великое облегчение. В ту ночь он

не проснулся ни разу, проспал все пять часов, которые оставались до восхода, так крепко он спал впервые за долгие месяцы, а может, и годы — но, проснувшись утром, почувствовал себя виноватым, что не выдержал и не остался рядом с женой, как ему было положено.

Однако спустя некоторое время Кэвил Плантер привык спать один. Он часто навещал жену — по утрам и вечерам. Они завтракали, обедали и ужинали вместе: Кэвил сидел в кресле в ее комнате, тарелки его стояли на маленьком боковом столике, тогда как лежащую в постели Долорес кормила с ложечки чернокожая рабыня. И руки его жены валялись на одеялах, словно мертвые крабы.

Впрочем, даже перебравшись в другую комнату, Кэвил не смог избежать мучений. Ведь у него не будет детей. Некому унаследовать ухоженную плодоносную плантацию Кэвила. Некому будет устраивать пышные свадьбы. А бальная зала внизу… когда он ввел Долорес в просторный новый особняк, который построил для нее, то сказал: «Наши дочери в этой бальной зале встретят своих суженых и впервые прикоснутся к их рукам, точно так же, как когда-то соприкоснулись наши руки в доме твоего отца». Теперь Долорес больше

не заходила в бальную залу. Вниз она спускалась только по воскресеньям, чтобы посетить воскресную службу, а также в те редкие дни, когда в дом прибывали новые рабы и их надо было покрестить.

Люди, видя ее редкие появления на публике, восхищались мужеством и преданностью этой пары. Но восхищение соседей — утешение весьма слабое, когда перед глазами у тебя каждый день маячат рухнувшие мечты. Все, о чем Кэвил молился, о чем просил, обратилось в прах… как будто сам Господь, просмотрев список просьб, поставил на каждой строчке «нет, нет, нет».

Мужчина с более слабой верой не перенес бы подобных разочарований — непременно сломался бы, озлобился. Но Кэвил Плантер был благочестивым, праведным человеком, поэтому каждый раз, когда ему начинало казаться, что Господь поступил с ним несправедливо, он сразу бросал работу, которой в тот момент занимался, вытаскивал из кармашка маленький Псалтирь и зачитывал вслух слова мудрого человека:

"На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек; по правде Твоей избавь меня.

Приклони ко мне ухо Твое, поспеши избавить меня. Будь для меня каменною твердынею, домом

прибежища, чтобы спасти меня"[1].

Он полностью отдавался чтению псалма, и вскоре от сомнений и обид даже следа не оставалось. Господь по-прежнему сопутствовал Кэвилу Плантеру, не покидая его в горестях и бедах.

Но однажды утром внимание Кэвила вдруг привлекли первые два стиха шестнадцатой главы Книги Бытия:

"Но Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У ней была служанка Египтянка, именем Агарь.

И сказала Сара Авраму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей; может быть, я буду иметь детей от нее".

«Ведь Аврам был праведным человеком, как и я, — неожиданно мелькнула мысль в голове Кэвила. — Жена Аврамова не могла рожать ему детей, и моя тоже не принесет мне потомков. В их доме, как и в моем, была рабыня-африканка. Так почему бы мне не поступить, как Авраму, и не воспитать детей от одной из рабынь?»

Эта мысль привела его в ужас. До него доходили слухи о белых испанцах, французах и португальцах, которые, поселившись на южных, поросших

---

[1] Примечания: 1
Библия, Псалтирь, псалом 30

джунглями островах, в открытую жили с чернокожими женщинами — такие мужчины были самыми низкими, самыми презренными тварями, ведь это все равно что заниматься любовью со зверьем. Кроме того, разве может ребенок, рожденный черной женщиной, стать наследником белого человека? В Аппалачах муха имела больше прав на плантацию, нежели ребенок-полукровка. И Кэвил выкинул эти мысли из головы.

Однако, сев с женой завтракать, он вдруг снова вспомнил о своих сомнениях, поймав себя на том, что не может оторвать глаз от кормящей жену чернокожей рабыни. Ведь эта женщина, как и Агарь, родом происходит из Египта. Он заметил, как изящно изгибается ее тело, когда она несет ложку ко рту Долорес. Обратил внимание, что, когда она наклоняется, прижимая чашку к ослабевшим губам хозяйки, грудь служанки чуточку оттягивает ткань блузки. Подметил, как ловко ее мягкие пальчики стряхивают крошки с губ Долорес. Он представил себе, как эти пальчики нежно дотрагиваются до него, и тихонько задрожал. Со стороны этой дрожи никто бы и не заметил, но ему показалось, что внутри его тела разразилось настоящее землетрясение.

Ни сказав ни слова, он опрометью выбежал из

комнаты. Очутившись во дворе, он схватился за спасительный Псалтирь.

"Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня.

Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною"[2].

Тихо шепча эти слова, он вдруг поднял глаза и увидел работниц, вернувшихся с поля и моющихся в корыте. Среди них присутствовала юная рабыня, которую он купил несколькими днями ранее за шесть сотен долларов — будучи совсем девочкой, она уже обещала многое, сразу было видно, что дети у нее будут здоровыми и крепкими работниками. Она лишь недавно ступила с борта на землю, а поэтому еще не знала, что такое христианская благочестивость. Она стояла голая, как змея, и, нагнувшись над корытом, лила себе на голову и на спину воду из ковша.

Кэвил словно остолбенел, он не мог оторвать от нее глаз. Мелкая нечестивая мыслишка, промелькнувшая за завтраком в спальне жены, превратилась в настоящую похоть. Он в жизни не видел ничего более грациозного и прекрасного, чем эти голубовато-черные бедра, трущиеся

---

[2] Примечания: 2
Библия, Псалтирь, псалом 50

одно о другое, не видел ничего более вызывающего, чем ее дрожь, когда вода стекала по телу девочки.

Может, это ответ на его лихорадочные молитвы? Может, сам Господь указывает ему поступить точно так же, как Аврааму?

Но в то же самое время это могло быть обыкновенным колдовством. Кто знает, какими способностями обладают только что прибывшие из Африки чернокожие? «Она заметила, что я наблюдаю за ней, и теперь искушает меня. Эти черные и в самом деле отродье самого дьявола, раз ввергли меня в такую пучину искушений».

Он с трудом оторвался от новой рабыни и отвернулся, пряча пылающий взгляд в строчках Писания. Только страницы каким-то образом перевернулись — разве он их переворачивал? — и Кэвил вдруг понял, что читает Песнь Песней Соломона:

«Два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями»[3].

— Боже, спаси и сохрани, — прошептал он. — Избавь от наваждения сего.

День за днем он повторял эту молитву, однако

---

[3] Примечания: 3
Библия, Книга Песни Песней Соломона, глава 4, 5

снова и снова ловил себя на сладострастных взглядах, которые бросал в сторону своих рабынь. Особенно его влекла новенькая девушка. Ну почему Господь не обращает на него внимания? Разве не был Кэвил праведным человеком? Разве не достойно обращался он со своей женой? Разве обманывал кого? Разве не платил десятину, не жертвовал церкви? Разве не обращался с рабами и лошадьми хорошо, по справедливости? Так почему ж Господь Бог не защитит его и не избавит от наведенного чернокожей женщиной морока?

С каждым днем исповеди его становились все откровеннее, все нечестивее. «О Господь, прости меня за то, что я представил себе, как эта девочка вошла ко мне в спальню вся в слезах, после того как несправедливый надсмотрщик отхлестал ее. Прости меня за то, что я представил себе, как уложил ее на кровать и поднял ей юбки, а погладив по спине, вдруг увидел, что рубцы на ее бедрах и ягодицах исчезли прямо на глазах, и она начала тихонько хихикать, сладострастно извиваться на простынях, оглядываясь на меня через плечо, улыбаясь, а потом она вдруг переворачивается, тянется ко мне и… О Господи милосердный, спаси и сохрани!»

Каждый раз, когда подобные фантазии одолева-

ли его, он дивился, не понимая, почему эти мысли лезут к нему в голову даже во время молитвы. «Может быть, я столь же праведен, как и Аврам; может быть, сам Господь вселяет в меня эти желания? Ведь, по сути дела, я впервые подумал об этом, когда читал Писание. Господь способен на чудеса — что если я войду в новую рабыню, она понесет от меня, а Господь сотворит чудо и ребенок родится белым? Для Бога нет ничего невозможного».

Мысль была прекрасной и ужасной одновременно. Если б только мечты Кэвила сбылись! Аврам слышал голос Господа, поэтому ему не приходилось сомневаться в желаниях Создателя. Тогда как с Кэвилом Плантером Господь пока что и словечком не перемолвился.

А почему бы нет? Почему бы Господу не выложить ему все начистоту? «Бери девчонку, она твоя!» Или же: «Не смей пальцем касаться ее, ибо запретна она!» «Позволь же мне услышать твой голос. Господь, дабы понял я, как дальше поступать!»

«К тебе, Господи, взываю: твердыня моя! не будь безмолвен для меня, чтобы при безмолвии

Твоем я не уподобился нисходящих в могилу»[4].

И в один прекрасный день года 1810-го на его молитву откликнулись.

Кэвил стоял на коленях в почти пустом амбаре — богатый урожай прошлого года давным-давно продан, а новый еще зеленеет на полях. Кэвил настолько истерзал себя молитвами, исповедями и темными видениями, что в конце концов не выдержал и вскричал во весь голос:

— Неужель никто не слышит моих молитв?

— Ну почему же, я тебя прекрасно слышу, — произнес чей-то язвительный голос.

Кэвил сначала перепугался до смерти, подумав, что кто-то посторонний — надсмотрщик или сосед — подслушал его ужасные признания. Но, оглянувшись, он увидел перед собой какого-то незнакомца. Хоть Кэвил никогда не встречался с этим человеком, он тем не менее сразу понял, чем вновь прибывший зарабатывает себе на жизнь. Он определил это по силе его рук, по загоревшему на солнце лицу, по его открытой рубахе — сюртука и в помине не было. Джентльменом незнакомец быть не мог. Однако он не относился и к отбросам общества, не был и торговцем.

---

[4] Примечания: 4
Библия, Псалтирь, псалом 27

Твердые, словно высеченные из камня черты лица, холодный взгляд, постоянно напряженные мускулы, напоминающие пружину в огромном медвежьем капкане, — сразу видно, что человек этот кнутом и палкой поддерживает дисциплину среди чернокожих работников, трудящихся на полях. Это надсмотрщик. Только выглядел незнакомец куда сильнее и опаснее, чем любой другой надсмотрщик из тех, что Кэвил повидал за свою жизнь. Кэвил по одному его внешнему виду догадался, что этот надсмотрщик выжмет весь пот из ленивых обезьян, которые только и думают, как бы увильнуть от работы. Он понял, что плантация, на которой работает этот надсмотрщик, всегда будет процветать. Но также он осознал, что никогда не осмелится нанять такого человека, ибо надсмотрщик, стоявший перед ним, был настолько силен, что Кэвил сам вскоре позабыл бы, кто из них двоих подчиненный, а кто — господин.

— Многие величали меня своим господином, — кивнул незнакомец. — Я знал, что ты сразу догадаешься, кто я есть на самом деле.

Откуда этому человеку известно, что подумал Кэвил? Как он угадал, что за мысль промелькнула в потаенных уголках ума Кэвила?

— Значит, ты действительно надсмотрщик?

— Точно так же, как и тот, которого зовут не господином, а Господом, я не просто надсмотрщик, а Надсмотрщик.

— Зачем же ты пришел сюда?

— Ты звал, вот я и явился.

— Как я мог звать, если вижу тебя первый раз в жизни?

— Обращаясь к невидимому, Кэвил Плантер, ты должен понимать, что вскоре увидишь то, что никогда не видел.

Вот когда Кэвил полностью осознал, какой образ ему явился в хранилище-амбаре. Тот, кого многие называли своим Господом, своим Властелином, откликнулся наконец на его молитвы.

— Господи Иисусе! — вскричал Кэвил.

Надсмотрщик аж отшатнулся, прикрыв глаза рукой, словно ограждаясь от слов Кэвила.

— Никогда, никогда не называй меня этим именем! Никто не должен так меня называть! — рявкнул он.

В ужасе Кэвил хлопнулся оземь:

— Прости меня, о Надсмотрщик! Но если я слишком презренен, чтобы произносить твое имя вслух, то как я могу смотреть тебе в глаза? Или настал мой смертный час и мне суждено

умереть непрощенным?

— Типун тебе на язык, презренный глупец, — прорычал Надсмотрщик. — Неужели ты и в самом деле веришь, что можешь встретиться со мною взором?

Кэвил поднял голову и посмотрел на высящегося над ним человека.

— Но я вижу, как ты смотришь на меня…

— Лицо, которое ты видишь, изобрел ты сам, оно взято из твоего ума, а тело это создано из твоих фантазий. Твой жалкий умишко разорвется на кусочки, если ты увидишь мой истинный образ. Так что твое здравомыслие, твой разум предпочел защититься, присвоив мне сей облик. Ты лицезреешь меня как Надсмотрщика потому, что в этом облике, по-твоему, я обладаю настоящим величием и могуществом. Это образ, который ты обожаешь и боишься, этот образ вызывает у тебя поклонение и раболепие. У меня много имен. Ангел Света и Шагающий Человек, Внезапный Гость и Сияющий Посетитель, Облеченный Тайной и Лев Войны, Разрушитель Железа и Водонос. Сегодня ты назвал меня Надсмотрщиком, значит, для тебя я буду Надсмотрщиком.

— Но смогу ли я когда-нибудь узнать твое истинное имя или увидеть твое настоящее лицо, о

Надсмотрщик?

Брови Надсмотрщика нахмурились, рот перекосила ужасная гримаса.

— Один-единственный человек на всем белом свете видел мой истинный облик, — взвыл он, — и человек — этот умрет страшной смертью!

Ужасные слова, словно гром, сотрясли стены амбара, а сам Кэвил Плантер аж подпрыгнул на месте и глубже впился пальцами в земляной пол, чтобы не быть унесенным, как пушинка, этим яростным смерчем.

— Прости мою наглость, о Надсмотрщик, не рази на месте! — взмолился Кэвил.

Ответ Надсмотрщика, будто утренний лучик, обогрел и обласкал Кэвила:

— Почему я должен поразить тебя на месте? Ведь ты тот избранный, кто должен познакомиться с моим самым заветным учением, писанием, не ведомым ни одному священнику, ни одному проповеднику.

— Ты избрал меня?

— Я давно учу тебя, и ты понимаешь мои слова. Мне известно, ты искренне желаешь следовать моим повелениям. Но тебе не хватает веры. Ты еще не совсем в моей власти.

Сердце Кэвила радостно подпрыгнуло. Может,

Надсмотрщик даст ему то, что он дал Авраму?

— Надсмотрщик, я недостоин.

— Конечно, недостоин. На всей земле не найдется достойного меня человека. И все же, исполняя мои приказы и повинуясь мне, ты сможешь обрести милость в моих глазах.

«О да! — вскричал в душе Кэвил. — Он отдаст мне эту женщину!»

— Я готов повиноваться тебе, Надсмотрщик.

— Неужели ты считаешь, я отдам тебе Агарь только потому, что тебя одолевает идиотская страсть, только потому, что ты жаждешь наследников? Нет, моя цель куда более высока. Эти чернокожие так же, как и ты, являются сыновьями и дочерьми Господа, но в Африке они жили под властью дьявола. Этот страшный разрушитель отравил их кровь — откуда ж еще чернота в их коже? И мне не спасти их, поскольку каждое новое поколение рождается все того же угольно-черного цвета, ибо дьявол не отпускает их из своих когтей. Как еще спасти этих людей, если ты не поможешь мне?

— Значит, если я возьму эту девушку, мой ребенок родится белокожим?

— Мне важно, чтобы этот ребенок не был чисто черного цвета. Ты понимаешь, чего я от тебя

добиваюсь? Мне нужен не один Измаил[5], но множество детей; ты должен взять не одну Агарь, но множество женщин.

— Что, всех? — едва дыша, промолвил Кэвил, не веря, что самая заветная мечта его сердца вскоре осуществится.

— Я дарю их тебе, Кэвил Плантер. Это поколение зла отныне принадлежит тебе. Приложи должное усердие, и ты подготовишь мне потомков, которые сами придут в мои руки.

— Я все исполню, Надсмотрщик!

— Ты никому не должен говорить, что видел меня. Я являюсь только тем людям, чьи желания уже обращены ко мне и к моим деяниям, только тем, которые возжаждали воды, что я несу.

— Я ни словом не обмолвлюсь. Надсмотрщик!

— Повинуйся мне, Кэвил Плантер, и я обещаю, в конце своей жизни ты снова встретишься со мной и тогда узнаешь, кто я есть на самом деле. Сейчас же я всего лишь скажу тебе: ты мой, Кэвил Плантер. Приди и будь моим преданным рабом во веки веков.

— С радостью! — воскликнул Кэвил. — С радостью! С радостью!

---

[5] Примечания: 5
от связи Аврама и Агари родился сын, которого нарекли Измаил

Он раскинул руки, чтобы обнять ноги Надсмотрщика. Но руки его сомкнулись в пустоте. Надсмотрщик исчез.

С той самой ночи рабыни Кэвила Плантера не знали покоя. Приводя женщин по ночам к себе в комнату, он старался обращаться с ними с той же силой и властностью, которую наблюдал в лице грозного Надсмотрщика. «Они должны смотреть на меня и видеть Его лицо», — думал Кэвил. Именно это они и видели.

Первой он взял некую девушку, которую недавно купил и которая даже по-английски еще не говорила. Она закричала от ужаса, когда, следуя своим мечтам, он одним движением сорвал с нее юбки. Затем, обливаясь слезами, она позволила ему исполнить то, что повелел Надсмотрщик. В первый раз на какую-то секунду ему показалось, что в голосе девушки прозвучали те же всхлипы, которые издавала Долорес, мечась по подушкам от страшной боли, и Кэвилом овладела та же глубокая жалость, что он питал к своей возлюбленной жене. Он даже протянул руку, чтобы нежно погладить несчастную девчушку, как гладил и успокаивал когда-то Долорес. Но, вспомнив лицо Надсмотрщика, он подумал: «Эта черная девчонка — Его враг; она — моя собственность.

Человек должен боронить и засеивать землю, данную ему Господом, я не позволю чреву этой черной рабыни забыть, что такое плодоносить».

«Агарь, — сказал он ей в первую ночь. — Ты просто не понимаешь, что за благословение снизошло на тебя».

Утром он погляделся в зеркало и увидел нечто новое в своем лице. Некую мощь. Ужасную, скрытую внутри силу. «Ага, — возрадовался Кэвил, — никто не видел моего истинного лица, даже я сам. Однако теперь я открыл, что мы с Надсмотрщиком едины, он — это я, а я — это он».

И больше он никогда не испытывал уколов совести, исполняя свой ночной труд. Держа в руке ясеневую трость, он заходил в барак рабынь и указывал на ту, которая должна последовать за ним. Стоило женщине задержаться, и трость мигом объясняла ей, чего стоит неповиновение приказам. Если же какой-либо раб или рабыня смели протестовать, на следующий день они расплачивались кровью — Кэвил крепко вбивал уроки Надсмотрщика. Никто из белых соседей-плантаторов ни о чем не догадывался, и ни один из чернокожих рабов не смел обвинить Кэвила.

Та девушка, Агарь, зачала первой. Он с нескрываемой гордостью следил, как растет ее живот.

Увидев, что она понесла, Кэвил понял: Надсмотрщик действительно избрал его для своих целей, и при виде той власти, которая была ему дана, Кэвила охватила неизбывная радость. Вскоре должен родиться ребенок, его ребенок. Следующий шаг был очевиден. Если его белая кровь призвана спасти как можно больше душ чернокожих, ему не следует держать детей-полукровок на своей плантации. Он будет продавать их на юг, по одному в каждые руки, в разные города, а Надсмотрщик приглядит за ними — они вырастут и распространят семя Кэвила среди всего несчастного чернокожего народа.

Каждое утро он навещал жену и завтракал вместе с ней.

— Кэвил, любовь моя, — сказала она как-то, — что-то случилось? У тебя на лице словно тень какая… гнева или, может, жестокости. Ты поссорился с кем-то? Я бы не заговорила, но ты… ты пугаешь меня.

Он нежно погладил жену по скрюченным пальцам, чувствуя, как чернокожая служанка наблюдает за ним из-под тяжелых век.

— Во мне нет гнева на людей, — мягко ответил Кэвил. — А то, что ты назвала жестокостью, это всего лишь властность. Ах, Долорес, как ты

можешь глядеть мне в глаза и называть меня жестоким?

От этих слов она залилась слезами.

— Прости, прости меня, — рыдала она. — Мне просто показалось. Ты самый добрый человек на всем свете — это, наверное, дьявол заморочил мне глаза. Ты сам знаешь, дьявол может насылать ложные видения, но только жестокосердные, плохие люди обманываются ими. Прости меня, муж мой, ибо недостойна я тебя!

Он простил ее, но она не успокоилась, пока он не послал за священником. Неудивительно, что Господь избирает себе в пророки только мужчин. Женщины слишком слабы, слишком сострадательны, чтобы должны образом исполнять дело Надсмотрщика.

Вот так все началось. Это был первый шаг на темной, ужасной тропе. Ни Элвин, ни Пегги не знали этой истории. Я услышал ее и рассказал им о случившемся много позже, но они сразу поняли, что это и было истинным началом происшедших после событий.

Однако мне не хотелось бы, чтобы вы посчитали, будто одно это породило зло, которое потом пало на наши головы. Ибо это не так. Были и другие поступки, и другие люди совершали ошибки,

лгали, нарочно причиняли боль и страдания. Короткую дорожку в ад найти нетрудно, вам помогут, но никто и ничто не может заставить человека ступить на нее — кроме него самого.

Глава 2
БЕГЛЯНКА

Пегги проснулась рано утром, сон об Элвине Миллере, приснившийся ей, переполнял ее сердце всевозможными желаниями, приятными и страшными. Ей хотелось бежать от этого юноши — и остаться, дождаться его; забыть, что когда-либо его знала, — и заботиться о нем всегда.

Она лежала на своей постели, глядя сквозь полуприкрытые веки, как в чердачную комнату, где она спала, прокрадываются первые лучики серого, рассветного солнца. «Я что-то держу в руках», — вдруг заметила она. Острые углы предмета, который она крепко прижимала к себе, так впились в ладони, что когда она разжала пальцы, то ощутила острую, резкую боль, будто от жала пчелы. Но то была не пчела. Это была шкатулка, где она хранила родовую сорочку Элвина. «Хотя, может быть, — подумала Пегги, — меня и вправду ужалили, ужалили глубоко, так что только сейчас я почувствовала боль от укуса».

Пегги хотела выбросить шкатулку, закопать в землю и забыть, где она схоронена, напихать

в нее камней, чтобы не всплыла, и швырнуть в реку.

"Да нет, на самом деле я ничего подобного не хочу, — сказала она про себя. — Мне стыдно, что я подумала такое, мне очень стыдно. Но он скоро будет здесь, после долгих лет он возвращается в Хатрак, и он уже не тот мальчик, которого я видела на уводящих в будущее тропках, но и не мужчина, в которого скоро превратится. Нет, все-таки он еще мальчик, ему всего одиннадцать. Он достаточно повидал жизнь, поэтому внутри отчасти стал мужчиной, он пережил столько скорби и боли, сколько не переживал человек впятеро старше его. Однако он все еще одиннадцатилетний мальчик, который вскоре войдет в этот город.

И я не хочу встречаться с Элвином. Он наверняка будет искать меня. Ему известно, кто я такая, хотя в последний раз он видел меня, когда ему исполнилось две недели от роду. Он знает, что в тот темный дождливый день, когда он родился, я видела его будущее, поэтому он обязательно придет и скажет: «Пегги, мне известно, что ты светлячок. В книге Сказителя ты написала, что я стану Мастером. Так скажи мне, каким я должен стать». Пегги знала, что именно он скажет, как он

это скажет — она видела это сотни, тысячи раз. Она научит его, и он станет великим человеком, настоящим Мастером и…

И в один прекрасный день, когда он превратится в красивого юношу, которому только исполнился двадцать один год, а я буду незамужней, острой на язычок девушкой двадцати шести лет, он воспылает ко мне такой *благодарностью*, он будет так мне *обязан*, что решит жениться на мне, с гордостью исполнив свой долг. Долгие годы я изнывала от любви к нему, меня терзали мечты о том, что он будет делать и как мы останемся наедине, так что я отвечу согласием и стану его женой, возложу ему на плечи тяжкое бремя, он еще много раз пожалеет, что женился на мне. Всю нашу совместную жизнь глаза его будут искать других женщин…"

Если б, ох, если б все было не так, если б она наперед не знала, как все будет. Но Пегги была настоящим светлячком, в искусстве видеть будущее ей не было равных. В ней таилось такое могущество, о котором сплетники Хатрака и не догадывались.

Она села на кровати, но выбрасывать шкатулку, прятать, ломать или закапывать в землю не стала. Она просто открыла ее крышку. Внутри ле-

жал последний кусочек родовой сорочки Элвина, сухой и белый, словно бумажный пепел в остывшем очаге. Одиннадцать лет назад, когда мама Пегги, опытная повитуха, вытянула маленького Элвина из колодезя жизни, а Элвин попытался вдохнуть влажный, промозглый воздух папиной гостиницы, что в Хатраке, Пегги убрала с лица малыша тонкую окровавленную сорочку, чтобы он не задохнулся. Элвин, седьмой сын седьмого сына, тринадцатый ребенок в семье, — Пегги сразу увидела, какими будут тропы его жизни. Смерть подкарауливала его повсюду, куда б он ни шел, куда б ни направлялся. Он еще и родиться не успел, а смерть твердо вознамерилась забрать его себе, выстраивая на пути Элвина сотни и сотни преград.

Тогда Пегги звали малышкой Пегги, ей было всего пять, но она уже два года исполняла обязанности светлячка, и за это время ни разу не видела новорожденного, которого бы со всех сторон окружала смерть. Пегги обыскала все тропинки и нашла всего одну, пройдя по которой мальчик выживет и станет взрослым мужчиной.

Он мог выжить только в том случае, если она сохранит его сорочку, если будет наблюдать за ним из далекого Хатрака. Каждый раз, увидев,

что смерть тянет к нему свои когти, Пегги должна была использовать эту самую сорочку. Нужно было всего лишь оторвать от нее кусочек, растереть между пальцами и прошептать, что должно случиться, представить, как все будет. И все случится так, как она скажет. Не она ли спасла его, когда он тонул? Не она ли уберегла от взбесившегося быка? Не она ли подхватила, когда он сорвался с крыши? Однажды ей даже пришлось сразиться с кровельной балкой, падающей с пятидесяти футов и угрожающей размазать Элвина по полу недостроенной церкви. Пегги, не моргнув глазом, расщепила ту балку, так что она грохнулась об пол по обе стороны от мальчика, даже волоска на нем не задев. А в сотнях других случаев она вмешивалась задолго до того, как должно было произойти несчастье, никто и не догадывался, что жизнь Элвина охраняют. Каждый раз она спасала его при помощи этой сорочки.

Как это у нее получалось? Она и сама не знала. Только понимала, что на самом деле прибегает к помощи той силы, которая таится внутри Элвина. Она пользовалась даром, который был заложен в нем от рождения. Подрастая, он постепенно учился овладевать своими способностями. Он творил, придавал форму, соединял, разделял. В

конце концов в прошлом году, когда разразилась война между краснокожими и бледнолицыми, он уже сам спасал себе жизнь, так что Пегги больше и не вмешивалась. Против чего она совсем не возражала. Поскольку от сорочки остался крохотный кусочек.

Она закрыла шкатулку. «Я не хочу встречаться с ним, — подумала Пегги. — Знать его не хочу».

Но пальцы ее снова откинули крышку, поскольку ей ничего не оставалось делать. Половину жизни, а то и больше, она отдала этому мальчику. Она касалась сорочки и искала огонек его сердца в далекой северо-западной Воббской стране, в городе Церкви Вигора. Она смотрела, как он живет, следовала по тропкам в его будущее, чтобы проверить, не подстерегает ли Элвина впереди какая-нибудь опасность. И уверившись, что он в безопасности, она заглядывала еще дальше и видела, как однажды он вернется в Хатрак, где когда-то родился, вернется, взглянет ей в глаза и скажет: «Значит, это ты спасала меня столько раз. Ты первой увидела, что я Мастер, поняв это намного раньше, чем кто-либо другой». Затем у нее на глазах он начнет постигать глубины своей великой силы, он поймет, что за работа ждет его впереди, увидит хрустальный город, который

должен построить; она видела, как зачнет от него детей, видела, как он коснется младенцев, которых она будет нянчить на руках; видела, кому придется умереть, а кто выживет; и в конце концов, она видела, как он…

Слезы потекли по ее лицу. «Знать ничего не хочу, — повторила она. — Я не желаю знать будущее. Остальные девушки мечтают о любви, о радостях брачной жизни, о детях, сильных и здоровых; но мои сновидения несут в себе смерть, боль и страх, потому что они правдивы. Я знаю больше, чем какой-либо другой человек. И сохранять в душе надежду очень нелегко».

Однако Пегги продолжала надеяться. Да-да, можете не сомневаться — она по-прежнему цеплялась за остатки отчаянной надежды, ибо, что бы ни ожидало ее в будущем, она видела некие яркие моменты, некие дни, часы, мимолетные секунды настоящей, искренней радости. И радость эта стоила того, чтобы к ней идти, стоила того, чтобы пережить предшествующие ей страдания.

Вся беда заключалась в том, что эти секунды были очень редки, они терялись в многочисленных тропках будущего Элвина, и Пегги никак не могла отыскать дорожку, которая вела бы к ним. Те тропки, что она могла проследить, самые

простые, самые вероятные в будущем развитии событий, вели к тому, что Элвин женится на ней не по любви, а из благодарности, будучи обязанным ей. И совместная жизнь их будет очень печальной, жалкой… Это напомнило Пегги библейскую историю Лии, которую ненавидел и презирал ее красавец муж Иаков, тогда как она любила своего супруга больше жизни, родила ему больше детей, чем все остальные жены, и без колебаний умерла бы ради него, если б он попросил.

"Как все-таки жесток Господь к женщинам, — подумала Пегги. — Нам приходится повсюду следовать за своими мужьями и детьми, ведя жизнь, полную жертв, отчаяния и скорби. Неужели грех Евы был столь ужасен, что Господь на весь женский род наложил невообразимо страшное проклятие? «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей, — изрек Всемогущий Всепрощающий Господь. — И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»[6].

Вот что жгло ее изнутри — страсть к будущему мужу. Хотя ему было одиннадцать лет от роду

---

[6] Примечания: 6
Библия, Бытие, глава 3, 16

и искал он не жену, а учителя. «Может, он всего лишь мальчик, — подумала Пегги, — но я уже женщина, я видела, каким мужчиной он станет, и я жажду его». Она прижала руку к груди; она показалась такой большой, мягкой, какой-то лишней на теле, которое всегда было угловатым и костлявым, словно неряшливо построенная хижина, но которое теперь смягчилось и пополнело, как телец, жиреющий, когда его обильно кормят.

Она вздрогнула, вспомнив вдруг, что происходит с разжиревшим тельцом, еще раз дотронулась до сорочки и стала Смотреть.

В далеком городке под названием Церковь Вигора юный Элвин в последний раз завтракал за материнским столом. Пожитки, которые он должен забрать с собой, направляясь в Хатрак, лежат на полу, у стола. По щекам матери бегут слезы, которых она даже не скрывает. Мальчик очень любит свою маму, но, уезжая из родного дома, не испытывает ни малейшего сожаления. Его дом теперь поглотила тьма, слишком много здесь невинной крови, чтобы он жаждал остаться. Он с нетерпением ждет момента отъезда, хочет начать свою жизнь в роли подмастерья кузнеца из Хатрака и найти ту девочку-светлячка, кото-

рая спасла при рождении его жизнь. Ему кусок в горло не лезет. Он опирается на стол, встает, целует маму…

Пегги отняла пальцы от сорочки и быстрым, стремительным движением захлопнула шкатулку, будто пытаясь поймать залетевшую внутрь муху.

«Он направляется сюда, чтобы найти меня. Чтобы начать жизнь, полную страданий и горечи. Плачь, Вера Миллер, лей слезы, но оплакивай не своего маленького мальчика Элвина, который уезжает на восток. Плачь по мне, по женщине, чью жизнь твой сын вскоре искалечит. Ты оплакиваешь судьбу еще одной одинокой, несчастной женщины».

Пегги передернулась, стряхивая с себя мрачное настроение серого рассвета, и быстро оделась, пригибая голову, чтобы не удариться о низкую крестовину чердачной крыши. За долгие годы она научилась выбрасывать из головы мысли об Элвине Миллере-младшем и полностью погружаться в обязанности дочери, помогающей родителям по хозяйству, и светлячка, оказывающего помощь соседям. Она могла часами не думать об этом мальчике, заставляя себя забыть о нем. Но сейчас это было сложнее, поскольку

сегодня утром Элвин отправится в путь, он идет сюда, к Пегги. Но все же она нашла в себе силы отбросить горькие мысли.

Пегги раздвинула занавески выходящего на юг окна, села на стул и облокотилась о подоконник. Она смотрела на лес, который начинался неподалеку от гостиницы, доходил до реки Хатрак, переваливал через нее и направлялся к Гайо. Лес был почти не тронут, вырублен лишь с самого края, где были построены несколько свиных загонов. Конечно, отсюда Гайо была не видна, слишком далеко текла эта река, не помогал даже абсолютно прозрачный прохладный весенний воздух. Но то, что Пегги не могла увидеть глазами, мог легко отыскать гнездящийся внутри нее светлячок. Чтобы посмотреть на Гайо, ей нужно было отыскать какой-нибудь далекий огонек, затем проникнуть в него и смотреть его глазами как своими. Погрузившись в огонь сердца другого человека, она могла не только увидеть то, что видел этот человек, но и понять, что он думает, что чувствует и чего желает. Более того, в самых ярких языках пламени, обычно затуманенных шумом мыслей и желаний, она могла разглядеть тропки будущего, ожидающего этого человека, решения, которые ему предстоит принять, жизнь,

которая его ждет, если он сделает тот или иной выбор в грядущие часы или дни.

Пегги многое видела в сердцах других людей, но почти не замечала, что творится внутри собственной души.

Иногда она представляла себя одиноким впередсмотрящим, мальчишкой, сидящим в корзине на вершине мачты. Не то чтобы она хоть раз в жизни видела настоящий корабль, — по Гайо ходили только баржи-плоскодонки, и всего один раз Пегги видела пароход, курсирующий по Каналу Ирраквы. Но она читала книги, которые иногда по ее просьбе привозил доктор Уитли Лекаринг из Дикэйна. Поэтому знала о том, что на мачте обычно находится впередсмотрящий. Отчаянно цепляясь за снасти и дерево мачты, чтобы не упасть, если судно внезапно качнет на волне или откуда ни возьмись налетит ветер, он целыми днями смотрит вперед, долгими часами несет вахту, вглядываясь в бесконечно пустой синий океан. Зимой его жалит мороз, летом жарит солнце, а он все смотрит и смотрит. На пиратском корабле впередсмотрящий караулит жертву. Китобой ищет китов. Но на большинстве судов он просто высматривает рифы, мели или землю на горизонте; судно в море поджидает

много опасностей — буканьеры или заклятые враги родного флага…

Но много дней подряд впередсмотрящий не видит ничего, кроме волн да пышных облаков.

«Вот и я сижу в корзине впередсмотрящего, — подумала Пегги. — Посланная на мачту шестнадцать лет назад, в день, когда родилась. С тех пор я оттуда не слезала, ни разу я не покинула свой пост, ни разочка не позволила себе отдохнуть, скорчившись на узкой койке нижней палубы. Ни разу в жизни я не позволила закрыть за собой люк или затворить дверь. Я постоянно, постоянно несу вахту, следя за тем, что происходит вокруг. А поскольку вижу я не так, как остальные, то свое внутреннее око даже во сне не могу закрыть».

Выхода не было. От этого не убежать. Сидя на чердаке, она без особых усилий разглядела, что…

Мама, известная остальным как старушка Пег Гестер, а самой себе как Маргарет, готовит на кухне завтрак остановившимся переночевать в гостинице путникам. Не то чтобы у нее был дар к жарке-парке-варке, готовила она через силу, то ли дело Герти Смит, у которой обычная соленая свинина могла быть приготовлена сотней способов и каждый день иметь особый вкус. Дар Пег Гестер был связан с женским естеством, она

была самой умелой повитухой в округе, а обереги для дома лучше нее не создавал никто. Однако хорошей гостинице нужен хороший стол, так что теперь, когда Деды не стало, пришлось браться за готовку ей. Поэтому сейчас она думает только о кухне и лучше ее не отвлекать, особенно дочке, которая болтается по дому без дела и большей частью вообще молчит. Такая девчонка испорченная стала, злая, жестокая, а когда-то была милой и доброй, но все в жизни когда-нибудь подходит к концу…

Как радостно узнать, что твоей родной маме ровным счетом наплевать на тебя. То, что Пегги видела, какая огромная любовь гнездится в сердце матери, ничего не меняло. Знание, что твоя мама способна любить от всего сердца, вряд ли послужит утешением, если знаешь, что именно тебя она не любит.

И папа, известный под именем Горация Гестера, владельца «Гостиницы Хатрак». Радушным, веселым человеком был папа — вот и сейчас, выйдя во двор, он тут же принялся рассказывать какую-то историю одному из постояльцев, который никак не мог уехать из гостиницы. У них с папой постоянно находилась новая тема для разговора, и этот постоялец, законник из Кливленда,

искренне считал, что Гораций Гестер — самый честный, самый искренний человек, которого он когда-либо встречал. Если б все люди были такими добросердечными, как Гораций, преступники в Гайо вообще перевелись бы и тогда отпала бы нужда в законниках. Все так считали. Все любили Горация Гестера.

Но его дочь, Пегги-светлячок, могла заглянуть в самый огонь его сердца, а потому понимала, что папа в действительности ощущает. Он видел, как ему улыбаются, и говорил про себя: «Знали б они, какой я на самом деле, то плюнули бы презрительно, отвернулись и забыли, что вообще встречались со мной и ведали, как» меня зовут".

Пегги сидела на своем чердачке, и перед ней россыпью рассыпались огоньки живущих в городе людей. Сердца родителей пылали ярче всего, потому что она знала их лучше всех; затем шли огоньки постояльцев, остановившихся в гостинице; а потом остальные жители города.

Вот Миротворец Смит, его жена Герти и трое их сопливых сынков, которые все свободное от сидения в туалете время посвящают придумыванию новых гадостей — Пегги видела, с каким удовольствием Миротворец исполняет свою работу, как презирает своих детей, как шарахается

от собственной жены, которая из прекрасной, желанной девушки превратилась в лохматую ведьму, которая сначала орет на детей, а потом той же самой грязью обливает Миротворца.

Вот Поли Умник, шериф, обожающий, когда его боятся; а вот Уитли Лекаринг, сердящийся на себя, потому что лекарства в половине случаев действуют, а в половине — нет и каждую неделю ему приходится сталкиваться со смертью, с которой он ничего поделать не может. Новички, старожилы, фермеры и ремесленники — она смотрела их глазами, читала их сердца. Она видела свадебное ложе, холодное и пустое, видела адюльтер, глубоко сокрытый в сердцах виновных. Видела воровство честных клерков, близких друзей, верных слуг и в то же самое время восхищалась открытыми, щедрыми сердцами тех, кого обычно презирали и не удостаивали внимания.

Она это видела, но ничего не говорила. Держала рот на замке. Никому и ничего она не рассказывала. Потому что ей не хотелось лгать. Давным-давно она поклялась, что никогда не солжет, и теперь, сохраняя молчание, держала свое слово.

У остальных таких проблем не было. Они могли спокойно говорить правду. Но у Пегги этого не

получилось бы. Она слишком хорошо знала этих людей. Ей было известно, чего они боятся и чего хотят, какие поступки они совершали в своей жизни, — они убили бы либо ее, либо себя, если б хоть на секунду заподозрили, что ей ведомо все. Даже те, которые в жизни не причинили никому зла, устыдились бы, узнав, что ей известны их тайные мечтания и скрытые пороки. Поэтому она не могла откровенно говорить с людьми, иначе бы чем-нибудь обязательно себя выдала — может, не словом, но поворотом головы, уходом в сторону от какой-нибудь щекотливой темы, и человек поймет, что она все знает, и испугается, очень испугается. Одного страха, неопределенной боязни достаточно, чтобы уничтожить слабого человека.

Она была впередсмотрящим, она одна находилась на вершине мачты. Цепляясь за снасти, она видела больше, чем хотела, и ни одной минутки не могла посвятить себе.

То должен был вот-вот родиться ребенок, и ей приходилось идти и Смотреть, то какие-то люди попадали в беду, и им также требовалась ее помощь. Даже сон не спасал ее. Она не знала, что такое крепкий сон. Какая-то частичка ее продолжала смотреть, видеть горящие огоньки, видеть,

как они неожиданно начинают мерцать.

Вот как сейчас, к примеру. Взглянув на лес, она увидела один такой огонек. Очень далекий огонек сердца.

Она приблизилась к нему — не шагнула навстречу, нет, ее тело по-прежнему оставалось на чердаке, — просто, будучи светлячком, она еще в детстве научилась присматриваться к далеким огонькам.

Это оказалась девушка. Даже не девушка, а скорее девочка, ведь она была младше Пегги. Очень необычная девочка, потому что Пегги сразу увидела, что раньше она говорила на другом языке, хотя сейчас говорила и думала только по-английски. Поэтому мысли ее были путаными и невнятными. Однако есть чувства куда более глубокие, нежели те следы, которые оставляют в уме слова; малышка Пегги мгновенно поняла, что за ребенка девочка держит в руках, почему она стоит на берегу реки, готовясь к смерти, какие ужасы ей пришлось пережить на плантации и на какие жертвы она пошла, чтобы убежать оттуда прошлой ночью.

Посмотрите на солнце, что зависло в трех пальцах над деревьями. Посмотрите во-он туда, где на берегу Гайо, укрывшись по пояс в кустарнике, сто-

ит чернокожая девочка-беглянка, прижимающая к себе малыша-полукровку, незаконнорожденного сына. Она видит, как плоты, управляемые бледнолицыми, спускаются вниз по реке, она испугана, она понимает, что собаки ее не отыщут, но вскоре по ее следу пустят ловчих беглых рабов. А как ей переправиться на другой берег, когда на руках малыш?

Она ловит себя на ужасной мысли: «Оставлю ребенка здесь, спрячу в дупло вот этого сгнившего бревна, переплыву через реку, украду лодку и вернусь. Вот что надо сделать».

Однако чернокожая девочка, которую никто и никогда не учил материнству, все же знает, что настоящая мама не бросит ребенка, которого надо прикладывать к груди столько раз на дню, сколько пальцев на обеих руках. Она шепчет про себя: «Хорошая мама не оставит малыша там, куда могут забраться лисица, хорек или бобер. Ведь они могут найти его, начнут откусывать от него по кусочку, и беспомощный малыш умрет. Нет, мэм, только не я, никогда я так не поступлю».

Поэтому она бессильно опускается на землю, по-прежнему прижимая к себе ребенка, и смотрит на реку, которая с таким же успехом может быть морем, поскольку девочке все равно не

перебраться на другой берег.

А может, кто-нибудь из бледнолицых поможет ей? Здесь, в Аппалачах, тех, кто помогает беглым рабам, вешают. Но эта чернокожая рабыня-беглянка слышала на плантации о белых, которые считают, что люди — это не собственность, ими нельзя владеть. Есть и такие, которые говорят, мол, чернокожие девочки обладают теми же правами, что и белые леди, а значит, она вправе отказывать всем, кроме собственного законного мужа. Такие люди скажут, что у этой девочки нельзя отнимать ребенка, нельзя допускать, чтобы белый хозяин продал его в праздник и отослал малыша воспитываться в какое-нибудь рабовладельческое поместье в Драйденшире, где мальчик будет целовать ноги каждому господину, который скажет ему: «У-тю-тю!»

— О, твой малыш *счастливчик*, — твердят девочке. — Он вырастет в особняке какого-нибудь важного лорда из Королевских Колоний. А там до сих пор правит король, может быть, твой сын когда-нибудь *увидит* его.

Она ничего не отвечает, только смеется про себя. У нее нет никакого желания встречаться с королем. Ее папа был африканским королем, и его убили, застрелили из винтовки. Португаль-

ские работорговцы показали ей, что такое быть королем — это означает, что умираешь ты, как и все, кровь твоя такого же красного цвета, как и кровь остальных людей, и точно так же ты кричишь от боли, боишься — о, как замечательно быть королем, как здорово встретиться с королем. Неужели белые люди верят этим вракам?

«Я им не верю. Я говорю, что верю, но на самом деле вру. Я не позволю им забрать моего сыночка. Он внук короля, и я буду говорить ему об этом каждый день, пока он будет расти. А когда он станет высоким, настоящим королем, никто не ударит его палкой, иначе тут же получит сдачи. Никто не заберет его женщину, чтобы разложить ее, как свинью на бойне, и засунуть в нее ребенка-полукровку. Он не будет сидеть в своей хижине и плакать. Нет, мэм, нет, сэр».

После этого она совершает запретную, злую, страшную, очень плохую вещь. Она крадет две свечи и нагревает их над огнем. Потом мнет, как тесто, добавляет молока из собственной груди, после того как ребенок пососал, плюет в воск, а затем принимается месить и валять мягкую массу в пепле, пока не получается куколка, похожая на чернокожую девочку-рабыню. На нее саму.

Она прячет чернокожую куколку и идет к Тол-

стому Лису, чтобы попросить перьев огромного старого черного дрозда, которого Лис поймал намедни.

— Чернокожей девочке не нужны перья, — говорит Толстый Лис.

— Я делаю куколку для моего мальчика, — твердит она.

Толстый Лис смеется, он знает, что она врет.

— Из перьев черных дроздов куколок не делают. Никогда не слышал о таких.

А черная девочка и говорит ему:

— Мой папа — король в Умбаване. Я знаю очень большую тайну.

Толстый Лис качает головой, он смеется и смеется.

— Что ты можешь знать? Ты даже по-английски толком говорить не умеешь. Я дам тебе столько перьев черного дрозда, сколько пожелаешь, но когда твой ребенок перестанет сосать, ты придешь ко мне, и я подарю тебе другого малыша, на этот раз черненького.

Она ненавидит Толстого Лиса не меньше, чем Белого Хозяина, но у него есть перья черного дрозда, поэтому она отвечает:

— Да, сэр.

Две полные пригоршни черных перьев уносит

она. И смеется про себя. Она будет далеко и давно мертва, Толстый Лис не засунет в нее своего ребенка.

Она покрывает чернокожую куколку перьями, и та превращается в маленькую девочку-пташку. Очень сильная кукла, в ней есть молоко, слюна, а покрыта она черными перьями. Очень сильная, всю жизнь из девочки высосет, но мальчику не придется целовать ноги Белого Хозяина, Белый Хозяин никогда не коснется его кнутом.

Темная ночь, луна еще не показывалась. Девочка выскальзывает из своей хижины. Малыш сосет, поэтому не издает ни звука. Она привязывает ребенка к груди, чтобы он не упал. Швыряет куколку в огонь. И тут начинает выходить сила перьев, они пылают, горят, обжигают. Она чувствует, как огонь вливается в нее. Она раскидывает в стороны свои крылья, о, как они велики, и начинает бить ими, как бил тот старый дрозд, которого она видела. Она поднимается в воздух, высоко в темное ночное небо, поднимается и летит далеко-далеко на север, а когда восходит луна, она держит ее справа, чтобы донести своего малыша до земли, где белые говорят, что чернокожая девочка — не рабыня, мальчик-полукровка — не раб.

Наступает утро, появляется солнце, и она не может больше лететь. Это как смерть, это как заживо умирать, думает она, шагая по земле. Тот дрозд со сломанным крылом, он, наверное, молился, чтобы Толстый Лис нашел его, только сейчас она это понимает. После того как ты познал чувство полета, ты не можешь идти, ты грустишь, тебе больно ходить, земля под ногами похожа на рабские оковы.

Но все утро она идет, неся на руках своего малыша, и наконец она выходит к широкой реке. "Вот как далеко я улетела, — говорит чернокожая девочка, рабыня-беглянка. — Я долетела до этой реки, могла перелететь и воду, но солнце взошло, и я опустилась на землю. Теперь мне никогда не перебраться на другой берег, ловчий найдет меня, забьет до полусмерти, отнимет моего ребенка, продаст его на юг.

Но нет. Я обману их. Умру первой.

Вернее, второй".

Другие сколько угодно могут спорить, то ли рабство смертный грех, то ли всего лишь причудливый обычай. Другие сколько угодно могут напускаться на противников рабства, говоря, что те вообще с ума сошли выступать за равноправие, хотя рабство — это очень, очень плохо. Другие

люди могут жалеть чернокожих, но где-то внутри они все равно радуются, что черные живут в основном в Африке, Королевских Колониях или Канаде — вот и пускай там живут, где-нибудь подальше от нас, чтоб духу их здесь не было. Но Пегги не могла позволить себе роскошь иметь собственное мнение по этому вопросу. Она знала лишь, что ни одно сердце не болело, не пылало так, как душа чернокожей девочки, которая столько раз склонялась под тонкой черной тенью хлыста надсмотрщика.

Пегги выглянула из чердачного окошка и крикнула:

— Пап!

Он показался из-за дома и вышел на дорогу, откуда было видно ее окно.

— Пегги, ты звала меня? — поднял голову он.

Она просто посмотрела на него, ни слова ни сказала, однако он сразу сообразил. Распрощавшись, он быстренько выставил за ворота адвоката — бедняга даже не понял, что такое на него обрушилось, а очнулся от потрясения, только когда проехал аж полгорода. Спустя несколько мгновений папа уже бежал по лестнице на чердак.

— Девочка с ребенком, — объяснила Пегги. — На том берегу Гайо, она очень испугана и убьет

себя, если ее схватят.

— Где именно она находится?

— Неподалеку от устья Хатрака, где-то там, насколько я могу судить. Пап, я с тобой.

— Ни в коем случае.

— Мне придется поехать, пап. Ты не сможешь найти ее, даже если возьмешь в помощь еще десятерых. Она очень боится белых людей, и у нее на то веские причины.

Папа нерешительно посмотрел на Пегги, не зная, что и делать. Он никогда не брал ее с собой, но обычно бежали с плантаций не девочки, а мужчины. Кроме того, раньше она обнаруживала беглецов на этом берегу Гайо, где они плутали в лесах, а это было куда безопаснее. Ведь если они переберутся на территорию Аппалачей и их уличат в пособничестве беглым рабам, то наверняка бросят в тюрьму. В лучшем случае в тюрьму, а то перекинут веревку через сук и вздернут без суда и следствия. Противников рабства не особо приветствовали к югу от Гайо, а еще меньше любили тех, кто помогал черным переправиться на север, к французам, в Канаду.

— Слишком опасно, — покачал головой он.

— Тем более. Ты обязан взять меня. Чтобы найти ее и проверить, не крутится ли кто поблизости.

— Мать убьет меня, если узнает, что я взял тебя с собой.

— Я убегу задними дворами.

— Скажи ей, что пойдешь к миссис Смит…

— Я ничего не буду ей говорить, папа. Или скажу правду.

— Тогда я останусь здесь и помолюсь милостивому Господу, чтобы он спас мне жизнь и она не заметила, что ты убежала. Встретимся в устье Хатрака на закате.

— Но разве нельзя…

— Нельзя. На закате, ни минутой раньше, — решительно перебил он. — Пока не стемнеет, через реку переплывать нельзя. Если девочку схватят или она погибнет до того, как мы доберемся до нее, что ж, значит, ей не повезло, потому что мы не можем переправляться через Гайо у всех на виду, и точка.

Шум в лесу, это очень-очень пугает чернокожую девочку-рабыню. Деревья цепляют ее сучьями, совы ухают, крича, где она сидит, река все время смеется над ней. Она не может уйти, потому что обязательно упадет в темноте и ушибет малыша. Она не может остаться, потому что ее наверняка обнаружат. От ловчих не улетишь, не скроешься, они глядят далеко и увидят ее, даже если она

будет на расстоянии множества рук от них.

Шаг, кто-то идет. О Господь Бог Иисус, убереги меня от дьявола в темноте.

Шаг, дыхание и раздвигаемые руками ветви. Но ламп нет! Кто бы это ни был, он видит меня в темноте! О Господь Бог Моисей Спаситель Авраам.

— Девочка.

Этот голос, я слышу голос, я не могу дышать. Ты слышишь его, мой малыш? Или мне снится? Это женский голос, мягкий голос леди. Дьявол ведь не может притвориться женщиной, это все знают, так ведь?

— Девочка, я пришла, чтобы перевезти тебя через реку, помочь тебе и твоему малышу бежать на север.

Я не нахожу слов, забыла как рабский язык, так и умбавский язык. Может, надев перья, я растеряла все слова?

— У нас хорошая, крепкая лодка и двое сильных гребцов. Я знаю, ты понимаешь меня и веришь мне. Я знаю, ты хочешь пойти со мной. Так что давай, держись за мою руку, вот, вот моя рука, ничего не говори, просто держись. Там будет двое белых мужчин, но они мои друзья и тебя не тронут. Кроме меня, до тебя никто пальцем не дотронется, поверь, девочка, просто поверь.

Ее рука, она касается моей кожи и несет прохладу, она мягкая, как голос этой леди. Этого ангела. Святой Девы, Матери нашего Господа.

Много шагов, тяжелых шагов, появились лампы, свет и большие старые белые мужчины, но леди продолжает держать меня за руку.

— Перепугана до смерти.

— Вы только посмотрите на нее. Да от нее ничего не осталось, кожа да кости.

— Сколько дней она ничего не ела?

Голоса громадных мужчин похожи на голос Белого Хозяина, который дал ей этого ребенка.

— Она сбежала с плантации прошлой ночью, — сказала леди.

Откуда леди это знает? Ей известно все, Еве, маме всех детишек. Не время говорить, не время молиться, надо быстрее идти, опереться на белую леди и идти, идти, идти к лодке, покачивающейся на воде и ждущей меня. Все, как я мечтала. О! Вот лодка, мой малыш, она перевезет нас через Иордан в Землю Обетованную.

Они наполовину переплыли реку, когда чернокожая девочка вдруг затряслась всем телом, расплакалась, начала что-то неразборчиво бормотать.

— Успокой ее, — сказал Гораций Гестер.

— Поблизости никого нет, — ответила Пегги. — Все равно никто не услышит.

— Что она там бормочет? — поинтересовался По Доггли.

Он был фермером, разводил свиней и жил неподалеку от устья Хатрака. На какое-то мгновение Пегги показалось, что он ее имеет в виду. Но нет, он спрашивал о чернокожей девочке.

— По-моему, она говорит на своем африканском языке, — пожала плечами Пегги. — Эта девочка очень необычное создание, подумать только, ей удалось-таки убежать…

— А ведь она еще и ребенка несла, — согласился По.

— Да, ребенок, — вспомнила Пегги. — Я возьму малыша.

— Это еще зачем? — удивился папа.

— Потому что вы вдвоем понесете ее, — объяснила Пегги. — По крайней мере от берега до повозки. Это дитя и шагу ступить не сможет.

Добравшись до берега, они так и поступили. Старая телега По была не самым удобным средством передвижения, а мягче старой лошадиной попоны ничего не нашлось, но девочка, очутившись на ней, ничуть не возражала, во всяком случае ничего против не сказала. Гораций поднял

лампу и присмотрелся к беглянке.

— А ведь точно, ты была абсолютно права, Пегги.

— Насчет чего? — спросила она.

— Назвав ее девочкой. Клянусь, ей и тринадцати нет. Вот это да. И малыш… Ты уверена, что это ее мальчик?

— Уверена, — кивнула Пегги.

По Доггли усмехнулся.

— Да ну, эти гвинейские свинюшки, они ж как кролики, только свободная минутка выдастся, они и ну наяривать. — Затем он вдруг вспомнил, что с ними Пегги. — Прошу прощения, мэм. Раньше у нас было чисто мужское общество.

— Это не у меня, а у нее вы должны просить прощения, — холодно промолвила Пегги. — Этот ребенок — полукровка. Она родила его от своего хозяина, который нисколько не позаботился спросить разрешения. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Чтоб я больше не слышал от тебя таких разговоров, — перебил ее Гораций Гестер. Он так и полыхал гневом, будьте нате. — Мало того, что ты увязалась за нами, так еще начинаешь выведывать всякие штучки об этой бедняжке. Негоже так просто трепаться о ее прошлом.

Пегги замолкла и молчала всю дорогу до дома. Вот что происходит, когда она начинает говорить правду. Вот почему большей частью она предпочитает вообще не открывать рот. Теперь папа думает о том, что его дочь за каких-то несколько минут выведала все прошлое чернокожей беглянки, но если это у нее так ловко получилось, сколько она могла узнать о его жизни?

"Хочешь знать, что мне известно, папа? Так вот, я знаю, почему ты спасаешь рабов. Ты не По Доггли, папа, который даже не задумывается о судьбе чернокожих, просто он терпеть не может, когда диких зверей сажают в клетку. Он помогает рабам бежать в Канаду, потому что внутри него сидит нужда освободить их. Но ты, папа, ты помогаешь им, чтобы расплатиться за свой тайный грех. За маленькую тайну, которая улыбнулась тебе когда-то, и сердце твое разорвалось на части. Ты ведь мог сказать «нет», но не сказал, ты сказал «да, о да». Это случилось, когда мама была на сносях, должна была меня родить. Ты тогда отправился в Дикэйн за покупками и задержался там на целую неделю. За шесть дней ты имел ту женщину раз, наверное, десять, и я помню каждый момент вашей любви так же ясно, как ты, я чувствую, как ты мечтаешь о ней по ночам.

В тебе горит стыд, но жарче палит желание, я знаю, что ощущает мужчина, желая женщину, — тело его чешется, он на месте усидеть не может. Долгие годы ты ненавидел себя за то, что натворил в Дикэйне, и продолжаешь ненавидеть до сих пор — за то, что воспоминание о тех днях по-прежнему отзывается в тебе радостью. И ты расплачиваешься за это. Ты рискуешь угодить в тюрьму или быть повешенным на дереве на радость воронью, но рискуешь ты не потому, что любишь чернокожих, а потому, что надеешься сделать что-то хорошее для детей нашего Господа — может быть, это освободит тебя от тайной, грешной любви.

И самое смешное, пап. Если бы ты знал, что мне известен твой секрет, ты б, наверное, умер, умер не сходя с места. Однако если б я могла сказать тебе, рассказать, что на самом деле мне ведомо, я бы кое-что добавила к рассказу о твоем прошлом. Я бы сказала: «Папа, неужели ты не видишь, что это твой дар?» Ты всегда думал, что у тебя нет никакого дара, но на самом деле он есть. Ты даришь людям любовь. У тебя в гостинице останавливаются постояльцы и чувствуют себя как дома. Ты увидел ее, ее терзал голод, ту женщину в Дикэйне, она нуждалась в любви, которую ты даришь

людям, она очень нуждалась в тебе. Это страшно тяжело, пап, тяжело не любить человека, который уже любит тебя, который обволакивает тебя, как облака — луну, хотя знает, что ты уедешь, что ты не сможешь остаться. Но с голодом ничего не поделаешь, папа. Я искала ту женщину, искала огонек ее сердца, всю округу я обыскала и наконец нашла. Я знаю, где она живет. Она уже не так молода, какой тебе запомнилась. Но она по-прежнему красива, в ней сохранилась красота, которой проникнуты твои воспоминания, папа. И она хорошая женщина, ты не причинил ей никакого зла. Она с любовью вспоминает о тебе. Она знает, что Господь простил вас обоих. Только ты никак не можешь простить, папа.

Как грустно, — думала Пегги, трясясь в телеге. — В глазах другой дочери отец выглядел бы настоящим героем. Великим человеком. Но я светлячок, и мне известна правда. Он рискует жизнью не ради спасения других людей, он не Гектор, сражающийся перед вратами Трои. Он ползет, словно избитый пес, потому что внутри он и есть пес, которому хорошенько досталось кнутом. Он спешит на помощь, чтобы спрятаться от греха, который Господь давным-давно простил бы ему, если б он сам принял это прощение".

Но вскоре Пегги перестала грустить об ошибках папы. Ведь почти все люди обманываются точно так же, как он. Большинство всю жизнь терзаются своими печалями, цепляясь за отчаяние, как за кувшин с остатками драгоценной воды во время страшной засухи. Пегги тоже сидит и безропотно ждет Элвина, хотя знает, что он ей радости не принесет.

Однако девочка, лежащая в повозке, совсем другая. Ей грозила страшная беда, она должна была лишиться своего малыша, но она не стала сидеть и ждать, когда случится несчастье, чтоб потом вдоволь поплакать. Она сказала «нет». «Нет и все, я не позволю продать моего ребенка куда-то там на юг, пусть он даже попадет в хорошие руки, в богатую семью. Раб богача — все тот же раб. А если его продадут на юг, это значит, он вообще убежать не сможет, потому что ему будет не добраться до севера». Пегги ощущала чувства, бурлящие внутри стонущей, мечущейся девочки.

Впрочем, было еще кое-что. Эта девочка была куда более мужественной, чем папа и По Доггли. Потому что убежать она могла только с помощью очень сильного колдовства, настолько сильного, что Пегги о нем слыхом не слыхивала. Она ведать

не ведала, что чернокожие обладают такими знаниями. Но это не враки и не сон. Девочка улетела. Сделала куколку из воска, натыкала в нее перьев и бросила в костер. Где куколка сгорела. Это помогло беглянке подняться в воздух и лететь, лететь, пока не взошло солнце. Она далеко улетела и все-таки добралась до Гайо, где увидела ее Пегги. Но какую цену пришлось заплатить девочке за этот полет…

Подъехав наконец к гостинице, они обнаружили на крыльце маму. Пег Гестер была страшно зла, Пегги ни разу не видела ее такой.

— Тебя выпороть как следует мало. Да как ты смеешь брать с собой в ночь, на преступление, свою шестнадцатилетнюю дочь!

Папа не ответил. Ему не пришлось ничего отвечать. Он молча занес чернокожую девочку в дом и положил на коврик рядом с очагом.

— Да она, похоже, много дней ничего не ела. Что там дней, недель! — воскликнула мама. — И ее лоб, только пощупайте, какой горячий, я чуть руку не обожгла. Так, Гораций, принеси сюда тазик воды и прикладывай к ее лбу холодную тряпку, а я пока сделаю похлебку, чтобы она хоть чуточку поела…

— Не надо, мам, — окликнула Пегги. — Лучше

найди молока для малыша.

— Ничего с малышом не будет, а вот девочка умирает, и не надо меня учить, я сама знаю, как лечить людей…

— Да нет, мам, — перебила Пегги. — Она колдовала с восковой куколкой. Это колдовство, известное только чернокожим, но она знала, что нужно сделать, и обладала должной силой, потому что была дочерью короля в Африке. Она понимала, какова будет цена, и сейчас ей приходится платить.

— Ты хочешь сказать, что девочка умрет? — спросила мама.

— Она сделала куколку, свое подобие, и кинула ее в костер. Это дало ей крылья, на которых она могла лететь целую ночь. Но плата за такой полет — все оставшиеся годы жизни.

Похоже, рассказ Пегги глубоко пронял папу.

— Пегги, это же безумие. Зачем ей было бежать из рабства, если она все равно погибнет? Почему сразу не утопиться или не повеситься? Зачем столько хлопот?

Пегги не пришлось отвечать. Малыш, которого она держала на руках, вдруг громко заплакал. Другого ответа и не нужно было.

— Я достану молоко, — сказал папа. — У Кри-

стиана Ларссона должно остаться немножко, вряд ли они все выпили.

Но мама поймала его за руку.

— Гораций, ты головой подумай, — упрекнула она. — На дворе середина ночи. Что ты скажешь, если тебя спросят, зачем тебе вдруг понадобилось молоко?

Гораций вздохнул и рассмеялся над собственной глупостью.

— Так и отвечу. Для малыша рабыни-беглянки. — Вдруг он побагровел, весь аж раскраснелся от гнева. — Ну и глупостей натворила эта девчонка! — буркнул он. — Знала ведь, что умрет, но все равно сбежала, а что нам теперь делать с чернокожим малышом? Мы ж не можем отнести его на север, положить на канадской границе и подождать, пока какой-нибудь француз не услышит крики и не выйдет забрать ребенка.

— Видно, ей показалось, что лучше умереть свободным, чем провести жизнь в рабстве, — сказала Пегги. — Она, наверное, знала, что бы ни ждало здесь ее малыша, эта судьба будет намного лучше, чем если бы он провел всю жизнь на плантации.

Девочка лежала рядом с очагом, дыхание ее было тихим, глаза закрыты.

— Она заснула? — спросила мама.

— Она еще жива, — ответила Пегги, — но уже не слышит нас.

— Тогда я прямо вам скажу, мы угодили в очень большие неприятности, — заявила мама. — Из местных никто пока не знает, что вы проводите через нашу гостиницу беглых рабов. Но стоит пойти слухам, а они разлетятся очень быстро, как вокруг нас лагерем встанет по меньшей мере дюжина ловчих. Нас не оставят в покое, начнутся засады всякие, стрельба…

— Об этом необязательно никому знать, — возразил папа.

— А что ты людям скажешь? Вот, шел по лесу и вдруг случайно наткнулся на ее труп?

Услышав это, Пегги страшно разозлилась. Ей захотелось крикнуть: «Она же еще не умерла, постыдились бы говорить такое!» Но им и в самом деле нужно было что-нибудь придумать — и побыстрее. Что если один из гостей вдруг проснется и решит спуститься вниз? Тогда секрет точно не утаишь.

— Когда она умрет? — повернулся к Пегги папа. — К утру?

— Она умрет до рассвета.

Папа кивнул:

— Тогда мне лучше пошевеливаться. О девочке

я позабочусь, а вы, женщины, придумайте, что будем делать с ребеночком. Надеюсь, вы найдете выход.

— Да, ты уверен? — подняла брови мама.

— Я точно не знаю, что делать. Может, у вас появится какой-нибудь план.

— А что, если я скажу всем, что это мой ребенок?

Папа ничуть не разозлился. Просто широко ухмыльнулся и сказал:

— Тебе никто не поверит. Даже если ты по три раза на дню будешь окунать мальчишку в сливки.

Он вышел на улицу и, взяв в помощь По Доггли, отправился копать могилу.

— Хотя выдать ребеночка за кого-нибудь из местных не такая плохая мысль, — задумалась мама. — Та семья чернокожих, что живет у болот… помнишь, два года назад один работорговец пытался доказать, что это они у него сбежали? Как там их зовут, Пегги?

Пегги была знакома с этой семьей намного лучше, чем кто-либо из Хатрака; она наблюдала за ними точно так же, как и за всеми остальными, поэтому знала всех их детей, знала все имена.

— Они утверждают, что их зовут Берри[7], — ответила она. — Почему-то они очень держатся за это имя, чем бы ни занимались, хотя они вовсе не благородных кровей, а обычные люди всегда берут себе имя по своей профессии.

— Почему бы не сказать, что это их малыш?

— Они очень бедные, мам, — пожала плечами Пегги. — Еще один рот им не прокормить.

— Мы могли бы им помочь, — воскликнула мама. — У нас хватает запасов.

— Ты сама подумай, мам, как это будет выглядеть. Внезапно в семье Берри появляется светленький мальчик; любой, поглядев на него, сразу скажет, что он полукровка. А затем Гораций Гестер ни с того ни с сего начинает вдруг одаривать их одеждой, едой…

Лицо мамы побагровело.

— Где это ты такого набралась? — требовательно рявкнула она.

— Господи, мама, я ж светлячок. Да ты и сама знаешь, что люди мгновенно начнут трепать языками, знаешь ведь?

Мама посмотрела на чернокожую девочку, лежащую у огня.

---

[7] Примечания: 7
Berry (англ.) — ягода; зерно

— Да, малышка, втравила ты нас в неприятности.

Мальчик начал дергать ручками и ножками.

Мама поднялась и подошла к окну, вглядываясь в ночное небо, как будто надеясь, что оно подскажет какой-нибудь выход. Вдруг она резко развернулась и направилась к двери.

— Мам, — окликнула Пегги.

— Не мытьем, так катаньем, — заявила мама.

Пегги сразу поняла, что придумала мама. Можно и не отдавать малыша Берри, можно оставить его в гостинице и сказать, что взяли его себе, чтобы помочь Берри, потому что они очень бедные. Если семейство Берри согласится поддержать эту историю, никто не обратит внимания на внезапно объявившегося в гостинице мальчика-полукровку. Никто не подумает, что ребенок со стороны, что это Гораций приблудил его — ведь даже жена его согласилась взять малыша к себе в дом.

— Ты точно понимаешь, о чем собираешься их просить? — спросила Пегги. — Ведь остальные решат, что, кроме законного мужа, кто-то еще боронит телку мистера Берри.

На лице мамы застыло столь изумленное выражение, что Пегги чуть не рассмеялась.

— Не думаю, чтобы чернокожих очень заботило, кто что подумает, — наконец дернула плечами Пег Гестер.

Пегги покачала головой:

— Мам, Берри чуть ли не самые истовые христиане в Хатраке. Они должны быть такими, чтобы простить белым людям то, как они обращаются с чернокожими и их детьми.

Мама отошла от двери и оперлась о стену.

— И как же люди обращаются с детьми чернокожих?

Вот в этом-то и заключалась вся суть, а мама только сейчас об этом подумала. Одно дело — посмотреть, как сучит ножками и ручками чернокожий малыш, и сказать: «Я позабочусь о мальчике, я спасу ему жизнь». И совсем другое — представить, что будет, когда ему исполниться пять, семь, десять, семнадцать годков, когда у тебя в доме будет жить молодой чернокожий юноша.

— О соседях, впрочем, беспокоиться не стоит, — продолжала малышка Пегги, — лучше подумай, как *ты* намереваешься обращаться с этим мальчиком. Хочешь ли ты вырастить его своим слугой, как низкорожденного ребенка, поселившегося в твоем большом прекрасном доме? Если так, то его мать погибла ни за что, с тем же успехом

малыша можно было продать на юг.

— Я никогда не нуждалась в рабах, — ответила мама. — Только посмей утверждать обратное.

— Но что тогда? Будешь ли ты воспитывать его как собственного сына, выходить вместе с ним встречать гостей, как поступала бы, будь это твой родной сын?

Мама погрузилась в размышления, и Пегги, наблюдая за ней, увидела, как в сердце ее вдруг открылось множество новых путей-дорожек. Сын — вот кем станет ей этот малыш. А если кто-либо из соседей начнет косо посматривать на него, мол, он не совсем белый, им придется иметь дело с Маргарет Гестер, и то будет для них ужасный денек; пройдя через головомойку, которую она им устроит, они никакого ада не убоятся.

Мама твердо вознамерилась отстоять малыша — Пегги много лет подряд заглядывала к ней в сердце, но ни разу не сталкивалась со столь нерушимым намерением. В такие секунды будущее человека меняется прямо на глазах. Старые тропки сердца были приблизительно одинаковыми; маме не так часто приходилось выбирать, чтобы ее жизнь резко изменилась. Но умирающая девочка-беглянка перевернула ей всю душу. Открылись сотни новых тропинок, и на каждой из

них присутствовал чернокожий малыш, он нуждался в Пег Гестер — даже родная дочь никогда так не нуждалась в ней. Его будут обижать чужие люди, над ним будут издеваться мальчишки всего города, и каждый раз за защитой он будет прибегать к ней. Она будет учить его, закалять, защищать — такого Пег Гестер никогда не делала.

"Значит, мама, вот почему ты разочаровалась во мне! Потому что я даже маленькой девочкой слишком много знала. Ты хотела, чтобы в сложные минуты я приходила к тебе, приходила и спрашивала. Но у меня не возникало вопросов, мама, потому что я знала все еще в раннем детстве. Познакомившись с хранящимися в тебе воспоминаниями, я поняла, что значит быть женщиной. Я с сызмальства знала, что такое выйти замуж по любви, и тебе не пришлось ничего мне объяснять. Ни одной ночи я не провела в слезах, уткнувшись тебе в плечо, потому что какой-то там парень, которого я безумно люблю, не посмотрел на меня; я никогда и никого безумно не любила. Я вела себя совсем не так, как, по-твоему, ведут себя маленькие девочки, потому что у меня был дар светлячка, я знала все, и мне ничего не нужно было из того, что ты намеревалась мне дать.

Но этот мальчик-полукровка, он будет нуждаться в тебе, каким бы его дар ни был. Я вижу тропки будущего, вижу, что если ты оставишь его у себя, если ты воспитаешь его, то он будет твоим настоящим сыном, в отличие от меня, которая не была тебе настоящей дочерью, хоть в жилах моих течет твоя кровь".

— Дочка, — сказала мама, — если я сейчас выйду через эту дверь, все ли будет хорошо у малыша? И у нас?

— Мам, ты просишь меня Посмотреть?

— Да, малышка Пегги. Прежде я не просила тебя об этом, но сейчас прошу — для себя.

— Я все скажу тебе. — Пегги даже не пришлось вглядываться в тропки маминой жизни. Она сразу увидела, сколько радости найдет мама в этом малыше. — Если ты примешь его и будешь относиться к нему как к родному сыну, то никогда об этом не пожалеешь.

— А папа? Он тоже будет хорошо с ним обращаться?

— Неужели ты собственного мужа не знаешь? — удивилась Пегги.

Мама шагнула к ней, кулаки ее были крепко сжаты, хотя она еще ни разу в жизни не ударила Пегги.

— Ты мне не умничай, — одернула она.

— Когда я Смотрю, я говорю так, как говорю, — ответила Пегги. — Ты пришла ко мне как к светлячку, вот я и говорю с тобой как светлячок.

— Тогда скажи то, что должна сказать.

— Все очень просто. Если ты не знаешь, как твой муж будет обращаться с мальчиком, значит, ты вообще не знаешь этого человека.

— Может, и не знаю, — нахмурилась мама. — Может, я совсем его не знаю. А может, знаю и хочу, чтобы ты сказала, права я или нет.

— Ты права, — промолвила Пегги. — Он будет хорошо обращаться с ним, и мальчик ощутит себя любимым.

— Но будет ли он на самом деле любить его?

На этот вопрос Пегги отвечать не собиралась. Любовь не вписывалась в образ папы. Он будет заботиться о мальчике, потому что так нужно, потому что это его долг, но малыш не поймет разницы, он примет это чувство за любовь, только такое отношение куда более надежно, чем любовь. Но чтобы объяснить это маме, пришлось бы ей все рассказать. Пришлось бы объяснить, что папа поступает так потому, что ему не дают покоя старые грехи, а мама еще не готова — и никогда не будет готова — выслушать *эту* историю.

Поэтому Пегги подняла голову и ответила так, как обычно отвечала, когда люди принимались расспрашивать ее о том, чего на самом деле не желали слышать.

— На этот вопрос должен ответить он сам, — сказала Пегги. — Ты же должна знать лишь одно — тот выбор, что ты сделала в своем сердце, достойный. Одно это решение полностью изменило твою жизнь.

— Но я еще ничего не решила, — запротестовала мама.

Однако она все равно пойдет к Берри, попросит сказать, что это их сын, и оставит мальчика себе на воспитание. В мамином сердце не осталось ни единой тропинки, которая вела бы к иному будущему.

— Ты все уже решила, — возразила Пегги. — И ты радуешься своему выбору.

Мама повернулась и ушла, тихонько прикрыв за собой дверь, чтобы не разбудить проезжего проповедника, который спал в комнате прямо над крыльцом.

На секунду Пегги завладело некое смутное беспокойство, но что было ему причиной, она так и не разобралась. Если б она немножко подумала, то наверняка бы осознала, что причиной этого

неясного волнения стала ложь — сама того не желая, Пегги обманула свою мать. Когда Пегги Смотрела для кого-то другого, она тщательно проверяла все тропки, даже те, которые человек никогда не выберет. Но сейчас Пегги была настолько уверена в себе, она прекрасно знала маму и папу, поэтому не позаботилась взглянуть, что ждет их впереди, проверив только ближайшие несколько лет. Так всегда происходит в семье. Вроде бы отлично знаешь друг друга, вот почему мы и не пытаемся узнать своих родных поближе. Пройдут годы, и Пегги вспомнит этот день, гадая, каким образом она умудрилась проглядеть надвигающуюся беду. Сначала она решит, что ее подвел дар видения. Но на самом деле это не так. Это она подвела свой дар. Она не первая ошиблась и не последняя, ошибка эта была не из самых ужасных, но вряд ли кто-нибудь когда-нибудь жалел о своем промахе больше, чем Пегги.

Секундное беспокойство прошло, и Пегги тут же забыла, что ее что-то терзало. Ее мысли обратились к чернокожей девочке, лежащей в гостиной. Беглянка проснулась, глаза ее были открыты. Малыш по-прежнему капризничал. Девочке не пришлось ничего говорить, Пегги и так поняла, что она хочет покормить ребенка,

если, конечно, в ее груди осталось молоко. У девочки даже не было сил, чтобы расстегнуть ворот выгоревшей на солнце сшитой из хлопка рубахи. Пегги опустилась рядом с ней; одной рукой она прижимала к себе ребенка, а другой пыталась расстегнуть пуговицы. Тельце девочки казалось страшно изможденным, и ее ребра прямо-таки выпирали из-под кожи, а груди напоминали две котомки, брошенные на дощатый забор. Но сосок был крепким, и ребенок сразу ухватился за него. Вскоре по губкам малыша потекло белое молоко, значит, в грудях еще что-то осталось, хотя жизнь матери вот-вот должна была оборваться.

Девочка слишком ослабела, чтобы говорить, но Пегги понимала все без слов, она слышала, что хочет сказать беглянка, и ответила ей.

— Моя мама возьмет твоего мальчика к себе, — успокоила ее Пегги. — И она никому не позволит сделать из него раба.

Больше всего на свете девочка хотела услышать эти слова — эти слова и причмокивание, тихое мычание, фырканье малыша, с жадностью приникшего к ее груди.

Но Пегги нужно было пообещать ей еще кое-что, прежде чем девочка умрет.

— Мы расскажем малышу о тебе, — продолжала

она. — Он узнает, что ты пожертвовала жизнью ради того, чтобы улететь и подарить ему свободу. Он никогда не забудет тебя, никогда.

Затем Пегги заглянула в огонек сердца мальчика, чтобы посмотреть, что ждет его в будущем. Все тропки были проникнуты болью, ибо какую из дорог ни выбери, жизнь полукровки в городе белого человека нелегка. Однако Пегги разглядела настоящую душу малыша, чьи пальчики сейчас цепляли и царапали мамину голую грудь.

— Ради него стоило умереть, это я тебе говорю честно.

Девочка восприняла эти слова с радостью. В сердце ее воцарился покой, и она снова заснула. Вслед за мамой засопел наевшийся малыш. Пегги подняла его, завернула в одеяло и положила на согнутую руку матери. «Пусть последние секунды своей жизни мама проведет с тобой, — молча сказала она мальчику. — Потом мы расскажем тебе, что она умерла, сжимая тебя в своих объятиях».

Умерла… Папа вместе с По Доггли копал ей могилу; мама ушла к Берри, чтобы убедить их помочь спасти жизнь и свободу ребенку; да и сама Пегги думала о девочке как о мертвой…

Но она еще жила, искорка жизни по-прежнему теплилась в ней. Жаркая ярость вспыхнула в Пег-

ги, потому что она внезапно вспомнила — какой же она была дурой, раньше об этом не подумав! — что один человек из тех, кого она знает, обладает даром исцелять больных. Разве не он склонился над Такумсе после битвы за Детройт, когда тело великого краснокожего было усеяно дырами от пуль? Разве не Элвин исцелил Такумсе? Элвин мог бы спасти эту девочку, будь он здесь.

Она устремила глаза в темноту, отыскивая ярко горящий огонек, огонек, который узнавала с первого взгляда, ибо даже собственное сердце она не знала настолько хорошо. Да, вот он, бежит в ночной тьме, бежит путями краснокожего человека, как будто во сне, и земля, обволакивающая его, — это его душа. Он передвигался быстрее, чем любой бледнолицый, он обогнал бы самую быструю лошадь, скачущую по лучшим дорогам меж Воббской рекой и Хатраком, но сюда он прибудет не раньше завтрашнего полудня, а к тому времени девочка-беглянка умрет и будет похоронена на семейном кладбище. На каких-то двенадцать часов она разминется с единственным человеком в стране, который мог бы спасти ей жизнь.

Так всегда происходит. Элвин мог бы спасти ее, но он и не подозревал, что она нуждается в нем. Тогда как Пегги, которая ничегошеньки не

могла сделать, знала, что происходит, знала все, что может произойти, знала то, что *обязано было* произойти, если бы мир был добр. Но в мире нет добра. И ее желаниям не суждено исполниться.

Как ужасно быть светлячком, видеть, что несет будущее, и терзаться собственным бессилием, поскольку ничего изменить не можешь. Слова — вот та единственная сила, которой она обладает: она может рассказать остальным, что произойдет, но не всегда способна повлиять на их выбор. Всегда существует возможность, что, сделав определенный шаг, человек ступит на куда более страшную тропу, чем та, от которой Пегги пытается его уберечь. Столько раз по причинам своей жестокости, сварливости или просто невезения люди совершали ужасный выбор, и все шло намного хуже, чем если бы Пегги промолчала и ничего не сказала. «О, если б я не знала этого. Как я хочу иметь надежду, что Элвин прибудет вовремя. Если б у меня была хоть какая-то надежда, что девочка выживет. Если б я сама могла спасти ей жизнь…»

Но тут Пегги вспомнила о тех случаях, когда она и в самом деле спасала человеческую жизнь. Жизнь Элвина, к примеру, — с помощью его сорочки. В эту секунду надежда все-таки вспыхнула

в ее сердце, ведь можно воспользоваться остатками сорочки Элвина и спасти девочку, вернуть ей силы.

Пегги вскочила и, прихрамывая, побежала к лестнице; ее ноги настолько затекли от сидения на полу, что она даже не чувствовала, как пятки касаются деревянных досок. Она споткнулась и, испугавшись, что шум разбудит кого-нибудь из постояльцев, оглянулась по сторонам — нет, никто не проснулся. Поднявшись на второй этаж, Пегги побежала по крепким ступенькам лестницы, ведущей на чердак, — месяца за три до смерти деда справил на чердак хорошие, надежные ступеньки. Она продралась сквозь завалы сундуков и старой мебели и наконец очутилась в своей комнатке, расположенной в восточной части дома. Через выходящее на юг окно на пол падал лунный свет, рассыпаясь четким квадратным узором. Пегги подняла одну из половиц и достала шкатулку — в это потайное место Пегги прятала ее каждый раз, когда покидала спаленку.

Либо она слишком громко стучала ногами, либо сон этого постояльца был очень чуток, но, спустившись с чердака, Пегги чуть не сбила с ног проснувшегося гостя. Он стоял у порога своей комнаты, из-под длинной ночной рубашки торча-

ли тощие белые ноги, глаза его смотрели то вниз, на первый этаж, то на дверь, как будто он никак не мог решить, то ли спуститься вниз, проверить, то ли вернуться в постель. Пегги заглянула в его сердце — только для того, чтобы выяснить, не видел ли он чернокожую девочку и ее малыша. Если б он ее видел, его мысли и чувства пришли бы в смятение.

Но нет, он не видел, еще не поздно все исправить.

— Почему ты одета? Ты куда-то собралась? — удивленно спросил он. — В столь поздний час?

Она мягко приложила палец к его губам. Чтобы заставить его замолчать — по крайней мере никаких других намерений у нее не было. Но вдруг она поняла, что после его матери, которая умерла много лет назад, ни одна женщина больше не касалась лица этого человека. В это мгновение Пегги увидела, что сердце мужчины наполнилось не страстью, не похотью, но смутными желаниями одинокого человека. Этот проезжий священник — родом из Шотландии, как он утверждал, — остановился в гостинице позавчера. Пегги тогда не обратила на него внимания, поскольку ее мысли были заняты Элвином, который вот-вот должен был прибыть в Хатрак. Но сейчас важнее

всего заставить священника вернуться в комнату, и как можно быстрее. А сделать это можно одним-единственным способом. Она положила ему руки на плечо, обхватила его шею и, нагнув голову, поцеловала священника прямо в губы. Крепко, настойчиво, так, как ни одна женщина не целовала его.

Ожидания полностью оправдались — стоило ее рукам разжаться, как он мигом скрылся в своей комнате. Она бы посмеялась над ним, но, заглянув в его сердце, Пегги поняла, что на самом деле вовсе не поцелуй заставил священника поспешно ретироваться. Его испугала шкатулка, которую она сжимала в руке и которая во время поцелуя коснулась его шеи. Шкатулка, в которой лежала сорочка Элвина.

Как только ее крышка дотронулась до его шеи, он сразу почувствовал, что находится внутри коробочки. Не то чтобы он обладал каким-то там даром, нет, здесь крылось нечто совсем иное: каким-то образом он ощутил, что рядом с ним находится частичка Элвина. Пегги увидела, как в уме у него возникло лицо Элвина, и священник воспылал такой ненавистью, которой Пегги никогда не наблюдала ни в одном человеке. Вот тут-то она и поняла, что человек этот не про-

сто священник. Это преподобный Филадельфия Троуэр, который некогда служил проповедником в Церкви Вигора. Преподобный Троуэр, который однажды пытался убить Элвина и убил бы, если б ему не помешали.

Элвин-младший куда больше пугал Троуэра, чем женский поцелуй. Теперь беда заключалась в том, что перепуганный насмерть священник начал подумывать, а не уехать ли прямо сейчас, не сбежать ли поскорей из этой гостиницы. Но, решив уехать, он спустится вниз и увидит то, что ему никак нельзя видеть. Это случалось очень часто — Пегги пыталась помешать произойти чему-то плохому, но выходило еще хуже, и она потом не раз жалела о своем вмешательстве. Как же она не узнала Троуэра? Ведь она столько раз видела его глазами Элвина… Правда, за последний год священник очень изменился — похудел, осунулся, постарел. Кроме того, она никак не ожидала увидеть его здесь. Но что сделано, то сделано, и ничего не изменишь. Стало быть, надо каким-то образом удержать его в комнате.

Открыв дверь, она шагнула за порог и, пристально поглядев священнику в глаза, сказала:

— Он здесь родился.

— Кто? — спросил священник.

Лицо его побелело, словно он узрел самого дьявола. Он сразу понял, кого она имеет в виду.

— И он возвращается. Сейчас он идет сюда. Тебе ничего не угрожает, но этой ночью ты должен оставаться в своей комнате, а с первым лучом солнца уезжай отсюда.

— Я не… я не знаю, о ком вы говорите.

Неужели он думает, что сможет обмануть светлячка? Хотя, возможно, он не знает, кто она такая… Нет, знает, знает, просто он не верит ни в светлячков, ни в обереги, ни в скрытые дары, ни во что подобное. Он человек науки и высшей религии. Дурак набитый. Придется ему доказать, что его страхи оправданы. Она хорошо знала Троуэра и все его тайны видела насквозь.

— Некогда ножом для рубки мяса ты пытался убить Элвина-младшего, — произнесла она.

Этого ему вполне хватило. Он грохнулся на колени.

— Я не боюсь смерти, — простонал он. И принялся бормотать молитву Господу.

— Молись хоть всю ночь, — продолжала она, — но из комнаты не высовывайся.

Затем она вышла и притворила за собой дверь. Уже спускаясь по лестнице, она услышала звук торопливо задвигаемого засова. У Пегги даже не

было времени, чтобы посмотреть, не причинила ли она ему незаслуженных страданий — ведь в сердце своем он не был убийцей. Пегги сейчас больше заботила девочка-беглянка, которой нужно было помочь. Сможет ли сорочка передать ей силы Элвина? Слишком много времени отнял у нее этот священник. Слишком много драгоценных вздохов умирающей девочки.

Похоже, она еще дышит? Да, дышит… Или нет? Малыш мирно сопел рядом с ней, но грудь девочки не двигалась, грудка младенца и то выше поднималась, тогда как губы матери застыли. Однако огонь ее сердца еще пылал! Пегги это сразу увидела, он ведь так ярко горел, очень сильное сердце было у этой девочки. Поэтому Пегги торопливо откинула крышку шкатулки, вытащила кусочек сорочки и торопливо растерла сухой уголок между пальцами, шепча:

— Живи, набирайся сил.

Она пыталась сделать то же, что и Элвин. Исцеляя человека, он находил маленькие разрывы, ранки в теле и заживлял их. Сколько раз она наблюдала за тем, как он это делает! Но у нее ничего не получалось. Это было чуждо ей, у нее не было видения, которым обладал Элвин, однако она все-таки почувствовала, как из тела девочки

утекает жизнь, как останавливается сердце, как в последнем вздохе опускаются легкие, как свет уходит из широко открытых глаз. В конце концов сердце ее яростно вспыхнуло, словно падающая звезда, огонек его внезапно разгорелся и тут же погас…

«Опоздала. Если б я не остановилась в коридоре, если б мне не пришлось разбираться с этим священником…»

Но нет, она не могла винить себя, она все равно не сумела бы спасти девочке жизнь. Слишком поздно… Тело девочки умирало. Будь здесь сам Элвин, даже он ничего не смог бы поделать. Это был всего лишь лучик робкой надежды. Надежда была столь ничтожна, что Пегги не смогла найти ни единой тропки, на которой ее желаниям суждено было сбыться. Поэтому она не стала предаваться безудержному горю, уподобляясь остальным людям, не стала бесконечно винить себя и терзать, ведь она сделала все, что возможно, надеясь на то, что никогда не могло произойти.

Когда девочка умерла, Пегги пришлось забрать у нее ребенка. Нельзя, чтобы малыш почувствовал, как рука его мамы становится все холоднее и холоднее. Пегги взяла его к себе на руки. Он заворочался, но продолжал спать безмятежным

детским сном. «Твоя мама умерла, малыш-полукровка, но у тебя будут моя мама и мой папа. Их любви хватит с избытком; тебе не придется выжимать ее по капельке, как это происходит с некоторыми детьми. Тебе, малыш, эта любовь поможет. Твоя мама отдала жизнь, чтобы принести тебя сюда, — ты всегда будешь помнить об этом и вырастешь настоящим человеком».

«Вырастешь настоящим человеком, — услышала она собственный шепот. — Будешь очень необычным человеком, как и я».

Она приняла решение, даже не успев понять, что именно решила. Она чувствовала, как ее будущее внезапно изменилось, хотя еще не видела, что в нем поменялось.

Девочка-рабыня предчувствовала, что ее ждет, — вовсе не обязательно быть светлячком, чтобы догадаться, что тебя ожидает в будущем. Ее ждала ужасная жизнь, она должна была лишиться ребенка, ей предстояло быть рабыней до конца своих дней. Однако она увидела тусклый лучик надежды, поняла, что еще может спасти малыша, и после этого не колебалась ни секунды, ибо даже призрачная надежда стоит того, чтобы ради нее пожертвовать жизнью.

"А теперь взгляните на меня, — подумала

Пегги. — Я вижу все тропки жизни Элвина и понимаю, что впереди меня ждет только отчаяние, — конечно, мои муки ни в какое сравнение не идут с тем, что ожидало девочку-рабыню, но от этого не легче. Однако передо мной все время мелькает ярким всполохом мое будущее счастье, я все же могу завоевать Элвина и добиться его любви, хоть путь этот весьма необычен. Неужели, увидев такое будущее, я уткнусь лицом в ладони и буду смотреть, как надежда умирает? Неужели я сдамся только потому, что не знаю, как добраться до своего счастья?

Это забитое дитя смогло сотворить свою надежду из воска, пепла, перьев, своего молока и слюны, значит, я тоже могу управлять своей жизнью. Где-то ведь скрывается та ниточка, которая приведет меня к счастью. Но даже если я и не найду эту ниточку, то хоть попытаюсь — это все же лучше, чем отчаяние, которое будет караулить меня за каждым углом, ежели я останусь. Даже если мне не придется стать частичкой Элвина, когда он повзрослеет, что ж, это не столь суровая цена, которую пришлось заплатить чернокожей девочке за свободу своего ребенка.

Так что к тому времени, как Элвин войдет в Хатрак, меня здесь не будет".

Вот каким было ее решение. Почему она не додумалась до этого раньше? Из всех людей, живущих в Хатраке, уж ей-то следовало знать, что всегда, всегда есть какой-то выход. Люди говорят, что отчаяние и беды сами приходят в жизнь, что у обыкновенного человека нет выбора, но эта девочка-беглянка доказала, что выйти из положения можно всегда, — ведь смерть тоже может стать прямой, ровной дорогой.

«И мне не придется добывать перья черного дрозда, чтоб улететь отсюда».

Пегги сидела на полу, качая ребенка. Ею овладела твердая решимость — завтра утром, незадолго до появления Элвина, она покинет город. Каждый раз, когда ее посещал страх того, что она собралась сделать, Пегги опускала глаза на лежащую рядом девочку, и сразу приходило успокоение, настоящее спокойствие. "Может быть, девочка-беглянка, моя жизнь закончится точно так же, как и твоя, может, я тоже умру в каком-нибудь незнакомом, чужом доме. Но уж лучше неведомое, чем будущее, которое, ненавидя всем сердцем, я безропотно принимаю.

Но сделаю ли я это? Хватит ли мне сил, когда наступит время и пути назад не будет?" Сунув пальцы в шкатулку, она дотронулась до сороч-

ки и, увидев будущее Элвина, чуть не запела от радости, как птичка. Раньше тропки будущего предвещали их встречу, после которой Пегги ждала жизнь отчаяния и тоски. Но сейчас таких тропок осталось лишь несколько — в основном же она видела, как Элвин приходит в Хатрак, повсюду ищет девочку-светлячка и вдруг обнаруживает, что ее нет. Решение, которое она приняла сегодня ночью, изменило будущее, закрыв большинство дорожек, которые вели к горю и отчаянию.

Мама привела Берри раньше, чем отец успел выкопать могилу. Анга Берри была полной, коренастой женщиной с улыбчивыми морщинками на лице, которых было много больше, чем морщинок от горестей и бед, хотя последних тоже хватало. Пегги хорошо знала Ангу — эта женщина нравилась ей куда больше, чем большинство людей в Хатраке. Да, у нее был вспыльчивый характер, но в сердце ее жило сострадание, и Пегги вовсе не удивилась, когда Анга прямо с порога кинулась к тельцу девочки, подняла уже похолодевшую руку и прижала к груди. Слова, которые она бормотала при этом, очень походили на некую колыбельную, а голос ее был тихим, нежным и сочувствующим.

— Она умерла, — сказал Мок Берри. — Но, насколько я вижу, с ребенком все в порядке.

Пегги поднялась и показала малыша Моку. Особенно горячих чувств она к этому человеку не испытывала, не то что к его жене. Мок Берри относился к тому роду мужчин, которые могут до крови выпороть ребенка только потому, что тот сказал что-нибудь не так, сделал что-нибудь не этак. И страшнее всего то, что, наказывая сына или дочь, Мок Берри не испытывал никакого гнева. Он вообще ничего не испытывал, такое впечатление, ему все равно — он может причинить боль, а может отпустить с миром. Однако трудился он не покладая рук, и пусть семейство никак не могло покинуть порог нищеты, оно все же как-то существовало; и ни один человек из тех, кто знавал Мока Берри, не обращал внимания на всякие разговоры типа «нет такого черномазого, что не крадет, и нет такой черномазой, которую нельзя было бы зазвать на сеновал».

— Здоровый мальчик, — подтвердил Мок и повернулся к маме. — А когда он вырастет и станет большущим, здоровенным чернокожим, вы, мэм, по-прежнему будете называть его своим сыном? Или отправите спать в сарай, вместе со скотом?

Да, этот человек не намеревался ходить вокруг

да около, сразу брал быка за рога.

— Закрой рот, Мок, — приказала его жена. — И дайте-ка мне малютку, мисс. Если б я знала, что скоро у нас объявится такая крошка, я б не отрывала младшенького от груди и молоко еще осталось бы. Два месяца назад я перестала давать сынишке грудь, с той поры от него одни беспокойства, но ты, малыш, не такой, совсем не такой.

Она что-то ласково забормотала над ним, как шептала над его матерью, но мальчик даже не проснулся.

— Я же сказала, я воспитаю его как родного сына, — сказала мама.

— Простите, конечно, мэм, но я ни разу не слышал, чтобы белая женщина так поступала, — пожал плечами Мок.

— Я сказала, значит, так и будет, — непреклонно произнесла мама.

Мок на секунду-другую задумался.

— Я вам верю, — наконец кивнул он. — По-моему, не было такого, чтобы вы нарушали данное вами слово, даже если слово это давали чернокожим. — Он ухмыльнулся. — Многие белые считают, что солгать черномазому — это вовсе не грех, это, мол, не ложь.

— Мы сделаем, как вы просите, — вмешалась

Анга Берри. — Всем, кто будет спрашивать, я буду отвечать, что это мой мальчик и мы отдали его вам, потому что слишком бедны.

— Но не забывайте, что это все ложь, — предупредил Мок. — Вы не думайте, был бы это наш ребенок, мы бы никогда не отдали его. И не думайте, что моя жена, будучи замужем за мной, может позволить белому человеку обрюхатить ее.

Мама с минуту внимательно изучала лицо Мока, как бы оценивая стоящего перед ней человека.

— Мок Берри, надеюсь, ты как-нибудь заглянешь к нам на огонек, навестишь мальчика и тогда сам убедишься, что белая женщина может держать свое слово.

— Да, мэм, — расхохотался Мок, — могу поспорить, вы настоящий борец за права человека.

Тут в дом вошел папа, с головы до ног покрытый потом и грязью. Он пожал руку Берри, и ему рассказали о решении, к которому пришли. Он тоже пообещал воспитать мальчика как родного сына. Но он подумал также о том, что даже маме не пришло в голову — он поклялся Пегги, что мальчику не будет отдаваться предпочтения перед ней. Пегги согласно кивнула. Ей не хотелось ничего говорить, потому что каждое слово либо было

бы лживо, либо выдало бы ее намерения; она-то прекрасно знала, что в ближайшем будущем ее путь и путь этого мальчика не пересекутся.

— Мы, пожалуй, пойдем, миссис Гестер, — сказала Анга, передавая малыша маме. — Вдруг кто-нибудь из моих увидит страшный сон и проснется, так что мне лучше быть поблизости, иначе крики вы даже здесь услышите.

— Может, стоит вызвать священника помолиться над ее могилкой? — предложил Мок.

Папа как-то не подумал об этом.

— Да, кстати, у нас же ночует один священник, — вспомнил он.

Но Пегги не дала этой мысли укрепиться у него в голове.

— Нет, — отрубила она как можно резче.

Папа взглянул на нее и понял, что сейчас она говорит как светлячок. Так что спорить бесполезно.

— Да, сегодня не получится. Мок, — согласно кивнул он. — Опасно.

Мама проводила Ангу Берри за порог.

— Может, мне надо знать что-нибудь особенное? — беспокойно спросила она напоследок. — Чернокожие дети чем-нибудь отличаются от белокожих?

— Очень отличаются, — подтвердила Анга. — Но этот малыш наполовину белый, так что заботьтесь как следует о белой половинке, а черная сама о себе как-нибудь позаботится.

— Кормить как обычно? Коровьим молоком из свиного пузыря? — продолжала расспрашивать мама.

— Вы лучше меня все знаете, — сказала Анга. — Всему, что мне известно, я научилась у вас, миссис Гестер. Как и прочие женщины в округе. Что ж вы меня-то спрашиваете? Мне спать давно пора…

Как только Берри ушли, папа поднял тельце девочки и унес из дома. Гробика, чтобы похоронить умершую, не было, но тело наверняка завалят камнями, иначе могилу разроют собаки.

— Легкая, как перышко, — удивился он, подняв ее. — Словно головешка от хорошо прогоревшего бревна.

И Пегги была вынуждена признать, что он абсолютно прав. Вот и все, что от нее осталось. Прах. Она сожгла себя изнутри.

Пока Пегги лазала на чердак и доставала колыбельку, мама возилась с малышом. На этот раз Пегги никого не разбудила, не спал разве что все тот же священник. О, он сидел за дверью глаз не

сомкнув, но за порог теперь и носа не высунет. Мама и Пегги приготовили малышу постельку в родительской спальне и уложили ребенка спать.

— Да, а что за имя у крошки? Он теперь осиротел, но мы же должны его как-то называть, — вспомнила мама.

— Если у него и было имя, его мама ничего об этом не сказала, — ответила Пегги. — В ее племени женщина получала имя, когда выходила замуж, а мужчина — когда убивал свою первую добычу.

— Ужас какой, — всплеснула руками мама. — Это не по-христиански. Она ведь так и умерла некрещеной.

— Она была крещена, — возразила Пегги. — Об этом позаботилась жена владельца плантации, откуда она бежала, — у них там все чернокожие были крещены.

Лицо мамы помрачнело.

— Видно, она считала, что этого достаточно, чтобы сделать из человека доброго христианина. Ну ничего, я подыщу для тебя имя, малыш. — Она загадочно улыбнулась. — Пегги, как ты думаешь, как отреагирует наш папа, если я назову крошку Гораций Гестер-младший?

— Умрет на месте, — немедленно ответила

Пегги.

— Вот и я тоже так считаю, — согласилась мама. — А я вовсе не жажду рано овдоветь. Так что назовем его… Пегги, я ничего не могу придумать. Как обычно зовут чернокожих? Или назвать его как самого обыкновенного мальчика?

— Я знаю только одно имя, которое бытует среди чернокожих. Отелло, — пожала плечами Пегги.

— Страшное какое-то имя, — испугалась мама. — Ты наверняка вычитала его в какой-нибудь из книжек Уитли Лекаринга.

Пегги не стала ничего говорить.

— Знаю, — встрепенулась мама. — Знаю, как мы его назовем. Будем звать его Кромвелем. Как звали лорда-протектора.

— Назови лучше его Артуром, в честь короля, — предложила Пегги.

Мама довольно хмыкнула и рассмеялась.

— А и правда, малыш. Артур Стюарт! А ежели королю придется не по духу твое имечко, пускай посылает на нас войска, но все равно я ничего не изменю. Пусть уж лучше его величество меняет свое имя.

Несмотря на то что Пегги легла в постель далеко за полночь, проснулась она ранним утром.

Ее разбудил стук копыт — ей даже не пришлось подходить окну, она и так узнала огонек сердца уезжающего священника. «Езжай, Троуэр, — про себя сказала она. — Не ты последний сбежишь отсюда этим утром, спасаясь от одиннадцатилетнего мальчишки».

Вскочив с кровати, она выглянула в выходящее на север окно. Сквозь деревья виднелось расположенное на холме кладбище. Она попыталась отыскать вырытую прошлой ночью могилу, но, как ни всматривалась, не нашла и следа, а искать огонек сердца на кладбище бесполезно, так что и здесь ей не было помощи. Хотя Элвин сразу отыщет ту могилку — в этом она не сомневалась. Прибыв в Хатрак, первым делом он отправится на кладбище, потому что там похоронен его старший брат, юноша по имени Вигор, которого унесла река Хатрак и который пожертвовал жизнью, чтобы спасти мать за час до того, как она родила своего седьмого сына. И Вигор держался, цеплялся за жизнь, как река ни тянула его за собой, он держался до последнего, чтобы Элвин, появившись на свет, стал седьмым живым сыном. Пегги собственными глазами видела, как огонь сердца Вигора мигнул и погас сразу после того, как родился ребенок. Элвин, должно быть,

слышал эту историю тысячу раз. Поэтому он прямиком отправится на кладбище, там он сможет заглянуть в землю и найти, что спрятано под ней. Он обнаружит таинственную могилу, на которой не стоит никакого имени и в которой покоится недавно умершее тело.

Пегги взяла шкатулку с сорочкой и сунула в котомку вместе с запасным платьем, нижней юбкой и еще не прочитанными книгами, которые недавно привез Уитли Лекаринг. То, что Пегги не хотела встречаться с Элвином, вовсе не означало, что она бросит мальчика на произвол судьбы. Сегодня ночью она снова дотронется до сорочки, может, не ночью, но утром точно, проникнет в его память и при помощи его чувств отыщет могилку безымянной чернокожей девочки.

Собрав небогатый скарб, она спустилась по лестнице.

Мама вытащила детскую кроватку на кухню и что-то напевала малышу, замешивая тесто и одновременно раскачивая ногой колыбельку, хотя Артур Стюарт крепко спал. Пегги оставила котомку за дверью, вошла в кухню и коснулась маминого плеча. Где-то в душе она надеялась, что мама будет ужасно терзаться и горевать, когда обнаружит, что Пегги сбежала из дому. Но это

было не так. Ну да, сначала она, конечно, распалится, но потом, поуспокоившись, будет скучать по Пегги меньше, чем сама считает. Ее целиком и полностью поглотит забота о малыше, которая скроет беспокойство о дочери. Кроме того, мама знала, что Пегги сама может позаботиться о себе. Мама понимала, что Пегги водить за ручку не надо. Тогда как Артур Стюарт очень нуждался в своей новой маме.

Пегги не в первый раз видела в матери подобные чувства, поэтому нисколько не обиделась. Это был раз, наверное, сотый, так что она немножко попривыкла к такому равнодушию; она не обращала внимания на внешнюю сторону и смотрела прямо на причину, скрывающуюся за ней. Она любила маму за то, что та была намного лучше, чем большинство остальных людей, и прощала ей, что она больше не любит свою дочь.

— Я люблю тебя, мам, — прошептала Пегги.

— Я тоже люблю тебя, малышка, — ответила мама. Она даже не подняла глаз, даже не догадалась, что у Пегги на уме.

Папа спал. Всю ночь ему пришлось копать могилу, а ведь потом, положив туда тело девочки, он еще засыпал ее землей.

Пегги написала записку. Обычно она старалась

писать правильно, вставляя множество лишних букв, так, как обычно пишут в книжках, но на этот раз нужно было, чтобы папа сам смог прочитать ее послание. Это означало, что писать надо было так, чтобы буквы четко складывались в звуки, если читать записку вслух.

«Я люблю вас папа и мама но мне нужно ухадить я знаю это очень плоха оставлять Хатрак без светлячка но я была сдесь светлячком шеснадцать лет. Я видила будущие и знаю што у меня будит все в парятке так што не беспокойтесь за меня».

Она вышла из двери гостиницы и остановилась на дороге. Не прошло и десяти минут, как появился доктор Уитли Лекаринг в своей коляске, направляющийся в далекую Филадельфию.

— Надеюсь, ты ждешь меня на дороге не затем, чтобы отдать Мильтона, которого я недавно дал тебе почитать? — улыбнулся Уитли Лекаринг.

Она улыбнулась в ответ и покачала головой:

— Нет, сэр, я просто хотела попросить вас подкинуть меня до Дикэйна. Хочу навестить одного человека, которого знавал мой отец, так что, если вы не возражаете против компании, я бы не стала тратить деньги зря и нанимать повозку.

Уитли Лекаринг на секунду засомневался. Но

Пегги и так знала, что он возьмет ее с собой и не спросит ничего у родителей. Он относился к тому типу мужчин, которые считают, что девочка ничем не отличается от мальчика и может сама за себя постоять; кроме того, Пегги нравилась ему, он считал ее вроде своей племянницы. И помнил, что Пегги никогда не лжет, а значит, и у родителей разрешения спрашивать не надо.

Да она и не солгала ему, сказала чистую правду, как поступала всегда, когда говорила не все, что ей известно. Женщина, с которой у отца когда-то была любовь, женщина, которая до сих пор являлась ему во снах и мучила его, жила в Дикэйне — несколько лет назад она овдовела, но положенный период траура давно прошел, поэтому она не откажется от компаньонки. Пегги хорошо знала эту леди, поскольку давным-давно наблюдала за ней из Хатрака. «Когда я постучусь в двери ее дома, мне даже необязательно говорить, что я дочка Горация Гестера, — подумала Пегги. — Она и так меня примет, будет заботиться обо мне и помогать. Но, может быть, я все-таки скажу ей, кому прихожусь дочерью и каким образом узнала о ней. Я поведаю ей, что папа до сих пор с болью вспоминает те несколько дней любви, которые у них были».

Коляска, гремя колесами, перевалила через крытый мост, который одиннадцать лет назад, после того как река забрала старшего сына, построили отец Элвина и его братья. Под крышей моста свили гнезда разнообразные пташки. Их веселое, мелодичное чириканье громко отражалось от стен, так что у Пегги создалось впечатление, будто она очутилась в громадном оперном здании. В Камелоте, на юге, была опера. Может быть, в один прекрасный день она окажется там и услышит волшебные голоса певцов. Может, даже увидит самого короля, сидящего в ложе…

А может, и нет. Возможно, однажды Пегги удастся обнаружить тропку, которая приведет ее к исполнению этой маленькой и прекрасной мечты, но у нее будет слишком много других дел, ей некогда смотреть на всяких королей и слушать музыку австрийского двора в исполнении облаченных в кружева музыкантов из Вирджинии, играющих в камелотском оперном зале. Элвин куда важнее, чем эта напыщенность; ему обязательно нужно научиться владеть своей силой и понять, что с ней делать. И Пегги — часть жизни этого мальчика. Как-то незаметно она снова принялась мечтать об Элвине. А почему нет? Ведь ее мечты, как бы кратки и труднодоступны ни бы-

ли, являлись отражением будущего, а для Пегги самым радостным и одновременно печальным будет тот день, когда она сможет коснуться этого юноши, который еще даже не мужчина, который ее никогда не видел.

Однако сейчас, сидя в коляске рядом с доктором Уитли Лекарингом, усилием воли она прогнала эти мысли, эти видения. «Что будет, то будет, — подумала она. — Если я найду нужную тропку, то найду, а нет, так нет. Сейчас, по крайней мере, я свободна. Всю жизнь я присматривала за родным Хатраком и строила планы вокруг этого маленького мальчика. Но что, если я до конца жизни так и останусь свободной? Что, если найду другое будущее, в котором Элвина не будет? Ведь это наиболее вероятный исход. Дайте мне немножко времени, и я забуду о мечтах, которыми когда-то терзалась, отыщу хорошую, ровную дорогу к мирной старости; мне уже не придется мучиться, сопутствуя Элвину на его извилистом пути».

Гарцующие лошади тянули коляску так быстро, что ветер вовсю играл волосами Пегги. Она закрыла глаза и представила себе, что летит, представила себя беглянкой, впервые в жизни вдохнувшей свободу.

«Пускай он сам, без меня, ищет путь к величию.

А я заживу счастливой жизнью подальше от него. Пускай какая-нибудь другая женщина займет место рядом с ним, купаясь в лучах его славы. Пусть другая плачет и рыдает на его могиле».

Глава 3
ЛОЖЬ

Прибыв в Хатрак, одиннадцатилетний Элвин сразу лишился половины имени. В Церкви Вигора, там, где Типпи-Каноэ впадает в Воббскую реку, не было человека, который бы не знал его отца, местного мельника Элвина Миллера. Так что его тезку, его седьмого сына, звали Элвин-младший. Однако в Хатраке и шести человек не наберется, которые встречались бы с его отцом. Так что имя Миллер и приставку «младший» можно было забыть. Он стал просто Элвином, но почему-то при звуке этого короткого имени у мальчика возникало ощущение, будто бы он лишился половины своей души.

В Хатрак он пришел пешком, преодолев сотни миль, которые пролегли меж реками Воббской и Гайо. Покинув родной дом, он захватил с собой лишь пару только что сшитых башмаков да небольшую котомку с продуктами и незатейливым скарбом. Не пройдя и пяти миль, Элвин наткнулся на бедную хижину и отдал все съестные припасы семье, жившей там. Спустя еще

милю он повстречался с бедным семейством, держащим путь на запад, в новоосваиваемые земли у берегов реки Нойс. Этим людям он подарил тент и одеяло, а поскольку с ними путешествовал тринадцатилетний сын, как раз ростом с Элвина, он, не долго думая, всучил им свои новые башмаки, да еще и носки в придачу. Так что путь он продолжил в одежде, что была на нем, и пустой котомкой за плечами.

Конечно, эти люди отказывались от его подарков — лица у них были глупые-глупые, а глаза как плошки, — они беспокоились, что папа Элвина придет в ярость, узнав, что сын раздает направоналево свои пожитки. Но Элвин уверил их, что эти вещи принадлежат ему, и только ему.

— А если я вдруг наткнусь на твоего папу с мушкетом в руках да огромной псиной рядом? — спросил один из бедняков.

— Не наткнетесь, сэр, — ответил юный Элвин. — Я ведь из Церкви Вигора, а тамошние поселенцы не особенно горят желанием встречаться с проезжими путниками.

Им понадобилось почти десять секунд, чтобы вспомнить, где они слышали имя Церкви Вигора раньше.

— Да ведь это те поселенцы, которые участвова-

ли в бойне на Типпи-Каноэ, — сказали они. — Это те люди, на руках которых выступает кровь.

— Так что вы с ними не встретитесь, — кивнул Элвин.

— А это правда, что они заставляют каждого прохожего выслушать ужасную повесть о том, как они хладнокровно перебили множество краснокожих?

— Не сказал бы, чтобы они были так уж хладнокровны во время бойни, — ответил Элвин. — И эту повесть они рассказывают только тем, кто забредает в сам город. Поэтому спокойно проезжайте мимо, не тревожьте их. Перевалив через Воббскую реку, вы снова очутитесь на равнинах, где вас с радостью примут поселенцы. Это десятью милями дальше.

Они больше не стали спорить, даже не спросили, почему ему не приходится рассказывать о тех страшных событиях. Одного упоминания бойни на Типпи-Каноэ было достаточно, чтобы заставить замолчать самых говорливых — сразу наступало молчание, проникнутое святым, почтительным отношением, будто ты очутился в церкви. Потому что даже те бледнолицые, которые яро осуждали людей, проливших кровь краснокожих на Типпи-Каноэ, знали, что, оказав-

шись там, сделали бы то же самое и тогда бы это их руки истекали кровью, пока они не расскажут встречному незнакомцу об ужасном поступке, который когда-то совершили. Это осознание вины держало многих путников в стороне от Церкви Вигора и окрестных поселений в верховьях Воббской реки. Так что бедняки с благодарностью приняли башмаки и одеяла Элвина и двинулись дальше, радуясь, что теперь их от дождя будет закрывать надежная холстина, а ноги сына обуты в крепкие туфли.

Вскоре Элвин сошел с дороги и углубился в леса, в непроходимые чащобы. Будь на его ногах обувка, он бы трещал, хрустел и шумел, словно продирающийся сквозь бурелом бизон, — так шумело большинство бледнолицых, которые осмеливались бродить по лесам. Но, отдав башмаки, он стал словно другим человеком. Вместе с Такумсе он обежал все леса этой земли, побывал на севере и на юге, и за время скитаний юный Элвин научился ступать как краснокожий, слышать зеленую песню живого леса и двигаться в совершенной гармонии с нежной зеленой музыкой. На бегу он даже не задумывался над тем, куда поставить ногу, земля сама становилась мягкой под ногами юного Элвина; его вели, ни

один сучок не ломался под ступней, ни один куст не вцеплялся в одежду своими колючками. За собой Элвин не оставлял ни единого следа, ни единой сломанной ветки.

Он двигался в точности как краснокожий. И вскоре, когда одежды белого человека начали стеснять его, он остановился и разделся, засунув их в котомку, после чего побежал дальше голый, как младенец, ощущая, как листья трутся о его обнаженную кожу. Вскоре бег полностью поглотил его, и он совершенно забыл о своем теле, превратившись в частичку живого леса, двигаясь вперед и вперед, все быстрее, обходясь без еды и питья, но только набираясь сил. Так краснокожий человек может бежать по лесу целую вечность, не остановившись ни разу и покрывая за один день сотни миль.

Вот как надо путешествовать. Зачем трястись в скрипучих деревянных повозках, увязающих в песке и тонущих в болотистых дорогах? Зачем влезать на спину лошади, чувствовать, как зверь потеет и устает под твоим весом, становясь рабом спешки? Надо просто стать человеком, войти в лес, почувствовать ступнями землю, подставить лицо ветру и погрузиться в сновидения. Так он и бежал.

Бежал он весь день и всю ночь, даже утром не остановился. Как он находил дорогу? Он слышал плеск наезженного тракта слева от себя, ощущал покалывание, зуд притоптанной земли, и хотя дорога эта вела во многие деревушки и городки, он знал, что вскоре она приведет его к Хатраку. Ведь именно по этому тракту ехали его родители, братья и сестры, строя над каждым ручейком и речушкой крепкие мосты, везя новорожденного Элвина в повозке. С тех пор он ни разу не шел по этой дороге, даже не видел ее, но тем не менее знал, куда она ведет.

На следующее утро он вышел из леса и очутился на окраине волнами катящегося по холмам поля, покрытого зелеными ростками маиса. Слишком много ферм появилось в освоенной части страны, так что лес потерял силу и уже не мог удержать Элвина в сновидении.

Некоторое время он стоял на опушке, приходя в себя и вспоминая, кто он такой и куда направляется. Музыка зеленого леса еще плескалась в нем, постепенно отступая. Он знал лишь, что перед ним находится город, а пятью милями дальше несет воды река — это он чувствовал. Однако рекой этой был Хатрак, а значит, раскинувшийся перед Элвином город и есть то место, куда он

направляется.

Элвин решил сделать небольшой крюк и добраться до города по лесу. Впрочем, теперь у него не было выбора — последние мили пути он должен преодолеть как обыкновенный белый человек, либо ему даже с места тронуться не удастся. Такого он никогда не видел — он и не представлял себе, что на земле есть настолько освоенные места, что фермы, приткнувшиеся друг к другу, разделяет лишь рядок деревьев или невысокий забор. Не это ли увидел Пророк, заглянув в будущее страны? Мертвый лес оттеснили, и на замену ему пришли бесконечные поля, которые не примут краснокожего, в которых не спрятаться оленю — даже бобру здесь негде будет приткнуться в зимней спячке. Если Пророк увидел именно это, неудивительно, что он увел краснокожих на запад, за Миззипи. Ибо здесь краснокожему человеку жизни нет.

Элвину было немножко страшно и чуточку грустно оставлять позади себя живые земли, с которыми он сроднился, словно с собственным телом. Но он не был философом. Он был всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, и, честно говоря, ему хотелось поглядеть на настоящий восточный городок, такой благоустроенный и ци-

вилизованный. Кроме того, его здесь ждало одно важное дело, он ждал этой минуты целый год — с тех самых пор, как узнал, что на свете есть некая девочка-светлячок, которая присматривает за ним и помогает стать Мастером.

Он вытащил из котомки одежку, неторопливо оделся и побрел по краю поля, пока не вышел на дорогу. Элвин понял, что находится на правильном пути, когда дорога уперлась в ручеек: над маленькой струйкой воды, через которую легко можно было бы перепрыгнуть, стоял крепкий крытый мост. Этот мост, как и все остальные мосты между Хатраком и Церковью Вигора, построили его отец и братья, и случилось это одиннадцать лет назад, когда Элвин был совсем крошкой и цеплялся ручками за мамину грудь, трясясь в катящейся на запад повозке.

Элвин двинулся по дороге, идти оставалось совсем чуть-чуть. Он сотни миль пробежал по девственному лесу, но в дорогах белого человека не было зеленой песни, а поэтому мальчику было неоткуда ждать помощи. Через пару миль он сбил себе пятки, покрылся с головы до ног пылью, проголодался и страшно захотел пить. Оставалось надеяться, что он уже близко к цели, иначе ему придется пожалеть, что он отдал свои башмаки.

Знак у окраины дороги гласил: «Город Хатрак, территория Гайо».

По сравнению с недавно возникшими деревушками поселенцев это был настоящий город. Конечно, он и в подметки не годился французскому Детройту, но то было иностранное место, а этот городок — он принадлежал американцам. Дома и строения очень напоминали постройки в Церкви Вигора и прочих поселениях, только выстроены они были более умело, да и размерами побольше. Главную дорогу пересекали четыре улицы, на которых стояли банк, парочка лавок и церквей. Здесь имелось даже здание местного суда, и на пути Элвину попалось несколько небольших магазинчиков с табличками «Законник», «Доктор» и «Алхимик». Ну, раз здесь начали селиться ремесленники, значит, город стал настоящим, а не просто «подавал надежды», как это было с Церковью Вигора до бойни на Типпи-Каноэ.

Хатрак он впервые увидел чуть меньше года назад. Это случилось, когда Пророк, Лолла-Воссики, увлек Элвина в вызванный с небес смерч. Стены торнадо превратились в хрусталь, и в этом хрустале Элвину явилось множество диковинных вещей, одной из которых было видение Хатрака, каким он выглядел, когда Элвин только родился.

Да, за одиннадцать лет, прошедших с тех пор, многое изменилось. Он шел по городу и изумлялся, как тот преобразился. Теперь городок стал таким большим, что прохожие даже не замечали незнакомца — никто и не думал здороваться с Элвином.

Однако, пройдя полгорода, он догадался, что причина равнодушия окружающих людей таится вовсе не в том, что Хатрак так вырос. Дело было в дорожной пыли, осевшей на его лице, в босых пятках и пустой котомке, болтающейся за спиной. На него смотрели, окидывали оценивающим взглядом и тут же отворачивались, как будто побаиваясь, что он сейчас подойдет и попросит хлеба или приютить на ночь. С таким отношением Элвин прежде не встречался, однако он сразу понял, что здесь происходит. За прошедшие одиннадцать лет город Хатрак, территория Гайо, научился отличать бедных от богатых.

Большие дома закончились. Он прошел через весь город, но не увидел ни кузницы, куда, по идее, должен был первым делом направиться, ни гостиницы, где родился и которую сейчас жадно искал взглядом. Перед ним раскинулась парочка свиноводческих ферм, от которых воняло как от обыкновенных свинарников. Затем дорога

поворачивала на юг и скрывалась за поворотом.

Но где-то здесь должна быть кузница! Всего полтора года прошло с тех пор, как Сказитель отнес Миротворцу написанный папой контракт, согласно которому Элвин Миллер-старший отдавал своего сына в подмастерья кузнецу из Хатрака. И примерно год назад Сказитель сказал Элвину, что доставил то письмо и Миротворец Смит подтвердил контракт — да, именно так он и выразился, «подтвердил контракт». А поскольку Сказитель зачастую глотал некоторые буквы, Элвину показалось, что Миротворец, по словам Сказителя, «повредил контракт». В конце концов, Сказитель написал эту фразу, и все разъяснилось. В общем, год назад кузнец здесь еще был. Как и девочка-светлячок из гостиницы, та самая, которую он видел в хрустальной башне Лолла-Воссики, — она тоже должна быть где-то здесь. Разве не она написала в книге Сказителя: «Мастер на свет появился»? Эти слова, чьи сияющие буквы были выписаны самим светом, напомнили ему одну библейскую историю, в которой Господь Бог начертал на стене: «Мне, мне, ты упал, сын» — согласно этому пророчеству, по прошествии определенного времени Вавилон и в самом деле

пал[8]. Именно свет пророчества насыщал слова в книге Сказителя сиянием. И если этим Мастером является Элвин, а так оно и было, значит, девочка-светлячок может много чего ему рассказать. Она должна знать, что такое Мастер и как им стать.

Мастер. Это слово многие люди произносили шепотом. Или с тоской, добавляя затем, что, очевидно, в этом мире уже не родится Мастеров. Да, кое-кто уверял, что старик Бен Франклин был одним из Мастеров, но сам Франклин до самой смерти отрицал свою способность творить. Сказитель, которому Бен Франклин заменил отца, сказал, что Бен за свою жизнь сотворил одну-единственную вещь — Американское Соглашение, тот самый клочок бумаги, который связал голландские и шведские колонии с англичанами

---

[8] Примечания: 8

Тут-то и дает о себе знать та невнимательность, с которой Элвин слушал уроки преподобного Троуэра. На самом деле Элвин имеет в виду историю, когда на стене чертога царя Вавилонского Валтасара некая рука начертала таинственные слова, которые смог растолковать лишь пророк Даниил (Библия, Книга Пророка Даниила, глава 5). Только слова те были: «Мене, мене, текел, упарсин», просто их звучание совпадает с «мне, мне, ты упал, сын» (английский вариант — «mean, mean, take all apart, son» («услышь, услышь, разрушь все, сын»). Сам пророк Даниил истолковал их несколько отлично от Элвина: «МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам». И в самом деле, согласно этому пророчеству, в ту же ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит, а царство его принял Дарий Мидянин.

и германцами Пенсильвании и Сасквахеннии. И не только с ними, но и — что самое важное — с краснокожим племенем ирраква. Эти земли образовали Соединенные Штаты Америки, на которых краснокожие и бледнолицые, богатые и бедные, торговцы и чернорабочие — все могли голосовать, высказываться во весь голос и никто не имел права заявить: «Я лучше, чем ты». Многие говорили, что это сделало Бена самым великим Мастером, который когда-либо ступал на эту землю, но Сказитель не соглашался. «Бен связал нашу землю, сплотил ее, — говаривал старый странник, — но Мастером он не был».

«Я тот Мастер, о котором написала девочка-светлячок. Она коснулась меня, когда я появился на свет, и увидела, что во мне есть способности Мастера. Я должен найти эту девочку, ей сейчас, наверное, уже шестнадцать, и она просто обязана рассказать, что увидела в ту ночь. Потому что у сил, которые я в себе обнаружил, у моих способностей есть высшее предназначение, я это чувствую. Они были даны мне не затем, чтобы я руками вырезал камень, исцелял больных и бегал по лесам как настоящий краснокожий. В моей жизни есть дело, которое я обязан исполнить, а я понятия не имею, как к нему подступиться и как

подготовиться к будущему».

Он стоял посреди дороги, меж двух свинарников, как вдруг услыхал звонкое дзынь-дзынь, издаваемое железом, бьющим по наковальне. Его все равно что по имени окликнули. «Вот он я, — стучал молот, — иди дальше по дороге, там меня и найдешь».

Однако до кузницы он так и не добрался. Завернув за поворот, он увидел ту самую гостиницу, где когда-то родился, — она была точь-в-точь такой же, какой явилась ему в хрустальной башне. Только стены блестели свежей белой краской, еще не успевшей пропитаться летней пылью, — дом, при виде которого радуется всякий усталый путник.

Кроме того, внутри гостиницы Элвина должна ждать девочка-светлячок, которая вскоре расскажет ему, какой будет его жизнь.

Согласно правилам приличия, Элвин постучался в дверь. Он никогда раньше не заходил в гостиницы, поэтому понятия не имел, что обычно в них входят без стука, поскольку внизу располагается общая гостиная, где гости обычно коротают вечера. Он постучался раз, постучался два, а потом принялся звать хозяев, пока дверь наконец не распахнулась. На пороге стояла жен-

щина, руки ее были вымазаны мукой, а на талии болтался старый передник. Судя по лицу, женщина была очень раздражена — однако Элвин сразу узнал ее. Это была та самая хозяйка, которую он видел в своем видении и которая давным-давно, ловко ухватив пальцами его шейку, вытащила маленького Элвина из чрева матери.

— Ты что такое творишь — сначала барабанишь в мою дверь, а потом еще и орешь, будто пожар во дворе! Почему бы тебе не войти и не сесть как обычному человеку, или ты настолько важная птица, что тебе двери должен слуга особый открывать?

— Извините, мэм, — как можно почтительнее пробормотал Элвин.

— Ну, и что тебе от нас надобно? Если ты попрошайничать вздумал, придется подождать до обеда, тогда и тебе из объедков кое-что перепадет, так что можешь посидеть где-нибудь в сторонке, а если у тебя есть совесть, то и дров немножко нарубить. Хотя, насколько я вижу, тебе и четырнадцати нет…

— Мне одиннадцать, мэм.

— Да, выглядишь ты не по годам большим, и все равно ума не приложу, что за дело привело тебя к нам. Виски я тебе не дам, даже если ты будешь

предлагать мне деньги, которых у тебя, как мне кажется, нет. Это христианский дом, и не просто христианский, мы методисты, а это означает, что мы сами не притрагиваемся к спиртному и не продаем его, а если б и продавали, то во всяком случае не детям. Кроме того, могу поспорить на десяти фунтовый шмат свинины, что за ночлег тебе заплатить нечем.

— Нет, мэм, но… — начал было Элвин.

— Ну вот, так я и знала. Ты вытащил меня из кухни, а я тесто в печь не успела бросить, да и малыш вот-вот расплачется, молока потребует, небось моим постояльцам не ты будешь объяснять, что обед запоздал из-за мальчишки, который дверь открыть не может. Нет, ты предоставишь выкручиваться мне, что весьма некультурно с твоей стороны, да будет позволено мне так выразиться, а даже если будет не позволено, то я все равно уже выразилась.

— Мэм, — сказал Элвин, — мне не нужны ни еда, ни жилье.

Ему хватило ума не добавлять, что в доме его отца с радостью встречали любого путника — вне зависимости от того, есть у прохожего деньги или нет. И голодных гостей кормили не объедками, оставшимися после обеда, а сажали вместе

с семьей за стол. Элвин начал привыкать к тому, что в цивилизованных городах дела обстоят несколько иначе.

— Ну, мы здесь предлагаем лишь еду да комнаты, — ответила хозяйка гостиницы.

— Я пришел сюда, мэм, потому что почти двенадцать лет назад родился в этом доме.

Женщина мгновенно преобразилась. Владелица гостиницы куда-то подевалась, и на ее месте появилась добрая тетушка.

— Ты родился здесь?

— Родился в день, когда мой старший брат Вигор погиб в Хатраке. Я подумал, что, может быть, вы помните тот день и, наверное, сможете показать мне место, где похоронен мой брат.

Ее лицо вновь изменилось.

— Ты… — вымолвила она. — Ты мальчик, который родился у той семьи… Седьмой сын…

— Седьмого сына, — закончил Элвин.

— Погляди-ка, как вырос! О, то была страшная ночь. Моя дочь стояла рядом, она заглянула в реку и увидела, что твой старший брат еще жив, а значит, тебе нужно побыстрее появляться на свет и…

— Ваша дочь, — встрял Элвин, не заметив от волнения, что перебил ее на середине фразы. —

Она ведь светлячок?

Женщина мигом превратилась в лед.

— *Была*, — поправила она. — Больше она этим не занимается.

Но Элвин не обратил внимания на то, как похолодело лицо хозяйки гостиницы.

— Вы хотите сказать, что она лишилась своего дара? Никогда не слышал, чтобы человек вдруг терял свой дар. Но если она здесь, я все равно хотел бы поговорить с ней.

— Нет, ее здесь больше нет, — ответила хозяйка. Тут-то Элвин и понял, что женщине совсем не хочется вспоминать о дочери. — Больше в Хатраке нет светлячка. Некому теперь посмотреть, правильно ли ребенок лежит в утробе. Все, конец. И я даже говорить не хочу о девчонке, которая вдруг ни с того ни с сего убегает из отчего дома, вдруг раз — и нет ее…

Горло женщины внезапно перехватило, и она повернулась к Элвину спиной.

— Мне нужно печь хлеб, — заявила она. — А кладбище там, на холме. — Она снова обернулась к нему, но на лице ее уже не было ни гнева, ни скорби, ни каких-либо других чувств, которые переполняли ее секунду назад. — Будь дома мой Гораций, он бы проводил тебя, но ты и сам

найдешь, туда ведет тропинка. Это семейное кладбище, огражденное невысоким заборчиком. — Она вдруг смягчилась. — А когда сходишь туда, возвращайся к нам, я подыщу тебе что-нибудь получше объедков.

Она поспешила на кухню. Элвин последовал за ней.

У кухонного стола стояла колыбелька, в которой спал младенец, время от времени беспокойно ворочающийся. Что-то в малыше было не так, но Элвин никак не мог понять, что именно.

— Спасибо за вашу доброту, мэм, но я не попрошайка. Я честно отрабатываю свою еду.

— Вот слова истинного мужчины — ты как две капли воды похож на своего отца. Мост, который он построил через Хатрак, стоит до сих пор, все такой же крепкий. Но ты иди, навести кладбище и возвращайся.

Она склонилась над огромной лоханью теста на столе. Элвину на мгновение показалось, что она плачет и слезы ее незаметно капают прямо в тесто. Ей нужно побыть одной.

Он перевел взгляд на малыша в колыбельке, и до него наконец дошло, чем так поразил его младенец.

— Это ж чернокожий малыш! — воскликнул

он.

Она перестала месить, оставив руки наполовину погруженными в тесто.

— Да, малыш, — сказала она, — *мой* малыш. Я усыновила его, и он теперь мой сын, а если ты станешь прохаживаться насчет цвета его кожи, я тебя мигом в тесто раскатаю.

— Извините, мэм, я не имел в виду ничего постыдного. Просто у него такое лицо, что мне показалось, ну…

— Да, он всего лишь наполовину чернокожий. Но я воспитываю его белую половину и воспитываю так, как если б он был моим родным сыном. Мы назвали его Артур Стюарт.

Элвин сразу понял соль шутки:

— Да, по-моему, еще никто не награждал чернокожего младенца королевским именем.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась она. — Ну все, иди, мальчуган. У тебя имеется долг перед погибшим братом, и не стоит тянуть с его возвращением.

Найти кладбище оказалось нетрудно, и Элвин с благодарностью отметил, что на могиле его брата Вигора стоит камень и ухожена она так же заботливо, как и все остальные. Здесь находилось всего несколько могил. На двух плитах стояло

одно и то же имя: «Крошка Мисси» — и даты рождения-смерти, судя по которым девочки умерли еще в младенческом возрасте. На другом камне была вырезана надпись «Деда», вслед за которой шло настоящее имя и даты, свидетельствующие о долгой жизни. Четвертая могила принадлежала Вигору.

Он встал на колени у могилы брата и попытался представить, каким был Вигор. Наверное, таким же, как Мера, любимый брат Элвина, с которым Эл попал в плен к краснокожим. Вигор скорее всего был похож на Меру. Или, наоборот, Мера похож на Вигора. Оба не колеблясь шли на смерть ради спасения своей семьи. «Смерть Вигора спасла мне жизнь, когда я еще не родился, — подумал Элвин. — Он держался до последнего вздоха, чтобы, родившись, я стал седьмым сыном седьмого сына». Ведь обязательным условием было то, чтобы все предыдущие шесть братьев были живы. Такое же мужество, такую же силу и готовность к самопожертвованию проявил Мера, который, не убив ни единого краснокожего и чуть не погибнув сам, пытаясь предотвратить бойню на Типпи-Каноэ, принял на себя то же проклятие, что и отец с остальными братьями. Теперь и на его руках будет проступать кровь, если он не

расскажет встречному незнакомцу истинную повесть о безжалостном убийстве ни в чем не повинных краснокожих. Поэтому, склонившись над могилой Вигора, Элвин почувствовал, будто бы сидит у могилы Меры, хотя Мера был жив-здоров.

Здоров, но не совсем. Подобно остальным жителям Церкви Вигора, он никогда не обретет мир и покой. До конца своих дней ему придется избегать ненужных встреч с путниками, чтобы не напоминать себе лишний раз о бойне, которая случилась одним летним утром. Теперь семье придется держаться друг за друга, за своих соседей, пока, как гласит проклятие, они не умрут. Им придется разделять стыд и одиночество, будто все они внезапно стали родными, все до единого.

«Все до единого, кроме меня. На меня проклятие не пало. И я оставил их».

Стоя на коленях над могилой Вигора, Элвин ощутил себя всеми брошенным сиротой. А он и есть сирота. Его отослали в подмастерья кузнецу, но что бы он ни сделал, что бы ни смастерил, родные все равно не приедут сюда, чтобы полюбоваться на труды его рук. Время от времени он будет возвращаться в тот мрачный, печальный городок, но даже это кладбище по сравнению с

ним выглядит веселым лужком, потому что, хоть здесь и захоронены мертвецы, в городе, раскинувшемся поблизости, живет надежда, бурлит жизнь и люди там смотрят вперед, не оглядываясь на прошлое.

Элвину тоже придется смотреть в будущее. Он должен найти свой путь, должен стать тем, кем ему предназначено стать от рождения. «Вигор, брат мой, которого я никогда не встречал, ты умер ради меня. Только я еще не понял, почему так важно было сохранить мою жизнь. Но я обязательно выясню это, и надеюсь, ты будешь гордиться мной. Надеюсь, ты увидишь, что ради меня стоило умереть».

Когда в его голове не осталось мыслей, когда его сердце наполнилось скорбью и вновь опустело, Элвин сделал то, чего никогда не делал. Он заглянул под землю.

Нет, он не стал разрывать могилу. Дар Элвина состоял в том, что он мог почувствовать, что творится под землей, не прибегая к помощи зрения. Точно так же он умел видеть сквозь камень. Некоторые, конечно, могут счесть, что Эл, заглянув под землю, туда, где лежало тело его брата, осквернил могилу. Но только так Эл мог увидеть человека, который когда-то погиб, спасая его.

Поэтому он закрыл глаза, заглянул под почву и отыскал кости, лежащие в сгнившем деревянном гробу. В настоящем взрослом гробу — Вигор был крепким юношей, ведь вес его тела заставил развернуться огромное дерево, несущееся вниз по течению бурной реки. Но души Вигора там не было, и хотя Элвин предчувствовал подобный исход, он все равно был немножко разочарован.

Его внимание обратилось на маленькие трупики, от которых осталась кучка праха, затем на обтянутый кожей старый скелет человека по прозвищу Деда, похороненного всего год тому назад.

Однако другое тело было зарыто совсем недавно. Тело, могилу которого не венчал надгробный камень. Эта девушка умерла не больше дня назад, плоть ее туго обтягивала кости, и черви до нее еще не добрались.

Он даже вскрикнул от удивления — и от скорби, когда в его голову закралось непрошенное объяснение. Неужели здесь похоронена та девочка-светлячок? Ее мать сказала, что она убежала из дому, но беглецы очень часто возвращаются в отчий дом уже мертвыми. Иначе с чего бы матери так горевать? Родная дочь хозяев гостиницы похоронена без могильного камня — о, это говорит об ужасных, страшных вещах. Неужели, сбежав,

она покрыла себя таким позором, что родители даже камень ей поставить не удосужились? Ведь над могилой всякого доброго человека стоит надгробие…

— Что с тобой, мальчуган?

Элвин поднялся, повернулся и оказался лицом к лицу с говорящим. Коренастый мужчина был невысокого роста, и его мрачный вид не располагал к беседам.

— Что ты делаешь на этом кладбище, парень?

— Сэр, мой брат похоронен здесь, — объяснил Элвин.

На мгновение человек задумался, и лицо его просветлело.

— Так ты один из того семейства. Но, насколько я помню, тогда их сыновья были одного возраста с тобой…

— Я тот самый малыш, который появился на свет в этом городке.

Услышав эту новость, мужчина распростер руки и заключил Элвина в объятия.

— Тебя, по-моему, назвали Элвином, — воскликнул он, — в честь отца. Здесь мы его кличем Элвин Мостовик, он нечто вроде местной легенды. Дай, дай я на тебя полюбуюсь. Седьмой сын седьмого сына вернулся, чтобы навестить место

своего рождения и могилу брата. И думать нечего, ты остановишься в моей гостинице. Я Гораций Гестер, как ты можешь догадаться, и очень рад встретиться с тобой, хотя ты какой-то большой для своего возраста… сколько тебе, десять, одиннадцать?

— Почти двенадцать. Говорят, что я очень высокий.

— Надеюсь, тебе понравилась плита, которую мы поставили для твоего брата? Его здесь очень почитают, хотя встретились мы с ним только после его смерти и никогда не знали при жизни.

— Да, хороший камень, — кивнул Элвин и, не в силах совладать с собой, хотя разумнее было бы держать язык за зубами, задал вопрос, который нестерпимо жег его изнутри: — Но я теряюсь в догадках, сэр, почему на могиле девочки, которая была похоронена здесь вчера, не стоит ни камня, ни таблички с ее именем?

Лицо Горация Гестера сделалось бледно-пепельного цвета.

— Ну конечно, ты не мог ее не увидеть, — прошептал он. — Перевертыш или нечто вроде. Седьмой сын. Господи, спаси и сохрани.

— Она сотворила нечто очень позорное, сэр, раз ей даже таблички не поставили? — спросил

Элвин.

— Нет, ничего позорного она не совершила, — ответил Гораций. — Бог свидетель, мальчуган, у девчушки была благородная душа, и умерла она праведной смертью. На ее могиле нет камня, чтобы наш дом и дальше мог служить приютом таким, как она. Пообещай, что никогда и никому не расскажешь о том, что здесь нашел. Иначе ты причинишь боль десяткам, сотням потерянных душ, следующих по дороге, ведущей от рабства к свободе. Поверь мне, положись на меня и раздели эту тайну со мной. Надо же, как сложилось, в один и тот же день дочь от меня убежала и эта тайна наружу выплыла. Поскольку я не могу утаить ее от тебя, Элвин, пообещай крепко хранить наш секрет. Хорошо?

— Если я сочту благородным делом хранить его, сэр, — пожал плечами Элвин. — Но что ж это за великий секрет такой, если вы собственную дочь похоронили без могильного камня?

Глаза Горация расширились, после чего хозяин гостиницы расхохотался так, что чуть всех птиц в окрестных лесах не перепугал. Вдоволь нахохотавшись, он хлопнул Элвина по плечу.

— Здесь лежит не моя дочь, паренек, с чего это ты взял, что я ее похоронил? Это чернокожая

девочка, рабыня-беглянка, умершая прошлой ночью на пути на север.

Тут и сам Элвин понял, что трупик слишком мал, это никак не могла быть шестнадцатилетняя девушка. В могиле лежала маленькая девочка.

— А тот малыш у вас в кухне, это ее брат?

— Сын, — поправил Гораций.

— Но она ж совсем младенец, — изумился Элвин.

— Это не остановило белого господина, который обрюхатил ее. Не знаю, мальчуган, как ты относишься к рабству, да и размышлял ли ты вообще на эту тему, но сейчас прошу тебя задуматься. Поразмысли над тем, как рабство позволяет белому человеку лишить чести юную девушку и по-прежнему посещать по воскресеньям церковь, пока девочка стонет от невыносимого стыда, вынашивая сына-ублюдка.

— Так вы мансипационист![9] — догадался Элвин.

— Наверное, — согласился владелец гостиницы. — Как и остальные праведные христиане, которые все в своих сердцах мансипационисты.

— Наверное, вы правы, — кивнул Элвин.

---

[9] Примечания: 9

слово «эмансипационист» (сторонник равных прав) в устах жителей Америки Орсона Скотта Карда нередко теряет свою первую букву

— Надеюсь, ты похож на меня, иначе, если пойдет молва, что я помогал рабыне бежать в Канаду, здесь мигом выставят свои дозоры всякие ловчие да гончие из Аппалачей и Королевских Колоний, и мне уже не придется никому помочь.

Элвин оглянулся на могилу и подумал о малыше, лежащем в колыбельке на кухне.

— А вы расскажете мальчику, где могила его матери?

— Когда он достаточно подрастет и поймет, что об этом говорить не следует, — ответил Гораций.

— Я сохраню вашу тайну, если вы сохраните мою.

Хозяин гостиницы изумленно вздернул брови и внимательно оглядел Элвина.

— Какие могут быть важные тайны у такого юного паренька, как ты, Элвин?

— Мне не особо хочется, чтобы всем в округе стало известно, что я седьмой сын. Я пришел сюда поступать в ученики к Миротворцу Смиту, чей молот, насколько я понимаю, стучит вон в той кузнице.

— И не хочешь, чтобы местные жители прознали о твоей способности видеть, что творится под землей.

— Вы правильно поняли ход моих мыслей, —

кивнул Элвин. — Я буду хранить вашу тайну, а вы — мою.

— Даю слово, — сказал Гораций. И протянул Элвину руку.

Мальчик с радостью пожал ее. Мало кто из взрослых стал бы заключать такой договор с ним, неразумным мальчишкой. Но этот человек протянул руку, считая его за равного.

— Вот увидите, сэр, я умею держать слово, — сказал Элвин.

— Что же касается меня, то любой человек в округе может подтвердить, что Гораций Гестер ни разу не отступал от обещанного. — После чего Гораций поведал ему, как они решили поступить с малышом, как выдали его за младшего сына семьи Берри, которые якобы отдали мальчика на воспитание старушке Пег Гестер, поскольку им самим его не вырастить, а Пег всегда хотела иметь сыночка. — А насчет сыночка сущая правда, — добавил в конце Гораций Гестер. — Тем более что Пегги убежала.

— Пегги — это ваша дочь? — на всякий случай уточнил Элвин.

Внезапно глаза Горация Гестера наполнились слезами, и он всхлипнул. Ни разу в жизни Элвин не видел, чтобы взрослый мужчина так пере-

живал.

— Да, и она убежала сегодня утром, — произнес Гораций Гестер.

— Может, она просто пошла навестить кого-нибудь в городе? — предположил Элвин.

Гораций покачал головой:

— Прошу прощения, что плачу перед тобой, ты извини меня, честно говоря, я страшно устал — всю ночь не сомкнул глаз, а утром получил такой вот сюрприз. Она оставила записку. Она действительно убежала.

— Убежала с мужчиной? С кем? — спросил Элвин. — Может, они поженятся. Так случилось однажды неподалеку от нас, на реке Нойс, там одна девушка-шведка убежала с юношей и…

Гораций аж покраснел от гнева:

— Ты всего лишь маленький мальчик, поэтому я прощаю тебя, ведь ты еще не знаешь, что можно говорить, а что нельзя. Так вот, она убежала не из-за какого-то там мужика. Она — чистая, достойная девушка, и никто не уличал ее в чем-то дурном. Нет, паренек, она убежала одна.

Много странных вещей успел повидать Элвин за свою недолгую жизнь — торнадо, превращающийся в хрустальную башню; холст, в котором сплелись души людей; убийства и пытки, ска-

зочные чудеса. О белом свете Элвин знал куда больше, чем большинство его одиннадцатилетних сверстников. Но ничего более необычного он не встречал — подумать только, шестнадцатилетняя девушка вдруг, ни с того ни с сего, покидает отчий дом, причем ни суженого у нее нет, ни каких-либо других весомых причин. Прежде Элвин слыхом не слыхивал, чтобы женщина уходила одна дальше собственного двора.

— А с ней… с ней ничего дурного не случится?

Гораций горько хмыкнул:

— Дурного? Нет, конечно. Она светлячок, Элвин, лучший светлячок, о котором я когда-либо слышал. Она способна видеть людей за многие мили, ей ведомы их сердца; не родился на свет такой человек, который смог бы подкрасться к ней, замышляя зло, — нет, она сразу увидит, что у него на уме и как избавиться от него. Так что за нее я не беспокоюсь. Она может позаботиться о себе ничуть не хуже здорового мужика. Я просто…

— Вы просто скучаете по ней, — сказал Элвин.

— Верно, и чтобы это понять, вовсе не обязательно быть светлячком. Мне действительно не хватает ее. И несколько обидно, что она вот так взяла и ушла без всякого предупреждения. Я ведь только благословил бы ее на дорогу, скажи она

мне о своем решении. А мать сделала бы парочку добрых оберегов, хотя малышке Пегги они без надобности, или собрала поесть в дорожку. Но нет, ничего подобного, никаких тебе «прощайте, родители». Такое впечатление, что она бежала от какого-то ужасного, клыкастого чудовища. Словно у нее времени было ровно на то, чтобы бросить в котомку запасное платье да выскочить из двери.

«Она бежала от какого-то чудовища» — эти слова огнем ожгли сердце Элвина. Она была светлячком, поэтому скорее всего видела, что Элвин вот-вот прибудет в город. Она убежала в то самое утро, когда он должен был появиться здесь. Не обладай она способностями светлячка, это вполне могло оказаться простым совпадением. Но она была светлячком. Она видела, что Элвин вот-вот будет здесь. Она знала, что он надеется встретиться с ней и хочет просить о помощи — попросить помочь ему найти верный путь и стать тем, кем он должен быть от рождения. Она увидела это и убежала.

— Мне очень жаль, что она покинула вас, — признался Элвин.

— Спасибо за сочувствие, дружок, ты очень добр. Я лишь надеюсь, что ее отсутствие не

затянется. Наверное, она сделает то, что должна, и вернется через пару-другую деньков или недель. — Он снова хмыкнул, а может, всхлипнул — определить было трудно. — Я даже не могу обратиться за помощью к знаменитому светлячку из Хатрака, который сразу сказал бы, что ее ждет. Потому что тот самый светлячок ушел из дому.

И Гораций снова разрыдался. Спустя некоторое время он взял Элвина за плечи и внимательно посмотрел ему в глаза, не пытаясь скрыть текущих по щекам слез.

— Запомни, Элвин, ты видел, как я плачу, словно девчонка какая-то, но ты должен знать, что каждый отец испытывает к своему ребенку подобные чувства. Вот что ощущает сейчас твой папа, зная, что ты находишься за много миль от него.

— Я понимаю, — кивнул Элвин.

— А теперь, если не возражаешь, я хотел бы побыть один, — сказал Гораций Гестер.

Элвин на мгновение прикоснулся к его руке и ушел. Но направился он вовсе не в гостиницу, чтобы получить обещанный старушкой Пег Гестер обед. Он был слишком расстроен, чтобы сидеть с ними за одним столом и спокойно поглощать еду. Элвин не мог объяснить им, что

именно он стал причиной их переживаний, что это именно из-за него девочка-светлячок убежала из дому. Нет, ему придется хранить молчание. Ответы, которые он искал в Хатраке, испарились вместе с шестнадцатилетней девушкой, которая не захотела встречаться с ним.

«Наверное, она заглянула в мое будущее и возненавидела меня. Может, я и в самом деле страшное чудовище, являющееся в кошмарах в непогожие ночи».

Он последовал на звук кузнечного молота. Вскоре он вышел на едва заметную тропку — она вела к домику, стоящему на ключе, который бил прямо из склона холма. Свернув в сторону, преодолев чистый, поросший нежно-зеленой травой склон, Элвин очутился неподалеку от кузницы. Из печной трубы валил жаркий дым. Обойдя здание, он оказался прямо напротив открытой двери, заглянув в которую Элвин увидел кузнеца, бьющего по наковальне, на которой лежала полоска раскаленного железа.

Элвин молча стоял и смотрел, как трудится кузнец. Даже на улице ощущался жар кузнечного горна; внутри же, должно быть, творился настоящий ад. Мускулы кузнеца напоминали веревочные тросы, перекатывающиеся и буг-

рящиеся под кожей каждый раз, когда молот взлетал в воздух. Звон железа по железу нестерпимым колокольным гулом отдавался в ушах, тем более что наковальня, словно камертон, разносила звонкий непрекращающийся «дзынь» по всей округе. С тела кузнеца ручьем лил пот, мужчина был гол по пояс, его белая кожа покраснела от нестерпимого жара и почернела от копоти, несущейся из горна. «Меня отдали в подмастерья самому дьяволу», — невольно подумалось Элвину.

Но он отмел всякие глупости, лезущие в голову. Это всего лишь трудолюбивый человек, честно исполняющий свою работу и зарабатывающий на жизнь ремеслом, которое необходимо каждому городу, если тот надеется процветать и расти. Судя по размерам стойла для лошадей, которые ждали своей очереди быть подкованными, и кучам железных пластин, которые вскоре превратятся в серпы и плуги, топоры и пилы, дела у кузнеца шли хорошо. «Обучившись этому ремеслу, я никогда не буду голодать, — подумал Элвин, — и всякая деревня с радостью примет меня в свои объятия».

Однако, помимо всего этого, в кузнице присутствовало что-то еще. Нечто, связанное с жарким

огнем и пламенеющим железом. То, что происходило в этом домике, было некоторым образом сродни акту творения. Элвин понял это потому, что когда-то сам трудился над камнем в каменоломнях, вырубая жернов для мельницы отца. При помощи своего дара он сможет проникнуть в железо и сделать его таким, каким пожелает, но ему придется кое-чему научиться у горна и молота, у мехов, огня и плескающейся в бочонках воды — эта наука поможет ему стать тем, кем он должен стать.

Теперь он смотрел на кузнеца не как на сильного, мускулистого мужчину, а как на свое будущее отражение. Он видел, как растут мускулы на его плечах и спине. Тело Элвина было закалено рубкой леса, колкой дров, таскaнием бревен и прочей работой, которую он исполнял, зарабатывая монетки на соседских фермах. Но этот труд заставляет вкладывать в каждое движение все тело. Когда замахиваешься топором, то становишься как бы продолжением рукояти, твои ноги, бедра, спина — все движется вслед за острием. Однако кузнец, он держит в клещах жаркое железо, прижимая его к наковальне, и пока правая рука, в которой зажат молот, замахивается, остальное тело должно оставаться полностью

неподвижным, а левая рука становится тверже скалы. Тело кузнеца сложено иначе, руки его гораздо сильнее, чем руки какого-то там фермера, на шее и груди бугрятся огромные мускулы, которые не обретет трудящийся на полях рабочий.

Заглянув внутрь себя, Элвин увидел, как будут увеличиваться его мускулы, и сразу понял, где и какие перемены произойдут. Это было частью его дара, он двигался внутри живой плоти так же легко, как внутри прожилок растущего из земли камня. Поэтому он заранее начал оценивать себя, обучая тело, каким оно должно стать, чтобы приноровиться к новому ремеслу.

— Эй, парень, — окликнул кузнец.

— Сэр, — отозвался Элвин.

— У тебя ко мне какое-то дело? По-моему, я тебя здесь раньше не видел, а?

Элвин шагнул вперед и протянул письмо, написанное отцом.

— Прочитай-ка, что там написано, паренек, а то мои глаза не очень-то востры для чтения.

Элвин развернул письмо:

— «От Элвина Миллера из Церкви Вигора. Миротворцу, кузнецу города Хатрак. Посылаю к тебе моего сына Элвина, который, как мы договаривались, будет твоим учеником, пока ему не стукнет

семнадцать. Он будет трудиться не покладая рук и исполнять все, что ты скажешь, а ты научишь его всему, что должен знать человек, надеющийся стать добрым кузнецом. Он хороший мальчик».

Кузнец протянул руку за письмом и поднес его к глазам. Губы легонько шевелились, пока он перечитывал несколько последних фраз. Дочитав до конца, кузнец хлопнул письмом по наковальне.

— Вот уж оборот так оборот, — воскликнул он. — Ты сам-то знаешь, что опоздал почти на целый год, а, парень? Ты должен был прибыть сюда прошлой весной. Мне пришлось отказаться от трех подмастерьев, ведь твой папа поклялся, что ты уже едешь. Целый год я трудился здесь один, потому что твой отец не сдержал слова. А теперь, выходит, я должен взять тебя, и ты будешь работать на меня аж на целый год меньше, чем указано в контракте. И никаких вам «извините-простите»...

— Простите, сэр, — склонив голову, произнес Элвин. — Но в прошлом году у нас случилась война. Я выехал из дому и направлялся сюда, когда меня схватили чоктавы.

— Схватили чок... да ладно тебе, парень, врать. Сказки ты мне будешь рассказывать. Попади ты в лапы к чоктавам, твою головку не украшала

бы такая роскошная шевелюра! Да и пальцев на руках у тебя недоставало бы.

— Меня спас Такумсе, — попытался объяснить Элвин.

— Ага, а потом ты встретился с самим Пророком и ходил вместе с ним по водам.

Если уж на то пошло, именно так все и было. Однако Элвин предпочел прикусить язык, поскольку голос кузнеца звучал отнюдь не дружелюбно. Поэтому Элвин ничего не сказал.

— А где твоя лошадь? — поинтересовался кузнец.

— У меня ее нет, — пожал плечами Элвин.

— Твой отец проставил на письме число, и это было два дня назад! Ты, наверное, скакал сюда на лошади.

— Да нет, я бежал. — И Элвин сразу пожалел о вырвавшихся словах, осознав, что совершил большую ошибку.

— *Бежал*? — переспросил кузнец. — Без башмаков? Да отсюда до Воббской реки миль четыреста, не меньше! У тебя ноги должны были стереться по самые колени! Все, кончай заливать, парень! Терпеть не могу врунов!

Перед Элвином встал трудный выбор. Он мог объяснить, что умеет бегать как краснокожий.

Но Миротворец Смит ни за что не поверит ему, и тогда Элвину придется продемонстрировать пару-другую фокусов из своего арсенала. Это будет несложно. Он может согнуть ударом руки кусок железа. Сделать из двух камней один. Но Элвин поклялся ни в коем случае не рассказывать местным жителям о своих способностях. Иначе ему не придется стать подмастерьем — народ толпой повалит в кузницу с просьбами, чтобы Элвин вырезал жернов, починил сломанное колесо или где еще помог своим даром. Кроме того, он не привык выставлять свои способности напоказ, забавляя народ всякими штучками. Дома он прибегал к помощи скрытых сил только тогда, когда возникала необходимость.

Поэтому он твердо решил держать эту тайну при себе. И никому не говорить о том, что он умеет. Просто учиться, как учатся обыкновенные ребятишки, и трудиться над железом, как трудится обыкновенный кузнец, постепенно наращивая мускулы на руках и плечах, на груди и спине.

— Я пошутил, — ответил Элвин. — Меня подвез один добрый человек, у него была лишняя лошадь.

— Не нравятся мне такие шутки, — покачал головой кузнец. — И уж тем более мне не нравится,

что ты так легко солгал в ответ на мой вопрос.

Ну что мог сказать Элвин? Он даже возразить ничего не смог, потому что действительно солгал, когда придумал, будто его подвезли. Так что он действительно врун, кузнец правильно его отругал. Разница заключалась только в том, что Миротворец возмутился, когда Элвин сказал чистую правду, и поверил, когда мальчик солгал.

— Извините, — понурился Элвин.

— В общем, парень, в подмастерья я тебя не возьму. Да я и не обязан это делать, ты ведь на целый год опоздал. А теперь еще лжешь напропалую. Нет, такого ученика мне не надо.

— Сэр, простите меня, — взмолился Элвин. — Этого больше не случится. Дома я не слыл вруном, и вы увидите, что я честен. Позвольте мне убедить вас в этом! Если вы поймаете меня на лжи или на отлынивании от работы, то можете вытурить взашей, без всяких разговоров. Разрешите только доказать, что я умею трудиться, сэр.

— Да и не выглядишь ты на одиннадцать лет, честно-то говоря.

— Но мне и в самом деле одиннадцать, сэр. Вы сами это знаете. Вы же собственными руками вытаскивали из реки тело моего брата Вигора в ночь, когда я родился. Так мне, по крайней мере,

рассказывал папа.

Глаза кузнеца затуманились, словно мыслями он обратился в далекое прошлое.

— Да, он верно тебе сказал, именно я его вытащил. Уже умерев, твой брат продолжал цепляться за корни того дерева. Я даже решил, что придется рубить сучья, чтоб освободить его. Ну-ка, парень, поди сюда.

Элвин подошел ближе. Кузнец пощупал мускулы у него на руках.

— Что ж, вижу, ты не из лентяев. У лентяев мускулы — желе, а ты силен, как настоящий фермер. Этого у тебя не отнять. И все же ты еще не отведал, что такое настоящий труд.

— Я готов учиться.

— В этом я не сомневаюсь. Многие мальчишки с радостью поступили бы ко мне в обучение. Остальные ремесла приходят и уходят, но кузнечное дело всегда ценилось и будет цениться. Да, тело у тебя крепкое. Теперь проверим, есть ли у тебя мозги. Ну-ка, взгляни на эту наковальню. Вот это носик, вот здесь, видишь? Повтори.

— Носик.

— Это шейка. А вот это столешница — она не отделана полированным железом, поэтому если ты будешь бить по ней долотом, долото не затупится.

Так, теперь желоб, который находится на стальной части, где работают с раскаленным железом. А это отверстие, на котором я работаю гладилкой, рихтовальным молотком и ковочным молотом. При помощи вот этой дырки я пробиваю тонкие пластины — горячее железо само вылетает через нее. Все запомнил?

— Думаю, да, сэр.

— Назови мне части наковальни.

Элвин перечислил части наковальни. Точное назначение каждой он назвать не смог, но ошибся всего пару раз, так что кузнец в конце концов улыбнулся и довольно кивнул.

— Да, с головой у тебя также все в порядке, учишься ты быстро. И то, что ты не по годам здоров, тоже ладно. Не придется держать тебя на метле да на мехах первые четыре года, как я обычно поступаю с мальчиками поменьше. Но твой возраст, вот в чем загвоздка. Срок ученичества обычно составляет семь лет, а в бумаге, которую мы подписали с твоим папой, говорится, что ты будешь работать на меня, пока тебе не исполнится семнадцать.

— Мне почти двенадцать, сэр.

— О чем я и говорю. Я хочу, чтобы ты отработал на меня все семь лет, если это будет нужно. Мне

вовсе не хочется, чтобы ты улизнул от меня сразу, как только начнешь приносить хоть какую-то пользу.

— Семь лет, сэр. Мой контракт истечет весной, когда мне должно будет исполниться девятнадцать.

— Семь лет — это долгий срок, парень, и я намерен удержать тебя до самого конца. Большинство мальчишек начинают учиться, когда им исполняется девять или десять, иногда попадаются даже семилетние, так что они начинают сами зарабатывать на жизнь и искать жену в шестнадцать или в семнадцать. Я этого не потерплю. Ты должен будешь жить как истинный христианин, и с девчонками из города я тебе якшаться не позволю, понял меня?

— Да, сэр.

— Ну и ладно тогда. Мои подмастерья спят на чердаке, над кухней, есть будешь за общим столом вместе с моей женой, детьми и мной самим, но в доме открывать рот будешь только в том случае, если к тебе обратятся, — терпеть не могу, когда ученик начинает считать, что он обладает теми же правами, что и мои дети. Запомни, тебе таких прав не дано.

— Да, сэр.

— А сейчас мне нужно снова раскалить вот эту железяку. Так что давай за мехи.

Элвин подошел к рукояти мехов. Своей формой она напоминала букву "Т", чтобы за нее было удобно браться обеими руками. Но Элвин повернул ее конец таким образом, что он стал похож на рукоять молота, поднятого кузнецом в воздух. И начал качать мехи одной рукой.

— Эй, парень, ты что творишь?! — заорал новый хозяин Элвина. — Ты и десяти минут не продержишься, качая так мехи.

— Через десять минут я переменю руку, — ответил Элвин. — Мне же надо подготовиться к работе с молотом, а качая мехи двумя руками сразу, я буду лишь кланяться, вот и все.

Кузнец сердито поглядел на него, но затем рассмеялся.

— А язычок у тебя бойкий, мальчуган, но здравый смысл в твоих словах имеется. Делай по-своему, пока сил хватает, но смотри не выдохнись раньше времени — огонь мне нужен жаркий, это куда важнее, чем мощь, которую ты сейчас нагоняешь в руки.

Элвин принялся качать мехи. Вскоре он почувствовал, как по шее, груди и спине распространяется боль, вызванная непривычными усилиями

мускулов. Но он не останавливался, приучая тело к работе; мехи мерно вздымались и опускались. Он мог быстро нарастить мускулы, прибегнув к скрытой силе. Но Элвин не затем поступал в ученики. Поэтому он, стиснув зубы, терпел боль, и тело его менялось естественным путем, каждый новый мускул рос сам по себе.

Правой рукой Элвин проработал пятнадцать минут и десять минут продержался левой. Он чувствовал, как мускулы сводит от боли, и эта боль нравилась ему. Миротворец Смит пока что ни словом его не попрекнул, видимо, был доволен работой нового ученика. Элвин понимал, что здесь ему предстоит измениться и эта работа сделает из мальчика сильного, умелого мужчину.

Мужчину, но не Мастера. Он так и не ступил на дорогу, которая была назначена ему от рождения. Но, как говаривал народ, настоящего Мастера не видывали на этой земле по меньшей мере тысячу лет, так что *этому* ремеслу ни у кого не научишься.

Глава 4
МОДЕСТИ

Уитли Лекаринг остановил коляску перед прекрасным особняком в одном из самых престижных районов Дикэйна и учтиво помог Пегги спуститься на землю.

— Может, проводить тебя до двери, вдруг никого нет дома и тебя не встретят? — участливо осведомился он, но Пегги видела, что спросил он из чистой учтивости, догадываясь, что она все равно ему этого не позволит. Уж кто-кто, а доктор Уитли Лекаринг прекрасно знал, что Пегги не нравится, когда ее обхаживают. Поэтому она поблагодарила его и распрощалась.

Подойдя к двери и постучав дверным молотком, она услышала, как коляска за спиной тронулась с места и лошадь звонко зацокала копытами по булыжной мостовой. Дверь открыла служанка, девочка, которая, судя по всему, недавно приехала из Германии, так что она даже имени Пегги не сумела спросить. Служанка жестом пригласила Пегги войти, усадила на скамеечку в холле и протянула ей серебряное блюдо.

Зачем ей это блюдо? Проникнув в мысли девочки-чужестранки, Пегги отчаянно пыталась разобраться, чего от нее добиваются. Так, она ждала от Пегги… что ж ей нужно? Какая-то полоска бумаги, но Пегги понятия не имела, на что служанке сдалась эта бумажка. Девочка снова ткнула в ее сторону подносом. Пегги ничего не оставалось делать, кроме как пожать плечами.

В конце концов девочка отступилась и ушла. Пегги сидела на скамеечке и ждала. Она поискала мысленным оком огоньки сердец живущих в доме людей и нашла тот, который искала. Только тогда она поняла, зачем ей совали поднос — служанка просила ее визитную карточку. Городские жители, во всяком случае те, что побогаче, все носили с собой маленькие картонки, на которых было написано их имя, чтобы объявить о своем прибытии, приходя в гости. Пегги припомнила, что однажды читала об этом в одной книжке, но книга та была написана в Королевских Колониях, и Пегги в голову не пришло, что люди, живущие в свободной стране, придерживаются подобных условностей.

Вскоре появилась хозяйка дома, за которой тенью следовала служанка-немка, боязливо выглядывающая из-за богатого дневного наряда

своей госпожи. Заглянув в сердце женщины, Пегги поняла, что платье это было вполне обычным нарядом и по городским меркам не отличалось особой роскошью, но Пегги показалось, что перед ней предстала сама королева.

А еще в ее сердце Пегги увидела именно то, на что так надеялась. Дама вовсе не разозлилась, что в ее дом пожаловала какая-то бедная девушка, ей было просто любопытно. Конечно, дама сразу окинула ее оценивающим взглядом — Пегги ни разу не приходилось встречать человека (уж кто-кто, а она сама этим зачастую грешила), который при первом взгляде на незнакомца не пытался бы вынести то или иное суждение. Однако суждение этой женщины несло в себе доброту. Взглянув на незатейливый наряд Пегги, она увидела перед собой сельскую девушку, а не попрошайку; переведя глаза на напряженное, безразличное лицо Пегги, дама разглядела за ним ребенка, который познал в жизни немало боли, а не девочку-дурнушку. И, почувствовав живущую в Пегги боль, женщина всем сердцем захотела помочь девушке, попробовать исцелить ее. Все-таки Пегги была права, что пришла сюда. В сердце этой леди жила доброта.

— К сожалению, мы вроде бы незнакомы, —

произнесла дама. Голос ее был мягок, добр и прекрасен.

— Да, миссис Модести, — кивнула Пегги. — Меня зовут Пегги. Но вы знавали моего отца — много лет тому назад.

— Возможно, но как же его зовут?

— Гораций, — произнесла Пегги. — Гораций Гестер из Хатрака.

В душе женщины это имя породило настоящую бурю чувств — то были радостные воспоминания, однако отчасти их омрачал страх, ибо кто ведает, что замыслила эта незнакомка? Но страх быстро исчез — муж женщины несколько лет назад умер, и ничто не могло причинить ему боль. Ни одно из этих переживаний не отразилось на лице дамы, оно по-прежнему хранило участливое, дружелюбное выражение. Модести повернулась к служанке и что-то быстро произнесла по-немецки. Служанка сделала реверанс и удалилась.

— Тебя послал твой отец? — спросила дама. Но на самом деле за этим вопросом скрывался несколько иной смысл: «Поведал ли тебе твой отец, что я значила для него, а он — для меня?»

— Нет, — покачала головой Пегги. — Я пришла сюда по собственной воле. Он бы умер на месте, узнай, что мне известно ваше имя. Видите ли,

миссис Модести, я светлячок. И он ничего не может утаить от меня. Как любой другой человек.

Пегги немало удивило, как Модести восприняла это сообщение. Другие люди вспомнили бы о своих самых сокровенных тайнах, про себя надеясь, что она ничего не узнает. Но стоящая перед ней дама подумала о том, какую ужасную ношу приходится нести Пегги.

— И давно ты светлячок? — мягко поинтересовалась она. — Надеюсь, не с малых лет. Господь милосерден и не позволит маленькому ребенку нести подобные знания.

— Боюсь, Господь не слишком-то заботился о моих чувствах, — пожала плечами Пегги.

Леди протянула руку и коснулась щеки Пегги. Пегги знала, что леди заметила дорожную пыль, осевшую на лице и одежде девушки после долгой дороги из Хатрака. Но в основном мысли леди занимала вовсе не чистота и не запачканное платье. «Светлячок, — думала она. — Так вот почему у этой юной девушки столь холодное, отстраненное лицо. Тайны, которые приходится ей хранить, ожесточили ее».

— Почему ж ты пришла ко мне? — спросила Модести. — Вряд ли ты хочешь причинить боль мне или своему отцу за то, что было между нами

когда-то.

— О нет, мэм, — быстро ответила Пегги. Раньше она не обращала внимания на свой голос, но по сравнению с этой леди она каркала, как ворона. — Будучи светлячком, я смогла увидеть ваш секрет, но вместе с тем я поняла, что в нем, кроме греха, скрывается немало добра. Что же касается греха, то папа до сих пор помнит о своем прегрешении, расплачиваясь вдвойне, втройне за каждый год жизни.

На глаза Модести навернулись слезы.

— А я-то надеялась… — прошептала она. — Я надеялась, что время сгладит стыд того поступка и сейчас он вспоминает о нашей встрече с радостью. Словно об одном из старинных английских гобеленов, чьи краски поблекли, но рисунок несет в себе отражение истинной красоты.

Пегги могла бы сказать, что он испытывает нечто большее, чем радость, при воспоминании о ней, что он испытывает к ней столь же сильные чувства, словно их встреча случилась вчера. Но эта тайна принадлежала отцу, и Пегги не могла говорить о ней.

Модести промокнула глаза платочком, смахивая дрожащие на ресницах слезы.

— За все эти годы я ни разу не обмолвилась о

нас ни единой живой душе. Я изливала сердце только Господу, и он простил меня; однако, когда я говорю об этом с человеком, чье лицо вижу наяву, а не в грезах, былые чувства воскресают вновь. Скажи же мне, дитя, если ты не карающий ангел, так, может, ты принесла прощение?

Миссис Модести выражалась настолько прекрасно, что Пегги невольно припомнила язык книг, которые когда-то читала, и попыталась прибегнуть к его помощи.

— Я прибыла как проситель, — сказала она. — Я пришла к вам за помощью. Мне нужно изменить свою жизнь, и я подумала, что вы, та, которая некогда любила моего отца, — может, вы проявите доброту к его дочери.

— Если ты действительно светлячок, как уверяешь, то должна знать мой ответ, — улыбнулась дама. — Какой помощи ты ищешь? Мой муж после смерти оставил мне достаточно денег, но почему-то мне кажется, что ты в них нисколько не нуждаешься.

— Да, мэм, — подтвердила Пегги. Но что на самом деле ей нужно? Как объяснить, зачем она пришла сюда? — Мне не нравилась жизнь, которая ожидала меня в Хатраке. И я…

— И ты сбежала?

— Нечто вроде, но не совсем.

— Ты хочешь стать другой, не такой, как была, — сказала дама.

— Да, миссис Модести.

— Так кем же ты хочешь стать?

Пегги никогда не задумывалась над словами, которые могли бы описать ее мечты, но сейчас, после того как Пегги встретилась с миссис Модести, у нее не возникло трудностей в выражении своих желаний.

— Я хочу стать вами, мэм.

Леди улыбнулась и коснулась своего лица, провела пальцами по волосам.

— О, дитя мое, в жизни есть куда более высшие цели, нежели эта. Самое лучше, что имеется во мне, подарил твой отец. Его любовь научила меня, что, наверное… да нет, какое там «наверное», что я достойна любви. С тех пор я научилась многому, узнала, что такое женщина и как ею быть. Видимо, это и есть симметрия любви, ведь сейчас я верну его дочери частичку мудрости, которой он когда-то поделился со мной. — Она нежно рассмеялась. — Даже и не думала никогда, что у меня будет ученица.

— Скорее последовательница, миссис Модести.

— Нет, не ученица, не последовательница. На-

деюсь, ты погостишь у меня? Позволишь ли ты мне стать твоей подругой?

И хотя Пегги сейчас не видела тропок своей будущей жизни, она ощутила, как они открываются внутри ее, как будущее, на которое она так надеялась и которое ждало ее в этом доме, расстилается перед ней.

— О мэм! — прошептала она. — С радостью.

Глава 5
ЛОЗОХОД

Хэнк Лозоход за годы странствий повидал немало учеников и подмастерьев, но ни разу не видел столь живого, необычного паренька, как этот. Миротворец Смит только склонился над левым передним копытом старушки Озорницы, прилаживая гвоздь, как мальчишка подал голос.

— Этот гвоздь не пойдет, — заговорил подмастерье кузнеца. — И вгонять его надо чуть левее.

Ага, из своего опыта Хэнк знал, что кузнец сейчас вдарит мальчишке по уху и отошлет заливающегося слезами пацана в дом. Но ничего подобного не случилось. Миротворец Смит кивнул и поднял голову на паренька.

— Ну что, Элвин, может, сам ее подкуешь? — спросил мастер. — Кобыла большая, но вижу, ты кое-чему научился за последнее время.

— Подкую, — пожал плечами мальчишка.

— Эй, эй, коней попридержите, — встрял Хэнк Лозоход. — Озорница моя единственная лошадь, и мне вовсе не улыбается покупать себе новую тягловую силу. Пускай твой подмастерье учится

ставить подковы на других животных, а мою старушку оставьте в покое. — Не сумев сдержать язык, Хэнк так и продолжал болтать, дурак, он и есть дурак: — И вообще, кто здесь мастер, а кто — подмастерье? — поинтересовался он.

Вот этого говорить не следовало. Хэнк понял свой промах в ту же секунду, как слова слетели с его губ. Такие вопросы задавать ни в коем случае нельзя — тем более в присутствии ученика. Уши Миротворца Смита, разумеется, сразу налились кровью, и кузнец выпрямился во все шесть футов роста, сложив на груди похожие на ляжки быка руки и сжав кулаки, которые спокойно могли раздавить башку медведю.

— Мастер здесь я, — процедил он, — и когда я говорю, что мой подмастерье может исполнить работу, стало быть, так оно и есть, а если ты что-то имеешь против, то можешь забирать свою кобылу и тащить ее к другому кузнецу.

— Да ладно, коней попридержи, — только и смог выдавить Хэнк Лозоход.

— Я и держу. Держу, между прочим, твою лошадь, — указал Миротворец Смит. — По крайней мере, ее ногу. Между прочим, вес все равно немалый, а тут ты еще начинаешь расспрашивать, кто мастер в моей кузнице.

Любой человек, у которого мозги не совсем вытекли, скажет вам, что злить кузнеца, который должен подковать твою лошадь, все равно что стучать палкой по улью, перед тем как залезть туда за медом. Хэнку Лозоходу оставалось надеяться, что Миротворца будет легче успокоить, чем тех самых пчел.

— Ну конечно, конечно, — поспешно согласился Хэнк. — Я ж ничего не хотел сказать, просто удивился, что твой ученик так скор на язык.

— Это потому, что у него дар, — огрызнулся Миротворец Смит. — Этот мальчишка, Элвин, он видит, что творится внутри лошадиного копыта — куда надо забить гвоздь, чтоб держался, где можно поранить лошади ногу и так далее. Подковывать лошадей — это его дар. И если он говорит, что гвоздь не годится, я знаю, что этот гвоздь вгонять в копыто не следует, иначе лошадь либо озвереет от боли, либо начнет хромать.

Хэнк Лозоход извиняюще ухмыльнулся. Денек стоял жаркий, поэтому свары вспыхивали быстро.

— Я уважаю дар, кроющийся в человеке, — кивнул он. — И точно "так же ожидаю от других людей, чтобы они уважали мой дар.

— В таком случае я достаточно возился с твоей

лошадью, — буркнул кузнец. — Давай, Элвин, подкуй ее.

Если б парнишка фыркнул, ухмыльнулся или бросил победный взгляд, Хэнк точно взбеленился бы. Но подмастерье Элвин молча сунул в рот гвозди, наклонился и поднял левое переднее копыто. Озорница не замедлила навалиться на него, но паренек был высок и легко выдержал ее вес — хотя на его лице не было и следа пробивающейся бороды, он являлся настоящим близнецом своего мастера, когда речь заходила о перекатывающихся под кожей мускулах. Не прошло минуты, как подкова была ловко прибита к копыту. Озорница даже не вздрогнула, не говоря уже о ее привычке пританцовывать на месте, пока ей ставят новые подковы. И сейчас, призадумавшись над этим, Хэнк вспомнил, что к этому копыту Озорница всегда относилась с особым трепетом, как будто что-то ей там мешало. Однако Хэнк так свыкся с привычками своей лошади, что прежде не задумывался ни о чем подобном.

Подмастерье отступил от Озорницы на шаг-другой, причем он не кривлялся и не ерничал. Он даже не усмехнулся, и все-таки Хэнк чувствовал какой-то необоснованный гнев на мальчишку.

— Сколько ему? — поинтересовался Хэнк.

— Четырнадцать, — ответил Миротворец Смит. — Он поступил ко мне в ученики, когда ему было одиннадцать.

— Немножко поздновато для подмастерья, а? — спросил Хэнк.

— Да, он опоздал на год — из-за той войны с краснокожими и французами. Он ведь с Воббской реки…

— Да, туго им тогда пришлось, — кивнул Хэнк. — Мне-то повезло, я сидел в Ирракве. Копал ямы под ветряные мельницы вдоль железной дороги, которую они тогда строили. Четырнадцать, говоришь? Высокий паренек, наверное, наврал он тебе насчет возраста…

Если парню и не понравилось, что его за глаза обозвали вруном, он этого ничем не показал. Однако его безразличие еще больше взбесило Хэнка Лозохода. Мальчишка был словно заноза в заднице — любая его реакция только злила Хэнка.

— Да нет, — фыркнул кузнец. — Уж мы-то его возраст знаем. Он родился в Хатраке четырнадцать лет назад, когда его семья ехала на запад. Вон там, на холме, похоронен его старший брат. Хотя мальчуган выглядит не по годам рослым, что скажешь?

Точно так же они могли обсуждать лошадь. Но

подмастерье Элвин, казалось, ничуть не возражал. Он молча стоял на месте и смотрел сквозь мужчин, будто они были сделаны из стекла.

— Так, значит, у тебя еще четыре года из тех, что он должен отработать по контракту? — уточнил Хэнк.

— Немножко больше. Он должен работать на меня почти до девятнадцати лет.

— Ну, если он так хорош, как ты говоришь, думаю, он выкупит себя пораньше и отправится искать работу по стране. — Хэнк кинул взгляд на мальчика, но тот, такое впечатление, остался полностью равнодушен к высказанной Лозоходом мысли.

— Вряд ли, — пожал плечами Миротворец Смит. — Он неплохо разбирается в лошадях, но работать с горном у него кишка тонка. Подковать лошадь может любой кузнец, но только настоящий мастер сумеет сделать плуг или, скажем, обод для колеса, и в этом дар ставить подковы не поможет. Чтобы доказать, что я достоин стать кузнецом, в конце своего ученичества я выковал якорь! А ведь в то время я жил в Неттикуте, а там ковать якоря не больно-то умели…

Озорница фыркнула и переступила с ноги на ногу, однако не так, как обычно танцуют кони,

когда новые подковы беспокоят их. Что ни говори, работа была сделана на славу. Но даже *это* подхлестнуло гнев, который Хэнк испытывал к мальчишке. Он понятия не имел, с чего так злится. Паренек поставил Озорнице хорошую подкову — причем подковал ногу, которая могла охрометь, попади лошадь в руки другому кузнецу. Мальчишка хорошо показал себя. Так почему ж в Хэнке бурлит такая ярость, которая только растет, что бы ни сказал и ни сделал паренек?

Хэнк передернул плечами, отгоняя неприятные мысли.

— Что ж, работа исполнена справно, — кивнул он. — Теперь моя очередь платить.

— Мы оба знаем, что вырыть добрый колодец стоит больше, чем подковать лошадь, — возразил кузнец. — Так что, если тебе еще что потребуется, знай, я в долгу перед тобой и не замедлю расплатиться.

— Я еще вернусь, Миротворец Смит. Моей кобыле пригодятся добрые подковы. — А поскольку Хэнк Лозоход был истинным христианином и испытывал некоторый стыд перед мальчиком, которого ни за что ни про что возненавидел, он и парнишку не забыл похвалить. — И надеюсь, к тому времени контракт паренька не истечет,

ведь у него и в самом деле дар.

Юноша словно не слышал адресованной ему похвалы, а кузнец только усмехнулся:

— Не ты один обещаешь вернуться.

Тут Хэнк Лозоход понял нечто такое, что в другом случае мог упустить из виду. Дар парнишки ставить подковы очень выгоден для дела, а Миротворец Смит вовсе не тот человек, который выпустит такого работника из своих когтей раньше времени — ведь он зарабатывает себе славу тем, что под рукой его подмастерья еще ни одна лошадь не охромела. От жадюги мастера всего лишь требуется объявить, что мальчишка не научился управляться с горном или еще с чем, и, пользуясь этим предлогом, он может держать ученика до самого последнего дня истечения контракта. А тем временем паренек сделает ему славу лучшего кузнеца в западном Гайо. Деньги рекой потекут в карман Миротворца Смита, а подмастерье останется ни с чем — ни денег ему, ни свободы.

Закон есть закон, и кузнец его не преступил — он имел право держать мальчугана у себя до последнего дня. Однако, по негласному обычаю, учеников отпускали, как только они полностью овладевали ремеслом и могли прокормить себя

в этом мире. Иначе, если мальчишка не сможет надеяться пораньше обрести желанную свободу, зачем ему упорно учиться и работать не покладая рук? Поговаривали, что даже рабовладельцы в Королевских Колониях разрешали своим лучшим рабам зарабатывать немножко денег на стороне, чтобы те иногда успевали выкупить себя и умереть свободными людьми.

Нет, Миротворец Смит не преступил закон, однако он нарушил обычай мастеров, а это Хэнку очень не понравилось; плох тот мастер, который будет удерживать паренька, научившегося всему, что учитель мог ему дать.

Однако, понимая, что подмастерье прав, а его мастер поступает несправедливо, при виде паренька Хэнк все равно ощущал холодную, влажную ненависть. Хэнк вздрогнул, в который раз попытавшись избавиться от этого чувства.

— Так, говоришь, колодец тебе нужен? — сказал он. — Зачем он тебе — чтобы пить, чтоб белье там стирать или для кузницы?

— А что, есть какая-то разница? — удивился кузнец.

— Ну, кое-какая есть, — усмехнулся Хэнк. — Пьешь ты обычно чистую воду, а для белья требуется вода, которая не принесет никаких

болезней. Что же касается работы в кузнице, то, думаю, железу безразлично, чистой водой его остужают или мутной.

— Ключ, бьющий из холма, с каждым годом приносит все меньше и меньше воды, — пожаловался кузнец. — Мне нужен колодец, на который я могу рассчитывать. Глубокий и чистый.

— Ты и сам понимаешь, почему иссякает родник, — ответил Хэнк. — Все в округе копают колодцы и выкачивают воду, а весной она восполниться не успевает. Твой колодец станет последней каплей, если можно так выразиться.

— Этому я не удивлюсь, — пожал плечами кузнец. — Но я ж не могу запретить рыть колодцы, да и вода мне нужна. Я обосновался здесь в основном из-за ручья, а он почти пересох. Я, конечно, могу уйти в другое место, но у меня жена и трое детишек, да и нравится мне здесь, люблю я это место. Вот я и решил: уж лучше вырыть колодец, чем с места сниматься.

Хэнк подошел к небольшой ивовой рощице, склонившейся над почти пересохшим ручьем неподалеку от того места, где ключ появлялся из-под старого домика, которым давно не пользовались.

— Твои деревца? — крикнул Хэнк.

— Да нет, старого Горация Гестера, того самого, который владеет местной гостиницей.

Хэнк отыскал тонкий ивовый прутик, раздваивающийся посредине, и начал подрубать ножом веточку.

— Вижу, от домика уже немного пользы.

— Я ж сказал, ручей вот-вот пересохнет. Летом здесь воды не хватит, чтоб пару банок сметаны охладить. Вот и от домика немного проку, раньше-то в нем было холодно, там продукты хранили, а теперь…

Хэнк последний раз ударил ножом, и ивовая ветвь отделилась от ствола. Он зачистил ее комель в форме острого колышка, затем обрубил маленькие веточки и листья, обтесав ветвь как можно аккуратнее. Некоторые лозоходы утверждают, что прут может быть каким угодно, но Хэнк-то знал, что вода не всегда рвется на волю — иногда она скрывается и не хочет, чтобы ее нашли, вот тогда и нужен гладкий ивовый прутик. Были и такие лозоходы, которые использовали везде одну и ту же лозу, таская ее за собой год за годом, из города в город, но от этого тоже было мало проку. Потому что лоза должна быть вырезана из растущей поблизости ивы, по крайней мере из орешника-гикори, который растет на

воде, которую тебе нужно найти. Эти лозоходы были обыкновенными шарлатанами, хотя негоже так говорить о незнакомых людях. А воду они находили лишь потому, что вода есть почти везде — главное, копнуть поглубже. Но Хэнк делал все честь по чести, у Хэнка был настоящий дар. Он чувствовал, как ивовая веточка дрожит в его руках, слышал, как вода поет ему из-под земли. И на первый зов воды он не откликался. Он искал чистую воду, расположенную у самой поверхности земли, воду, которую будет нетрудно достать. Хэнк *гордился* своей работой.

Хотя его работа не снискала среди людей такого уважения, как та, которую исполнял подмастерье — как его там? — а, Элвин. Хэнка так не уважали. А у кузнеца как — либо человек может подковать лошадь, чтобы животное не охромело, либо нет. Если лошадь под его руками хоть разочек охромеет, люди дважды подумают, прежде чем снова обратиться к этому кузнецу. Но с лозоходами — с ними все обстоит иначе. Такое впечатление, народу все равно, найдет он воду или нет. Назовись лозоходом, сруби где-нибудь раздвоенную палку, и люди будут платить тебе за поиск воды — они даже не позаботятся разузнать, есть у тебя какой дар или нет.

Может, именно поэтому Хэнк возненавидел парнишку? Потому что тот, несмотря на юность лет, снискал себе имя настоящего ремесленника, тогда как Хэнка ни одна собака не знает, хотя он, наверное, единственный настоящий лозоход, забредавший в эти края за долгое-долгое время.

Хэнк опустился на поросший пышной травой берег ручейка и стащил башмаки. Но только он наклонился, чтобы поставить второй башмак на валун, подальше от всяких букашек-таракашек, как вдруг увидел два блестящих глаза, наблюдающих за ним из тени густого кустарника. Перепугался он дай Боже как, поскольку решил, что там медведь какой сидит или краснокожий, охотящийся за скальпом проезжего лозохода, — хотя ни о медведях, ни о дикарях в этих краях давным-давно слыхом не слыхивали. Нет, в кустах прятался всего-навсего чернокожий мальчуган. Мальчик был полукровкой, полубелым, получерным, это Хэнк заметил первым делом, после того как оправился от испуга.

— Ну, чего уставился? — рявкнул Хэнк.

Глаза мигнули, и личико скрылось. Куст весь затрясся и зашептал, некто, сидевший там, поспешно ретировался.

— Да ты не обращай внимания, — успокоил Ми-

ротворец Смит. — Это всего лишь Артур Стюарт.

Артур Стюарт! Это имечко было не слишком известно в Новой Англии или Соединенных Штатах, но зато в Королевских Колониях его знали все — от мала до велика.

— Ага, а я, стало быть, лорд-протектор, — хмыкнул Хэнк Лозоход. — Оказывается, у короля кожа вовсе не так уж бела, как говорят. Эта новость, когда я разнесу ее по Гайо и Сасквахеннии, обеспечит меня бесплатными обедами и ужинами до скончания жизни.

Миротворец хмыкнул.

— Да, Гораций Гестер удачно пошутил, назвав так мальчонку. Гораций и старушка Пег Гестер, они взяли мальчика себе на воспитание, поскольку его настоящая мама слишком бедна, чтобы воспитать его. Правда, лично мне кажется, здесь кроется кое-что еще. Слишком уж светла у него кожа. Так что Мок Берри, муж его матери, совершенно прав, запрещая пареньку сидеть с угольно-черными детишками за одним столом.

Хэнк Лозоход принялся снимать носки.

— А может, старик Гораций Гестер принял его к себе потому, что он также отчасти виновен в цвете кожи мальчонки, а?

— Заткни пасть, Хэнк, и думай, что несешь, —

нахмурился Миротворец. — Гораций не из тех.

— Ты был бы очень удивлен, если б узнал, сколько моих знакомых оказались на поверку «теми самыми», — буркнул Хэнк. — Хотя насчет Горация Гестера я ничего не говорю.

— Неужели ты считаешь, старуха Пег Гестер приняла бы в свой дом чернокожего ублюдка, зачатого ее собственным мужем?

— А что если она ничего не подозревает?

— Быть такого не может. Ее дочь Пегги некогда была в Хатраке светлячком. И все до единого знали, что малышка Пегги Гестер никогда не лжет.

— Да, я слыхал о светлячке из Хатрака задолго до приезда сюда. Но почему я ее не видел?

— А она здесь больше не живет, вот почему, — пожал плечами кузнец. — Ушла три года назад. Сбежала. И ты поступишь очень мудро, если не будешь расспрашивать о ней в гостинице Гестеров. Они не больно-то любят вспоминать о своей дочери.

Хэнк опустил голые пятки на влажный берег ручья. Подняв голову, он вдруг снова увидел Артура Стюарта, который, спрятавшись за деревьями, продолжал внимательно следить за ним. А, пускай таращится, что здесь плохого? Ничего.

Хэнк шагнул в ручей и почувствовал ногами

ледяную воду. «Я вовсе не желаю причинить тебе вреда, — молча обратился он к воде. — Я не нарушу твое течение, не осушу тебя. Колодец, который я выкопаю, ничего не испортит. Я всего лишь открою тебе еще один выход, дам новое лицо, руки, еще один глаз. Не прячься от меня, Вода. Покажи, где ты поднимаешься к поверхности, где стремишься прорваться к небу, и я посоветую выкопать колодец именно в том месте, чтобы освободить тебя и выпустить на землю. Вот увидишь, я сдержу свое обещание».

— Эта вода тебя устраивает? — спросил Хэнк кузнеца.

— Ну да, чище и быть не может, — кивнул Миротворец. — Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, напившись из этого ключа, заболел.

Хэнк опустил острый конец лозы в воду у ног. «Почувствуй ее вкус, — сказал он лозе. — Ощути, как она пахнет, и запомни. Найди, где течет такая же сладкая вода».

Лоза рванулась из рук. Можно начинать искать воду. Хэнк вытащил веточку из ручейка; она сразу успокоилась, но время от времени продолжала легонько подрагивать, показывая, что живет, живет и ищет.

Все, время слов и разговоров прошло, теперь

думать нельзя. Прикрыв веки, чтобы зрение не отвлекало от легкого покалывания в руках, Хэнк последовал за лозой. Лоза не подведет его, а открыть глаза равносильно признанию, что веточка не сможет вывести к воде.

Поиски заняли почти полчаса. Несколько мест, где можно рыть колодец, он нашел сразу, только они его не устраивали. Хэнк Лозоход по одному наклону лозы мог мгновенно определить, далеко ли вода от поверхности и хороший ли выйдет колодец. Хэнк был настолько хорош в своем деле, что большинство людей принимало его за перевертыша, а это — лучшая похвала для всякого лозохода. Но поскольку перевертыши очень редки, в основном это седьмые сыновья да тринадцатые дети, Хэнк никогда не завидовал их способностям — а если и завидовал, то очень, очень редко.

Лоза «клюнула», да так резко, что почти на три дюйма ушла в землю. Все, здесь и должен быть колодец. Хэнк улыбнулся и открыл глаза. От кузницы его отделяло не больше тридцати футов. Даже с открытыми глазами, и то удачнее места не найдешь. Ни один перевертыш не справился бы с работой лучше, чем Хэнк.

И кузнец, похоже, тоже так подумал.

— Вот это да, — присвистнул он. — Спроси ты меня, где бы я хотел вырыть колодец, я указал бы тебе на это самое место.

Хэнк кивнул, принимая заслуженную похвалу. Глаза его были все еще полуприкрыты, а тело дрожало и пело от той силы, с которой вода взывала к нему.

— Я не хочу вытаскивать лозу, пока вы не окопаете ее, чтобы пометить место, — сказал Хэнк.

— За лопатой, быстро! — прикрикнул кузнец на подмастерье.

Элвин умчался в поисках инструмента. Хэнк заметил, что Артур Стюарт кинулся вслед за ним, ковыляя на коротеньких ножках так быстро, что того и гляди упадет. И, разумеется, он упал, прямо на живот, а поскольку бежал со всех ног, то еще проехался где-то с ярд. Когда мальчик поднялся, его одежка спереди была вымазана ярко-зеленым травяным соком. Однако это его не остановило. Он заковылял дальше и вскоре скрылся за углом кузницы, куда незадолго до него нырнул подмастерье Элвин.

Хэнк повернулся к Миротворцу Смиту и притопнул пяткой.

— Я, конечно, не перевертыш, чтоб говорить наверняка, — как можно скромнее произнес

Хэнк, — но могу тебя уверить, что и десяти футов не прокопаешь, как наткнешься на воду. Она будет чистой и свежей, такой ключ редко где встретишь.

— Ну, копать — это не моя забота, — пожал плечами Миротворец.

— Ничего, твой подмастерье и один справится, парень-то он с виду не слабый, если, конечно, не любит брякаться на бок да храпеть, стоит тебе отвернуться.

— Да нет, он не из ленивых, — возразил Миротворец. — Ты, наверное, остановишься на ночь в гостинице?

— Вряд ли. Одна семья, что в шести милях к западу, попросила найти им землю посуше, чтобы выкопать добрый глубокий погреб.

— Это ж нечто вроде *анти*— лозоходства?

— Так оно и есть, и это куда сложнее, в особенности в ваших краях, где земля очень влажная.

— Ну ладно, только ты обязательно возвращайся, — сказал Миротворец. — Я приберегу для тебя кружечку первой воды, набранной из твоего колодца.

— Непременно, — кивнул Хэнк, — и с радостью. — Такой чести его редко когда удостаивали — разделить первую воду, добытую из колодца.

В первой воде, если ее подносить как угощение, крылась огромная сила, и Хэнк не мог не улыбнуться. — Вернусь через пару дней, можешь не сомневаться.

Подмастерье принес лопату и принялся копать. Он выкопал вокруг лозы небольшую канавку, но Хэнк обратил внимание, что юноша окопал место будущего колодца не кругом, а квадратом, причем на глаз, без всяких там мер, и каждая сторона канавки была идеально ровной, а ее углы, насколько мог судить Хэнк, в точности соответствовали сторонам света. Хэнк не трогался с места, боясь выпустить погруженную в землю лозу из рук, но внезапно, когда паренек приблизился к нему практически вплотную, он ощутил какое-то неприятное чувство в желудке. Живот свело, но вовсе не так, как бывает, когда ты за завтраком съел что-то несвежее. Нет, это неприятное ощущение переросло в адскую боль, в какое-то безумное насилие, поднимающееся изнутри; Хэнку страшно захотелось вырвать из рук юноши лопату и изо всех сил ударить наглого юнца по голове.

Он словно окаменел, сжимая в руках дрожащую лозу. Но это вовсе не Хэнк так ненавидел мальчишку, нет. Эту ненависть испытывала *вода*,

которой исправно служил Хэнк, это *вода* желала мальчику смерти.

Стоило этой мысли прийти в голову, как Хэнк отчаянным усилием воли подавил рвущуюся наружу ненависть, возникшее в животе неприятное чувство. Надо же, какая чушь иногда лезет на ум! Вода есть вода. Круг ее желаний весьма прост — вырваться на поверхность, пролиться из облаков да разбежаться по лику земли ручейками. Вода не несет в себе злобы. В ней нет желания убивать. Хэнк Лозоход был истинным христианином, баптистом к тому же, придерживаясь вероисповедания, которого, по его мнению, должен придерживаться всякий настоящий лозоход. И людей в воду погружают вовсе не затем, чтобы утопить, а для того чтобы покрестить и привести к Иисусу. Хэнк не нес в своем сердце убийства, там жил его Спаситель, наставляющий любить врагов, учащий, что даже простая ненависть к человеку есть убийство.

Хэнк про себя вознес молитву Иисусу. В ней Хэнк просил Господа изгнать ярость — он не хотел смерти невинного юноши.

Вдруг, как будто в ответ на молитвы, лоза буквально выпрыгнула из земли, вырвалась из его рук и приземлилась лишь в кустах, растущих

неподалеку.

Такого с Хэнком не случалось ни разу. Чтобы лоза летала по воздуху?! Словно сама вода отталкивала Хэнка, как прекрасная дама — провинившегося поклонника.

— Я все сделал, — произнес юноша.

Хэнк искоса взглянул на юнца, уж не насмехается ли тот над лозоходом, чья лоза ни с того ни с сего прыгает с места на место. Но мальчишка даже не смотрел на Хэнка. Он уставился на квадрат из канавок, на месте которого вскоре встанет колодец.

— Молодец, — похвалил Хэнк, усилием воли сдерживая отвращение, которое так и рвалось наружу.

— Только копать здесь бесполезно, — добавил мальчишка.

Хэнк ушам не поверил. Сначала сопляк поправляет своего мастера в деле, которым тот занимается много лет, а теперь еще смеет давать советы настоящему лозоходу!

— Что-что ты сказал? — переспросил Хэнк.

Мальчишка, должно быть, заметил угрозу, отразившуюся на лице Хэнка, или уловил ярость, прозвучавшую в его голосе, поскольку сразу дал задний ход.

— Ничего, сэр, — произнес он. — Это не мое дело.

Но в Хэнке уже вовсю бушевал гнев. Нет, так просто юнец не отделается.

— Ты что ж, думаешь, что и мою работу сможешь исполнять? Может быть, твой учитель много тебе спускает с рук, поскольку с лошадиными копытами ты и в самом деле мастак обращаться, но заруби себе на носу, парень, я — настоящий лозоход и моя лоза говорит, что здесь есть вода!

— Вы правы, — покорно кивнул мальчишка и словно ростом уменьшился. Во всяком случае, Хэнк уже не замечал, что паренек выше него дюйма на четыре, да и с мускулами у него тоже все в порядке. Подмастерье Элвин был не настолько громаден, чтобы считаться великаном, но и карликом его никак не назовешь.

— Прав? Ты мне будешь говорить, прав я или нет! Моя лоза никогда не ошибается!

— Я знаю, сэр. Извините, я полез не в свое дело.

Тут вернулся кузнец, катящий перед собой тачку, в которой лежали кирка и два железных лома.

— Что здесь творится? — изумленно спросил он.

— Твой мальчишка больно любит язык распускать, — пожаловался Хэнк, понимая, однако, что поступает нечестно, ведь мальчик извинился.

Громадная медвежья лапа Миротворца описала огромный полукруг и съездила юноше прямо по уху. Элвин пошатнулся под ударом, но на ногах удержался.

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал Элвин.

— Он говорит, что там, где я наметил колодец, воды нет, — продолжал Хэнк, не в силах остановиться. — Я проявил должное уважение к его дару и хочу, чтобы он тоже отнесся ко мне справедливо.

— Дар не дар, — зарычал кузнец, — но я научу его уважать моих клиентов. Он у меня узнает, что значит ходить в учениках у кузнеца, ох узнает.

Наклонившись, кузнец взял с тачки один из железных ломиков и взвесил его в руке, как бы примериваясь огреть юношу по спине. На глазах у Хэнка вот-вот должно было совершиться смертоубийство, а этого он совсем не хотел. Хэнк протянул руку и ухватился за конец ломика.

— Нет, Миротворец, погоди, все нормально. Он же попросил прощения.

— И тебе этого достаточно?

— Да, вполне, кроме того, я ж знаю, ты послушаешь меня, а не его, — продолжал Хэнк. — Я не настолько стар, чтобы всякие там юнцы, которые ловко подковывают лошадей, говорили мне, что я уже негодный лозоход.

— Колодец будет вырыт прямо здесь, клянусь своей жизнью. Мальчишка выроет его сам и еды не получит, пока не принесет в дом ведро воды.

Хэнк улыбнулся:

— Что ж, думаю, он еще поблагодарит меня за мой дар — копать ему придется недолго, я в этом уверен.

Миротворец обернулся к пареньку, который стоял всего в нескольких ярдах от них, покорно опустив руки. Лицо Элвина ровным счетом ничего не выражало.

— Значит, так, Элвин, я сейчас пойду провожу мистера Лозохода до его лошади, а ты останешься здесь. И на глаза мне не показывайся, пока не добудешь ведро чистой воды. Не получишь ни еды, ни питья, пока не выкопаешь на этом самом месте добрый колодец.

— Да ладно тебе, — встрял Хэнк, — сжалься над пареньком. Сам же знаешь, иногда даже за несколько дней не перетаскаешь из вырытого колодца всю грязь.

— Запомни, Элвин, ты должен принести мне ведро воды из нового колодца, — гнул свое Миротворец. — Хоть ночь напролет работай, а воду добудь.

Сказав это, он развернулся и направился к кузнице, к загону, где паслась Озорница. Хэнк немного поболтал с кузнецом, после чего оседлал кобылу и тронулся в путь. Лошадь весело бежала вперед, ход ее стал легче, ровнее, словно она снова стала жеребенком. Выехав на дорогу, Хэнк еще раз кинул взгляд туда, где трудился паренек. Лопата в руках юноши мерно взлетала и опускалась, вверх-вниз, вверх-вниз. Такое впечатление, юноша ни на секунду не останавливается передохнуть. Шуршш — лопата вонзается в почву, вшик-бух — слетает земля и падает на быстро растущую кучу.

Гнев в Хэнке бушевал до тех пор, пока эти звуки не затихли вдали, пока образ работающего паренька не выветрился из его памяти. Хэнк, будучи лозоходом, обладал некой силой, и этот мальчишка был врагом его дара. Сначала Хэнк счел свой гнев необоснованным, но когда юноша заговорил, Хэнк понял, что был прав в своей ярости. Сопляк мнил себя повелителем воды, может, даже перевертышем. Одно это делало его

заклятым врагом Хэнка.

Иисус наставлял поворачиваться к врагу другой щекой — но что, если враг вознамерился лишить тебя твоего ремесла? Что тогда? Позволить ему разрушить твою жизнь? «Это уж слишком по-христиански, — подумал Хэнк. — Я кое-чему научил сопляка, и если это не пойдет ему на пользу, в следующий раз я преподам ему еще один урок».

Глава 6
МАСКАРАД

Пегги нельзя было назвать королевой проводимого губернатором бала, но она против этого ничего не имела. Миссис Модести давным-давно научила ее, что женщины, соперничающие друг с другом, совершают огромную ошибку. «Нет такого приза, который, будучи завоеванным той или иной красавицей, должен оставаться вне досягаемости остальных девушек».

Однако эту простую истину никто не понимал. Все присутствующие на балу женщины поедом ели друг друга завидущими глазами, прикидывая возможную стоимость нарядов, гадая, в какую цену обошелся их сопернице приносящий красоту амулет, и ведя про себя список, кто с кем станцевал и сколько мужчин приглашено на празднество.

Кое-кто обратил ревностный взгляд и на Пегги — слава Богу, хоть не сразу. Пегги прекрасно отдавала себе отчет, какое впечатление она производит. Ее волосы не были уложены в элегантную прическу — чисто вымытые и расчесанные, они

рассыпались по плечам, завиваясь случайными локонами. Платье было незатейливым, впору простолюдинке, но то был заведомый расчет. «У тебя прекрасное юное тело, поэтому твой наряд не должен отвлекать глаз от естественной красоты юности». Более того, платье Пегги было необычайно скромным, оно выставляло напоказ куда меньше обнаженной плоти, чем все остальные наряды, но вместе с тем оно демонстрировало намного больше движений тела, скрывающегося под ним.

Пегги и сейчас слышала голос миссис Модести, наставляющий ее:

— Многие девушки этого не понимают. Вовсе не в корсете заключается смысл жизни. Корсет предназначен для того, чтобы старые, оплывшие тела хоть немножко стали похожи на тело здоровой юной девушки. Но *твой* корсет не должен быть туго зашнурован, носи его для удобства, не заключай свою плоть в оковы. Тогда тело будет двигаться свободно, и ты сможешь дышать всей грудью. Остальные девушки будут дивиться тому, что ты посмела выставить напоказ свою естественную талию, но взгляд мужчин привлекает не покрой наряда. Мужчины находят удовольствие в естественности дамы, которая удобно

себя чувствует, уверена в себе и наслаждается жизнью здесь, сегодня, в их обществе.

Однако куда более вызывающим был тот факт, что она не надела на себя никаких драгоценностей. Прочие дамы, появляясь в обществе, неизменно полагались на искусство чарования. Если девушка сама не обладала даром творить чары, то ей приходилось покупать — а чаще покупали либо родители, либо муж — специальный заговор, заключенный в кольце или амулете. Всеобщим предпочтением пользовались амулеты, поскольку их носили у лица, а следовательно, можно обойтись чарами послабее — и подешевле, естественно. Действие заговоров ослабевало с расстоянием, но, чем ближе вы подходили к девушке, заручившейся поддержкой чар красоты, тем тверже становилось ваше убеждение, что прекраснее ее нет на всем белом свете. Черты ее лица оставались прежними; вы видели то, что есть на самом деле. Изменялись лишь ваши суждения. Миссис Модести не раз смеялась над этими ухищрениями.

— Какой прок от этого обмана, если объект твоего внимания изначально знает, что его обманывают?

Поэтому Пегги не надела на себя ни одного

амулета.

Остальные женщины на балу заручились помощью тех или иных чар. И хотя ни одно лицо не было скрыто под маской, сегодня здесь вершился бал-маскарад. Из всех только Пегги и миссис Модести не прибегли к чарам, а следовательно, не корчили из себя некий неземной идеал.

Пегги догадывалась, что подумали девушки, заметившие, как она вошла в залу. «Вот бедняжка». — «Это ж надо, какая простушка». — «Да, она нам не соперница». И их мысли соответствовали истине — по крайней мере вначале. Никто не обратил внимания на Пегги.

Но миссис Модести тщательно выбирала тех мужчин, которым следовало представить Пегги.

— Позвольте представить вам мою юную подругу Маргарет, — говорила она, после чего Пегги улыбалась искренней, открытой улыбкой, в которой не было ни капли притворства, — улыбалась своей естественной улыбкой, которая говорила, что Пегги действительно рада познакомиться с друзьями миссис Модести.

Мужчины касались ее руки и раскланивались, а она элегантно приседала в реверансе, который нисколько не походил на заученные движения прочих девиц; ее рука пожимала руку кавалера,

внушая дружеские чувства, — так приветствуют человека, дружбы которого желают.

— Искусство красоты — это искусство говорить правду, — однажды сказала ей миссис Модести. — Прочие женщины стремятся выдать себя за кого-то другого; ты же будешь собой, милой и прекрасной, какая ты есть на самом деле. Ты будешь демонстрировать ту же естественную, захватывающую грациозность, которая присутствует в бегущем олене или выписывающем круги соколе.

Затем кавалер вел Пегги на танцевальную площадку, и она танцевала с ним, совсем не задумываясь о том, что надо считать шаги, выдерживать такт или демонстрировать остальным свое платье. Нет, она наслаждалась танцем, его симметричным движением, музыкой, которая струилась сквозь тело.

И человек, который познакомился и станцевал с Пегги, уже не мог забыть ее. После этого остальные девушки казались напыщенными, неловкими, зажатыми, искусственными куклами. Многие мужчины, сами такие же искусственные, как и большинство присутствующих на балу дам, не способны были понять, что общество Пегги куда более приятно, чем общество других девушек. Но

миссис Модести и не представляла Пегги таким кавалерам. Она позволяла своей воспитаннице танцевать только с теми, кто способен оценить ее, а таких мужчин миссис Модести знала всех, поскольку все они питали искренние чувства к самой миссис Модести.

Час сменял другой, бал продолжался, суматошный день уступил дорогу ослепительному вечеру, и все больше кавалеров кружилось вокруг Пегги, приглашая ее на танец, занимая разговорами во время перерывов, предлагая закуски и прохладительные напитки, которые девушка либо принимала, если чувствовала голод или жажду, либо с извинениями отвергала. Вскоре и девушки заметили Пегги. Мужчин, не обращающих на Пегги ровно никакого внимания, хватало с избытком, и прочие дамы не были обделены кавалерами. Но местные красотки видели нечто иное. Они узрели, что вокруг Пегги постоянно толкутся мужчины, и Пегги догадывалась, о чем перешептываются местные дамы.

— Интересно, какими чарами она пользуется?

— У нее под корсажем амулет — точно вам говорю, сама видела, ее дешевое платьице как-то раз натянулось, тут-то он и показался.

— Неужели никто не замечает, какая ужасно

толстая у нее талия?!

— Вы посмотрите на ее прическу, точно она на бал пожаловала прямиком с сеновала.

— Она, должно быть, лестью да уговорами завлекает их.

— И вы заметьте, к ней липнет только определенный тип мужчин.

Бедняжки, несчастные создания. Пегги не обладала какими-то исключительными чарами; те же самые чары с рождения были заложены во всех присутствующих здесь девушках. И она не пользовалась никакими искусственными заклятиями и амулетами, которые приходилось покупать местным красоткам.

Однако самым важным был тот факт, что, присутствуя на балу, Пегги ни разу не прибегла к своему дару. Наука, долгие годы внушаемая миссис Модести, легко давалась Пегги, ибо в основе ее лежала естественная честность, которой всегда следовала девушка. Самой трудной преградой был дар Пегги. Каждый раз, знакомясь с новым человеком, она по привычке заглядывала в огонь его сердца, чтобы узнать, что собой представляет ее новый знакомый, после чего, узнав о нем больше, чем о себе самой, Пегги приходилось скрывать, что ей ведомы его самые темные

тайны. Именно это делало ее такой нелюдимой, заставляло избегать людское общество.

Миссис Модести соглашалась с Пегги в том, что ей нельзя рассказывать остальным о своей способности видеть каждый уголок души человека. Однако миссис Модести доказала, что, пока Пегги будет скрывать в себе столь важные вещи, она никогда не станет собой, никогда не раскроет свою красоту — а следовательно, не превратится в ту женщину, которую Элвин полюбит такой, какая она есть.

Выход из положения был достаточно прост. Поскольку Пегги не могла в открытую говорить о том, что ей известно, но и скрывать эти тайны не представлялось возможным, единственным разумным решением было не видеть окружающие огоньки. Прошедшие три года велась настоящая битва за то, чтобы научиться не заглядывать в сердца людей. Однако упорным трудом, слезами и тысячами разнообразных уловок Пегги все-таки достигла желаемого. Она могла войти в заполненную людьми бальную залу, не обращая внимания на огоньки сердец. Конечно, она их видела — она не могла ослепить себя, — просто как будто не замечала. Не стремилась заглянуть в них поглубже. Так что сейчас ей даже не хоте-

лось смотреть на них. Она могла стоять рядом с кавалером, болтать о чем-то, выслушивать собеседника и видеть только то, что способен увидеть самый обыкновенный человек.

Разумеется, годы, которые она прожила, будучи светлячком, научили ее разбираться в человеческой натуре, в том, что скрывается за определенным словом, тоном, выражением или жестом, поэтому она довольно легко угадывала ход мысли собеседника. Но достойные люди ничуть не возражали против того, что она, казалось, всегда знает, что у них на уме в тот или иной момент. Ей не приходилось скрывать свои способности. Однако тайны, кроющиеся в глубинах человеческой души, оставались теперь неведомыми для нее — если только она специально не вглядывалась в огоньки сердец.

А этого она теперь не делала. Ибо обрела ту желанную свободу, которой у нее никогда не было, — она могла воспринимать человека таким, какой он есть, могла радоваться обществу приятных людей, не зная и, значит, не чувствуя ответственности за скрытые желания и, самое ужасное, за будущее, которое их ждет. Это придавало ее танцу, смеху, разговору некую заразительную сумасшедшинку; никто на балу не

чувствовал такой свободы, как юная подруга миссис Модести, девушка по имени Маргарет, потому что никто не знал цепей отчаяния, которыми всю предыдущую жизнь была скована Пегги.

Вечер, проведенный Пегги на балу у губернатора, был насыщен всеми красками жизни. Это нельзя было назвать триумфом, ибо она никого не покоряла и не стремилась покорить — наоборот, все ее новые знакомые заразились той же свободой, тем же ликованием. Пегги ощущала чистую, искреннюю радость, и окружающие также радовались. Столь светлые, искренние чувства невозможно удержать. Даже те, кто шептался за ее спиной, ощутили радость вечера; судя по отзывам, которые получила потом жена губернатора, это был лучший бал, когда-либо проводившийся в Дикэйне, да что там в Дикэйне, во всей Сасквахеннии.

Впрочем, кое-кто сообразил, кто именно придал вечеру такой блеск. Среди догадавшихся были жена губернатора и миссис Модести. Пегги заметила, как они говорят друг с другом, когда, повернувшись в танце, возвращалась к своему партнеру, который аж лучился радостью от возможности потанцевать с этой девушкой. Жена губернатора, стоявшая рядом с миссис Модести,

улыбалась и кивала, указывая веером на площадку для танцев. На какой-то момент их глаза встретились. Пегги улыбнулась приветственной улыбкой; в ответ жена губернатора тоже улыбнулась и кивнула. Этот жест не прошел незамеченным. Теперь в Дикэйне Пегги будет желанной гостьей на любом приеме — если пожелает, за вечер она сможет посещать два или три дома, и так круглый год.

Однако Пегги не стала задирать нос, ибо понимала, что это достижение весьма незначительно. Да, она теперь вхожа в лучшие дома Дикэйна, но Дикэйн всего лишь столица штата, расположенного на окраине цивилизации. Если она так желает светских побед, ей следует отправиться в Камелот и завоевать там расположение королевского двора, а затем надо будет перебраться в Европу, чтобы быть принятой в Вене, Париже, Варшаве и Мадриде. Но даже если она станцует со всеми коронованными особами на свете, это еще ничего не будет значить. Она умрет, они умрут, но станет ли лучше мир оттого, что девушка по имени Пегги танцевала при королевских дворах?

Четырнадцать лет назад в сердце появившегося на свет ребенка она узрела истинное величие. Она защищала младенца, потому что полюбила то,

что ждет его в будущем. Она полюбила мальчика за то, какой он есть, за его душу. И что куда важнее, она полюбила труд, который Элвин должен будет исполнить. Короли и королевы возводили и теряли королевства; торговцы наживали и прожигали огромные состояния; художники творили картины, которые поблекнут под действием времени и будут забыты. Только подмастерье Элвин нес в себе семя Творения, которое выстоит против времени, против бесконечного, пагубного воздействия Разрушителя. Танцуя сегодня, Пегги танцевала ради Элвина, зная, что если ей удастся завоевать любовь сегодняшних кавалеров, то у нее непременно получится овладеть любовью Элвина и встать рядом с ним на пути к Хрустальному Городу, где все люди будут видеть, как светлячки, строить, как мастера, и любить с искренностью и чистотой Христа.

Подумав об Элвине, она немедленно обратилась к тому огоньку сердца, что мерцал ей издалека. И хотя она научилась не смотреть в души окружающих людей, она так и не перестала вглядываться в сердце этого юноши. Может, это мешало ей сдерживать собственный дар, но какой смысл чему-то учиться, если учение отторгнет ее от юноши, которого она любит? Ей не пришлось

искать огонек; в глубине души она всегда знала, где он находится. Раньше он яркой звездой сиял перед ней, но недавно она научилась отвлекаться от него, хотя при желании могла мгновенно его вызвать. Как сейчас и поступила.

Он копал какую-то яму за кузницей. Но Пегги привлекла вовсе не работа, которую он исполнял, впрочем, Элвин сам не замечал, что творит. В огне его сердца полыхал гнев. Кто-то очень несправедливо обошелся с ним — но почему он так злится, вряд ли это в новинку для него? Миротворец, который когда-то слыл чуть ли не самым справедливым из мастеров, постепенно начал завидовать искусству Элвина в обращении с железом и в своей зависти забыл о чести. Теперь чем больше ученик превосходил мастера, тем яростнее кузнец отрицал способности Элвина. Элвин жил бок о бок с несправедливостью, однако никогда прежде Пегги не наблюдала в нем такой ярости.

— Мисс Маргарет, что-нибудь не так? — с участием окликнул девушку кавалер, с которым она танцевала.

Пегги остановилась прямо посреди зала. Музыка еще играла, и пары продолжали двигаться в танце, но окружающие Пегги люди тоже начали

останавливаться, с удивлением оглядываясь на девушку.

— Я… я не могу продолжать, — выдавила она, удивленная тем, что горло ее перехватил какой-то ужасный страх. Чего она так испугалась?

— Может, выйдете на свежий воздух? — предложил кавалер. Как же его зовут? Сейчас в ее голове билось одно-единственное имя: Элвин.

— Да, прошу вас, — кивнула она.

Опершись на его руку, она проследовала к открытым дверям, ведущим на веранду. Люди расступались перед ней, но она никого не замечала.

Гнев, который накопил Элвин за годы работы у Миротворца Смита, вырвался наружу, и каждый удар лопаты становился ударом мести. Лозоход, невежественный искатель подземных вод, — вот кто разозлил его, вот кому мстил Элвин. Хотя лозоход, какими бы губительными ни были последствия его поступков, ничуть не интересовал Пегги. Ее больше беспокоил Элвин. Неужели он не видит, что его лопата, ведомая ненавистью, творит разрушение? Неужели он не знает, что труд, несущий разрушение, сразу привлекает Разрушителя? Если плодом твоих трудов является рассоздание, Рассоздатель не замедлит наложить

на тебя свою лапу.

Воздух сгущающихся сумерек охладил пылающее лицо, последние лучики солнца отбрасывали рубиновый свет на лужайку у губернаторского особняка.

— Мисс Маргарет, надеюсь, не я послужил причиной того, что вы так побледнели?

— О нет, нет, что вы. Умоляю, простите меня, просто мне на ум пришла одна мысль… которую я должна немедленно обдумать.

В глазах кавалера отразилось недоумение. Когда женщина хочет избавиться от общества мужчины, она всегда притворяется, будто ей дурно. Но мисс Маргарет вела себя по меньшей мере странно — Пегги видела, что ее кавалер пребывает в растерянности, не знает, что делать. Когда женщина притворяется, что теряет сознание, тут все ясно. Но как должен поступить джентльмен, если его дама вдруг заявляет, что «ей на ум пришла одна мысль»?

Она положила ладонь на его руку:

— Уверяю вас, мой друг, со мной все в порядке, танцевать с вами — неизбывное удовольствие. Надеюсь, нам еще выпадет возможность потанцевать вместе. Но сейчас мне нужно побыть одной.

При этих словах его беспокойство заметно

уменьшилось. Она назвала его «мой друг», значит, пообещала запомнить, а ее надежда на то, что он согласится еще раз потанцевать с ней, была столь искренней, что он ничего не мог поделать, кроме как поверить. Поклонившись с улыбкой, он тихо удалился. Она не заметила, как осталась одна.

Все ее внимание сосредоточилось на Хатраке, где подмастерье Элвин, не догадывающийся о возможных последствиях, призывал к себе Рассоздателя. Пегги погрузилась в огонь его сердца, она отчаянно искала выход — надо было что-то сделать, чем-то помочь Элвину. Она искала, но ничего не находила. Сейчас, когда Элвином правил гнев, все тропки вели в одно место, и это наполнило Пегги ужасом, ибо она не видела, что там находится, что ждет Элвина впереди. А обратно путей не было.

«Что я делаю на этом глупом балу, когда Элвин нуждается во мне? Если бы я не отвлекалась на всякие глупости, то увидела бы приближение беды и нашла какой-нибудь способ помочь ему. Вместо этого я танцевала, развлекалась с мужчинами, которые не значат ровным счетом ничего в будущем этого мира. Да, им было хорошо со мной. Но чего это будет стоить, если Элвин падет,

если подмастерье Элвин будет уничтожен, если Хрустальный Город рухнет до того, как Мастер начнет его творить?»

Глава 7
КОЛОДЦЫ

Элвину даже не пришлось поднимать голову, чтобы увидеть, что лозоход наконец уехал. Он и так чувствовал этого человека, видел, как он едет на своей кобыле, ведь гнев его черным шумом расцветал на фоне нежно-зеленой музыки леса. Это был крест Элвина, его проклятье — он единственный из всех бледнолицых чувствовал жизнь и видел, как земля умирает.

Не то чтобы почва утратила плодородие — деревья долгие годы росли на этой земле, поэтому она стала настолько щедрой на дары, что простые люди говаривали: достаточно одной тени от зернышка, чтобы взошел колос. Жизнь бурлила в полях, кипела в городах. Только жизнь эта не принадлежала песне земли. Она была шумом, пришепетывающим шорохом, тогда как зелень леса, жизнь краснокожего, животные, растения, почва, которые существовали в вечной гармонии, — их песнь стала печальной, тихой, едва слышной. Элвин слышал, как она умирает, и он оплакивал ее.

Завистливый лозоходишка. И чего он так взбеленился? Элвин не понимал. Ведь он не давил, не спорил, потому что стоило лозоходу появиться в окрестностях кузницы, как Эл сразу заметил тень Рассоздателя, замаячившую неподалеку, словно Хэнк Лозоход привел ее за собой.

Первый раз Рассоздатель явился Элвину в детских сновидениях — громадное, невидимое ничто, катящееся на Элвина, пытающееся сокрушить его, подмять под себя, размолоть на кусочки. Старый Сказитель помог Элвину дать этой пустоте имя. Рассоздатель, Разрушитель, который жаждет расправиться со всей вселенной, повергнуть ее в прах, раздавить, чтобы вокруг воцарились вечный холод и смерть.

Дав Рассоздателю имя и частично поняв его природу, Элвин начал видеть его повсюду, не только ночью, но и днем. Но видеть не в буквальном смысле этого слова. Посмотри на Рассоздателя, и в большинстве случаев его не увидишь. Невидимой тенью он прячется за жизнью и творением мира. Но чуть-чуть сбоку, на границе зрения, все время маячит его фигура, затаившись злобной, старой змеей, норовящей ужалить.

Еще будучи маленьким мальчиком, Элвин научился отгонять от себя Рассоздателя. Все, что

требовалось, это смастерить что-нибудь своими руками. К примеру, сплести из травинок маленькую корзиночку, и Разрушитель быстро оставит тебя в покое. Поэтому, когда Элвин, начав работать в кузнице Миротворца, заметил, что вскоре там объявился и Рассоздатель, юноша не слишком встревожился. В кузнице всегда подворачивался случай что-нибудь смастерить. Кроме того, здесь постоянно властвовал огонь — огонь и железо, самая твердая земля, которая может быть на свете. С раннего детства Элвин знал, что Рассоздатель предпочитает держаться воды. Вода была его другом, исполняла множество его поручений, принося разрушение. Неудивительно, что при появлении прислужника воды, такого, как Хэнк Лозоход, Рассоздатель сразу расцвел и оживился.

Но Хэнк Лозоход отправился дальше своей дорогой, забрав с собой гнев и несправедливость, а Рассоздатель остался, прячась в лугах и кустах, маяча в вытянувшихся тенях надвигающегося вечера.

Лопату в землю, поднять ком, поднести к краю колодца, вывалить на кучу. Мерный ритм работы, куча становится все выше, стенки колодца — ровнее. Очертить ровный квадрат три фута глубиной, здесь встанет деревянный домик колодца.

Затем медленно углубляемся в землю, дальше последует сам колодец, стены которого будут выложены камнем. И хотя ты знаешь, что из этого источника никто и никогда не наберет воды, работай осторожно, на совесть, копай так, будто колодец встанет здесь на века. Строй хорошо, как можно лучше, и коварная тварь, пасущаяся неподалеку, не посмеет подступиться к тебе.

Но почему Элвин не чувствовал в себе обычного рабочего запала?

Элвин увидел, что день клонится к вечеру. Появился Артур Стюарт — тут и на часы не смотри. Лицо малыша было чисто вымыто после ужина, Артур Стюарт сосал сладкий корешок и, как обычно, не произносил ни слова. Элвин привык к обществу мальчика. С тех самых пор, как Артур Стюарт научился ходить, он следовал за Элвином маленькой тенью, появляясь каждый Божий день, если только дождь не шел. Говорил он мало, а когда заговаривал, то понять его было нелегко — у Артура Стюарта были проблемы с буквами "р" и "с". Впрочем, это ничуть не мешало. Артур не приставал и не путался под ногами, поэтому обычно Элвин не замечал крутящегося неподалеку мальчика.

Лопата мерно вышвыривала землю, в лицо

лезли вечерние надоедливые мухи, работа постепенно продвигалась, и Элвин, чтобы занять чем-то голову, принялся размышлять о прошлом. Три года он провел в Хатраке и за это время ни на дюйм не продвинулся к пониманию, для чего же ему был дан его дар. Элвин почти не прибегал к помощи скрытых сил, разве что изредка, когда подковывал лошадей, да и то потому, что знал, как они страдают от плохих подков — ему же было совсем нетрудно наложить добрую подкову. Это было хорошее дело, но оно не больно-то помогало творению, учитывая то, с какой скоростью разрушались окрестные земли.

В лесной стране белый человек стал инструментом в лапах Рассоздателя и действовал куда успешнее, чем вода, которая также обожала все рушить. Каждое поваленное дерево, каждый барсук, енот, олень и бобер, чью жизнь отняли без согласия на то животного, — каждая смерть становилась частью умирания земли. Некогда равновесие природы поддерживали краснокожие, но их не стало — они либо погибли, либо скрылись на западе от Миззипи, либо, подобно племенам ирраква и черрики, превратились в своих сердцах в бледнолицых и, закатав рукава, принялись рассоздавать землю намного быст-

рее, нежели это удавалось белому человеку. И никого не осталось, чтобы вернуть вещам былую целостность.

Иногда Элвину казалось, что он один ненавидит Рассоздателя и желает наперекор ему строить, а не разрушать. Но он не знал, как это делается, понятия не имел, каким должен быть следующий шаг. Девочка-светлячок, которая коснулась его, когда он родился, была единственной, кто мог бы научить его быть Мастером, но она ушла, убежала из Хатрака в то самое утро, как он здесь появился. Вряд ли это простое совпадение. Просто она не хотела учить его. У него была своя судьба, и ни одна живая душа не поможет найти ему путь, который его ждет.

«Я очень хочу пройти по этому пути, — подумал Элвин. — Во мне живет сила, которую я могу использовать по назначению, и у меня есть желание стать тем, кем я должен стать. Но кто-то должен научить меня».

Кузнец этому научить не сможет. Жадный старый простак. Элвин знал, что Миротворец Смит старается учить его как можно меньше. Миротворец не догадывается, сколь многому успел научиться Элвин, наблюдая за действиями своего мастера, который не подозревал, что ученик

внимательно следит за каждым его движением. Миротворец вообще не отпустил бы Элвина от себя, будь на то его воля. «Меня ждет моя судьба, настоящий честный Труд, который я должен исполнить, словно библейский герой, Одиссей или Гектор, а моим единственным учителем является кузнец, одолеваемый собственной жадностью, и я вынужден красть у него знания, хотя они мои по праву».

Иногда эта несправедливость нестерпимо жгла его изнутри, и тогда Элвину хотелось устроить какое-нибудь представление, сделать нечто замечательное, чтобы доказать Миротворцу Смиту, что его подмастерье не просто мальчишка, который не видит творящегося под носом обмана. Как поступит Миротворец, узрев, что Элвин способен пальцами ломать железо? Что если Элвин у него на глазах разогнет согнутый гвоздь или срастит хрупкое железо, разбившееся под ударом молота? Что если Элвин продемонстрирует ему железную пластинку, сквозь которую виден солнечный свет, но которую не переломить, как ни пытайся?

Но Элвин старался отгонять всякие глупости, лезущие в голову. Ну да, сначала Миротворец Смит просто-напросто обалдеет, может, в обморок

грохнется, но не пройдет и десяти минут, как он очухается и начнет прикидывать, как бы сделать побольше денежек на умении своего ученика, а у Элвина останется еще меньше надежд освободиться раньше срока. Слухи о нем разлетятся по всей земле, это уж непременно, так что, когда Элвину стукнет девятнадцать и Миротворец Смит наконец отпустит его, об Элвине прослышат повсюду. Люди не оставят его в покое, будут просить исцелить, посмотреть, исправить, вырезать камень — нет, от рождения ему назначен иной путь. Если ему поведут больных и хромых на исцеление, Элвину останется только лечить, ни на что другое не хватит времени. Он успеет помочь людям, когда узнает, что же такое быть настоящим Мастером.

За неделю до бойни на Типпи-Каноэ Пророк Лолла-Воссики показал ему Хрустальный Город. Элвин знал, что в будущем именно ему предназначено возвести эти башни из льда и света. Вот она, его судьба, иначе он превратится в заурядного сельского лекаря. Нет, пока он связан с Миротворцем Смитом какими-то обязательствами, Элвин будет держать свой дар в тайне.

Вот почему он и не думал о побеге, хотя был достаточно взрослым и никто не принял бы его за

беглого ученика. Какой толк ему от этой свободы? Сначала он должен научиться тому, как стать Мастером, а пока можно и потерпеть.

Поэтому он никогда не распространялся о своих способностях, лишь изредка использовал дар, чтобы подковать какую-нибудь лошадь да почувствовать смерть земли. Но все это время он помнил, кто он есть на самом деле. Мастер. «Что бы это ни значило, я — Мастер, поэтому Рассоздатель пытался убить меня еще до рождения и после того, подстраивая сотни несчастных случаев, пока я рос в Церкви Вигора. Вот почему он маячит вокруг, наблюдает, ждет возможности завладеть мною, ждет, когда я, как сегодня, останусь один в темноте. Останусь наедине с лопатой и гневом, который испытываю, делая работу, которая заведомо бесполезна».

Хэнк Лозоход. Что ж это за человек, который не прислушивается к советам? Да, лоза ушла глубоко в землю — вода показала, что жаждет прорваться в этом месте. Но причина, почему она еще не прорвалась, весьма проста — она заключается в камне, который залегает всего в четырех футах под землей. Иначе откуда взяться такому большому лугу? Деревья не могут прижиться здесь, потому что вода, попадая на эту почву, сразу

стекает по камню, а корни не в силах пробиться сквозь огромную скалу, скрывающую под собой драгоценную влагу. Хэнк Лозоход может найти воду, но он не видит, что лежит *между* водой и поверхностью. Хэнка нельзя винить, что он не увидел залегающего под землей камня, но вина его состоит в том, что он и думать не захотел о такой возможности.

А Элвин потей, копай колодец, его-то никто не слушает… Не успел юноша закончить свою мысль, как — стук-бряк-дзынь — острие лопаты ударило в камень.

Заслышав новый звук, Артур Стюарт подскочил к краю ямы и заглянул внутрь.

— Бряк-бряк, — произнес он и хлопнул в ладоши.

— Вот уж чего не отнять, так это бряк-бряк, — проворчал Элвин. — Я буду брякать по камню, пока не выкидаю отсюда всю землю. Но можешь зарубить на своем носу, Артур Стюарт, я не побегу к Миротворцу Смиту сообщать об этом. Он сказал, что я не получу ни еды, ни питья, пока не добуду воду, и я не стану молить об ужине только потому, что наткнулся на скалу, не дождетесь.

— Бряк, — повторил мальчик.

— Я вылижу камень дочиста.

И он принялся выкидывать землю из ямы, царапая лопатой по шероховатой поверхности камня. Но как Элвин ни старался, дно неудавшегося колодца все равно оставалось грязно-коричневого цвета, а это юношу не удовлетворяло. Он хотел, чтобы камень блестел своей чистотой. Никто его сейчас не видит, кроме Артура Стюарта, который наверняка ничего не поймет… Так что Элвин прибег к помощи своего дара, которым практически не пользовался с тех пор, как покинул Церковь Вигора. Он заставил землю «стечь» с поверхности скалы — мелкие песчинки скользнули в разные стороны и крепко прилипли к ровным, утрамбованным стенам ямы.

Элвин глазом не успел моргнуть, как камень аж заблестел белизной, будто зеркально чистый пруд, играющий последними бликами садящегося за горизонт солнца. В деревьях запели вечерние птички. С лица Элвина ручьем лил пот, падая на белоснежную поверхность и оставляя маленькие черные пятнышки.

Артур стоял на краю ямы.

— Вода, — сказал он.

— Эй, эй, Артур Стюарт, держись подальше от дыры. Пусть она не такая глубокая, все равно остерегайся таких ямищ. Ты можешь упасть и

разбиться.

Громко хлопая крыльями, мимо них пропорхнула какая-то пташка. Другая пичуга разразилась испуганным чириканьем.

— Снег, — сказал Артур Стюарт.

— Это не снег, это камень, — поправил Элвин. Опершись руками о края и выпрыгнув из ямы, он выпрямился и тихонько хихикнул. — Вот он, твой колодец, Хэнк Лозоход. Возвращайся поскорее, полюбуйся, где твоя лоза воткнулась в землю.

Хэнк еще пожалеет о том, что натравливал кузнеца на Эла. Попробуй кулака кузнеца, мало не покажется, — Миротворец и детишек охаживал дай Боже как, а уж Элвину доставалось…

Вот теперь он пойдет в дом и скажет Миротворцу Смиту, что колодец готов, а затем приведет своего мастера сюда и продемонстрирует ямищу с огромным камнем вместо дна. Элвин знал, что скажет кузнецу: «Покажи мне, как пить из этого колодца, и я напьюсь от души». О, что за удовольствие увидеть, как Миротворец позеленеет от злости!

Да, он докажет Миротворцу и Хэнку, что они ошибались, обращаясь с Элвином как с сопливым мальчишкой, но дело-то не в этом. Преподаст он им урок или нет, а Миротворцу действительно

позарез нужен колодец. Так нужен, что кузнец готов за бесплатно любую работу исполнить. В общем, будет колодец вырыт там, где показал Хэнк Лозоход, или еще где, Элвину так или иначе придется его рыть.

Впрочем, это очень даже устраивало Элвина. Он принесет ведро чистой воды, как Миротворец и приказывал, — но наберет его из колодца, место для которого выберет сам.

Он оглянулся по сторонам, осматривая залитое рубиновым вечерним светом поле и раздумывая, где лучше начать. Артур Стюарт сидел рядом и тягал луговую траву, в сумерках раздавались панические вопли птиц, устроивших репетицию по хоровому пению.

Что-то они чересчур разорались, или их испугало что? Оглянувшись, Элвин заметил, что Рассоздатель сегодня ведет себя несколько иначе, чем обычно. По идее, вырытая яма должна перепугать его до чертиков, и, как правило, после такой работы Разрушитель не показывался на глаза очень долго. Но сегодня он следовал по пятам за Элвином, пока тот обходил луг, высматривая место, где лучше вырыть колодец. Это начинало походить на один из ночных кошмаров, в которых Рассоздатель неизменно побеждал

Элвина. По спине юноши пробежали неприятные мурашки, рассыпая легкий озноб. Несмотря на то что весенняя ночь выдалась на редкость теплой, Элвин передернулся.

И попытался выкинуть наваждение из головы. Он знал, что Рассоздатель не посмеет прикоснуться к нему. Все прошлые годы Рассоздатель пытался убить Элвина, придумывая всевозможные каверзы, — он любил покрыть ледком воду, заманивая Элвина на реку, подточить бережок, чтобы мальчик поскользнулся. Бывало, что Рассоздатель натравливал на Элвина какого-нибудь человека — преподобного Троуэра, к примеру, или краснокожих из племени чоктавов. В отличие от снов, в реальной жизни Рассоздатель не имел силы и сам ничего не мог сделать.

«Вот и сейчас он только пугает, — успокаивал себя Элвин. — Не обращай внимания, ищи место, где можно выкопать *настоящий* колодец. Та яма не отпугнула старого обманщика, но настоящий колодец сразу его прогонит, он месяца три, не меньше, на глаза появляться не будет».

С этими мыслями Элвин пригнулся ниже и принялся разыскивать щелочку в огромной каменной плите.

Нельзя сказать, что Элвин *видел* происходящее

под травой. Просто, когда он заглядывал под землю, у него словно еще одна рука вырастала, которая проникала сквозь почву и камень. Хотя Элвин ни разу не встречал настоящего перевертыша, ему казалось, что эти люди действуют примерно так же, проникая своими чувствами внутрь земли. А если это так, то правы ли те, кто утверждает, что перевертыш посылает под землю свою *душу*? Ходили слухи, что порой душа теряется в земных глубинах и тогда перевертыш сидит на одном месте, не говоря ни слова и не шевелясь, пока не умрет. Но Элвин старался не думать об этих сказках и не отвлекаться от своего дела. Он найдет в камне трещинку, где сквозь скалу можно будет легко пробиться. А что касается воды, то до нее он как-нибудь докопается.

В конце концов Элвин нашел место, где подземная каменная плита истончалась и готова была раскрошиться сама. Здесь земля была выше, а вода, следовательно, залегала глубже, но главное — здесь можно было пробиться сквозь камень.

Новый колодец располагался прямо между домом и кузницей. Миротворец, конечно, будет ворчать, но его жена Герти только порадуется, потому что воду в дом таскать ей. Поплевав на руки, Элвин взялся за лопату — темнело быстро,

а он твердо решил, что, пока работа не будет исполнена, спать не ляжет. Особенно не раздумывая, Элвин решил прибегнуть к помощи тех сил, которые служили ему доброй подмогой на отцовских полях. Лопата даже не касалась почвы: земля на глазах превращалась в пыль и будто сама выпрыгивала из быстро растущей ямы. Проходи кто мимо, он бы подумал, что Элвин пьян или что у юноши припадок какой — так быстро он копал. Но рядом не было ни единой живой души, за исключением Артура Стюарта. Вскоре сгустилась ночь, а лампы у Эла не было, так что теперь он мог использовать свой дар в открытую, не опасаясь, что его кто-нибудь заметит.

Со стороны дома донеслись какие-то крики. Ругались громко, но слов Элвин разобрать не мог.

— Злятся, — сказал Артур Стюарт. Он смотрел на дом, насторожившись, словно маленький щенок.

— Ты слышишь, что там говорят? — спросил Элвин. — Пег Гестер твердит, что у тебя уши как у собаки, слышат каждый шорох.

Артур Стюарт закрыл глаза.

— Ты не имеешь права морить мальчика голодом, — сказал он.

Элвин усмехнулся. Артур в точности передал

голос Герти Смит.

— Пороть его поздно, но я преподам ему хороший урок, — продолжал Артур Стюарт.

Судя по всему, на этот раз говорил кузнец.

— Посмотрим, посмотрим, — пробурчал Элвин.

Малыш Артур не останавливался:

— Значит так, Миротворец Смит, либо Элвин съест свой ужин, либо я надену вот эту кастрюлю тебе на голову. Только попробуй, старая ведьма, я тебе все руки переломаю.

Не сдержавшись, Элвин расхохотался.

— Будь я проклят, Артур Стюарт, ты настоящий пересмешник.

Мальчик поднял голову на Элвина, и по его личику расползлась ухмылка. В доме начали бить посуду. Артур Стюарт засмеялся и забегал вокруг ямы кругами.

— Блюдо дзынь, блюдо дзынь, блюдо дзынь! — напевал он.

— Смотри все не перебей, — посоветовал Элвин. — Ты лучше скажи, Артур, неужели ты действительно не понял, что сейчас говорил? Ну, я хочу сказать, неужели ты всего-навсего повторял то, что слышал?

— Блюдо дзынь прямо ему по голове! — хохоча выкрикнул Артур и завалился на траву.

Элвин тоже рассмеялся, но взгляд его оставался прикован к катающемуся по лугу малышу. «Этот мальчик не так прост, как кажется, — подумал Элвин. — Либо он просто чокнутый».

С холма донесся встревоженный женский голос, громкий зов, разлетевшийся в сгустившемся влажном воздухе:

— *Артур*! Артур *Стюарт*!

Артур сел.

— Мама, — сказал он.

— Правильно, тебя зовет тетушка Гестер, — подтвердил Элвин.

— Пора в кровать, — кивнул Артур.

— Гляди, как бы она перво-наперво не устроила тебе большую помывку, а то ты вымазался с ног до головы.

Артур встал и затрусил через луг, поднимаясь по тропинке, которая вела от домика на ручье к гостинице, где он жил. Элвин проводил его взглядом. На бегу мальчик хлопал себя по бокам руками, как будто летел. Какая-то птица, скорее всего сова, сорвалась с дерева и, спустившись к земле, полетела рядом с мальчиком, словно составляя ему компанию. Увидев, что Артур скрылся за домиком, Элвин вернулся к своей работе.

Спустя пару минут стало темно хоть глаз выколи, и на землю опустилась глубокая ночная тишь. Городские собаки и те примолкли. До появления на небе луны оставалось несколько часов. Элвин трудился не покладая рук. Он чувствовал, как растет яма и расступается под ногами почва. Но помогал ему в этом вовсе не дар краснокожего, слышащего песнь зеленого леса. Сейчас он прибег к помощи своей силы, которая давала ему возможность чувствовать сквозь землю.

Он знал, что здесь, чтобы добраться до камня, придется копать в два раза глубже. Но когда лопата ударила в твердую скалу, она не отскочила, как это случилось, когда Элвин копал колодец там, где указал Хэнк Лозоход. Камни крошились и ломались. Элвин легонько поддевал их ломиком, и они сами выпрыгивали вверх, после чего юноша легко вышвыривал их из колодца.

Вскоре он пробился сквозь камень, и земля под ногами начала расползаться. Однако Элвин не был бы Элвином, если б отложил работу до утра и с помощью кузнеца выкачал из колодца оставшуюся грязь. Это было бы слишком легко. Отбросив в сторону лопату и ломик, Элвин укрепил землю в стенах колодца, чтобы вода прибывала не так быстро, и при помощи черпака принялся раз-

гребать превратившуюся в жидкую грязь почву. Причем ему не пришлось прибегать к веревке, чтобы вытаскивать грязь наверх, — при помощи своего дара он поднимал ее в воздух, лепил комки и укладывал рядом с ямой, словно играл в куличики.

Здесь, в этой яме, Элвин был сам себе мастером и творил чудеса. «Говоришь, я не буду ни пить, ни есть, пока не выкопаю колодец? Думаешь, заставишь меня вымаливать глоток воды? Хочешь, чтобы я умолял дать мне поспать? Не дождешься. Ты получишь свой колодец, его стены будут так крепки, что твой дом и кузница рассыплются в прах, а вода здесь будет так же чиста, как и всегда».

Хотя Элвин уже чувствовал во рту привкус победы, вместе с тем он видел, что Рассоздатель еще ближе подступил к нему — так близко он не осмеливался подойти ни разу. Он мерцал и танцевал вокруг. Даже в темноте Элвин видел его — Рассоздатель маячил прямо перед ним, его размытые очертания проявлялись в ночи намного лучше, чем днем, потому что сейчас Элвина ничего не отвлекало.

Внезапно ему сделалось страшно, детские страхи сбывались, и на некоторое время Элвин

окаменел от ужаса, замер на месте, чувствуя, как вода сочится из-под ног, превращая твердую землю в грязь. Он тонул в густой, жирной грязи сотни футов глубиной, и стены колодца тоже стали оплывать, заваливая Элвина, утаскивая внутрь. Он пытался вдохнуть, вода лезла в легкие, он чувствовал, как ее холодные, влажные щупальца смыкаются вокруг его бедер, вокруг пояса; он стиснул кулаки и ощутил в пальцах все ту же грязь, подобную кошмарной пустоте, являвшейся ему в сновидениях…

Но затем он опомнился, взял себя в руки. Он действительно по пояс ушел в пропитавшуюся водой землю, и будь на его месте какой-либо другой мальчишка, он бы сразу принялся вырываться, тем самым уходя глубже и глубже, пока совсем не утонул бы. Но Элвин был не совсем обыкновенным юношей, и ему ничего не угрожало, только нельзя поддаваться страху, порождению детских кошмаров. Сосредоточившись, он создал из грязи под ногами твердую опору, способную выдержать его вес, после чего заставил площадку подняться на поверхность. Вскоре он стоял на твердом дне колодца.

Нет ничего проще, как крысе шею свернуть. Если это все, на что способен Рассоздатель, то

его могущество вызывает презрительный хохот. Кишка тонка с Элвином справиться — как у него, так и у Миротворца Смита с Хэнком Лозоходом. Элвин снова принялся работать лопатой, вычерпал грязь, выкидал из колодца, снова начал черпать.

Он порядком углубился под землю, на добрых шесть футов ниже каменной плиты. Если б он не утрамбовывал земляные стены колодца, вода залила бы его с головой. Элвин ухватился за веревку, которую предусмотрительно закрепил у колодца, и, упираясь ногами в стену, перебирая руками, полез на волю.

Луна уже взошла, но яма получилась такой глубокой, что лунный свет достигнет дна, только когда ночное светило засияет прямо над головой. Но этого и не требовалось. Элвин покидал обратно в яму камни, которые вытащил оттуда всего час назад, и спустился следом.

Он научился обращаться с камнем еще в младенческие годы, но никогда не действовал более уверенно, чем сегодня ночью. Голыми руками он лепил камень, как мягкую глину, превращая булыжники в аккуратные квадратные камешки, которыми выкладывал стены колодца. Он клал их как можно ближе друг к другу, чтобы давление

почвы и воды не выбило камни из стен. Влага легко проникнет сквозь трещинки, но песок застрянет, и колодец всегда будет давать чистую родниковую воду.

Камней, естественно, не хватило, и Элвину пришлось трижды ходить к ручью, чтобы наполнить корзину обточенной водой галькой. Хоть Элвин и прибег к своему дару, чтобы облегчить работу, время клонилось к середине ночи, и усталость брала свое. Однако он отказывался думать об отдыхе. Разве он не научился у краснокожих бежать сутки напролет, не зная, что такое усталость и боль в ногах? Мальчик, который следовал за Такумсе и без остановки бежал от Детройта до Восьмиликого Холма, — такой мальчик без труда выкопает колодец за одну ночь, и плевать на жажду, плевать на боль в спине, бедрах, плечах, локтях и коленях.

Наконец, о, наконец-то работа закончена. Луна давно миновала зенит, язык скреб небо, словно лошадиная попона, но колодец был выкопан. Упираясь руками и ногами в только что положенные каменные стены, Элвин выбрался из ямы. Очутившись снаружи, он позволил земле в щелях камней размякнуть, и вода, приручennая и подчиненная воле человека, звонко закапала

на выстилающие дно булыжники.

Однако Элвин не направился домой, он даже не пошел к ручью, чтобы напиться. Нет, он утолит жажду из этого колодца, как поклялся Миротворец Смит. Элвин останется здесь и подождет, пока вода не достигнет естественного уровня, потом очистит ее, зачерпнет ведром и принесет в дом, где выпьет чашку воды прямо перед своим мастером. После этого он отведет Миротворца Смита к колодцу, который нашел Хэнк Лозоход, к тому самому, который Элвина принудили копать, а затем покажет кузнецу другой колодец, куда можно кинуть ведро и услышать радостный плеск воды, а не грохот железа о камень.

Он стоял на краю и представлял, как Миротворец Смит станет плеваться и шипеть от злости. Постояв немножко, Элвин опустился на землю, чтобы дать отдых измученным ногам, — теперь он рисовал себе лицо Хэнка Лозохода, когда тот увидит труд Эла. Потом Элвин лег, чтобы унять боль в спине, и на минутку-другую прикрыл глаза, чтобы не отвлекаться на суетливые тени Рассоздателя, по-прежнему маячившего неподалеку.

Глава 8
РАССОЗДАТЕЛЬ

Миссис Модести заворочалась. Пегги услышала, как ритм ее дыхания изменился. Затем женщина проснулась и резко села на своей кровати. Оглядевшись по сторонам, миссис Модести разглядела в темноте Пегги.

— Это я вас разбудила… — пробормотала Пегги.

— Что случилась, моя дорогая? Ты что, совсем не спала?

— Я боюсь, — ответила Пегги.

Миссис Модести вышла на галерею. Легкий юго-западный ветерок играл узорчатыми шелковыми занавесками. Луна резвилась с облаком, по крышам Дикэйна, раскинувшегося у подножия холма, ползли переменчивые тени.

— Ты видишь его? — спросила миссис Модести.

— Не его, — поправила Пегги. — Я вижу лишь огонек его сердца. Я могу глядеть его глазами, способна увидеть, что ждет его в будущем. Но его самого — нет, не вижу.

— Бедняжка моя… Был такой замечательный

вечер, а тебе пришлось уйти с бала, чтобы присмотреть за маленьким мальчиком, над которым нависла смертельная опасность.

Таким образом, ни о чем не допытываясь, миссис Модести спрашивала, в чем заключается угрожающая Элвину опасность. Пегги предоставлялось право самой решать, отвечать или нет, причем обиды, ответив отказом, она не причинит.

— Если б я могла все толком объяснить… — вздохнула Пегги. — Это виноват его враг, безликая тварь…

Миссис Модести вздрогнула:

— Безликая?! Боже, какая мерзость.

— Впрочем, не так уж он и безлик. Являясь другим людям, он обычно подыскивает себе какое-нибудь лицо. Один священник, к примеру, человек, который мнил себя великим ученым, видел Рассоздателя, но разглядеть его сущность не смог — в отличие от Элвина. Этот священник сам придал Рассоздателю форму и дал ему имя. Он назвал его Посетителем и счел ангелом.

— Ангелом?!

— Мне кажется, что мы все когда-нибудь видели Рассоздателя, только не узнавали его, поскольку не обладали должной силой разума. Наш ум

придает ему наиболее близкий к жизни облик. Мы видим ту форму, которая представляет собой неприкрытую разрушительную силу, ужасное могущество, которому нельзя противостоять. Те, кто поклоняется подобному злу, заставляют себя относиться к Рассоздателю как к идеалу красоты. А те, кто ненавидит и боится его, сталкиваются с самой страшной тварью на свете.

— А что видит твой Элвин?

— Я с Рассоздателем никогда не встречалась, он слишком бесплотен; даже глядя глазами Элвина, я не могу увидеть Рассоздателя, если сам Элвин не обращает внимания на него. Я вижу, что он что-то заметил, и лишь потом понимаю, что это был Рассоздатель. Такое ощущение, будто вы ухватили уголком глаза какое-то движение, но, повернувшись, ничего перед собой не увидели.

— Словно он постоянно держится у тебя за плечом, — кивнула миссис Модести.

— Верно.

— И он сейчас вознамерился напасть на Элвина?

— Бедный мальчик, он не понимает, что сам призвал к себе Рассоздателя. Элвин вырыл в своем сердце глубокую черную яму, как раз в такие уголки души обожает заползать Разрушитель.

Миссис Модести вздохнула:

— Ах, дитя мое, все эти вещи выше моего понимания. Я никогда не могла похвастаться каким-либо скрытым даром, поэтому то, что ты мне сейчас говоришь, кажется чем-то непостижимым.

— У вас? Никогда не было дара? — с изумлением переспросила Пегги.

— Да, я знаю, люди не любят признаваться в этом, но ведь не я одна такая обездоленная.

— Миссис Модести, вы не поняли меня, — возразила Пегги. — Да, я была удивлена, но вовсе не тем, что у вас нет никаких скрытых сил, а тем, что, *по вашему мнению*, у вас их нет. Вы обладаете очень, очень могущественной силой.

— Нет, дорогая моя, я бы, конечно, с радостью призналась в этом, но…

— У вас есть дар видеть не рожденную на свет красоту. Вы видите ее так, будто она стоит у вас перед глазами, и тем самым высвобождаете ее.

— Как это прекрасно, — улыбнулась миссис Модести.

— Вы сомневаетесь в моей правоте?

— Я ни секунды не сомневаюсь в том, что ты говоришь абсолютно искренне и веришь своим словам.

Спорить было бессмысленно. Миссис Модести поверила ей, но боялась себе в этом признаться. Но сейчас не время убеждать ее. Куда важнее Элвин, который уже заканчивает второй колодец. Один раз он сумел спастись и теперь считает, что опасность позади. Юноша опустился на край колодца, чтобы передохнуть минутку-другую, потом лег. Неужели он не видит, как Рассоздатель протягивает к нему свои щупальца? Неужели он не понимает, что, заснув, он откроет себя Рассоздателю, и тот не замедлит проникнуть в него?

— Нет! — прошептала Пегги. — Не спи!

— Ты говоришь с ним? — удивилась миссис Модести. — Он может тебя услышать?

— Нет, — понурилась Пегги. — Он не слышит ни единого слова.

— Но что ты можешь сделать?

— Ничего. Я ничего не могу придумать.

— Ты как-то рассказывала, что раньше прибегала к помощи его сорочки…

— Я пользовалась тогда частичкой его силы. Но даже его дар не способен прогнать то, что явилось по его зову. Будь у меня целый ярд его сорочки, а не жалкий кусочек, все равно я не смогу прогнать Рассоздателя. Я просто не знаю, как это сделать.

Замолкнув, Пегги с отчаянием наблюдала за

тем, как глаза Элвина закрываются, закрываются…

— Он заснул.

— Если Рассоздатель победит, Элвин погибнет?

— Не знаю. Может быть. А возможно, он просто исчезнет, истонченный, изглоданный, и превратится в ничто. Или Рассоздатель завладеет им…

— Ты ведь светлячок, неужели ты не способна заглянуть в будущее?

— Тропинки будущего Элвина ведут во тьму, где и пропадают. Все до единой.

— Значит, все кончено, — прошептала миссис Модести.

Пегги почувствовала на щеках что-то холодное. Ну да, конечно, это ее слезы сохли на прохладном ветерке.

— Но если б Элвин сейчас не спал, он мог бы прогнать этого невидимого врага? — спросила миссис Модести. — Извини, что лезу с расспросами, но, поняв, что происходит, я, возможно, помогу тебе что-нибудь придумать.

— Нет, нет, это не в наших силах, мы можем только следить…

Однако, несмотря на то что Пегги отвергла предложение миссис Модести, ее ум сразу уцепился за предложенную соломинку. «Я должна разбудить

его. Бороться с Рассоздателем бесполезно, но если я разбужу Элвина, он сам сможет за себя постоять. Да, он слаб, он устал, но, вполне вероятно, он найдет какой-нибудь способ одержать победу». Пегги развернулась и кинулась обратно в комнату. Ломая ногти, она открыла верхний ящик бюро и принялась рыться в нем, пока не нашла резную шкатулку, в которой лежала сорочка Элвина.

— Мне уйти? — спросила из-за плеча миссис Модести, которая вернулась в комнату вслед за Пегги.

— Нет, нет, останьтесь, прошу вас. Вы поддержите меня, если у меня опять ничего не получится.

— Я верю в тебя, — сказала миссис Модести. — И верю в него, если он действительно такой, каким ты его описываешь.

Но Пегги уже ничего не слышала. Она опустилась на краешек кровати, отыскивая в огоньке сердца Элвина какой-нибудь способ, при помощи которого можно было бы разбудить юношу. Обычно она могла проникать в него даже во время сна, она слышала то, что слышал он, видела память того, что его окружает. Но сейчас в Элвина просачивался Рассоздатель, поэтому чувства юноши притупились. Нет, на них нельзя полагаться. В отчаянии она принялась перебирать

варианты. Может, громкий шум? Воспользовавшись тем малым, что осталось от ощущений Элвина, Пегги отыскала растущее неподалеку дерево, растерла крошечный кусочек сорочки и попробовала — она не раз наблюдала, как Элвин делает это, — воссоздать в уме юноши картинку дерева, чья ветвь внезапно отламывается и падает на землю. Быстрее, ну быстрее же — у Элвина это получалось в мгновение ока! В конце концов ветка рухнула. Но поздно. Он не услышал треска. Рассоздатель практически растворил вокруг Элвина воздух, так что дрожащий звук не проник за эту преграду. Возможно, Элвин что-то услышал; быть может, он продвинулся на шаг-другой к пробуждению. А может, нет.

"Как же мне разбудить его, если он ничего не чувствует, если ничто его не волнует? Я сжимала в руках его сорочку, когда на Элвина падала кровельная балка, и прожгла в дереве дыру величиной с его тельце, так что с головы Элвина даже волоска не упало. Один раз ему на ногу упал жернов; я расколола камень на две части. Однажды его отец, стоя на сеновале, сжимал в руках вилы, ведомый сумасшествием, которое навеял Рассоздатель, — он решил убить своего возлюбленного сына; тогда я привела к нему Сказителя,

чтобы тот отвлек отца от страшного намерения и прогнал Рассоздателя.

Но каким образом? Почему Разрушитель испугался Сказителя? Потому что тот увидел ненавистного зверя и закричал на него, вот почему Рассоздатель бежал при виде странника. Сейчас Сказителя рядом с Элвином нет, однако я наверняка смогу разбудить кого-нибудь и заставить спуститься на луг. Это должен быть человек, сердце которого исполнено любовью и добротой, чтобы Рассоздатель пустился в бегство при его появлении".

Одолеваемая смертельным ужасом, она оставила заветный огонек, на который наступала всепоглощающая чернота Рассоздателя, и пустилась сквозь ночь на поиски другого сердца, которое она сможет разбудить и послать на помощь погибающему юноше. И сразу Пегги почувствовала, как тьма, заволакивающая душу Элвина, немножко прояснилась, зарябив тенями, — глубокая пустота будущего, которую она раньше наблюдала, потеряла свою непроницаемость. Значит, спасение Элвина зависит исключительно от результата ее поисков. Однако даже если она отыщет кого-нибудь, как его разбудить? Но Пегги найдет способ, иначе Хру-

стальный Город погибнет. Его поглотит пропасть, которая разверзлась на месте глупого, ребячьего гнева Элвина.

Глава 9
ИВОЛГА

Элвин проснулся несколько часов спустя. Луна клонилась к западу, а на востоке разгорался первый призрачный свет. Он вовсе не собирался спать. Но он очень устал, да и работа, порученная ему, была полностью выполнена, поэтому, закрыв глаза, он, конечно же, задремал. Однако он еще успеет набрать ведро воды и принести в дом.

Так, но открыл ли он глаза? Небо, распростершееся над ним, было сплошь серого цвета. А куда подевались деревья? Разве не должны они тихонько шелестеть под дуновеньем утреннего ветерка? Если на то пошло, ветерка тоже не было. И помимо того, что он видел глазами, чувствовал кожей, пропало еще кое-что. Зеленая музыка живого леса. Ее не стало: затихло стрекотание, издаваемое спящими насекомыми в траве, куда-то подевался ритмичный стук сердец дремлющих на рассвете оленей. Птицы не прыгали по ветвям, ожидая, когда солнечное тепло разбудит вкусных мошек.

Все вокруг мертво. Рассоздано. Леса больше нет.

Элвин открыл глаза.

Но ведь они уже были открыты?

Элвин открыл глаза еще раз и опять ничего не увидел; не закрывая их, он снова открыл веки, и с каждым разом небо, казалось, становилось все темнее. Нет, не темнее, оно как бы отступало, удалялось от него, словно он падал в глубоченную яму, откуда даже неба не видно.

Элвин вскрикнул от страха и открыл уже открытые глаза. И вот что он увидел…

Дрожащую бестелесную плоть Рассоздателя, давящую на него, проникающую в ноздри, между пальцев, лезущую в уши.

Он ничего не чувствовал, но все равно знал, что именно пропало: внешний слой его кожи — под прикосновением Рассоздателя его тело распадалось на маленькие частички, которые умирали, осыпаясь на землю.

— Нет! — закричал он.

Не раздалось ни звука. Вместо этого Рассоздатель ворвался ему в рот, протиснулся в легкие, и Элвин не мог сжать зубы, чтобы остановить скользкого Разрушителя, который упорно проникал в его тело, чтобы источить изнутри.

Элвин попытался исцелить себя — точно так же, как исцелил свою ногу, когда жернов чуть не перерезал ее пополам. Однако все происходило, как в древней истории, которую некогда поведал ему Сказитель. Он не мог соревноваться с Рассоздателем, который разрушал намного быстрее, чем Элвин строил. Он исцелял одну частичку, а тем временем распадались и умирали тысячи других. Его ждала смерть, наполовину его уже не существовало, и это будет не просто смерть, Элвин не просто потеряет бренную плоть, он не останется вечно живым духом — Рассоздатель вознамерился сожрать как тело, так и дух, как плоть, так и разум.

Плеснула вода. Он услышал плеск воды. Ничему он так не радовался, как этому незатейливому звуку. Оказывается, Рассоздатель, окруживший и почти поглотивший его, вовсе не всемогущ, как кажется. Есть что-то неподвластное ему.

Элвин услышал, как звук повторился и зазвенел в памяти. Ухватившись за проявление настоящего мира, Элвин открыл глаза.

На этот раз они действительно открылись, потому что он снова увидел небо, окаймленное кронами деревьев. А рядом, сжимая в руках ведро воды, стояла Герти Смит, жена Миротворца.

— Насколько я понимаю, это первая вода из колодца, — сказала она.

Элвин разлепил губы, и в его легкие просочился прохладный влажный воздух.

— Ну да, — прошептал он.

— Никогда б не подумала, что ты за одну ночь выроешь колодец да еще выложишь его камнями, — продолжала она. — Этот полукровка, Артур Стюарт, он влез на кухню, где я замешивала хлеб на завтрак, и сказал, что колодец ты вырыл. Вот я и пришла посмотреть.

— Он на ногах ни свет ни заря, — еле-еле кивнул Элвин.

— Зато ты с последними петухами ложишься, — посетовала Герти. — Будь у меня твоя сила, я задала бы моему мужу хорошую трепку, Эл, и не посмотрела, кто ученик, а кто мастер.

— Я всего лишь исполнил то, что он приказал.

— Не сомневаюсь, как не сомневаюсь в том, что именно он заставил тебя вырыть ту ямищу с камнем на дне, что возле кузницы. — Она довольно хмыкнула. — Ничего, это научит старого дурня уму-разуму. Верит всяким лозоходам, а у самого подмастерье какой, вы посмотрите…

Тут-то Элвин и понял, какую ошибку совершил. Яма, которую он выкопал в гневе, лучше всякой

вывески говорила о том, что он умеет не только копыта лошадям подковывать.

— Прошу вас, мэм, — взмолился он.

— О чем же?

— Я совсем не умею искать воду, мэм, но если вы начнете говорить противоположное, мне ж белого света не взвидеть.

Она уставилась на него хмурыми, холодными глазами.

— Но если ты не лозоход, объясни мне, откуда в колодце, что ты вырыл, такая чистая вода?

Дальнейшие слова Элвин взвешивал более тщательно:

— Дело все в том, что лоза в руках лозохода первый раз дернулась именно здесь. Я заметил это, и когда наткнулся у кузницы на камень, то направился прямиком сюда.

Но подозрения Герти было не так-то просто развеять.

— А ты бы повторил то же самое, если б Господь наш Иисус стоял здесь и судил твою вечную душу, основываясь на этих словах?

— Мэм, появись здесь Иисус, я бы прежде всего принялся замаливать свои грехи, а о каком-то там колодце и не вспомнил бы.

Она снова рассмеялась, легонько ткнув его в

плечо.

— Мне понравилась твоя история. Так случилось, что ты наблюдал за Хэнком Лозоходом. Отличная сплетня. Я не я, если не расскажу об этом всей округе.

— Спасибо, мэм.

— На, выпей. Ты заслужил первый глоток из первого ведра, что было набрано в этом колодце.

Элвин знал, что, согласно обычаю, первый глоток делает владелец. Но она предлагала, а его горло настолько пересохло, что, заплати вы ему по пять долларов за унцию слюны, он бы и на десятку не наплевал. Поэтому он поднес ведерко к губам и жадно принялся пить, не замечая льющейся за ворот рубахи воды.

— Могу поспорить, что голоден ты не меньше, — заметила Герти.

— Скорее устал, — пожал плечами Элвин.

— Ну так иди в дом, поспи.

Он знал, что ему очень нужно выспаться, но видел, что Рассоздатель не отступил, а поэтому, по правде говоря, боялся засыпать.

— Спасибо большое, мэм, но мне нужно отлучиться на пару минут.

— Ну, давай, давай, — сказала она и направилась к дому.

Утренний ветер, вцепившись в промокшую рубаху, обдал тело морозцем. Может, нападение Рассоздателя было всего лишь сном? Нет, Элвин так не считал. Он не спал, и все происходило на самом деле; не приди Герти Смит и не плесни ведро в колодце, он был бы рассоздан. Разрушитель больше не прятался. Он не скрывался в тенях, не маячил за спиной. Куда бы Элвин ни посмотрел, он везде видел переливающуюся в сером утреннем свете плоть Рассоздателя.

По какой-то неведомой причине именно это утро Рассоздатель выбрал для решающей схватки. Только Элвин не знал, как нужно сражаться. Если такой прекрасный колодец не смог остановить врага, чем же ему воспрепятствовать? Рассоздатель — это вам не городской парень, с которым можно побороться. Рассоздателя за ворот не ухватишь.

Одно несомненно. Больше никогда в жизни Элвин не ляжет спать, пока каким-нибудь образом не положит Рассоздателя на лопатки.

«Я должен быть твоим властелином, — обратился Элвин к пустоте. — Так скажи, как мне тебя разрушить, если ты сам есть Рассоздание? Кто научит меня, как победить в этой битве, если ты можешь напасть на сонного, а я понятия не имею,

как за тебя уцепиться?»

Проговаривая про себя эти слова, Элвин брел к опушке леса. Рассоздатель осторожно отступал, стараясь не приближаться. Но, даже не оглядываясь по сторонам, Эл знал, что враг замыкает свой круг, наступая сразу отовсюду.

«Вот он, нетронутый лес, где я должен чувствовать себя как дома, но зеленая песня навсегда замолкла, заклятый враг обступил меня, а я ведь и план сражения не продумал».

Зато Рассоздатель все продумал. Он не тратил времени на всякие раздумья «что делать». В этом Элвин быстро убедился.

Потому что прохладный, ветерок летнего утра внезапно сменился морозцем, и — Элвин мог поклясться чем угодно — с неба повалили снежные хлопья. Повалили прямо на зеленую листву деревьев, прямо на высокую густую траву. Снегопад усиливался, и на землю падали не мокрые тяжелые снежинки из теплого снега, а крошечные ледяные кристаллы, навеянные свирепой зимней вьюгой. Элвин вздрогнул.

— Нет, это невозможно, — сказал он.

Но сейчас глаза его были открыты. Это был не полудремотный сон. Снег шел настоящий, его покрывало было настолько плотным, что ветви

по-летнему зеленых деревьев не выдерживали и ломались, листья срывало и с ледяным звоном разбивающихся сосулек бросало на землю. Элвин сам вскоре замерзнет до смерти, если каким-то образом не выберется из объятий зимы.

Он направился обратно, туда, откуда пришел, но снег валил так густо, что Элвин ничего перед собой не видел и, поскольку Рассоздатель умертвил зеленую песнь живого леса, дорогу найти не мог. Вскоре он уже не шел, а бежал. Только бежал он не как учил его Такумсе, а как глупый бизон-бледнолицый, так же шумно и слепо, и вскоре, как это неминуемо случилось бы с каждым белым человеком, Элвин поскользнулся на покрытом льдом булыжнике и лицом вниз полетел в сугроб.

Снег забился в рот, нос, в уши, проник меж пальцев, прямо как грязь прошлой ночью, как Рассоздатель во сне, и Элвин закашлялся, принялся отплевываться и закричал:

— Я знаю, это все неправда!

Его крик поглотила стена снега.

— Сейчас лето! — заорал он.

Челюсти свело от холода, и он знал, что если кричать дальше, то будет еще больнее, но остановиться не мог.

— Я все-таки помешаю тебе! — выдавил он сквозь онемевшие губы.

Однако, произнеся эти слова, он понял, что ничего сделать с Рассоздателем не сможет. Он не сможет заставить Рассоздателя творить, быть кем-нибудь или чем-нибудь, потому что тот есть чистое Рассоздание и Небытие. И вовсе не Рассоздателя он должен призывать, а то живое, что окружает его, — деревья, траву, землю, воздух. Он обязательно должен вернуть зеленую песню.

Ухватившись за эту мысль, Элвин снова заговорил, голос его превратился в шепот, однако звал он не переставая, звал, изгнав из себя гнев и ярость.

— Лето, — прошептал он.

— Теплый воздух! — сказал он.

— Зеленые листья! — выкрикнул он. — Жаркий ветер с юго-запада. Раскаты грома в полдень, туман утром, солнечный свет, сжигающий иней!

Изменилось ли что-нибудь или осталось, как прежде? Стих ли снегопад? Растопило ли сугробы на земле, свалился ли с ветвей деревьев снег, обнажив листву?

— Сейчас жаркое утро, жаркое и сухое! — закричал он. — Может, позже пойдет дождь, дар Мудрейших, тучи принесет издалека, но сейчас

листья купаются в солнечном свете, пробуждая тебя, ты *растешь*, распускаешься, вот так! Вот так!

В голосе его зазвучала радость, потому что снегопад сменился моросью дождя, наносы на земле растаяли, обнажив коричневые заплаты земли, новые почки появились на ветвях, словно воинские отряды выстроились на параде.

И в тишине, наступившей после его слов, он услышал птичью песенку.

Песенку, которую раньше никогда не слышал. Он не знал пичужку, чья нежная песнь беспрестанно менялась, ни разу не повторяясь. Это была песнь созидания, чей мотив не напеть, которую не повторить, но распустить которую, прервать и разбить невозможно. Она сплетала все воедино, в единый акт Творения, и если Элвину удастся найти птичку, выводящую эти трели, то можно уже ничего не бояться. Его победа будет неоспоримой.

Он побежал, и теперь его сопровождала зеленая песнь леса, ноги сами выбирали место, куда ступить. Он следовал птичьей песенке, пока не выбежал на поляну, откуда доносились трели.

На старом стволе поваленного дерева, неподалеку от не успевшего растаять сугроба, находив-

шегося в глубокой тени, прыгала красногрудая иволга. А прямо перед бревном, практически нос к носу с птахой, слушая песню, сидел Артур Стюарт.

Сделав большой круг, Элвин медленно обошел обоих и потихоньку приблизился. Казалось, Артур Стюарт не заметил появления Элвина, он глаз не сводил с птички. Солнце ослепительно сияло, но ни мальчик, ни птица даже ни мигали. Элвин молчал. Как Артура Стюарта, его полностью поглотила песня иволги.

Пташка ничем не отличалась от остальных лесных пичуг, от тысяч и тысяч разноцветных певчих птичек, которых Элвин видел за свое детство. Вот только из ее горлышка исходила такая музыка, которой не пел никто и никогда. Это была не просто иволга. И не какая-то там особая иволга, ибо нет такой птицы, которая бы выделялась чем-то особенным из прочей крылатой братии. Это была Иволга, птичка, которая сейчас пела голосами всех птиц, пела песнь всех певцов, пела ради сидящего перед ней мальчика.

Элвин опустился на юную поросль травы, недавно пробившуюся из-под земли, и стал слушать. Однажды Лолла-Воссики поведал ему, что песня Иволги вмещает в себя всю историю

краснокожего человека, все, что он совершил достойного в жизни. Отчасти Элвин надеялся понять эту древнюю повесть или, по крайней мере, услышать, как Иволга рассказывает о событиях, в которых он, Элвин, тоже принимал участие. О том, как Пророк Лолла-Воссики ходил по воде; как воды реки Типпи-Каноэ побагровели от крови краснокожих; как Такумсе, в чьем теле сидело не меньше дюжины мушкетных пуль, держался на ногах, призывая своих воинов стоять, сражаться, изгнать бледнолицых воров с этой земли.

Однако, как Элвин ни прислушивался, смысл песни ускользал от него. Он мог бежать по лесу, как краснокожий, он слышал зеленую песнь земли, но песенка Иволги предназначалась не для его ушей. Правильно говорит пословица: всех портных девице не переходить, всех ремесел парню не одолеть. Элвин и так многому научился, — а сколькому еще научится! — но всего на свете ему не переделать. Песенка Иволги относилась к тем вещам, которых ему никогда не понять.

Но ведь Иволга прилетела сюда не просто так, в этом Элвин мог поклясться. Сегодня Элвин впервые сошелся с Рассоздателем лицом к лицу, а значит, в появлении Иволги скрывается некий смысл. Птичья песенка должна дать ему какие-то

ответы.

Элвин собрался было заговорить, задать вопросы, жгущие изнутри с тех самых пор, как он в первый раз узнал о своем назначении, но внезапно в птичьи трели вмешался чей-то голосок. Голос Артура Стюарта.

— Дни, что лежат впереди, неведомы мне, — произнес мальчик. Голос прозвучал как музыка, столь ясных и понятных слов Элвин никогда не слышал от трехлетнего пацана. — Я знаю лишь то, что осталось позади.

Элвин помотал головой, пытаясь разобраться, что происходит. «Стану ли я когда-нибудь Мастером, как предрекла девочка-светлячок?» Вот что первым делом спросил бы Элвин, и слова Артура стали ответом на его вопрос.

Хотя отвечал ему не Артур Стюарт — это было ясно как день. Мальчик не понимал, что говорит, он просто передавал чьи-то слова, как прошлой ночью подражал ссорящимся Миротворцу и Герти. Он передавал Элвину ответ Иволги, переводил птичью песенку на язык, который способен был воспринимать Элвин.

И Элвин понял, что задал неверный вопрос. На самом деле ему не нужно было знать ответ — он узнал о своем предназначении много лет назад

и понимал, что так или иначе станет Мастером. Он хотел услышать нечто другое — *как* это случится.

«Помоги мне».

Трели Иволги изменились, зазвучала нежная, простая песенка, более похожая на обычную птичью песнь, намного отличающаяся от тысячелетней истории краснокожего человека, которую только что слышал Элвин. Смысла новой песни Иволги Элвин также не понял, но каким-то образом почувствовал, о чем в ней говорится. Это была песнь Творения. Снова и снова повторялась одна и та же мелодия, несколько пассажей, однако сияли они настолько ослепительной правдой, что Элвин увидел ее своими глазами, почувствовал на губах, на языке, вдохнул полной грудью. Песнь Творения была его песней, он понял это, ощутив ее неземную сладость.

Когда песенка достигла своего апогея, Артур Стюарт снова заговорил — его слова как две капли воды походили на высокие, кристально чистые птичьи трели.

— Лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения, — проговорил мальчик.

Эти слова огненными буквами впечатались в сердце Элвина, хотя юноша не понял их. Просто

он знал, что однажды, когда-нибудь, еще поймет их смысл и тогда овладеет силой древних Мастеров, которые построили Хрустальный Город. Он воспользуется своим умением, найдет Хрустальный Город и отстроит его вновь.

Лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения.

Иволга замолкла. Застыла на бревне, склонив маленькую головку и вдруг стала не Иволгой, а какой-то обычной птичкой с алыми перышками. Вспорхнув, она стрелой унеслась в лес.

Артур Стюарт проводил ее взглядом и крикнул вслед уже настоящим, младенческим голоском:

— Птичка! Лети, птичка!

Элвин устало опустился на землю, изнуренный ночной работой, предрассветным страхом и светлой, как солнечный день, птичьей песенкой.

— Я летал, — обернувшись, заявил Артур Стюарт, который, казалось, только что заметил Элвина.

— Неужели? — прошептал Элвин. Ему было жаль разрушать мечты маленького мальчика объяснениями, что люди не летают.

— Меня несла большая черная птица, — важно кивнул Артур. — Я летел и летел. — Артур протянул руки и прижал ладони к щекам Элви-

на. — Мастер, — произнес он, после чего радостно рассмеялся.

Значит, Артур не просто передавал слова. Он действительно понимал, о чем говорится в песне Иволги, — может, не все, но понял он достаточно, чтобы узнать о судьбе Элвина.

— Не говори об этом никому, ладно? — попросил Элвин. — Я никому не скажу, что ты умеешь разговаривать с птичками, а ты никому не скажешь, что я Мастер. Обещаешь?

Лицо Артура посерьезнело.

— Я не говорю с птицами, — возразил он. — Птицы говорят со мной. — И снова повторил: — Я летал.

— Я верю тебе, — сказал Элвин.

— Я вейю тебе, — воскликнул Артур и снова звонко рассмеялся.

Элвин поднялся, вслед за ним вскочил и Артур.

— Пойдем-ка домой, — сказал Эл, взяв мальчугана за руку.

Он доставил Артура прямиком в гостиницу, где старушка Пег Гестер хорошенько отругала мальчика за то, что тот, убежав, с раннего утра надоедает людям. Но ругала она любя, и Артур, слушая ее, улыбался, как дурак, наслаждаясь голосом женщины, которую звал своей мамой.

Закрыв за собой дверь и оставив Артура Стюарта на попечении приемных родителей, Элвин клятвенно пообещал себе, что когда-нибудь обязательно расскажет мальчику, как тот помог ему однажды. «Когда-нибудь я расскажу ему, что он сделал для меня».

Миновав домик у ручья, Элвин спустился с холма и направился прямиком к кузнице, где Миротворец наверняка уже закипает от ярости, проклиная ленивого ученика и совсем забыв, что тот всю ночь копал колодец.

Колодец. Погруженный в свои мысли, Элвин неожиданно наткнулся на яму, которую вырыл как памятник Хэнку Лозоходу. Со дна ее по-прежнему ослепительно сиял белоснежный камень, едкая насмешка над искусством лозохода.

И Элвин наконец понял, почему к нему явился Рассоздатель. Вовсе не потому, что Элвин после этой ямы вырыл еще один колодец. Не потому, что юноша воспользовался своим даром, чтобы остановить воду, и не потому, что Элвин мял камни, как глину, чтобы выложить дно колодца. Это произошло потому, что, роя первую яму, Эл хотел выставить Хэнка Лозохода круглым дураком.

Чтобы наказать его? Да, именно затем — чтобы над Хэнком хохотал всякий, кто увидит сплошной

камень на том месте, которое пометил Хэнк. Это уничтожило бы его, он лишился бы имени мастера своего дела — и незаслуженно, потому что на самом деле был хорошим лозоходом. Его ввела в заблуждение земля, и Хэнк сделал ошибку, сам о том не подозревая, тогда как Эл вознамерился жестоко наказать его и выставить дураком, каковым Хэнк не был.

Ночной труд и последовавшая затем битва с Рассоздателем отзывались в теле смертельной усталостью, но Элвин не колебался ни секунды. Он принес лопату, валявшуюся у настоящего колодца, скинул рубаху и принялся за работу. Вырыв колодец, который никогда не даст воды, он сотворил зло, он хотел лишить честного человека имени и поступал так из чистой злобы. Однако, зарывая яму, Элвин творил работу истинного Мастера. Сейчас, когда сверху сияло яркое солнце, Элвин уже не мог призвать на помощь свой дар — затаптывая землю на месте ямы, он чувствовал такую усталость, что готов был упасть и умереть.

Был уже полдень, а Элвин так и не позавтракал, не говоря о том, что вчера вечером лишился ужина, но яма была закопана, и куски дерна вернулись на свои места, словно никто их и не выкапывал. Если не присматриваться, то могло

создаться впечатление, будто ямы здесь никогда не было. Оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, Элвин все-таки воспользовался своим даром — самую малость, ему нужно было заставить траву вновь пустить корни.

Сверху палило солнце, в животе урчало от голода, однако Элвин ничего не замечал. Сейчас его поедом ел стыд. Прошлую ночь он посвятил разжиганию в себе гнева, мыслям о том, как бы выставить Хэнка Лозохода в дурацком свете, а ведь ему и в голову не пришло прибегнуть к помощи своего дара и пробиться сквозь камень там, где указал Хэнк. Никто, кроме Элвина, не догадался бы, что колодца здесь быть не может. Это было бы по-христиански, Элвин поступил бы милосердно по отношению к Хэнку. Когда тебя бьют по щеке, пожимай в ответ руку ударившего, примерно так говорил Иисус, но Элвин совершенно забыл об этом. Элвин был слишком занят, улещивая собственную гордость.

«Вот что призвало ко мне Разрушителя, — подумал Элвин. — Я мог бы обратить скрытые силы на творение, однако мысли мои были заняты разрушением. Но никогда, никогда, никогда этого не повторится». Разумеется, никто его клятвы не

услышал, однако держать данное слово Элвин будет крепче, чем если бы произнес то же самое перед лицом судьи или священника.

Однако хорошая мысля приходит опосля. Если бы он подумал об этом чуть раньше, до того, как Герти увидела камень и набрала воды из колодца, вырытого Элвином, он мог бы закидать землей то, что сделал ночью, и пробиться сквозь плиту там, где хотел вырыть колодец Хэнк Лозоход. Однако Герти все видела, и если он попытается исправить промах, его тайны выплывут наружу. Кроме того, если уж ты воспользовался колодцем, зарывать его ни в коем случае нельзя — пока он сам собой не высохнет. Закидать землей живой колодец означает навлечь на свою голову засуху и холеру, которые будут преследовать до скончания дней твоих.

О, как ему хотелось все исправить! Но можно сколько угодно сожалеть о сделанном, тебя могут даже простить, но будущее, которое породили твои неверные решения, не изменить. Не нужно быть философом, чтобы понять столь простую истину.

Прислушавшись, Эл почему-то не услышал звона молота, да и дым из кузнечной трубы не поднимался. Должно быть. Миротворец решил

посвятить сегодняшний день домашним делам, подумал Элвин. Поэтому он поставил лопату обратно в кузницу и направился к дому.

Своего мастера он увидел на полпути к дому — Миротворец сидел на невысокой каменной стеночке вокруг колодца, на которой потом встанет деревянный домик.

— Доброе утро, Элвин, — поздоровался кузнец.

— Доброе утро, сэр, — кивнул Элвин.

— Я уже проверил глубину. Ты, парень, наверное, копал, словно в тебя дьявол вселился. Ладный, глубокий колодец вышел.

— Не хотелось, чтобы он пересох.

— Стены успел камнями обложить… — продолжал Миротворец. — Чудо какое-то.

— Я старался работать побыстрее.

— И вырыл ты его как раз там, где нужно.

Элвин глубоко вздохнул:

— Я копал там, где указал мне лозоход.

— Но я видел еще одну яму, возле кузницы, — махнул рукой Миротворец. — Там на дне камень крепче чертова копыта. Ты специально ее вырыл, чтобы показать всей округе?

— Я уже зарыл ее, — признался Элвин. — И сейчас очень жалею, что вообще начал там рыть. Я не хочу, чтобы о Хэнке Лозоходе пошла дурная

молва. Ведь там есть вода, только она под камнем, и ни один лозоход на свете не догадался бы, что колодец там не получится.

— Кроме тебя, — подчеркнул Миротворец.

— Я не лозоход, сэр, — ответил Элвин и снова прибег к спасительной *лжи*: — Я просто заметил, что здесь лоза тоже клюнула.

Миротворец Смит покачал головой, губы его расползлись в усмешке.

— Ну да, моя жена поведала мне эту байку, я чуть со смеху не умер. Я съездил тебе по уху за то, что ты посмел сказать, что лозоход не прав. Что теперь будем делать? Ты хочешь с ним расплатиться?

— Он настоящий лозоход, — сказал Элвин. — А я никогда им не был, сэр. Так что пусть он делает свое дело, а я — свое.

Миротворец Смит вытащил из колодца ведерко, поднес к губам и сделал несколько глотков, после чего откинул назад голову, выплеснул остатки воды прямо себе в лицо и во весь голос расхохотался.

— Клянусь чем угодно, такую сладкую воду я пью впервые в жизни.

Он, конечно, не пообещал забыть эту историю и не рассказывать об ошибке Хэнка Лозохода, но

Эл знал, что на большем настаивать бесполезно.

— Если я вам сейчас не нужен, сэр, я хотел бы пойти поесть, — намекнул Эл.

— Да, иди, свой обед ты честно отработал.

Эл прошел мимо него и повернул к дому. Из колодца поднимался запах свежей, чистой воды.

— Герти сказала, что ты первым отпил из колодца, — послышался за его спиной голос Миротворца Смита.

Эл повернулся, предчувствуя беду.

— Да, сэр, но она сама мне предложила.

Миротворец на некоторое время задумался, как бы решая, стоит наказывать Эла или нет.

— Ну что ж, — наконец произнес он, — это очень похоже на нее, да я и не возражаю. В ведерке еще осталась вода, и Хэнку Лозоходу ее хватит. Я пообещал, что оставлю ему воды из первого ведерка, и исполню обещание.

— Надеюсь, сэр, вы не будете возражать, если, когда он вернется, меня случайно не окажется дома, — осторожно проговорил Элвин. — Думаю, так будет лучше и для меня, и для него. По-моему, он не питает ко мне особого расположения, если вы понимаете, что я имею в виду.

Кузнец, прищурившись, взглянул на Элвина.

— Это, конечно, значит, что несколько часов

ты будешь отлынивать от работы, но… почему бы и нет? — широко улыбнулся он. — Думаю, ты заработал себе небольшой отдых, потрудившись сегодня ночью.

— Благодарю вас, сэр, — поклонился Элвин.

— Ты направляешься в дом?

— Да, сэр.

— Я уберу инструмент, а ты отнеси ведро хозяйке. Она, наверное, заждалась. Сюда ходить куда ближе, чем до ручья. Надо не забыть еще раз поблагодарить Хэнка Лозохода за то, что он выбрал именно это место.

Оставив кузнеца хохотать над собственной остротой, Элвин вернулся в дом.

Герти Смит приняла у Элвина ведро, усадила юношу за стол и доверху наполнила тарелку горячей жареной свининой и щедро намазанным маслом хлебом. Еды было столько, что Элу пришлось взмолиться о пощаде:

— Мы только что зарезали поросенка, похоже, вы хотите, чтобы я съел его в одиночку.

— Ешь-ешь, надо будет, еще зарежем, — махнула рукой Герти. — Ты сегодня ночью куда больше наработал.

Набив живот до отказа, сыто рыгая, Элвин залез по лестнице на чердак, разделся и нырнул под

одеяло.

«Лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения».

Снова и снова шептал он эти слова, погружаясь в желанную дрему. На этот раз сны ему вообще не снились, и проспал он до самого ужина. Поев, он снова залез в постель и крепко спал до рассвета.

Проснувшись утром, незадолго до восхода солнца, он увидел призрачный серый свет, пробивающийся в дом через окна. Вместо того чтобы, как обычно, бодро соскочить с кровати, Элвин некоторое время дремал, пребывая в объятиях сна, чувствуя, как ноют мышцы от постепенно отступающей усталости. Он лежал тихо, как мышь, вспоминая звуки птичьей песенки. Слова, которые сказала ему Иволга, куда-то отступили, сейчас Элвин размышлял над тем, что случилось с ним вчера утром. Почему, словно послушавшись его окрика, суровая зима вновь сменилась летом?

— Лето, — прошептал он. — Теплый воздух, зеленая листва.

Что такого сделал Элвин? Почему природа повиновалась ему, стоило сказать одно-единственное слово? Раньше, когда он работал с железом или проникал в камень, такого ни разу не происхо-

дило. Сперва следовало закрепить в уме образ предмета, над которым он работал, понять его строение, найти естественные трещинки — жилки металла или зерна камня. А на исцеление сил уходило и того больше — Элвин должен был понять, как устроено тело, прежде чем лечить его. Все в человеке было таким маленьким, и глазом не разглядишь — хотя смотрел он вовсе не глазами, ну да это не важно. Иногда на то, чтобы понять внутреннее строение предмета, у Элвина уходили все силы.

Все внутри было таким крохотным, таким ладным, но стоило присмотреться, как тайны, что скрывались там, внутри, прыскали в стороны, будто тараканы, разбегающиеся при свете лампы. Внутренние крошечные частички сплетались друг с другом каждый раз по-разному. Но имеется ли такая частичка, которая меньше всех? Которая находится в самой сердцевине и которую можно увидеть? То, что видел Элвин, всегда состояло из маленьких частичек, которые в свою очередь состояли из еще меньших кусочков, и так далее. Есть ли какой-нибудь предел?

Он все не мог понять, как же-у Рассоздателя получилось вызвать зиму? И почему отчаянный крик Элвина вернул лето?

«Я никогда не стану Мастером, если не разберусь, каким образом действует мой дар».

Свет, бьющий в окна, усилился, стекло разбросало по дому яркие блики, и на какое-то мгновение Элвину показалось, что он увидел солнечный лучик в виде множества маленьких мячиков, летящих с огромной скоростью, словно их ударили палкой или выстрелили из ружья, только намного быстрее. Они прыгали по комнатам, залезали в крошечные щели деревянных стен, пола, потолка, а некоторым удавалось пробиться на чердак, где они попались на глаза Элвину.

Однако мячики вдруг исчезли, и свет превратился в огонь, в чистый огонь, накатывающийся на дом, подобно нежным волнам, бьющим о берег озера Мизоган. И волны эти согревали все вокруг — дерево стен, тяжелый кухонный стол, железо плиты, так что предметы постепенно начали дрожать, танцевать, наполненные жизнью. Один Элвин мог видеть это, один Элвин знал, что происходит, когда дом пробуждается с приходом дня.

Больше всего на свете Рассоздатель ненавидит огонь солнца. Жизнь, которую тот несет. «Надо потушить этот огонь, — твердит про себя Рассоздатель. — Потушить все огни, заморозить воду, весь мир покрыть льдом, окутать небо чернотой

и холодом». А противостоит намерениям Разрушителя один-единственный Мастер, который даже колодец вырыть не может, чего-нибудь не испортив.

«Лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения. Какого творения? Что именно я творю? И как я могу быть частью того, что творю? Неужели, работая с железом, я становлюсь его частью? А беря в руки камень, я воплощаюсь в окаменевшую землю? Бессмыслица какая-то, но я найду в этих словах смысл, иначе проиграю войну с Рассоздателем. Я могу сражаться с ним всю жизнь и какими угодно способами, но когда я умру, мир все равно окажется в его власти. Должен же быть какой-то секрет, какой-то ключ к происходящему, чтобы я мог построить Хрустальный Город. Я обязан найти этот ключ, и тогда одним словом я заставлю Рассоздателя отступить, обратиться в бегство и умереть. Да, может, даже умереть, чтобы жизнь продолжалась вечно и немеркнущий свет светил всегда».

Элвин услышал, как в спальне заворочалась Герти, и один из сыновей кузнеца тихо заплакал — последний шум перед пробуждением. Элвин потянулся и почувствовал, как затекшие за ночь мускулы приятно заныли, пробуждаясь к жизни

и готовясь к трудному дню в кузнице рядом с пылающим огнем.

Глава 10
ПРОЩАНИЕ

Сон Пегги был не столь крепок и долог, как сон Элвина. Его битва закончилась; он мог спать сном победителя. Однако для нее все только начиналось.

Проснулась Пегги ближе к вечеру и обнаружила себя в постели, на чистых льняных простынях. Тело сводило от усталости, голова болела. На Пегги была надета ночная рубашка, хотя сама она не помнила, как разделась. Зато помнила песенку Иволги, помнила, как Артур Стюарт перекладывал птичье пение на человеческий язык. Потом она заглянула в огонь сердца Элвина и увидела, что тропки будущего вновь появились там — но Пегги на них по-прежнему не было. После этого в памяти Пегги наступил провал. Миссис Модести, наверное, раздела ее и уложила в кровать, несмотря на то что солнце уже клонилось к полудню.

Она перекатилась на бок, таща прилипшую к спине и пропитавшуюся потом простыню. Элвин все-таки одержал победу; урок им усвоен; теперь

Рассоздателю будет непросто подобраться к юноше. Заглянув в будущее Элвина, Пегги не увидела там никакой опасности. После случившегося Рассоздатель наверняка заляжет где-нибудь, ожидая следующей удобной возможности, или вновь обратится к помощи своих человеческих прислужников. Может, к преподобному Троуэру опять явится Посетитель, или еще какая заблудшая душа, тянущаяся к злу, примет Рассоздателя в учителя. Опасности в этом не было — по крайней мере сейчас.

Однако Элвин по-прежнему не знает, что значит быть Творцом, и не умеет управлять своей силой, так что победа над Разрушителем еще не одержана. Хрустальный Город никогда не будет возведен, а он должен быть построен, иначе жизни Элвина — и жизни Пегги, надеющейся помочь ему, — скоро придет конец.

Вырвавшись из объятий лихорадочного сна, Пегги задумалась над тем, что будет дальше. Элвин должен подготовить себя, возобладать над собственными человеческими слабостями. Если есть в мире какие-нибудь знания относительно искусства или науки Творения, у Элвина нет ни единой возможности ими овладеть. Его школа — кузница, а учитель — жаркий горн. Чему он там

научится? Неужели тому, что людей можно изменить только убеждениями и упорным трудом, мягкостью и кротостью, неизбывной любовью и добротой? Нет, научить Элвина величию может лишь тот, кто обладает им.

"Все, мое обучение в Дикэйне подошло к концу.

Миссис Модести, вы преподали мне немало уроков, и все их я прилежно затвердила. Так что я с достоинством понесу титул, к которому вы меня готовили. Титул, который делает честь любой леди.

Титул госпожи".

Ее мать вся округа знала как тетушку Гестер. Тетушками называли многих, но мало кто может заслужить искреннее почтение. Редкая женщина производит на окружающих людей такое впечатление, что ее хочется назвать не тетушкой, а госпожой. Как, к примеру, миссис Модести никогда не звали «мэм». «Мэм» — так можно обратиться к кому угодно.

Пегги поднялась с постели. Голова ее слегка поплыла, и ей пришлось ухватиться за спинку кровати. Подождав чуть-чуть, она опустила ноги на деревянный пол. На цыпочках она подошла к двери, однако ее уже услышали — по лестнич-

ным ступенькам застучали туфельки миссис Модести.

Пегги остановилась перед зеркалом и взглянула на свое отражение. Волосы после сна взъерошены, некоторые пряди слиплись от пота. На щеках рубцы от подушки. Однако она увидела лицо таким, каким его научила видеть миссис Модести.

— Мы с тобой славно поработали, — раздался позади голос миссис Модести.

Пегги не обернулась. Она и так знала, что ее учительница вошла в комнату.

— Женщина должна знать, что она прекрасна, — сказала миссис Модести. — Сотворив Еву, Господь наверняка дал ей какое-нибудь стеклышко или отполированную серебряную пластинку, в которую Ева могла поглядеться и увидеть, что явилось очам Адама.

Пегги повернулась и поцеловала миссис Модести в щеку.

— То, что вы сделали из меня, замечательно, — сказала она.

Миссис Модести поцеловала ее в ответ, но, отстранившись, Пегги заметила слезы в глазах женщины.

— И вскоре мне придется потерять тебя.

Пегги не привыкла выставлять чувства на-

показ. Тем более она не ожидала, что решение, в котором она сама сомневалась, будет так заметно.

— Потерять?

— Я научила тебя всему, чему могла, — продолжала миссис Модести. — Но прошлой ночью я поняла, что тебе нужно нечто такое, чем я никогда не располагала. Тебя ждет работа, которая вряд ли кому под силу.

— Я всего лишь хочу стать верной женой Элвину.

— Для меня это было начало и конец, — произнесла миссис Модести.

Отвечая, Пегги специально выбирала правдивые слова, а следовательно, добрые и прекрасные:

— Возможно, все, что нужно мужчине от женщины, заключается в том, чтобы она любила, была мудра и заботлива, как поле цветов, на котором он сможет превратиться в бабочку, чтобы пить сладкий нектар из ее бутонов.

— Ты слишком добра ко мне, — грустно улыбнулась миссис Модести.

— Но Элвина ждет нелегкий труд, и ему не нужна красавица, которая будет любить и холить его после трудового дня. Ему нужна женщина,

способная подхватить его ношу.

— Куда же ты направишься?

Пегги ответила, ни секунды не задумываясь над своими словами:

— В Филадельфию.

Миссис Модести удивленно посмотрела на нее, как бы говоря: «Так ты уже все решила?» На ресницах ее дрожали капли слез.

— Там расположены лучшие университеты, — торопливо принялась объяснять Пегги. — К тому же обучение в них бесплатное, да и знаний они дают куда больше, чем закоснелые религиозные школы Новой Англии или напыщенные заведения, которые посещают потомки южных лордов.

— Значит, твой отъезд не так уж внезапен, — сказала миссис Модести. — Ты давным-давно решила уехать, только подыскивала, куда именно.

— Нет, все было решено именно сегодня. Может, я действительно подыскивала, куда мне лучше направиться, но делала это невольно. Я прислушивалась к разговорам, и когда решение было принято, ответ сам собой всплыл у меня в голове. В Филадельфии есть специальная школа для женщин, но главное — там есть библиотеки. Я не получила официального образования,

но, возможно, я как-нибудь смогу убедить совет принять меня.

— Никаких убеждений не потребуется, если ты прибудешь с рекомендательным письмом от губернатора Сасквахеннии, — возразила миссис Модести. — И с письмами от других влиятельных персон, которые прислушиваются к моим советам.

Пегги ничуть не удивилась тому, что миссис Модести не отказала ей в помощи, хотя решение Пегги было очень неожиданным, даже несколько бессердечным. И Пегги никогда не слыла самоуверенной гордячкой, чтобы отвергать протянутую руку.

— О миссис Модести, спасибо!

— Ни разу в жизни я не встречала женщину — да и мужчину, признаться, тоже, — с такими способностями, как у тебя. Но сужу я не только по твоему дару, как бы замечателен он ни был, — такие вещи меня не привлекают. Я опасаюсь лишь того, что ты напрасно растратишь себя на этого юношу из Хатрака. Нет на свете мужчины, который заслуживал бы таких жертв.

— Заслужить… в этом-то и заключается его труд. Мой же заключается в том, чтобы найти нужные знания, когда он будет готов учиться.

Миссис Модести уже не пыталась скрыть своих чувств. Хоть она и улыбалась — она приучила себя, что любовь даже в печали должна улыбаться, — слезы ручьем катились по ее лицу.

— О Пегги, ты столькому научилась, неужели ты все-таки сделаешь эту ошибку?

Ошибку? Похоже, миссис Модести так ничему и не поверила.

— Мудрость женщины — ее дар другим женщинам, — процитировала Пегги. — Красота ее — дар всем мужчинам. А любовь — дар Господу.

Услышав собственные слова из уст Пегги, миссис Модести покачала головой:

— Так почему ж ты намереваешься отдать свою мудрость этому несчастному юноше, которого, по твоим словам, искренне любишь?

— Потому что некоторые мужчины могут любить женщину такой, какая она есть, а не за ее красивые глаза.

— Но таков ли он?

Что могла ответить Пегги?

— Он станет таким, иначе не добьется моего сердца.

Миссис Модести помедлила мгновение, как будто подыскивая те единственные слова, что могли выразить горькую правду.

— Я всегда учила тебя, что, если ты станешь целиком и полностью собой, настоящие мужчины сами будут любить тебя. Пегги, предположим, этого юношу действительно ждет трудная дорога — однако если, помогая ему, ты изменишь себе, то искренность оставит тебя, и он тебя никогда не полюбит. Ведь именно поэтому ты покинула Хатрак, ты считала, что он должен полюбить тебя такой, какая ты есть, а не за то, что ты для него сделала.

— Миссис Модести, да, я хочу, чтобы он полюбил меня. Но труд, который он должен исполнить, я люблю еще больше. Поэтому я поступаю так не ради этого юноши, а ради его жизненного пути…

— Но… — начала было миссис Модести.

Пегги приподняла бровь и легонько улыбнулась. Миссис Модести кивнула и не стала перебивать.

— Если я люблю труд его жизни больше его самого, значит, чтобы быть собой, я должна исполнить то, чего требует от меня будущее Элвина. Разве не стану я тогда еще прекраснее?

— В моих глазах — да, возможно, — кивнула миссис Модести. — Однако очень немногие мужчины способны оценить столь хрупкую красоту.

— Он любит свой труд больше жизни. Следо-

вательно, он скорее полюбит женщину, которая примет на себя часть его ноши, нежели какую-то постороннюю красотку.

— Наверное, ты права, — покачала головой миссис Модести, — ибо я никогда не любила труд человека больше самого человека и не встречала мужчину, который ради своего пути мог пожертвовать жизнью. В том мире, который я знаю, все, чему я тебя учила, истинно. Если ты переходишь из моего мира в другой, я уже не могу тебя учить.

— Может быть, я не стану идеальной женщиной, однако проживу свою жизнь так, как должна ее прожить.

— А может, мисс Маргарет, даже самый лучший из миров не сможет распознать идеальную женщину, так что не сочти мои слова обманом, ибо вступаешь ты на неведомую мне территорию.

Это было выше Пегги. Она отбросила правила приличия, кинулась миссис Модести на грудь, поцеловала женщину и расплакалась, уверяя, что никогда не считала ее слова ложью. Но когда слезы все были выплаканы, ничего не изменилось. Пребывание Пегги в Дикэйне подошло к концу, и к следующему утру ее дорожный сундучок был уже упакован.

Все имущество, которым она обладала в этом

мире, было подарено ей миссис Модести — за исключением шкатулки, которую много лет назад выточил для нее деда. И в шкатулке лежала куда более тяжкая ноша, нежели весь тот скарб, что Пегги собрала с собой в дорогу.

Она сидела в направляющемся на север поезде и смотрела, как за окном проплывают горы. Прошло не так много времени с тех пор, как Уитли Лекаринг привез ее в Дикэйн в своей коляске. Сначала Дикэйн показался ей огромным, шикарным городом; тогда она сочла, что этот город открыл ей весь мир. Теперь она знала, что мир куда больше, чем ей казалось. Она уезжала из маленького уголка планеты, перебираясь в другой маленький уголок, откуда, может, проследует дальше. И размеры городов вовсе не влияют на размеры сердец живущих в них людей.

"Я уехала из Хатрака, чтобы освободиться от твоих оков, Элвин. А вместо этого угодила в огромную, липкую сеть. Твой труд больше, чем ты, больше, чем я, и я должна помочь тебе, поскольку знаю, что ждет тебя в будущем. Если же я этого не сделаю, то больше не посмею взглянуть в зеркало.

Поэтому не так уж и важно, полюбишь ли ты меня в конце концов или нет. Впрочем, для *меня*

это очень важно, но ход истории не переменится. Главное — чтобы нам удалось подготовить тебя к тому, что ждет впереди. Если нашей любви суждено сбыться, если ты сможешь стать мне хорошим мужем, а я тебе — верной женой, мы примем это как благословение Божье и будем радоваться ему до скончания жизни".

Глава 11
ЛОЗА

Прошло не меньше недели, прежде чем Хэнку Лозоходу удалось вернуться в Хатрак. Неделя выдалась не из лучших и прибыли никакой не принесла, потому что как он ни пытался отыскать сухой клочок земли для людей, которые наняли его рыть погреб, у него ничего не получилось.

— Здесь вся земля насквозь пропиталась влагой, — пожаловался он. — Я ж ничего не могу поделать, если ваши края такие болотистые.

Однако он все равно оказался в виноватых. Вот они, люди… Похоже, они считают, что лозоход одним взмахом руки может либо прогнать воду, либо извлечь ее из-под земли. То же самое происходит и со светлячками — в половине случаев их винят во всех бедах, хотя они всего лишь видят будущее, но изменить его не могут. От большинства людей не то что благодарности, простого понимания не добьешься.

Поэтому, возвращаясь к такому честному человеку, каким показал себя Миротворец Смит, Хэнк испытывал некоторое облегчение. Хотя и не

одобрял то, как Миротворец обходится со своим учеником. Но как Хэнк мог критиковать его за это? Он себя тоже проявил не лучшим образом. Он ведь сам ни за что ни про что — потворствуя собственному тщеславию — обвинил мальчишку во всех смертных грехах, чем навлек на него гнев кузнеца. При этом воспоминании Хэнк аж поежился от смущения. «Иисус бессловесно принял и удары кнута, и венок из терний, а я сорвался, стоило какому-то ученику сболтнуть несколько глупых слов». Подобные мысли всегда повергали Хэнка Лозохода в мрачное настроение, и он с нетерпением ждал возможности извиниться перед пареньком.

Однако, как это ни печально, юношу он не встретил, хотя впоследствии не сильно горевал об этом. Герти Смит провела Хэнка Лозохода в дом и чуть ли не силой принялась потчевать его. В конце концов, чтобы проглотить еще кусочек, Хэнку пришлось бы сунуть себе в горло какую-нибудь палку и умять еду в желудке.

— Да я уже с места двинуться не могу, — взмолился Хэнк, что было истинной правдой.

Надо отдать должное, Герти Смит готовила ничуть не хуже, чем ее муж работал с железом, подмастерье подковывал лошадей, а Хэнк искал

воду, — одним словом, у нее был настоящий дар к жарке-варке. Каждый обладает своим талантом, каждый так или иначе награжден Господом, и мы должны делиться своими дарами друг с другом, ибо так устроен мир, так он должен быть устроен.

Поэтому Хэнк с удовольствием и гордостью выпил свою долю воды из первого ведра, набранного из нового колодца. Вода была очень вкусной и сладкой. Его благодарили от всего сердца, и ушел он довольный. Однако, залезая на Озорницу, он вдруг вспомнил, что колодца так и не увидел. Но как он мог его пропустить?

Он объехал кузницу кругом и посмотрел там, где, по идее, должен был находиться колодец, однако на месте, которое определил Хэнк, росла высокая сочная трава, и похоже, росла она там всегда. Даже следов канавки, которую выкопал вокруг лозы подмастерье, не было видно. А колодец Хэнк нашел лишь спустя некоторое время — примерно на полпути от кузницы к дому. Ворот закрывала ладная маленькая крыша, а деревянные стенки домика подпирали ровно выложенные булыжники. Нет, быть того не может, лоза клюнула куда дальше от дома…

— О Хэнк! — окликнул его Миротворец Смит. —

Хэнк, как здорово, что ты не успел уехать!

Откуда же он зовет? А, вон он, на лугу, неподалеку от того места, где Хэнк начал искать воду. Кузнец махал ему какой-то палкой, раздвоенной на конце…

— Твоя лоза, та самая, которой ты нашел воду, может, она тебе еще пригодится?

— Нет, Миротворец, спасибо. Я не использую одну и ту же лозу дважды. Ветка должна быть свежей, чтобы найти воду.

Миротворец Смит отшвырнул лозу, спустился по склону и встал как раз там, где, по мнению Хэнка, должен был располагаться настоящий колодец.

— Ну, как тебе наше творение?

Хэнк оглянулся.

— Отлично уложены камни. Если ты когда-нибудь надумаешь бросить кузницу, могу поспорить, ты без труда заработаешь себе на жизнь как каменщик.

— Спасибо, Хэнк! Но это все мой подмастерье.

— Да, повезло тебе с учеником, — кивнул Хэнк. И почувствовал неприятную горечь во рту, оставленную только что произнесенными словами. Что-то не хотелось ему продолжать разговор. Миротворец Смит неспроста окликнул его, но

Хэнк никак не мог понять, в чем же здесь дело. Ай, не важно. Пора отправляться в путь-дорогу.

— До встречи, Миротворец! — крикнул он, направляя свою кобылу к дороге. — Я еще загляну к тебе за подковами, так и знай!

Миротворец рассмеялся и помахал рукой:

— Буду рад снова увидеть твою уродливую жирную морду!

Хэнк подхлестнул старушку Озорницу и погнал ее легкой рысью по дороге, которая, огибая холм, вскоре выходила к перекинутому через реку крытому мосту. Второго такого тракта, что протянулся отсюда и до самой Воббской реки, не сыскать на всем белом свете — через все речушки и ручейки переброшены ровные, крепкие мостки. Говорили, что иногда под их крышами останавливаются на ночлег путники — в самую дождливую ночь ни одна капля не проникала сквозь крепкие деревянные доски.

На крыше хатракского моста обосновались иволги — штук тридцать пташек свили здесь свои гнезда. При приближении Хэнка птицы подняли такой гомон, что, должно быть, переполошили всю округу. Жаль, что эти иволги слишком жилисты, обед из них не приготовишь. А то кто-нибудь обязательно устроил бы здесь пир на весь мир.

— Тпру, Озорница, тпру, моя девочка! — вдруг воскликнул он.

Он остановил лошадь прямо посредине моста, прислушиваясь к птичьим песенкам и вспоминая, как лоза выпрыгнула из его рук, улетев в луговую траву. Улетев к северо-востоку от того места, которое он нашел под колодец, — именно там Миротворец Смит подобрал ее, когда прощался с Хэнком.

Так что их прекрасный новый колодец располагался вовсе не там, где указал Хэнк. Все время, которое Хэнк провел в доме кузнеца, ему лгали, притворяясь, будто бы он отыскал добрый источник, хотя вода, которую он пил, была добыта из другого колодца.

И Хэнк знал, о да, он точно знал, кто выбрал то место, откуда теперь черпали воду. Вырвавшаяся из рук и улетевшая лоза подсказала ему это. Она и вырвалась потому, что этот языкастый подмастерье полез со своими советами. Теперь кузнец и вся его семья небось гогочут за спиной Хэнка. В лицо-то ему ничего не сказали, но Хэнк понял — Миротворец специально издевался над ним, посчитав, что глупый лозоход не заметит подмены.

«А я взял и заметил. Ты, Миротворец Смит, и

твой подмастерье выставили меня дураком, но я обо всем догадался. Человек может прощать семь раз и семь раз по семь. Но на пятидесятый раз даже настоящий христианин не вытерпит».

— Н-но! — сердито рявкнул он.

Уши Озорницы насторожились, и лошадь потихоньку тронулась вперед, громко стуча новыми подковами по дощатому настилу моста.

— Элвин, — прошептал Хэнк Лозоход. — Подмастерье Элвин, который из всех даров видит только свой собственный…

Глава 12
ШКОЛЬНЫЙ СОВЕТ

Старушка Пег Гестер как раз была наверху, вывешивала матрасы из окон, чтобы проветрить постели, поэтому сразу заметила остановившуюся у дверей коляску. Не узнать новое средство передвижения Уитли Лекаринга было трудно — верх коляски обтягивал дорогой плотный материал, который не пропускал внутрь ни дождь, ни дорожную пыль; раз Лекаринг смог позволить себе купить такую роскошь, значит, может содержать и кучера. Именно из-за этой коляски, почти кареты, многие люди начали теперь величать его не иначе как доктор Лекаринг, а не просто Уитли.

Кучером был По Доггли, который некогда держал свою ферму и который разорился, пристрастившись к выпивке, после того как его жена умерла. Хорошо, что Лекаринг взял его к себе на работу — другие-то считали По горьким, никуда не годным пьяницей. Вот почему простолюдины продолжали любить и уважать доктора Лекаринга, невзирая на то что он слишком уж часто

выставлял свои деньги напоказ, чего между христианами не принято.

По проворно спрыгнул с облучка и открыл дверь коляски. Но первым оттуда показался вовсе не Уитли Лекаринг — то был Поли Умник, шериф. Вот уж кто-кто не заслуживает своей фамилии, так это Поли Умник. При одном его виде старушку Пег аж передернуло. Правильно говорит ее муж Гораций: «Человека, который сам набивается в шерифы, надо гнать в шею. Не подходит он для этой работы». Поли Умник сам напросился на эту должность, он жить без нее не мог, как обычные люди не могут жить без воздуха. Только посмотрите, как он кичится дурацкой серебряной звездой, как выставляет ее на всеобщее обозрение! Не дай Бог, кто-то забудет, что перед ним человек, держащий в руках ключи от городской тюрьмы. Как будто Хатраку нужна эта тюрьма!

Затем из коляски показался и сам Уитли Лекаринг, и старушка Пег сразу поняла, зачем они сюда прибыли. Школьный совет вынес свое решение, и эта парочка приехала огласить его и уладить дело миром, чтобы Пег не поднимала ненужного шума. Старушка Пег яростно хлопнула матрасом, который держала, да так хлопнула, что чуть не выпустила из рук, однако успела ухва-

тить за уголок и втянуть обратно на подоконник, где он полежит некоторое время и проветрится как следует. Затем она сбежала вниз по лестнице — не так уж стара она была, чтобы кряхтя нащупывать ногами ступеньки. Во всяком случае, вниз ей нетрудно спуститься.

Она оглянулась в поисках Артура Стюарта, но мальчика, как всегда, нигде не было видно. Он достаточно подрос, чтобы его приняли в хор, и прилежно посещал занятия, но все остальное время был предоставлен самому себе — либо бегал по городу, либо путался под ногами у подмастерья кузнеца, Элвина.

— И чего ты там все время бродишь? — как-то раз спросила у него Пег. — Чего вечно увиваешься за Элвином?

Но Артур лишь улыбнулся, потом вытянул руки, как будто борясь с кем-то, и объяснил:

— Хочу научиться бросать человека в два раза меня больше.

И самое смешное, произнес он это, в точности передав все интонации голоса Элвина. Так это сказал бы сам Элвин — с легкой насмешкой в голосе, давая понять, что его не следует воспринимать всерьез. У Артура был настоящий дар передразнивать людей, как будто он видел их

насквозь. Иногда Пег казалось, что он тоже отчасти светлячок, как ее сбежавшая дочь Пегги, но нет, похоже, Артур сам не понимал, что делает. Он всего лишь подражал голосам других людей. Однако ума ему было не занимать, вот почему старушка Пег решила записать мальчика в школу — из всех мальчишек Хатрака он был, пожалуй, самым способным.

Она подошла к порогу в тот самый момент, как раздался стук. Она стояла за дверью, пытаясь отдышаться после стремительного спуска со второго этажа. Сквозь занавески на двери она видела переминающиеся с ноги на ногу силуэты. Похоже, двое вновь прибывших изрядно нервничали — само собой, само собой. Ничего, пусть попотеют.

О, как это похоже на заседателей из школьного совета — послать объявить о своем решении Уитли Лекаринга. Одна тень доктора приводила старушку Пег Гестер в ярость. Не он ли шесть лет назад отвез малышку Пегги в город, а потом не смог толком описать, куда девочка направилась? «В Дикэйн, — только и твердил он, — к людям, которых она, похоже, знала». Да и муж Пег, Гораций, тоже хорош — несколько раз перечитав записку, он заявил, что, мол, если уж светлячок не может

позаботиться о собственном будущем, то что можем сделать для нее мы? Так что если бы не Артур Стюарт, Пег в один прекрасный день взяла бы и тоже ушла из дому. Вот так, взяла бы и ушла, как бы это им понравилось?! Забрали дочь, а потом еще убеждают, это, мол, к лучшему — совсем обнаглели, говорить такое матери! «Посмотрим, что они подумают, когда я уйду!» Если бы на ней не висел Артур, она бы вылетела из дверей так быстро, что прищемила бы собственную тень.

А теперь к ней посылают Уитли Лекаринга, чтобы начать все снова, чтобы заставить ее переживать за другого ребенка. Только на этот раз будет хуже, потому что малышка Пегги действительно могла позаботиться о себе, тогда как Артур Стюарт этого не может — ему ведь всего шесть лет, и будущего у него не будет, если это будущее не отвоюет ему зубами и когтями старушка Пег.

Они постучались еще раз. Она открыла дверь. На пороге стоял Уитли Лекаринг, пышущий добродушием и достоинством, а позади мрачной, важной скалой высился Поли Умник. Точь-в-точь две мачты на корабле с надутыми, пышными парусами, которые переполняет ветер. Пришли объяснять, что правильно, а что — нет? Давайте послушаем.

— Тетушка Гестер, — начал доктор Лекаринг, приподняв шляпу как истинный джентльмен.

«Вот откуда все беды Хатрака, — подумала старушка Пег. — Слишком много людей корчат из себя джентльменов и леди. Они что, забыли, где находятся? Все напыщенные господа живут в Королевских Колониях, под боком его величества, тезки Артура Стюарта. Длинноволосый белокожий король с одной стороны, маленький, коротко подстриженный чернокожий мальчик с другой. А человек, живущий в штате Гайо и мнящий себя джентльменом, обманывает самого себя да подобных себе дураков».

— Видимо, вы хотите войти, — произнесла Пег.

— Я искренне надеялся, что ты нас пригласишь, — кивнул Лекаринг. — Дело в том, что мы прибыли сюда по поручению школьного совета и…

— Следовательно, вы с таким же успехом можете сказать мне «нет» на крыльце.

— Так послушай… — начал было шериф Поли, который явно не привык, чтобы его держали на пороге.

— Мы приехали вовсе не затем, чтобы ответить отказом на твою просьбу, тетушка Гестер, — объяснил доктор.

Старушка Пег ушам своим не поверила:

— То есть вы хотите сказать, что это скопище твердолобых лизоблюдов позволит черному мальчику ходить в школу?

Тут уж и шериф Поли не сдержался:

— Ну, Пег, если ты так чертовски уверена в ответе, чего ж вообще разговариваешь с нами?

— Потому что хочу, чтобы вы в открытую признались, что ненавидите черных и потворствуете всяким рабовладельцам! Когда-нибудь эмансипационисты возьмут свое и чернокожие обретут равные права, тогда-то вы попляшете!

Старушка Пег так распалилась, что даже не услышала, как сзади подошел муж.

— Маргарет, — окликнул Гораций Гестер, — проведи гостей в дом, нельзя держать людей на пороге.

— Вот сам их и проведи, — огрызнулась Пег. Она повернулась к доктору Лекарингу и шерифу Поли спиной и гордо удалилась на кухню. — А я умываю руки, — крикнула она через плечо.

Очутившись на кухне, она вдруг поняла, что, провозившись весь день с матрасами, совсем забыла об обеде. Это ее несколько смутило, и гнев поутих, тем более что она вспомнила о Понтии Пилате, который прославился именно тем, что

в свое время тоже «умыл руки». Выкрикнутые в запале слова никак не приличествовали доброму христианину. Вряд ли Господь одобрит ее, если она начнет подражать человеку, по чьему приказу некогда распяли Иисуса. Поэтому она вернулась в гостиную и тихонько села у очага. На дворе стоял август, так что камин не топился, и от двери тянул приятный, прохладный сквознячок. Да, это вам не кухня, где в подобные летние деньки жарко, как у дьявола на сковороде. Не станет она париться на кухне, пока эти двое будут сидеть в прохладце и решать судьбу Артура Стюарта.

Муж и двое посетителей посмотрели на нее, но не сказали ни слова по поводу ее внезапного ухода и столь же неожиданного возвращения. Старушка Пег знала, что говорят о ней за ее спиной — чем с Пег Гестер связываться, уж лучше пойти бурю унять. Но она нисколько не возражала против молвы, если такие люди, как Уитли Лекаринг и Поли Умник, стараются не злить ее лишний раз. Подождав секунду или две, пока она устроится, они вернулись к прерванному разговору.

— Как я уже говорил, Гораций, мы внимательно рассмотрели ваше предложение, — сказал Лекаринг. — Конечно, нам было бы очень удобно,

если бы новая учительница поселилась в вашей гостинице, а не мыкалась по домам, как это обычно случается. Но мы не хотим, чтобы вы шли на это за бесплатно. В школу записалось достаточно учеников, и в городской казне вполне хватит денег, чтобы назначить за твою услугу некую стипендию.

— И сколько составляют ваши сто пендий в пересчете на деньги? — поинтересовался Гораций.

— Это пока не утверждено, но на нашем собрании была упомянута сумма двадцать долларов в год.

— М-да, — цыкнул Гораций, — маловато чегой-то. Цена комнаты в моей гостинице несколько повыше будет.

— Конечно, Гораций, нам прекрасно известно, что плата наша изрядно занижена. Но поскольку вы вообще предложили поселить учительницу задаром, мы понадеялись, что эти гроши хоть отчасти покроют ваши расходы.

Гораций готов был согласиться, но Пег не стала терпеть наглое притворство.

— Ничего они не покроют, доктор Лекаринг. И мы не предлагали поселить у нас школьную учительницу *задаром*. Мы согласились содержать у нас учительницу *Артура Стюарта*. И если вы

считаете, что двадцать долларов заставят меня изменить решение, то лучше сразу разворачивайтесь, езжайте назад и посчитайте все заново.

На лице доктора Лекаринга мелькнула болезненная гримаса.

— Ну-ну, тетушка Гестер, не решай скоропалительно. Между нами говоря, ни один член школьного совета не выразил личного протеста против посещения Артуром Стюартом новой школы.

Услышав это, старушка Пег взглянула на Поли Умника. Тот так и задергался на стуле, словно ему шило в одно место воткнули, да почесать неприлично. «То-то и оно, Поли Умник. Доктор Лекаринг может говорить что угодно, но я-то тебя знаю, и по крайней мере один человек из школьного совета протестовал против Артура Стюарта, как мог».

Уитли Лекаринг тем временем продолжал вдохновенно вещать. А поскольку он изо всех сил делал вид, будто Артура Стюарта все любят и обожают, то не заметил очевидного смущения шерифа Поли.

— Нам известно, что Артура воспитали два старейших поселенца Хатрака, которых знает и уважает весь город. Мы просто никак не смогли

рассудить, какую пользу принесет мальчику школьное образование.

— Такую же, как и всякому другому мальчику или девочке, — объяснила старушка Пег.

— Да? Я так не считаю. Обеспечит ли ему знание письма и арифметики место в какой-нибудь конторе? Ну сами подумайте, кто позволит ему вести дело? Какой суд присяжных станет слушать черного законника? Общество считает, что чернокожий ребенок должен расти чернокожим, и чернокожий, как древний Адам, должен зарабатывать себе на хлеб насущный тяжким трудом и потом, а не умственной работой.

— Артур Стюарт куда умнее, чем дети, которых вы набрали. И вам это известно.

— Тем более мы не должны поощрять стремлений юного Артура, ведь, когда он вырастет, их придется жестоко развеять. Я говорю о том, как устроен мир, тетушка Гестер, а не о том, что нам предписывает сердце.

— Так почему же вы, мудрецы, собравшиеся в школьном совете, не скажете: «А черт с ним с этим миром, мы поступим, как должно быть!» Я не могу заставить вас сделать то, чего вы не хотите делать, но будь я проклята, если позволю вам притворяться, будто вы искренне желаете

Артуру добра!

Гораций поморщился. Он не любил, когда старушка Пег начинала ругаться. Эту привычку она взяла совсем недавно, с тех самых пор, как при всем честном народе обругала Милисент Мерчер за то, что та настаивала, чтобы к ней обращались исключительно как к «миссис Мерчер», а не как к «какой-то там тетушке». Когда Пег ругалась, Гораций начинал чувствовать себя несколько неуютно, тем более что меры в ругательствах она не знала — не то что мужчины. Но сама Пег считала, что если ты не можешь как следует отчехвостить лживого лицемера, то зачем ругань вообще была изобретена?

Поли Умник аж побагровел, еле сдерживая поток своих любимых словечек. Но Уитли Лекаринг, который стал теперь джентльменом, всего лишь опустил голову на секунду, как бы произнося молитву, — хотя, по мнению старушки Пег, он скорее хотел немножко успокоиться, чтобы дальнейшие его речи не преступили норм общественной морали.

— Тетушка Гестер, ты совершенно права. Приняв решение, мы не стали обманывать себя тем, что действуем так ради блага самого Артура.

При виде такой откровенности Пег лишилась

слов — по крайней мере на пару мгновений. А шериф Поли пискнул что-то неразборчивое. Уитли Лекарингу изначально не понравилось решение, к которому пришел школьный совет, и, похоже, этот человек собирался выдать сейчас чистую правду, а шериф Поли всегда терялся, когда люди начинали разбрасываться во все стороны правдой, не думая о последствиях. Старушка Пег с наслаждением любовалась вытянувшейся рожей Поли Умника — чего-чего, а выглядеть полным дураком Поли умел, этого у него не отнять.

— Видите ли, тетушка Гестер, мы хотим, чтобы наша школа начала-таки действовать, очень этого хотим, — продолжал доктор Лекаринг. — Идея общественных школ изначально немножко нам непривычна. В Королевских Колониях, к примеру, школы может посещать лишь тот, кто располагает титулом и деньгами, тогда как бедных простолюдинов туда на порог не пускают. В Новой Англии все школы подчинены церкви, чтобы с детства задурманивать людям голову, так что выходят оттуда пуританами и всю остальную жизнь держатся тише воды ниже травы, как и повелел Господь. Но общественные школы, учрежденные в голландских штатах и Пенсильвании, показывают, что мы, жители Америки, иначе

видим систему образования. В какой бы глуши человек ни жил, мы научим его читать, писать и слагать цифры, чтобы наше население стало образованным, могло голосовать и позднее принять у нас из рук правительственные и общественные должности.

— Все это очень замечательно, — перебила старушка Пег. — Насколько я помню, именно эту речь ты толкнул в нашей гостиной не больше трех месяцев назад, как раз перед тем как мы приняли школьный налог. Чего я не могу понять, так это того, почему ты, Уитли Лекаринг, считаешь, что мой сын должен стать исключением из правил.

На этом месте шериф Поли решил, что пришло время вставить в беседу свой рык. А поскольку все вокруг него говорили сплошную правду, он тоже потерял контроль над собой и напрямоту выложил то, что варилось у него на уме. Очевидно, общество искренних людей было ему в диковинку, а посему голова его слегка поплыла.

— Я, конечно, прошу прощения. Пег, но в этом мальчишке нет ни капли твоей крови, и следовательно, не сын он тебе вовсе, а если Гораций как-то поучаствовал в его появлении на свет, это еще не означает, что Артур должен считаться

белым человеком.

Гораций медленно поднялся на ноги, как будто намереваясь пригласить шерифа Поли выйти, чтобы вбить немножко ума в его пустую головушку. Поли Умник, должно быть, и сам понял, куда вляпался, обвинив Горация в рождении сына-полукровки. И когда Гораций навис над ним, Поли сразу вспомнил, что кому-кому, а ему с Горацием Гестером не тягаться. Поэтому Поли прибег к тому средству, к которому всегда прибегал, когда видел, что ситуация грозит принять неприятный оборот. Он слегка повернулся, чтобы его бляха пустила солнечный зайчик прямо в лицо Горацию Гестеру. «Только попробуй, — предупреждала бляха, — предстанешь перед судом за нападение на находящегося при исполнении служебных обязанностей офицера».

Однако старушка Пег знала, что Гораций никогда не ударит человека за обидные слова; даже того негодяя, который обвинил его в неописуемых гадостях, которые Гораций якобы творит со своим скотом, хозяин гостиницы и пальцем не тронул. Просто Гораций не поддавался слепому гневу. Пег видела, что Гораций уже позабыл об оскорблении Поли Умника и сейчас размышляет над какой-то новой идеей.

Не обращая внимания на съежившегося перед ним шерифа, Гораций повернулся к Пег:

— Слушай, Пег, может, и вправду отступиться. Артур очень хороший мальчик, но…

У Горация, который смотрел жене прямо в глаза, хватило ума не заканчивать свою речь. Но у шерифа Поли с умом были проблемы.

— Но с каждым днем он становится все чернее и чернее, тетушка Гестер.

Ну, что бы вы на такое сказали? По крайней мере, теперь стало ясно, что происходит, — все дело упиралось в цвет кожи Артура Стюарта. Это и только это стояло между ним и школой, которая вскоре должна открыться в Хатраке.

В наступившей тишине послышался глубокий вздох Уитли Лекаринга. Всякое мероприятие, в котором участвовал шериф Поли, неизменно срывалось.

— Неужели вы не понимаете? — воскликнул Лекаринг мягким, убедительным голосом, а убеждать он умел. — Некоторые жители этого города слишком невежественны, слишком отсталы… — при этих словах он бросил холодный взгляд на шерифа Поли, — …а поэтому и не допускают, чтобы чернокожий мальчик ходил в ту же школу, что и их дети. Какой толк от образования, говорят

они, если чернокожие станут такими же, как и белые? А потом, мол, они захотят голосовать, станут требовать себе должностей…

Об этом Пег не подумала. Такие мысли не приходили ей в голову. Она попыталась представить Мока Берри губернатором, отдающим приказы гражданским войскам. Да ни один солдат в Гайо не станет слушаться приказов чернокожего человека. Это все равно что рыба выпрыгнула бы из реки, чтоб раздобыть себе на обед медведя.

Но старушка Пег не привыкла отступать, хоть Уитли Лекаринг сказал все правильно.

— Артур Стюарт — умный мальчик, — заявила она. — Я никогда не голосовала, и он не будет голосовать.

— Знаю, знаю, — кивнул Лекаринг. — И весь школьный совет знает это. Но люди, которые живут в глуши, судят несколько иначе. Они, услышав, что в школе будет учиться чернокожий малыш, не пустят туда своих детей. Так что нам придется содержать школу, которая не будет исполнять своей работы по образованию граждан нашей республики. Поэтому-то мы и хотим попросить вас, чтобы вы не отдавали Артура в школу, которая все равно ничего ему не даст, и позволили другим получить образование, кото-

рое принесет нашей нации немало добра.

Все звучало складно и логично. Не зря Уитли Лекаринг был доктором. Он ведь ходил в филадельфийский колледж, так что куда глубже вникал в происходящее. Пег таким умом не славилась — как она вообще посмела спорить с таким человеком, как Лекаринг, который знает намного больше ее?

Впрочем, хотя она и не могла придумать ни одного довода в свою защиту, ее не оставляло чувство, что если она согласится с Уитли Лекарингом, то всадит нож прямиком в сердечко маленького Артура. Вот представим, спросит он ее как-нибудь: «Мама, а почему я не могу ходить в школу, как мои друзья?» Тогда-то все замечательные слова, которые излагает доктор Лекаринг, испарятся, словно Пег их и не слышала. Все, что она сможет ответить, это: «Потому что ты чернокожий, Артур Стюарт Гестер».

Уитли Лекаринг, казалось, воспринял ее молчание как признание поражения, что, в принципе, было недалеко от истины.

— Вот увидите, — снова заговорил он, — Артур ничуть не обидится, что вы его не записали в школу. Наоборот, белые мальчики будут ему завидовать — ведь пока он играет себе на сол-

нышке, они парятся в душных классах.

Пег Гестер знала, что это не так. Это вовсе не столь логично, как выглядит с первого взгляда, но она никак не могла понять, в чем же Лекаринг обманывает ее.

— А когда-нибудь все переменится, — сказал Лекаринг. — Может, однажды общество изменится к лучшему. Может быть, чернокожих рабов, которые трудятся сейчас в Королевских Колониях и Аппалачах, освободят, и наступят времена, когда… — Голос его оборвался, и Лекаринг покачал головой. — Порой я становлюсь чересчур мечтательным, — объяснил он. — Несу всякие глупости. Мир таков, каков он есть. Чернокожий не может воспитываться как белый человек, это неестественно.

При этих словах внутри Пег поднялась горькая ненависть. Это был не жаркий гнев, который заставляет наорать на человека. Нет, то была холодная, отчаянная ненависть, которая говорила: «Может, я веду себя неестественно, но Артур Стюарт — мой сын, и я не предам его. Нет, не предам».

Однако ее молчание снова было принято за согласие. Мужчины, облегченно завздыхав, поднялись — причем Гораций аж светился. Они,

конечно, даже надеяться не смели, что старушка Пег так быстро прислушается и воспримет их доводы. Повеселевшие лица шерифа и доктора объяснялись вполне естественной причиной, но чему радуется Гораций?

Некое отвратительное подозрение закралось в душу Пег — ну точно, Гораций Гестер, доктор Лекаринг и шериф Поли заранее договорились обо всем, еще до того как два представителя школьного совета появились здесь. Разговор был разыгран. Они устроили представление, чтобы утихомирить разбушевавшуюся Пег Гестер.

Гораций, как и Уитли Лекаринг, как и остальные жители Хатрака, не хотел, чтобы Артур Стюарт посещал школу.

Ненависть Пег переросла в ярость, но было слишком поздно — Лекаринг и Поли уже выходили из двери, сопровождаемые Горацием. Очутившись вне пределов видимости Пег, они похлопают друг друга по спине и обменяются дружеской улыбкой. Но старушка Пег была не в настроении улыбаться. Она слишком ясно помнила, как малышка Пегги Смотрела для нее в ночь перед побегом. Смотрела в будущее Артура Стюарта. Пег спросила малышку Пегги, полюбит ли когда-нибудь Гораций маленького Артура, но

девочка отказалась отвечать. Что само по себе явилось ответом. Гораций может относиться к Артуру как к родному сыну, но по сути дела он все равно считает его чернокожим мальчиком, которого Пег Гестер взяла на воспитание. Гораций не был отцом Артуру Стюарту.

«Значит, Артур все-таки сирота. Сирота, лишившийся отца. Правильнее сказать, никогда его не имевший. Ну и пусть. Зато у него две матери: одна пожертвовала ради него жизнью, а другая — это я. Я не могу записать его в школу. Я предчувствовала, что у меня ничего не получится, знала это с самого начала. Но я все равно дам ему образование». И в голове у нее созрел план. Все зависело от школьной дамы, которую нанял город, от учительницы из Филадельфии. Она ведь может оказаться квакером, а квакеры не испытывают предубеждения против чернокожих, и тогда план Пег Гестер сработает. Но даже если школьная учительница будет ненавидеть черных ничуть не меньше, чем их ненавидит ловчий, на глазах у которого беглый раб переплывает озеро Канада и становится на другом берегу свободным человеком, это не имеет значения. Старушка Пег найдет способ. Артур Стюарт — это семья, которая у нее осталась, это единственный любимый человек,

который не пытается ей лгать, не обманывает, не договаривается за ее спиной. И она не позволит обманом и ложью лишить его того, что потом пойдет ему на пользу.

Глава 13
ДОМИК У РУЧЬЯ

Элвин впервые узнал о том, что что-то затевается, когда заслышал вопли Горация и Пег Гестер, орущих друг на друга у старого домика на берегу ручья. Муж с женой так разошлись, что на какое-то время их крики перекрыли даже шум огня в горне и грохот молота. Затем они немножко попритихли, но Элвина уже сжигало любопытство, побуждающее его отложить молот в сторону и сходить посмотреть, что происходит. По сути дела, так он и поступил: положил молот на наковальню и вышел на улицу.

Нет, нет, на самом деле он не хотел *подслушивать*. Просто так случилось, что он решил сходить к колодцу, набрать немного воды — попить, а заодно наполнить бочонок в кузнице. Пусть он услышал кое-что краем уха, но разве он виноват в этом?

— А что люди-то скажут? Какой из меня владелец гостиницы, если школьную учительницу я поселю туда, где мы раньше хранили продукты?!

— Но домик ведь давно пустует, Гораций, вот

мы и приспособим его к делу. Да и комнат свободных в гостинице больше останется.

— Я не допущу, чтобы учительница жила отдельно, сама по себе. Не пристало это, и все тут!

— Почему, Гораций? Или ты планируешь подкатить к ней с каким предложением?

Элвин ушам своим не поверил. Муж и жена не должны говорить такое друг другу. Элвин ожидал услышать звук звонкой пощечины, но Гораций, очевидно, молча проглотил оскорбление. Люди поговаривали, что он, мол, находится под каблуком у жены, но когда жена обвиняет мужа в разврате и тот ничем ей не отвечает, даже не рявкнет на нее как следует, какие еще доказательства тут нужны?

— В общем, это все равно, — сказала старушка Пег. — Может, ты сделаешь по-моему, а она откажется. Но так или иначе, надо домик починить и предложить ей.

Гораций буркнул что-то в ответ, но Элвин не расслышал что.

— И что с того, что домик строила малышка Пегги? Она теперь стала самостоятельной, ушла, слова мне не сказав, и я не собираюсь вечно поклоняться этому домику потому, что она очень любила приходить сюда, когда была маленькой.

И снова Элвин не расслышал ответа Горация.

Зато старушку Пегги он слышал очень хорошо. Ее голос громовыми раскатами разносился по округе:

— Это ты мне говоришь, кто кого любит? Позволь мне напомнить, Гораций Гестер, твоя любовь к малышке Пегги не удержала ее здесь. Но я своей любовью к Артуру Стюарту добьюсь ему образования, ты хорошо меня понял? И на этом все, Гораций Гестер, посмотрим, кто крепче любит своих детей!

Вслед за чем последовал яростный удар дверью — от этакого удара домик вообще мог развалиться. Элвин ничего не мог поделать со своим любопытством; чуточку вытянув шею, он посмотрел, с чьей стороны последовало бурное проявление эмоций. Ну разумеется, старая Пег гордо покидала поле боя.

Минутой спустя, а может, больше, дверь тихонько отворилась. Прищурив глаза, Элвин всмотрелся в густые кусты, которые росли между колодцем и домиком у ручья. Из дома медленно появился Гораций Гестер, лицо его было очень грустным — таким хозяина гостиницы Элвин никогда не видел. Выйдя на порог, Гораций постоял некоторое время, положив руку на дверь.

После чего осторожно закрыл ее, словно укладывал в колыбельку младенца. Элвин давно гадал, почему они не снесли эту развалюху еще несколько лет назад, ведь, выкопав колодец, Элвин окончательно иссушил ручей, который некогда бежал под домиком. По крайней мере они могли бы его перестроить и приспособить под что-нибудь. Но теперь Элвин знал, что домик этот каким-то образом связан с Пегги, с девочкой-светлячком, которая покинула свою семью незадолго до того, как Элвин появился в Хатраке. Увидев, как Гораций прикоснулся к двери, как он закрыл ее, Элвин впервые понял, насколько может тосковать человек по своему чаду — когда девочка уехала, потайные местечки, в которых она любила прятаться, стали святой землей для ее старого отца. В первый раз Элвин задумался: а сможет ли он так любить своего ребенка? И кто станет ему женой? Будет ли его супруга кричать на него, как старая Пег кричит на Горация, или же он будет обращаться с ней, как Миротворец Смит помыкает своей женой Герти, размахивая ремнем, в то время как она швыряется посудой?

— Элвин, — окликнул Гораций.

Элвин готов был помереть от стыда — еще бы, ведь его поймали на месте преступления.

— Извините меня, сэр, — пробормотал Элвин. — Мне не следовало подслушивать ваши споры.

Гораций криво улыбнулся:

— Чтобы не услышать то, что здесь творилось под конец, надо быть абсолютно глухим.

— Да, говорили вы несколько громковато, — признался Элвин. — Но я же мог не слушать вас.

— Ничего, я знаю, ты хороший мальчик, и никто ни разу не поймал тебя за распространением всяких сплетен.

Слова «хороший мальчик» прозвучали несколько неуместно. Элвину уже исполнилось восемнадцать, меньше года ему осталось до девятнадцати, до того дня, когда он сможет назваться кузнецом и пойти по земле в поисках работы. Конечно, Миротворец Смит ни за что не отпустит его раньше срока, но это не дает права Горацию Гестеру называть Элвина «мальчиком». «Может, я подмастерье, а не настоящий мужчина, но ни одна женщина не смотрит на меня как на младенца».

— Элвин, — продолжал Гораций, — передай своему мастеру, что вскоре нам потребуются новые петли для дверей и окон домика. Думаю, мы починим его и поселим сюда новую школьную учительницу. Если, конечно, она сама того захочет.

Вот так вот. Гораций проиграл сражение старой Пег. Он уступил. Значит, вот как ведут себя женатые люди? Мужчина должен либо бить жену, как Миротворец Смит, либо во всем подчиняться ей, как подчиняется Пег бедняга Гораций Гестер. «М-да, если другого выхода нет, я уж лучше в холостяках похожу», — подумал юноша. Элвин, естественно, уже начал заглядываться на городских девиц. Он видел, как они фланируют по улицам с грудью, высоко задранной корсетом, и с талиями, которые он без труда обхватит своими большими ладонями. Только Элвин никогда и не думал попробовать схватить этих девиц — при встрече с ними он заливался краской и либо опускал глаза, когда их мимолетный взгляд падал на него, либо принимался грузить или разгружать телегу — в общем, ретиво принимался за работу, которая привела его в город.

Элвин догадывался, что городские девчонки видят, когда смотрят на него. Они видят перед собой человека без сюртука, в простой рубахе, промокшей от пота. Видят бедняка, который не способен подарить им прекрасный белоснежный особняк, какой без труда может купить их папочка — законник, судья или торговец. Они смотрели на Элвина с презрением, ведь он всего

лишь подмастерье, хотя ему уже исполнилось восемнадцать. Если случится какое чудо и он женится на одной такой девице, это ни к чему хорошему не приведет — она все время будет смотреть на него сверху вниз, ожидая покорного исполнения приказов, ведь она настоящая леди.

Если же он женится на девушке низкого происхождения, то его жена будет похожа на Герти Смит или старушку Пег Гестер, то есть будет хорошо готовить, усердно трудиться, но закатывать скандал всякий раз, когда что-нибудь придется ей не по нраву. Нет, женщинам в жизни Элвина-кузнеца места нет и не будет. Он не снесет позора, которому подвергается Гораций Гестер.

— Ты слышал меня, Элвин?

— Слышал, мистер Гораций, и все передам Миротворцу Смиту, как только его увижу. Вам нужны петли для дверей и все, что может пригодиться при отстройке домика у ручья.

— И пара умелых рук, — добавил Гораций. — Ибо здесь будет жить школьная учительница. — Видимо, отповедь Пег Гестер была не столь страшна, потому что Гораций не смог не ухмыльнуться, прибавив: — Здесь она будет давать свои *частные* уроки.

Слова «частные уроки» он произнес так, будто

здесь устраивался публичный дом или нечто вроде, но Элвин, сложив два и два, догадался, кому будут даваться эти частные уроки. Вся округа знала, что Пег просила принять Артура Стюарта в школу.

— Ну, пока, — сказал Гораций.

Элвин махнул ему на прощание, и Гораций заковылял по тропинке к гостинице.

Тем днем Миротворец Смит так и не появился в кузнице. Чему Элвин ничуть не удивился. Теперь, когда Элвин ростом и силой сравнялся с кузнецом, юноша сам мог выполнять работу в кузнице — к тому же работал он быстрее и лучше Миротворца. Вслух об этом никто не говорил, но еще в прошлом году Элвин заметил, что люди стараются появляться в кузнице, когда Миротворца там нет. Они просили Элвина побыстрее исполнить их работу, а сами тем временем ждали у дверей. «Так, ерундовина», — говорили они, хотя подчас работа была не такой уж и ерундовой. Очень скоро Элвин понял, что люди не случайно приходят к кузнице, когда он работает. Они хотели, чтобы именно Элвин выковал то, что им нужно.

Не то чтобы Элвин делал что-то особенное с железом — разве что накладывал пару-другую оберегов, когда его просили, но это может сделать

каждый кузнец. Элвин знал, что обойти своего мастера при помощи какого-нибудь скрытого дара будет нечестно — это все равно что пустить в ход нож в борцовском поединке. Кроме того, если он при помощи своего дара будет придавать железу какую-нибудь особую силу, это лишь принесет ненужные неприятности. Так что в кузнице он прибегал только к помощи крепких рук да верного глаза. А если люди считают, что в работе он превосходит Миротворца, что ж, это потому, что Элвин лучше своего мастера справляется с обязанностями кузнеца, а вовсе не потому, что у него особый дар.

Как бы то ни было, Миротворец, похоже, понял, что происходит, и поэтому все реже и реже появлялся в кузнице. Он сколько угодно мог делать вид, что это лучше для дела и он просто не хочет мешать способному ученику, но Элвин не очень ему верил. Скорее всего Миротворец избегал кузницы, чтобы люди не заметили, как он то и дело заглядывает Элвину через плечо, пытаясь разобрать, чем же Элвин превосходит своего мастера. А может. Миротворец завидует и поэтому не выносит ученика. Впрочем, было еще одно объяснение — возможно, Миротворец просто-напросто ленив, а поскольку подмастерье

успешно справляется с работой, так почему бы Миротворцу не пойти и не попировать вволю с речными крысами у устья реки Хатрак?

Но могло быть и так, хотя это, конечно, вряд ли, что в действительности Миротворец стыдился своих поступков — может, ему было стыдно держать Элвина в учениках, когда тот давным-давно готов отправиться в дорогу искать настоящую работу. Среди мастеров считалось низким и постыдным насильно удерживать ученика после того, как подмастерье освоит дело, — так поступали те, кто не хотел платить по справедливости и наживался на чужом труде. Элвин приносил семье Миротворца Смита хорошие деньги, в то время как сам Элвин оставался бедным, как церковная мышь, спал на чердаке и никогда в его карманах не звенело больше двух монет зараз. Конечно, Герти кормила его от пуза — в его распоряжении были лучшие кушанья города, это Эл узнал, пообедав пару раз в семьях своих городских знакомых. Но хорошая еда — это не то же самое, что хорошая плата. Пищу съел — и нет ее. А на деньги можно купить много всякой всячины, с их помощью можно много чего сделать — обрести свободу например. Контракт, подписанный отцом Элвина, который Миротво-

рец Смит хранил у себя в серванте, превращал юношу в настоящего раба — Элвин практически не отличался от чернокожих, гнущих спину в Королевских Колониях.

Отличался он от них только одним. Он мог считать оставшиеся до свободы деньки. Сейчас на дворе стоял август. Осталось меньше года. Следующей весной он будет свободен. Ни один раб на юге не знает подобной надежды — такие мысли даже не приходят ему в голову. За прошедшие годы Элвин не раз думал об этом, когда ему становилось особенно туго. «Если уж они могут жить и работать, не видя надежды на свободу, — размышлял он, — я тем более смогу вынести еще пять лет… три года… годик, помня, что в один прекрасный день мое рабство подойдет к концу».

В общем, тем днем Миротворец Смит в кузницу так и не заглянул, и когда Элвин исполнил порученное на день, вместо того чтобы убрать за собой и заняться домашними делами, он сходил к домику у ручья и снял мерки с дверей и окон. Домик был построен с тем учетом, чтобы сохранять внутри прохладу ручья, поэтому окна не открывались, но школьную учительницу вряд ли устроит такой, она наверняка захочет, чтобы в ее доме был свежий воздух, Элвин учел и это.

Не то чтобы он решил собственными руками сделать новые оконные рамы — плотником он был не ахти, ну, работал, конечно, по дереву, как и всякий мужчина, но ничему особому не учился. Он просто обмерил домик и, запомнив размеры окон, двинулся дальше.

Он многое замерил. Прикинул, куда встанет небольшая пузатая плита, чтобы давать тепло зимой, после чего сразу посмотрел, что за основание стоит подложить под нее, потому что плита-то тяжелая… В общем, он учел все, что могло потребоваться, чтобы превратить домик у ручья в добрую хорошую хижину, в которой поселится леди.

Мерки Элвин не записывал. Он никогда ничего не записывал. Сняв мерку при помощи пальцев, он запоминал ее навсегда; а если забывал, если что-нибудь делал не так, то исправить положение не составляло для него труда. Элвин, конечно, понимал, что здесь он немножко ленится, но в эти дни он слишком редко прибегал к помощи своего дара, так что небольшие поблажки простительны.

Пока Эл бродил вокруг домика, на лугу объявился Артур Стюарт. Элвин ничего не сказал, да и Артур большей частью молчал; когда человека

слишком часто видишь, нужда во всяких церемониях отпадает. Но когда Элвину потребовалось снять мерку с крыши, он подозвал к себе Артура и подсадил его на крышу с такой же легкостью, с какой Пег Гестер переворачивает перину на гостиничной кровати.

Артур, как кошка, прошелся по коньку, нисколько не страшась высоты. Он шагами замерил доски и все запомнил, а закончив, даже не посмотрел, сможет ли Элвин поймать его или нет, — взял и прыгнул в воздух. Словно верил, что сможет полететь. А в самом деле, почему бы не попробовать, если Элвин своими огромными руками без труда поймает Артура, который мягко опустится на землю, как пушинка на поверхность пруда.

Обмерив дом, Эл и Артур вернулись в кузницу. Элвин вытащил из кучи пару железных пластинок, разогрел горн и принялся за работу. Артур встал рядом — качать мехи и подавать инструмент. Между ними этот порядок был давно заведен — словно Артур стал учеником Элвина, и ни один из них не видел в этом ничего плохого. Они все делали вместе, да так ладно, что остальные только дивились.

Парой часов спустя Эл выковал все необходи-

мое. Это заняло бы в половину меньше времени, если б Элвин почему-то не вбил себе в голову, что обязательно нужно сделать на дверь замок, да не простую задвижку, а настоящий. Элвин видел пару подобных замков, их заказывали себе богатые хатракские горожане в самой Филадельфии — у них был ключ и специальный язычок, благодаря которому замок закрывался сам, стоило хлопнуть дверью, так что двери за собой можно было не запирать, сами закроются.

Более того, на замок Элвин наложил специальные обереги, идеально ровные шестиугольные заклятия безопасности и покоя, так что тот, в чьем сердце живут злые намерения, не сможет открыть задвижку. Когда замок будет прикреплен к двери, обереги скроются внутри, и никто их не заметит, но свое дело они исполнят, потому что оберег, наложенный Элвином, всегда был настолько хорошо исполнен, что создавал целую сеть из заклятий, распространяющихся на многие ярды.

Накладывая обереги, Элвин в очередной раз задумался над тем, почему они вообще работают. Он, конечно же, знал, почему оберегу придается одна и та же волшебная форма — дважды три, это и так понятно; кроме того, ему было известно,

что если шестиугольные обереги положить на стол, они сразу сцепятся друг с другом, проникнув один в другой, словно квадратики, только намного сильнее, сойдясь не только своей основой и тканью, но основой, тканью и силой. Не то что квадраты, которых практически не найдешь в природе, которые слишком просты, а следовательно, слабы; настоящие обереги заключаются в снежинках, кристаллах и пчелиных сотах. Создать простой оберег — это все равно что сотворить целую сеть из заклятий, поэтому обереги, которые Элвин спрятал внутри замка, окутают дом сплошным покрывалом, надежно защищая от всякого зла. Лучшей защиты не сыскать, даже если бы Элвин выковал сеть из железа и закрыл ею дом.

Однако это нисколько не объясняло, почему оберег работает. Почему созданные заклятия остановят человеческую руку и помешают злоумышленнику войти? Почему оберег невидимо повторяет себя, и чем он совершеннее, тем дальше простирается созданная им сеть? Многие годы Элвин думал над этим, но так ни в чем и не разобрался. Он по-прежнему ничего не знал, и им в очередной раз овладело отчаяние. Держа в руках составные части замка, он даже подумал:

а не стать ли ему обыкновенным кузнецом, не забыть ли эти сказки про Творение?

Однако, терзаясь этими вопросами, Элвин почему-то даже не подумал задать себе самый простой из всех. С чего он взял, что школьной учительнице понадобится столь надежный, защищенный сильнейшими оберегами замок? На эту тему Элвин просто не думал. Он лишь знал, что подобный замок может сослужить добрую службу и маленький домик под его защитой не постигнет беда. Много позднее он задумается над этим — неужели еще до встречи с учительницей он догадывался, кем она для него станет? Наверное, у него в голове уже тогда сложился некий план, как и у старушки Пег Гестер. Но пока он ничего об этом не знал, и чудесный замок он творил скорее для Артура Стюарта; может, где-то внутри он решил, что, если у школьной учительницы будет ладный, красивый домик, она охотнее пойдет на то, чтобы давать Артуру Стюарту уроки.

Рабочий день подошел к концу, но Элвин никак не мог угомониться. Погрузив выкованные вещи и инструмент в тележку, он направился к домику у ручья. Работал Элвин быстро — почти неосознанно он воспользовался своим даром, чтобы работа спорилась. Все подошло с первого раза;

дверь стала как новенькая, и замок на ней сидел как влитой — в жизни не отдерешь. Такую дверь ни один человек не выбьет — легче прорубиться через бревенчатую стену, нежели лезть через дверь. Но обереги, помещенные внутрь стен, никому не позволят поднять на домик топор, а если кто-то все-таки будет продолжать упорствовать, то лишится сил, так что и удара толком сделать не сможет — к таким оберегам с уважением отнесся бы даже краснокожий.

Эл еще раз вернулся в кузницу, чтобы навестить сарай, где из кучи старых поломанных печурок, которые Миротворец заготовил на железо, выбрал ту, что получше. Тащить в одиночку печь — задача не из легких даже для силача-кузнеца, но тележка такой груз не выдержала бы. Поэтому Элвин нес печку на своей спине. Оставив печь снаружи, он натаскал камней оттуда, где раньше протекал ручей, и выложил место под полом, куда должна встать плита. Под полом домика шли большие толстые балки, однако там, где некогда тек ручей, они были не обшиты — какая польза от хранилища продуктов, где всегда должно быть холодно, если текущую под домиком воду закладывать досками? В общем, в северном углу домика, где пол был разобран и находился

невысоко от земли, Элвин выложил хорошее каменное основание для печки, после чего зашил его досками и покрыл тонкими листами железа, чтобы сыплющиеся из печи искры случайно чего не подожгли. Затем он поставил плиту на место и вывел трубу в дыру, которую незадолго до того пробил в крыше.

Артуру Стюарту он поручил выковыривать из стенных щелей засохший мох. Задание было нетрудным, кроме того, оно отвлекало Артура, и тот не видел, как Элвин чинит сломанную печурку, творя такое, что явно не под силу обыкновенному человеку. Вскоре плита стала как новенькая.

— Я хочу есть, — заявил Артур Стюарт.

— Сбегай к Герти, скажи, что я поработаю допоздна, и попроси прислать нам обоим еды, поскольку ты мне помогаешь.

Артур Стюарт пустился бежать. Элвин знал, что мальчик передаст послание слово в слово и его же голосом, так что Герти, весело рассмеявшись, навалит ему целую корзину всяческих вкусностей. Может, корзина будет настолько тяжелой, что Артуру на обратном пути придется раза три-четыре останавливаться, чтобы перевести дух.

За это время Миротворец Смит даже не пока-

зался.

Когда Артур Стюарт наконец вернулся, Элвин сидел на крыше, устанавливая трубу и заделывая самые большие дыры — все равно уж забрался. Труба вышла ладной — ни одна капля воды не попадет через нее в дом. Артур Стюарт тем временем молча ждал внизу, наблюдая за его работой, — он не торопил Элвина, не спрашивал разрешения поесть без него; Артур Стюарт не относился к тем детям, которые постоянно ноют и жалуются на что-нибудь. Закончив, Элвин перевалился через край крыши, ухватился за карниз и легко спрыгнул на землю.

— Холодная курица особенно вкусна после хорошего трудового дня, — поведал Артур Стюарт голосом, который идеально передавал интонации Герти Смит.

Элвин усмехнулся и открыл корзину. Они жадно принялись за еду — словно изголодавшиеся моряки, проведшие полплавания на урезанном пайке. Спустя некоторое время они оба лежали на спинах, периодически довольно рыгая, почесывая набитые животы и наблюдая за белыми облаками-овечками, мирно кочующими по небу.

Солнце опускалось к западу. Очевидно, на сегодня пора заканчивать с работой, но в Элвина

словно черт вселился.

— Ты лучше отправляйся домой, — сказал он Артуру. — Может быть, если ты поторопишься, занося корзину обратно Герти Смит, то прибежишь домой как раз вовремя, и твоя мама не станет на тебя слишком сердиться.

— А ты что будешь делать?

— Мне надо выточить рамы для окон и поставить их.

— А я еще не весь мох вытащил, — заупрямился Артур Стюарт.

Элвин усмехнулся, но то, что он намеревался проделать с окнами, нельзя было выставлять напоказ. Плотничаньем он особо не занимался, поэтому не хотел, чтобы кто-то видел, как он пользуется своим даром.

— Ты лучше отправляйся домой, — повторил Элвин.

Артур вздохнул.

— Ты мне очень помог, но я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

К удивлению Элвина, Артур ответил ему, в точности передразнив его последние слова:

— Ты мне очень помог, но я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Я серьезно, — нахмурился Элвин.

Артур Стюарт перекатился на бок, поднялся, подобрался поближе и брякнулся Элвину прямо на живот — это он проделывал довольно часто, но когда у тебя в животе перевариваются полтора цыпленка, вряд ли ты придешь в особый восторг, когда кто-то примется валяться на твоем брюхе.

— Артур Стюарт, перестань, — приказал Элвин.

— Я никому не рассказывал про иволгу, — сказал вдруг Артур Стюарт.

От этих слов по спине Элвина пробежал холодок. Он-то считал, что Артур Стюарт был слишком мал в тот день, три года тому назад, чтобы запомнить происшедшее. Но Элвину следовало знать, что, если Артур Стюарт молчит о чем-нибудь, это вовсе не значит, что мальчуган все забыл. Артур Стюарт ничего не забывал — он помнил, сколько червячков ползало по яблоне год назад.

А если Артур Стюарт помнит иволгу, значит, он наверняка помнит день, когда посреди лета вдруг случилась зима, когда Элвин при помощи своего дара вырыл за одну ночь колодец и лепил голыми руками камни. Но раз Артуру Стюарту все известно про дар Элвина, то какой смысл прятаться и таиться?

— Ладно тогда, — кивнул Элвин. — Поможешь

мне вешать окна.

«Только дай слово, что ни единой живой душе не расскажешь о том, что здесь видел», — чуть не добавил Элвин. Но Артур Стюарт все понял без слов. Как раз это он понимал.

Они закончили до наступления сумерек. Элвин пальцами расщепил оконные фрамуги и сделал отличные ставни без всяких гвоздей — рама свободно ходила вверх и вниз. По сторонам рамы он проделал маленькие дырочки, для которых выстрогал специальные деревянные колышки, чтобы окно поднималось на такую высоту, на какую пожелаешь. Конечно, строгал он тоже не как обычный человек — каждый удар ножа образовывал идеальный полукруг. На каждую затычку требовалось по пять-шесть ударов ножа.

Тем временем Артур Стюарт доделал свою работу, и они вместе подмели дом — обыкновенной метлой, конечно, но и здесь Элвин задействовал свой дар, чтобы каждая пылинка, каждая стружка и щепка, чтобы вся древняя пыль вымелась из дома. Однако покрывать полосу вязкой грязи, проходящую прямо под домиком, где когда-то тек ручей, они не стали. Пришлось бы валить дерево, чтобы напилить досок, а Элвин уже начал пугаться, видя, сколько он за сегодня сделал. Что

если кто-нибудь заявится сюда и поймет, что вся работа была сделана всего за один день? Возникнут вопросы. Люди начнут сомневаться.

— Не говори никому, что это мы сделали за сегодня, — предупредил Элвин.

Артур Стюарт весело улыбнулся в ответ. Совсем недавно один из его передних зубов выпал, так что прямо посреди рта зияла большая дырка, в которую виднелись розовые десны. «Абсолютно розовые, как у белого человека», — подумал Элвин. Рот мальчика ничем не отличался от рта белого человека. Вдруг в голове Элвина возникла сумасшедшая картинка: как Господь Бог собирает умерших людей, свежует и развешивает их тела, как мясник вешает свиные туши у себя в лавке — только мясо и кости болтаются на веревках, внутренности и головы удалены. После чего Господь приказывает людям, которые заседали в школьных советах, какой недавно появился в Хатраке, подойти ближе и определить, кто из умерших был чернокожим, кто — краснокожим, а кто — белым. Они, естественно, этого сделать не могут. И тогда Бог спрашивает: «Так какого же дьявола вы говорили, что этот, этот и этот не могут ходить в одну школу с этим, этим и этим?» Что они ему ответят? В конце концов Господь

говорит: «У вас, у людей, под кожей одна и та же плоть. Но *ваше* мясо мне не нравится. Так что ваши бифштексы отправятся на ужин псам».

Да уж, картинка получилась смешной. Элвин не удержался и рассказал об этом Артуру Стюарту, и Артур Стюарт смеялся не меньше Элвина. Уже отсмеявшись, Элвин вдруг вспомнил, что никто не говорил Артуру Стюарту о том, что его мама пыталась записать мальчика в школу, но школьный совет ответил отказом.

— Ты уловил смысл этой истории?

Такое впечатление, Артур Стюарт не понял его вопроса, а может, просто притворился, что не понял. Во всяком случае ответил он несколько странно:

— Мама надеется, что школьная леди будет учить меня читать и писать в этом домике.

— Верно, — кивнул Элвин.

Стало быть, про школу ничего объяснять не надо. Либо Артур Стюарт сам знает, как некоторые белые относятся к чернокожим, либо это вскоре предстоит ему выяснить, но Элвин ему в этом не помощник.

— У всех нас под кожей одна и та же плоть, — проговорил Артур Стюарт забавным голоском, которого Элвин никогда прежде не слышал.

— А это чей голос? — поинтересовался Элвин.

— Бога, конечно, — пожал плечами Артур Стюарт.

— Похоже, — шутя похвалил Элвин.

— Ага, — серьезно кивнул Артур Стюарт.

Так получилось, что еще пару-другую дней в домик у ручья никто не заглядывал. Гораций появился в кузнице лишь на следующей неделе, в понедельник. Пришел он рано утром, чтобы застать Миротворца, который в это время с важным видом «обучал» Элвина тому, что Элвин и так знал.

— Чтобы доказать, что я достоин звания кузнеца, в конце своего ученичества я выковал якорь, — вещал Миротворец. — Это, конечно, происходило еще в Неттикуте, до того, как я направился на запад. Там строят корабли, настоящие корабли для китобоев, это вам не вшивые домишки и повозки. Там требуются *настоящие* кузнецы. Такой мальчишка, как ты, может хорошо обосноваться здесь, все равно никто из местных не знает, что такое настоящий кузнец, но туда соваться не думай, потому что там кузнец должен быть *мужчиной*.

Элвин привык к таким разговорам и пропускал их мимо ушей, но все равно был от всего сердца

благодарен Горацию Гестеру, который положил конец неуемному хвастовству Миротворца.

Обменявшись положенными «добрым утром» и «ну, как у вас тут дела?», Гораций сразу приступил к делу.

— Я зашел, чтобы поглядеть, как спорится работа над домиком.

Миротворец вопросительно поднял бровь и взглянул на Элвина, который вдруг понял, что начисто забыл рассказать кузнецу о заказе хозяина гостиницы.

— Все уже исполнено, сэр, — сказал Элвин Миротворцу, потому что тот подразумевал: «Ты что, еще ничего не сделал?» — а вовсе не: «Что это за работа над домиком?»

— Исполнено? — переспросил Гораций.

Элвин повернулся к нему:

— Я думал, вы видели. Мне показалось, вы хотели, чтобы все было сделано побыстрее, вот и занялся этим в свободное время.

— Что ж, пойдем посмотрим, — согласился Гораций. — Я как-то не подумал заглянуть туда.

— Ага, я тоже умираю от желания взглянуть, — процедил кузнец.

— Ну а я останусь здесь и поработаю, — радостно предложил Элвин.

— Нет, — рявкнул Миротворец. — Ты пойдешь с нами и покажешь, что это за работу делаешь в *свободное время*.

Но Элвин не заметил ударение, которое Миротворец сделал на последних двух словах, — его сейчас больше волновало, понравится ли Горацию новый домик. Ему едва хватило ума, чтобы не забыть кинуть в карман выкованные к замку ключи.

Вскоре они очутились у домика. Гораций никогда не стеснялся от души похвалить работу другого человека. Проведя пальцем по новым фигурным петлям и вдоволь навосхищавшись замком, он вставил ключ в замочную скважину. К вящей гордости Элвина, замок, едва слышно щелкнув, открылся. Дверь с шуршанием падающего осеннего листа отворилась. Если Гораций и заметил обереги, то не подал виду. Его внимание обратилось на нечто другое.

— Да ты и стены почистил, — воскликнул он.

— Это не я, это Артур Стюарт, — пояснил Элвин. — Вытащил весь мох до кусочка.

— И эта печка… Клянусь, Миротворец, я не рассчитывал включать в стоимость работ цену новой плиты.

— Она не новая, — встрял Элвин. — Ну, прошу

прощения, я хочу сказать, печка была сломана и валялась в куче ненужного лома. Но, присмотревшись к ней, я заметил, что ее можно починить, так почему бы не поставить ее сюда?

Миротворец смерил Элвина холодным взглядом и снова повернулся к Горацию:

— Не за бесплатно, разумеется.

— Конечно, конечно, — согласился Гораций. — Но если ты приобрел ее как лом…

— Да нет, цена особо высокой не будет.

Проверив, как труба примыкает к крыше, Гораций искренне восхитился.

— Изумительная работа, — сказал он, повернувшись. Элвину показалось, что почему-то на лице его написана печаль, а может, он просто устал. — Остальной пол тоже придется стелить…

— Это не по нашей части, — отрезал Миротворец Смит.

— Да я так, про себя говорю, не обращайте внимания.

Гораций подошел к восточному окну, толкнул его и поднял раму. Обнаружив на подоконнике колышки, он вставил их в третью дыру снизу с каждой стороны и опустил окно. Хозяин долгое время смотрел на колышки, затем — на окно, затем — снова на колышки. Элвин со страхом

принялся придумывать оправдания тому, как это он, никогда не обучавшийся ремеслу плотника, вдруг сделал такое прекрасное окно. А что будет, если Гораций догадается, что это старое окно, а не новое? Это можно будет объяснить только даром Элвина — ни один плотник не сможет проникнуть в дерево, чтобы вырезать подобную раму.

— Вижу, ты еще кое-какую работу сделал, — всего лишь пробормотал Гораций.

— Ну, ее ж все равно пришлось бы делать, — пожал плечами Элвин.

Поскольку Гораций вроде бы не собирался расспрашивать юношу, как это у него получилось, Элвин был счастлив донельзя.

— Я не предполагал, что все будет закончено так быстро, — задумчиво промолвил Гораций. — Здесь ведь столько работы… Замок, похоже, из дорогих, да и печка… Надеюсь, мне не придется платить за все сразу.

Элвин чуть не сказал: «Да вообще платить не надо», — но осекся. Вопросы оплаты решал Миротворец Смит.

Однако Гораций, повернувшись, посмотрел в ожидании ответа не на Миротворца, а прямо на Элвина.

— Миротворец берет за твой труд полную пла-

ту, поэтому, думаю, и мне не годится платить тебе меньше.

Вдруг Элвин понял, какую ошибку совершил, сказав, что чинил домик в свободное от основной работы время, поскольку за работу, которую подмастерье выполняет в свое свободное время, плату получает сам ученик, а не его мастер. Миротворец Смит никогда не выделял Элвину свободной минутки — когда появлялся какой-нибудь заказ, Миротворец посылал исполнять его Элвина, что было в его праве, согласно условиям контракта. Заведя разговор о свободных часах, Элвин тем самым заявил, что Миротворец выделил ему время, чтобы ученик заработал себе немножко денег.

— Сэр, я…

Но прежде чем Элвин успел объяснить происшедшую ошибку, в беседу вступил Миротворец.

— Вести речь о полной оплате, пожалуй, не стоит, — сказал он. — Контракт Элвина вскоре истечет, и я решил, что ему стоит попробовать вести дело самому. Пускай научится обращаться с деньгами и так далее. Но хотя ты считаешь, что работа исполнена на славу, мне она кажется несколько грубоватой. Так что справедливо будет взять за это не полную цену, а половину.

Ну, сколько ты здесь работал, а, Элвин? Часов двадцать?

Скорее шесть, но Элвин лишь кивнул. Все равно он не знал, что говорить, а его мастер, очевидно, не хотел признавать правду. Одна работа в кузнице заняла бы не меньше двадцати часов — два полных рабочих дня, — и это не говоря обо всем остальном…

— Таким образом, — продолжал Миротворец, — берем половину платы за работу Эла, прибавляем стоимость печки, железа и всего прочего… Получается пятнадцать долларов.

Гораций присвистнул и покачнулся на каблуках.

— Ну, мой труд вы можете не оплачивать, — предложил было Элвин.

В ответ на что получил от Миротворца яростный взгляд.

— Даже не думай, — заявил Гораций. — Наш Спаситель как-то сказал, что трудящийся достоин награды за труды свои[10]. Так что свою плату ты получишь. Сомнения у меня вызвала несколько завышенная цена железа…

— Это *железная печь*, — процедил Миротворец

---

[10] Примечания: 10
Библия, Евангелие от Луки, глава 10, 7

Смит.

«Которая таковой не была, пока я ее не починил», — мысленно добавил Элвин.

— Ты купил ее по цене лома, — возразил Гораций. — Сам же предложил оценить работу Элвина по половине ставки.

Миротворец вздохнул.

— Ладно, Гораций, в память о прошлых временах, ведь именно ты привел меня сюда и помог встать на ноги, когда восемнадцать лет назад я приехал в этот город… Девять долларов.

Гораций, сдержав улыбку, кивнул:

— Вот это честно. А поскольку ты обычно просишь по четыре доллара за день работы Элвина, стало быть, двадцать часов его работы *по половине* цены стоят четыре доллара. Ты зайди ко мне сегодня, Элвин, и я с тобой рассчитаюсь. А тебе, Миротворец, я заплачу остальное, когда настанет время сбора урожая и в гостинице появятся постояльцы.

— Это честно, — согласился Миротворец.

— Радостно видеть, что ты стал выделять Элвину свободное время, — продолжал Гораций. — А то люди стали поругивать тебя — мол, очень ты сурово обходишься с хорошим учеником. Но я всегда говорил: подождите, Миротворец ни о чем

не забывает.

— Верно, — буркнул Миротворец. — Я ни о чем не забываю.

— Так значит, ты не возражаешь, если я скажу жителям Хатрака, что Элвин теперь свободен?

— Он еще работает на меня, — напомнил Миротворец.

Гораций с мудрым видом кивнул.

— Верно, — подтвердил он. — По утрам он работает на тебя, а днем — на себя, правильно? Так обычно поступают все честные мастера, когда срок контракта ученика вот-вот должен истечь.

Миротворец даже побагровел слегка, чему Элвин вовсе не удивился. Юноша догадался, что происходит, — Гораций Гестер воспользовался случаем вступиться за Элвина и пристыдить Миротворца, который впервые за шесть лет действия контракта обошелся с учеником по-честному. Когда же Миротворец решил притвориться, что у Элвина действительно есть свободное время, и дверца слегка приоткрылась, Гораций вовсю налег на нее, распахивая настежь. Он намеренно добивался, чтобы Миротворец выделил Элвину в свое распоряжение половину дня, и не меньше! Такое Миротворец вряд ли сможет проглотить.

Но Миротворец проглотил:

— Полдня меня вполне устраивает. Я как раз думал о том же и собирался сказать Элвину.

— Значит, днем ты будешь работать сам?

Вот это да! Элвин взглянул на Горация с неприкрытым восхищением. Гораций Гестер не хотел, чтобы Миротворец ленился и дальше, сваливая на Элвина всю работу по кузнице.

— Когда работать, а когда — нет, это мое дело, Гораций.

— Да я так просто спросил. Хотел передать людям, когда в кузнице будет подмастерье, а когда — сам мастер.

— Я буду там *весь день*.

— Что ж, рад слышать, — кивнул Гораций. — Да, Элвин, должен признать, работа замечательная. Твой мастер хорошо потрудился, обучая тебя, — по-моему, лучше работы я не видел. Не забудь сегодня вечером зайти за своими четырьмя долларами.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

— Ну, не буду отвлекать вас от работы, — развел руками Гораций. — Это единственные два ключа от двери, больше нет?

— Нет, сэр, — сказал Элвин. — Я смазал их маслом, чтобы не заржавели.

— Хорошо, я прослежу за этим. Спасибо за на-

поминание.

Гораций открыл дверь и пропустил Миротворца и Элвина, после чего у них на глазах надежно запер домик. Повернув ключ в замке, он обернулся и ухмыльнулся Элвину.

— Первым делом надо будет заказать тебе такой же замок для себя лично, — сказал он, но тут же громко рассмеялся и помотал головой. — Вот дурень, совсем забыл, я ж хозяин гостиницы. Мое дело впускать гостей, а не отгораживаться от них дверьми. Но наверняка в городе есть люди, которым придется по душе подобный замок.

— Надеюсь, сэр. Спасибо вам.

Гораций снова кивнул, бросил холодный взгляд на Миротворца, как бы говоря: «Не забудь, что ты мне сегодня пообещал», — и заспешил по тропинке к гостинице.

Элвин же направился вниз по склону холма. Он слышал за спиной шаги Миротворца, но от всей души надеялся, что мастер отложит неминуемое объяснение на потом. Пока что Миротворец молчал, и Элвин уж было облегченно вздохнул.

Однако тишина продлилась ровно до тех пор, пока они не вернулись в кузницу.

— Печка ни к черту не годилась, — произнес Миротворец.

Это Элвин ожидал услышать меньше всего — и именно этой фразы он больше всего страшился. Миротворец не стал шпынять его за работу, исполненную в «свободное время», и даже не попытался взять назад данное недавно обещание. Однако печку, которую Элвин подобрал среди лома. Миротворец Смит помнил.

— Да, пришлось с ней повозиться, — неопределенно промычал Элвин.

— Ее надо было полностью переделывать, — поправил Миротворец. — Если б я не видел, что ее нельзя починить, я бы не кинул ее в лом.

— Мне тоже сначала так показалось, — кивнул Элвин. — Но, присмотревшись, я вдруг…

Увидев застывшее лицо Миротворца Смита, Элвин замолк. Кузнец все знал. В этом не могло быть ни малейших сомнений. Мастер догадался, на что способен его ученик. Душа Элвина ушла в пятки при мысли, что его сейчас выведут на чистую воду; подобное ощущение он испытывал, когда малышом играл в прятки со своими братьями и сестрами. Хуже всего, когда всех уже нашли, а тебя — нет, и вот ты сидишь и ждешь, ждешь, а потом слышишь тихие крадущиеся шаги. Внезапно тебя одолевает чесотка, чешется везде — от пяток до ушей, тебе крайне необходимо что-то сделать,

иначе ты умрешь на месте. В конце концов ты выскакиваешь из укрытия и кричишь: «Здесь я! Я здесь!» — после чего бросаешься бежать не чуя под собой ног, но несешься ты не к заветному дереву, а куда глаза глядят, бежишь, пока все мускулы не сведет от усталости, и, обессилев, ты падаешь на землю. Сумасшествие чистой воды, а из такого сумасшествия ничего хорошего, как правило, не выходит. Вот что Элвин ощущал, играя в прятки с братьями и сестрами, и тот же трепет он почувствовал сейчас, когда понял, что его вот-вот раскроют.

К удивлению Элвина, по лицу мастера расползлась медленная улыбка.

— Вот оно что, — процедил Миротворец. — Вот в чем дело. Ты, погляжу, полон сюрпризов. Когда ты появился на свет, твой отец сказал, что ты — седьмой сын седьмого сына. В этом я убедился, увидев, как ты ладишь с лошадьми. И колодец ты нашел, как заправский лозоход, это я тоже заметил. Но то, что ты сделал сейчас… — Миротворец хмыкнул. — Я-то считал, второго такого кузнеца, как ты, не сыщешь на всей земле, а ты, оказывается, все время своими алхимическими штучками баловался.

— Нет, сэр… — начал было Элвин.

— О, я никому об этом не скажу, — пообещал Миротворец. — Ни единой живой душе.

По его смеху Элвин понял, что Миротворец действительно никому ничего не скажет, но пустит сплетни по всему Гайо. Однако не это сейчас больше всего беспокоило Элвина.

— Сэр, — сказал Элвин, — работу, которую я исполнял для *вас*, я делал честно — своими руками.

Миротворец глубокомысленно кивнул, будто говоря: «Я так и понял, я все понял, можешь не объяснять».

— Так оно и было, — подтвердил он. — Твой секрет умрет вместе со мной. Но я ведь знал, с самого начала знал. Я же чувствовал, что ты не можешь быть таким отличным кузнецом, каким кажешься.

Миротворец Смит понятия не имел, что сейчас находится на волосок от смерти. Элвин не славился своей вспыльчивостью — жажда крови, которая, может, жила в нем раньше, оставила его семь лет тому назад, когда он взошел на Восьмиликий Холм. Однако за все годы своего ученичества он ни разу не услышал от этого человека ни единой похвалы, одна ругань сыпалась ему на голову — как Элвин ленив, как груба его работа, — а оказывается. Миротворец Смит лгал

ему, стало быть, кузнец знал, что Элвин — настоящий искусник. И убедившись в том, что ученик в работе использует некий дар, он сказал Элвину, что тот, по сути дела, отличный кузнец. Не просто отличный. Элвин считал себя прирожденным кузнецом, однако даже не подозревал, насколько его ранило отсутствие похвалы со стороны учителя. Неужели его мастер не понимает, как много значит одно слово, одно-единственное доброе словечко? Ведь ни разу он не сказал: «Да, парень, дело у тебя в руках спорится» или «Э, а у тебя, Элвин, верная рука». Нет, Миротворец должен был лгать и притворяться, будто Элвин вообще ни на что не годен, и поступал он так до тех пор, пока не уверовал, что у Элвина вообще нет никаких способностей, за исключением скрытого дара.

Элвину захотелось протянуть руки, ухватить Миротворца за голову и стукнуть ею по наковальне, стукнуть как следует, силой вдолбить правду в лоб Миротворцу. «Я никогда не пользовался даром Мастера в кузнице, я не пользовался им, пока не научился делать все своими руками, пока не обрел достаточное мастерство, так что не ухмыляйся, будто я жалкий притворщик, а не кузнец вовсе. Кроме того, думаешь, легко управляться умениями Мастера? Неужели ты

считаешь, то, на что я способен, так легко дается?»

Ярость, скопившаяся в жизни Элвина за годы рабства, за годы, на протяжении которых он ненавидел своего нечестного мастера, таился и прятался, отчаянное желание узнать, что делать со своей жизнью, и отсутствие возможности спросить об этом хоть у кого-нибудь — все это полыхало внутри Элвина жарче кузнечного огня. Снова его тело одолел зуд, но на этот раз ему не хотелось бежать прочь. Сейчас ему хотелось сделать что-нибудь жестокое, вбить улыбку Миротворца Смита ему в зубы, навсегда стереть ее с его лица, размазав по наковальне.

Однако каким-то образом Элвину удалось сдержаться, проглотить рвущиеся наружу слова, — он стоял, как олень, пытающийся казаться невидимым. Замерев, Элвин услышал вдруг зеленую песню и позволил жизни лесной земли проникнуть внутрь, наполнить сердце, принести с собой мир и покой. Зеленая песня звучала не так громко, как раньше, в западных землях в более дикие времена, когда краснокожие напевали ее под музыку леса. Она была едва слышна, иногда почти тонула в беспорядочном шуме городской жизни или безжизненной монотонности вспаханных

полей. Но Элвину еще удавалось отыскать ее. Про себя он принялся подпевать ей, позволил затопить душу и успокоить сердце.

Знал ли Миротворец, что смерть дышала ему в лицо? Потому что с Элвином он не справился бы, ведь ученик его был молод, силен и в сердце его полыхал праведный огонь. Догадался он об этом или нет, но улыбка на лице Миротворца Смита быстро потухла, и он торжественно кивнул:

— Я сдержу обещание, которого так добивался Гораций. Скорее всего ты натолкнул его на эту мысль, но я честный человек и прощаю тебя, если ты и дальше будешь выполнять часть обязанностей в кузнице, пока не истечет твой контракт.

Обвинение Миротворца, что Элвин сговорился с Горацием, еще больше рассердило юношу, но к тому времени зеленая песня завладела им целиком и Элвина уже не было в кузнице. Он погрузился в некую дрему, в которой пребывал, когда бежал бок о бок с Такумсе. Войдя в это состояние, забываешь, кто ты и где ты, твое тело превращается в далекое существо, бегущее через леса.

Миротворец ждал ответа, но Элвин молчал. В конце концов кузнец с мудрым видом покачал головой и развернулся, намереваясь уходить.

— У меня есть кое-какие дела в городе, — сказал он. — А ты пока работай. — Дойдя до широкой двери, он снова взглянул на Элвина. — И кстати, можешь починить остальные сломанные печки, которые валяются среди лома.

С этими словами он ушел.

Долго, очень долго Элвин стоял на одном месте — не двигался, даже не замечал, что у него есть тело. Солнце зависло прямо над головой, когда он наконец очнулся и сделал шаг. Сердце его билось мерно и спокойно, ни капли ярости не осталось в жилах. Если бы он подумал чуть-чуть, то наверняка понял бы, что гнев вернется — он скорее успокоился на время, чем излечился полностью. Но сейчас и этого было достаточно. Весной контракт Элвина истечет, и он уйдет отсюда, станет наконец свободным человеком.

Да и еще. Он пальцем не шевельнул, чтобы исполнить то, что, уходя, приказал ему Миротворец Смит, — починить остальные сломанные печки. Что же касается Миротворца, то он тоже не возвращался к этому вопросу. Дар Элвина не входил в условия его контракта, и Миротворец Смит, должно быть, понимал, что не имеет права приказывать юному Элу прибегать к способностям Мастера.

Несколькими днями спустя Элвин и еще несколько работников стелили в домике у ручья новый пол. Тогда-то и подошел к нему Гораций, чтобы спросить, почему Элвин не забрал свои честно заработанные четыре доллара.

Элвин не мог сказать ему правду, не мог объяснить, что не станет брать деньги за работу, которую исполнил как Мастер.

— Пусть это пойдет в уплату учительнице, — сказал Элвин.

— У тебя нет собственности, и поэтому ты не обязан платить налоги, — удивился Гораций. — Да и детей у тебя нет, чтобы послать их в школу.

— Тогда скажем так. Я плачу вам за землю, в которой покоится тело моего брата, — ответил Элвин.

Гораций понимающе кивнул:

— Этот долг, если вы вообще что-то были мне должны, был сполна уплачен твоим отцом и братьями семнадцать лет назад. Они оплатили его своим трудом, однако, юный Элвин, я уважаю твое желание внести свою лепту. Но с этого времени я буду платить тебе полную стоимость. За всю остальную работу, что ты исполнишь для меня, ты возьмешь полную стоимость, слышишь?

— Хорошо, сэр, — согласился Элвин. — Спаси-

бо, сэр.

— И зови меня Гораций, сынок. Когда взрослый мужчина называет меня «сэром», я начинаю чувствовать себя дряхлым стариком.

После чего они вернулись к работе и больше ни словом не обмолвились о работе, которую Элвин исполнил в домике у ручья. Однако какая-то назойливая мыслишка засела в голове у Элвина. В ответ на предложение Элвина внести долю в оплату учительницы Гораций сказал: «У тебя нет ни собственности, ни детей, которых ты мог бы послать в школу». Хотя Элвин повзрослел, пусть даже Гораций назвал его взрослым, юноша не чувствовал себя настоящим мужчиной. Потому что у него не было семьи. Не было собственности. Пока он этим не обзаведется, он останется большим мальчишкой. Мальчишкой, как Артур Стюарт, только ростом повыше да со щетиной, пробивающейся на подбородке в дни, когда забывает побриться.

Как и Артур Стюарт, он не должен был платить за школу. Он слишком большой. Таких, как он, в школу уже не пускают. Почему же он с таким нетерпением ждет приезда учительницы? Почему он так надеется на ее появление? Она сюда едет не ради него, однако он знал, что в домике

он работал ради нее одной — чтобы заставить ее почувствовать себя должной или, может, чтобы вперед отблагодарить ее за то, что она сделает для него и чего он так отчаянно жаждет.

«Научите меня, — про себя взмолился он. — Мне предстоит многое сделать в этом мире, но никто не знает, что именно и как. Научите меня. Вот чего я прошу у вас, леди, помогите мне найти мой путь к основам мира, к основам своей души, к престолу Господнему, к сердцу Рассоздателя. Проведите меня туда, где лежит тайна Творения, чтобы я мог остановить зимний снег и разогнать надвигающуюся ночь ярким сияющим светом».

Глава 14
РЕЧНАЯ КРЫСА

В тот день, когда должна была приехать учительница, Элвин направился в городок под названием Устье Хатрака. Миротворец послал его привезти на телеге груз нового железа, которое должно было приплыть по Гайо. Когда-то в устье Хатрака стояла одна-единственная пристань — для речных барж, которые везли те или иные товары в Хатрак. Однако с тех пор движение по реке стало намного более оживленным, а число людей, осваивающих западные земли по обоим берегам Гайо, выросло, поэтому возникла нужда в паре лавок и гостиниц, где фермеры продавали бы свои товары проплывающим торговцам и где речные путешественники останавливались бы на ночлег. Так и появился городок, называющийся Устье Хатрака. Устье Хатрака и сам Хатрак стали важными городами, ибо в этих местах река Гайо ближе всего подходила к знаменитому Вобб-скому тракту — к той самой дороге, по которой следовали отец и братья Элвина, пробиваясь сквозь дикие леса к будущей Церкви Вигора.

Поселенцы спускались на баржах по реке, выгружали своих лошадей и повозки, после чего через Хатрак двигались дальше на запад.

Также в Устье Хатрака сосредоточились заведения, которые местные жители не хотели видеть в самом Хатраке: игорные дома, где из рук в руки переходили звонкие монеты и где играли в покер и прочие азартные игры — местный закон особенно не лез в жизнь речных матросов, или, как их называли, речных крыс, и остальной мелкой шушеры. А на втором этаже подобных заведений, по слухам, поселились всяческие женщины низкого поведения, предоставляющие услуги, о которых честный человек говорит только шепотом, да и то редко, а мальчишки возраста Элвина обсуждают приглушенными голосами, время от времени нервно хихикая.

Однако не мысль о задранных юбках и обнаженных бедрах гнала Элвина в Устье Хатрака. На игорные дома Элвин не обращал внимания, зная, что это не для него. Его больше привлекали пристань и сама река, по которой ходили лодки и баржи: десять — вниз по течению, одна — вверх. Его любимыми лодками были те, что работали на пару, — громко свистя и выплевывая клубы дыма, они бодро шли вперед, обгоняя всех и вся.

Из-за огромных машин, построенных в Ирракве, эти лодки были широкими и длинными, однако против течения они шли быстрее, чем самые легкие плоты неслись вниз по реке. Сейчас по Гайо ходило восемь таких лодок, курсировавших от Дикэйна до Сфинкса и обратно. Однако дальше Сфинкса они заходить не смели, ибо там Миззипи затягивал густой туман, в который не решался соваться ни один смельчак.

«Когда-нибудь, — подумал Элвин, — в один прекрасный день некий юноша поднимется на борт „Гордости Гайо» и уплывет далеко-далеко. Далеко на запад, в дикие, глухие земли, где, может быть, мельком увидит берег, на котором сейчас живут Такумсе и Тенскватава. Или он доберется до Дикэйна, а оттуда на новом паровом поезде, который ездит по рельсам, уедет в Ирракву, чтобы поглядеть на ее каналы. И потом он объедет весь мир, пересекая безбрежные океаны. А может, останется на берегу, и весь мир когда-нибудь сам пройдет перед его глазами».

Но Элвин не был лентяем, а потому долго на речной пристани не задерживался, как бы ему ни хотелось полюбоваться на баржи. Нырнув в здание у причалов, он отдал начальнику записку от Миротворца Смита, в которой кузнец просил

выдать Элвину железо, прибывшее недавно в девяти корзинах.

— Не вздумай брать мои тележки, чтобы грузить свою тяжесть, — предупредил начальник пристани.

Элвин кивнул — каждый раз повторялось одно и то же. Железо было нужно всем без исключения, и начальник не замедлит вскоре объявиться в кузнице, выпрашивая сделать то, выковать это. Но таскать железо Элвин должен на своей спине, не дай Бог, он воспользуется драгоценными тележками, которые могут сломаться под тяжелым грузом. Миротворец не давал Элвину денег, чтобы тот нанял себе в помощь одну из речных крыс, вечно шляющихся у пристани, однако, по правде говоря, Элвин ничуть не возражал. Он не особо любил этих людей. Пускай дни пиратов и буканьеров давно прошли — слишком много лодок в нынешние дни ходило вверх-вниз по рекам, чтобы устроить где-нибудь надежную засаду, — воры и обманщики встречались повсеместно, а Элвин терпеть не мог негодяев и лгунов. По его мнению, пройдохи рассчитывают на веру честных людей, после чего обманывают их, а к чему это может привести? Люди вообще перестанут верить друг другу. «Да я скорее влезу в драку с уличным заби-

якой и померяюсь с ним силами, чем встречусь лицом к лицу с человеком, полным лжи».

Но хотите верьте, хотите нет, а за один час Элвин умудрился и познакомиться с новой учительницей, и подраться с настоящей речной крысой.

Речная крыса, с которой он дрался, обычно толклась среди себе подобных, коротая денек у пристани, — видно, в ожидании, когда же наконец откроется игорный дом. Каждый раз, когда Элвин проходил мимо, таща корзину с железными слитками, вслед ему неизменно неслись язвительные оклики. Впрочем, подшучивали над ним скорее добродушно, крича вслед что-нибудь типа: «Эй, парень, чего ты мучаешься, ходишь взад-вперед? Бери по корзине в руку, так ходить меньше!» Однако Элвин лишь усмехался, поскольку знал, что эти люди на своей шкуре испробовали тяжесть железа. Когда они вчера разгружали баржи, владелец лодки наверняка ставил по двое на корзину. Таким образом, их намеки на леность и тщедушие Элвина были своего рода комплиментами, ведь звучали они в шутку — корзины действительно оказались тяжеленными, но силушкой Элвин не был обделен.

После этого Элвин направился в бакалейную

лавку, прикупить специй, которые заказала Герти, да парочку кухонных приборов из Ирраквы и Новой Англии, о назначении которых он мог только догадываться.

Вернувшись, Элвин обнаружил, что речные крысы по-прежнему кучкуются в тенечке на пристани, но теперь портовая шушера нашла новый объект для насмешек, и шуточки их стали носить откровенно скабрезный характер. На пристани стояла женщина средних лет — на вид, рассудил Элвин, лет сорока, — волосы ее были уложены в тугой пучок, увенчанный простенькой шляпкой. Ее строгое темное платье закрывало шею и руки, словно дама боялась солнечного загара пуще смерти. Она непоколебимо смотрела прямо перед собой, пока речные крысы состязались в остроумии.

— А может, ребят, платье прямо на ней и шили, а?

Все дружно согласились, что так, мол, оно и было.

— Под него, наверное, ни один мужик не залезал.

— Так под ним нет ничего, это ж кукла какая-то, две руки, две ноги, а остальное ватой набито!

— Точно, не может она быть нормальной ба-

бой.

— Не, нормальную бабу я мигом отличу. Настоящие бабы как на меня взглянут, сразу юбки кверху, ножки врозь.

— Так ты помоги ей немножко, вдруг и она захочет стать нормальной?

— Эта? Да она чурка деревянная. Я в свое весло только заноз насажаю, если попробую побаламутить эти воды.

Тут Элвин не сдержался. Не подобает мужчине говорить такое о женщинах — даже о тех, которые сами нарываются на подобные словечки. Даже девочки из игорных заведений недостойны подобного отношения, хоть и ходят эти дамочки с таким вырезом, что груди висят, как титьки у коровы, а юбки так и летают — аж до самых коленей все видно. Элвин счел, что дама, наверное, ждет кого-нибудь — в Хатрак регулярно ходил дилижанс, но до его отправления еще оставалось добрых два часа. Впрочем, леди не выглядела очень уж испуганной — скорее всего она знала, что портовые парни больше хвалятся, нежели делают, поэтому ее целомудрие вне опасности. Да и по лицу ее не скажешь, что она хоть одно слово услышала, — глаза были холодными и далекими. Однако насмешки речных крыс оскор-

били прежде всего самого Элвина и разозлили настолько, что он уже не мог развернуть телегу и отправиться восвояси. Поэтому он положил покупки в повозку, после чего подошел к речным крысам и заговорил с самым громкоголосым, самым грубым из нахальничающих бездельников.

— Либо говорите с ней как с дамой, — холодно сказал Элвин. — Либо вообще помолчите.

Элвин ничуть не удивился, заметив блеск в глазах парней, появившийся, как только он произнес первое слово. Издеваться над приезжей дамочкой — это одно, но теперь они испробуют на крепость его. Речные крысы никогда не упускали возможности показать городскому парню, кто есть кто, пусть даже их соперник был так же силен, как Элвин, который столько времени отработал в кузнице.

— А может, лучше тебе помолчать? — поинтересовался самый нахал. — Может, ты уже сказал больше, чем нужно?

Одна из речных крыс не поняла происходящего и подумала, что все продолжают прохаживаться насчет дамочки.

— Да он ревнует просто. Сам хочет побороздить ее мутную речонку.

— Сказал, но, видно, недостаточно, — ответил

Элвин. — Раз вы не усвоили, как следует обращаться с дамами.

И в эту секунду впервые прозвучал голос леди.

— Мне не требуется ваше заступничество, молодой человек, — сказала она. — Идите своей дорогой, прошу вас.

Голос ее звучал очень странно. Точно так же изъяснялся преподобный Троуэр — правильно, выговаривая слова ясно и четко. Она говорила так, как говорят ученые люди, получившие образование на востоке.

Но лучше б ей было помолчать, поскольку звук ее голоса воодушевил речных крыс.

— Ты посмотри, а мальчонка ей приглянулся!

— Она откровенно клеится к нему!

— Эй, он же хочет подцепить нашу шлюпку!

— Покажем ей, кто здесь настоящий мужик!

— Если уж ей захотелось взглянуть на его крошечную мачту, давайте отрежем ему причиндалы и подарим ей.

Сверкнул один нож, другой. Ну почему она не держала рот закрытым? Разбирайся они только с Элвином, дело закончилось бы дракой один на один. Но сейчас им непременно надо показать себя, так что они без малейших раздумий навалятся на него всей шайкой и всего исполосуют, может,

убьют — нос или ухо непременно отрежут, одним словом, «почикают», как они выражаются.

Элвин бросил на нее сердитый взгляд, приказывая держать язык за зубами. То ли она поняла, что он хотел сказать, то ли собственным умом дошла до сути происходящего, то ли напугалась и прикусила язычок — в общем, выступать она больше не стала, и Элвин постепенно стал переводить разговор на более мирные рельсы.

— Ножи, — фыркнул он с презрительной усмешкой. — Вы боитесь выйти против кузнеца с голыми руками?

Раздался громкий хохот, но ножи скрылись из виду, нырнув обратно в голенища.

— Кузнецкая сила — тьфу по сравнению с мускулами, которые мы нарастили на речных перекатах.

— Вы, ребята, рек давненько не нюхали, всем это известно, — хмыкнул Элвин. — Вы лишь сидите тут да жиреете, глядя, как колесо тащит лодку.

Самый громкоголосый крикун поднялся и выступил из толпы, стягивая через голову замызганную рубаху. Мускулы выступали на его теле огромными буграми, а грудь и руки были сплошь исполосованы шрамами, белыми и багровыми рубцами. Кроме того, у него не хватало

одного уха.

— Судя по всему, тебе немало пришлось подраться в жизни, — заметил Элвин.

— Это точно, — кивнула речная крыса.

— И судя по твоей шкуре, большинство противников пришлось тебе не по зубам.

Парень весь покраснел, яркий багрянец проступил даже сквозь густой загар.

— Среди вас что, нет никого, с кем действительно стоит побороться? Кого-нибудь, кто чаще побеждает, чем проигрывает?

— Я все время побеждаю! — Крикун терял рассудок от гнева, чего и добивался Элвин. Теперь с ним несложно будет справиться, но портовые гуляки утянули своего товарища обратно.

— Подмастерье кузнеца прав, ты не так уж хорош в драке.

— Ну, парень, ты сам нарвался.

— Бездельник, займись-ка им ты.

— Да, Бездельник, парень твой.

Позади, в самом теньке, с единственного стула, спинка которого неведомым чудом уцелела, поднялся какой-то человек и выступил вперед.

— Да, я, пожалуй, займусь этим мальчишкой, — проворчал он.

Крикун нырнул в сторону и скрылся в задних

рядах. А вот этого Элвин вовсе не хотел. Человек, которого звали Бездельником, был самым большим, самым сильным из всех. Пока он снимал рубаху, Элвин заметил, что тело его, за исключением пары шрамов, абсолютно чистое, да и оба уха целы — верный знак того, что если он когда-нибудь проигрывал поединок, то противник его к тому времени вряд ли был способен вдоволь поизмываться над ним.

Мускулы у него были, как у бизона.

— Меня кличут Бездельник Финк! — заревел он. — Я самый коварный, самый крутой сукин сын, когда-либо ходивший по рекам! Крошек аллигаторов я баюкаю голыми руками! Я могу забросить бизона в телегу и вдарить ему промеж рогов так, что он тут же концы отдаст! Если мне не нравится, как течет река, я хватаю ее и встряхиваю как следует, чтобы распрямить! Всякая женщина, которую я когда-либо разложил, потом обзавелась тройней, если силенок после этого хватило! И когда я закончу с тобой, парень, волосам твоим ничего мешать не будет, потому что ушей своих ты лишишься! Чтобы поссать, тебе придется садиться, а о бритье можешь вообще забыть!

Пока Бездельник Финк драл глотку, Элвин снял

рубашку, пояс с ножом и уложил их на телегу, после чего принялся чертить на земле большой круг, стараясь выглядеть спокойно и расслабленно, словно перед ним стоит не огромный мужик с жаждой крови в глазах, а семилетний хлипкий мальчишка.

К тому времени, как хвастовство Финка истощилось, круг был начерчен. Финк подошел к линиям на земле и, подняв пыль столбом, стер их.

— Не знаю, кто учил тебя бороться, парень, — прорычал он, — но когда ты борешься со *мной*, никаких кругов. И правил тоже нет, прикинь?

Тут снова заговорила леди:

— Очевидно, в своей речи вы также правил не соблюдаете, иначе поняли бы, что словечко «прикинь» никоим образом не подходит к ситуации, а лишь свидетельствует о вашем невежестве и глупости.

Финк повернулся к женщине и, видимо, хотел что-то сказать, но замер на полуслове. Словно ему было нечего сказать, а может, он понял: что бы он ни ответил, это прозвучит еще более глупо. Презрение, прозвучавшее в ее голосе, разъярило его, но вместе с тем заставило усомниться в себе. Сначала Элвину показалось, что леди ухудшила

положение, снова вмешавшись в ссору, но вскоре осознал: она сотворила с Финком то же самое, что Элвин пытался сделать с забиякой-крикуном, — привела его в ярость, а следовательно, драться он будет слепо и глупо. Вся беда в том, что позднее, вступив с речной крысой в поединок, Элвин на своей шкуре познал, что даже ярость не способна ослепить Финка — от подзуживаний он становится только хитрее и коварнее. Начинает драться не на жизнь, а на смерть. Он постарается сделать с Элвином все, что пообещал перед этим, — то есть лишить его определенных частей тела. Этот поединок будет не похож на те, в которых Элвин принимал участие в Хатраке, где главное — завалить противника, а если дерутся на траве, то положить его на обе лопатки.

— Да ты не такой уж и крутой, — заметил Элвин. — Впрочем, ты сам это знаешь, иначе вынул бы нож из сапога.

Финк изумленно посмотрел на него, после чего расплылся в ухмылке. Стащив сапог, он вытряс на землю тесак и швырнул его стоящим позади.

— Чтобы драться с тобой, мне нож не нужен, — рявкнул он.

— Тогда почему бы тебе не вытащить нож из другого сапога? — осведомился Элвин.

Финк нахмурился и поднял другую ногу.

— Здесь нет никакого ножа, — удивленно буркнул он.

Однако Элвина ему не обмануть. Очевидно, довольно подумал про себя Элвин, Финк не настолько уж уверен относительно исхода поединка, если не хочет расставаться со своим секретным оружием. Кроме Элвина, который был способен видеть то, чего не видят другие, вероятно, никто и не догадывался, что этот нож имеется у Финка. Финк не хотел, чтобы остальные знали, что у него в запасе всегда имеется пара фокусов, иначе молва быстро разнесется по реке и он лишится своего преимущества.

И все же Элвин не мог допустить, чтобы у Финка под рукой был нож.

— Тогда давай снимем обувь и будем драться босиком, — предложил он.

Это была хорошая мысль, и нож здесь совершенно ни при чем. Элвин знал, что в драках речные крысы лягаются, как мулы, своими тяжеленными сапогами. Это немножко уменьшит преимущество Бездельника Финка.

Но если Финк и лишился присутствия духа, то никак этого не показал. Сев в дорожную пыль, он принялся стягивать сапоги, Элвин тоже снял

башмаки, а с ними — носки. Что же касается Финка, то он носков не носил. Теперь оба борца остались в одних штанах; поскольку день выдался жаркий, на покрытые потом тела мигом налипла поднятая пыль, и выглядели они, словно с головы до ног вымазались в глине.

Впрочем, пыль не скрыла от Элвина оберег, чьи чары заключали тело Бездельника Финка в защитный кокон. Как такое может быть? Или у него в кармане лежит какой-нибудь амулет? Узор оберега сильнее всего чувствовался в области спины, но когда Элвин мысленно обследовал задний кармашек, то ничего там не обнаружил, кроме грубой хлопчатой ткани штанов Финка. В карманах речной крысы не было даже жалкой монетки.

К тому времени вокруг собралась целая толпа. За Финка болели не только речные крысы, отдыхавшие в тенечке на пристани, но и остальная прибрежная шушера, набежавшая со всех сторон. Все они считали, что победит Бездельник Финк. Он, вероятно, был чем-то вроде речной легенды, понял Элвин и вовсе не удивился — с таким-то оберегом… Люди пытались ударить Финка ножом, но в самый последний момент меняли свое решение: промахивались, нож падал из рук или

происходило еще что-то вроде этого. Куда легче побеждать в поединке, если противник даже укусить тебя не может, а нож его лишь царапнет по коже, пройдя мимо.

Сначала Финк пустил в ход обычные приемчики, чтобы несколько оживить представление и подогреть интерес публики: ревя, он, как бизон, набрасывался на Элвина, пытаясь заключить юношу в свои медвежьи объятия, стараясь схватить его и подбросить в воздух, как камушек. Но Элвин ему этого не позволил. Ему даже не пришлось использовать свой дар, чтобы уйти от Финка. Он был моложе и быстрее, так что речная крыса и прикоснуться к нему не могла — Элвин всегда успевал отпрянуть в сторону. Сначала толпа выла и обзывала Элвина трусом. Но немного спустя зрители принялись хохотать над Финком, который глупо ревел, бросался из стороны в сторону, но всякий раз оставался с носом.

Тем временем Элвин искал оберег Финка, ибо понимал, что эту битву, не обезвредив сеть сильных чар, ему не выиграть. И вскоре он нашел — на ягодицах Финка был вытатуирован большой оберег. Конечно, он был не так идеален, как раньше, поскольку Финк рос и кожа растягивалась, но все равно рисунок был исполнен очень

умело, связки и соединения держали крепко — хотя оберег потерял былую форму, этого хватало, чтобы набросить на Финка целую сеть чар.

Не затянись поединок с Финком, Элвин повел бы себя более осторожно, он, может, ослабил бы немножко оберег и все, ибо ему совсем не хотелось лишать Финка чар, которые с детства защищали его. Лишившись оберега, Финк может погибнуть, в особенности если неосторожно поведет себя, рассчитывая на верную защиту. Но поединок длился слишком долго, и у Элвина не оставалось выбора. Он заставил краски, находящиеся на коже Финка, впитаться в кожу, постепенно смывая оберег. Причем сделал это Элвин так, между делом, уворачиваясь от наступающего Финка.

Вскоре Эл почувствовал, как оберег слабеет, тускнеет; в конце концов на его месте осталась чистая кожа. Финк, конечно, этого не знал, зато знал Элвин — теперь речную крысу можно побороть.

Однако к этому времени Финк тоже кое-чему научился — он уже не бросался во все стороны, как глупый бык. Он кружил, отвлекал, пытался сцепиться с Элвином, после чего, используя больший вес, бросить мальчишку на землю. Но руки

у Элвина были длиннее и, вне всякого сомнения, сильнее, поэтому каждый раз, когда Финк хотел поймать его, Элвин без труда отбрасывал лапы речной крысы в сторону.

Когда же оберег пропал, Элвин перешел в наступление. Он сам нырнул в объятия Финка, а когда тот сжал свои клешни, Элвин просунул руки за шею Финка и потянул.

Налегая изо всех сил, Элвин тянул и тянул, пока Финк не склонился так низко, что голова его замерла на уровне груди Элвина. Впрочем, Финк немножко ему поддавался, и Элвин догадывался, что за план пришел речной крысе на ум. Предчувствия его сбылись — Финк подтащил Элвина ближе и резко вздернул голову, надеясь что есть мочи врезать по подбородку Элвина своим затылком. Он был настолько силен, что мог разом переломить шею противника — вот только подбородка Элвина не оказалось там, где надеялся поймать его Финк. Элвин быстро отдернул голову, но, когда Финк рванулся вверх, потеряв равновесие, стремительно нырнул вперед и врезал лбом в лицо речной крысы. Он почувствовал, как нос Финка под этим ударом хрустнул, и брызнувшая фонтаном кровь залила обоих противников.

Когда в таком поединке ломается чей-нибудь

нос, это не такой уж удивительный факт. Из глаз, естественно, сыплются искры, и честный бой сразу прекращается — разве что в честном состязании никогда не применяются удары головой. Любая другая речная крыса встряхнулась бы, пару раз взревела и бросилась обратно в драку.

Но Финк вместо этого отшатнулся, схватившись обеими руками за нос, — на лице его было написано искреннее изумление. После чего он издал вой побитой собаки.

Все вокруг замолкли. Подумать только, животики надорвешь — такая речная крыса, как Бездельник Финк, скулит над разбитым носом. Хотя, вообще-то, нет, это было не смешно, это было странно. Так речная крыса себя не ведет.

— Ты что, Бездельник? — нерешительно окликнул кто-то.

— Кончай, Финк, ты еще прикончишь его.

Ободрения вышли несколько неуверенными. Местные зеваки никогда не видели, чтобы Бездельник Финк кричал от боли или чего-то боялся. Причем сейчас он не особенно скрывал свои чувства. И только Эл знал почему. Только Эл знал, что Бездельник Финк ни разу в жизни не испытывал такой боли и не проливал собственной крови ни в одной драке. Сколько раз он ломал носы другим

людям и смеялся над их страданиями — смеяться легко, когда не знаешь, что испытывает твой соперник. Теперь он это узнал. Вся беда в том, что узнал он это только сейчас, тогда как все остальные учились тому же лет в шесть — вот и вел он себя прямо как шестилетний пацан. Он не плакал, нет. Он скулил.

На какую-то секунду Элвину показалось, что поединок закончен. Но боль и страх Финка вскоре переросли в ярость, и речная крыса снова кинулась в бой. Может, он и познал боль, но осторожности не научился.

Поэтому потребовалось всего несколько захватов, пара приемов, чтобы уложить Финка на землю. Каким бы испуганным и растерянным Финк ни был, он все равно оставался самым сильным мужчиной, с которым когда-либо доводилось бороться Элвину. До битвы с Финком Элвину не выпадало возможности узнать предел собственных сил, ни разу он не попадал в лапы настолько могучего соперника. Однако это наконец случилось, и он довольно быстро обнаружил, что валяется в густой пыли, которая лезет в рот и в нос, мешая дышать. Жаркое дыхание Финка обдавало лицо Элвина, который очутился внизу, придавленный тушей речной крысы. Элвин

молотил коленями, бил и хватал руками, месил ногами пыль, пытаясь опереться на что-нибудь, чтобы перевернуться.

В конце концов Финка подвела неопытность, незнание собственной слабости. Поскольку ему никогда не ломали костей, Финк не умел обращаться с ногами, просто не научился вовремя убирать их, чтобы противник не придавил их и не сломал. Когда Элвин наконец вырвался и, шатаясь, поднялся, Финк тоже перевернулся на спину, и на какое-то мгновение ноги его легли одна на другую, словно приглашая. Элвин даже не думал — подпрыгнув в воздух, он всем весом обрушился на верхнюю ногу Финка, придавливая ее к земле, так что кости прогнулись как лук. В воздухе раздался громкий, леденящий хруст — то сломалась не только верхняя нога, но и нижняя вместе с ней. Финк закричал, как ребенок, упавший в огонь.

Пыл схватки мигом улетучился, и Элвин понял, что натворил. Да, конечно, он победил — нет такого человека в мире, который продолжал бы драться с переломанными ногами. Но Элвин не глядя определил — вернее глядя, но не настоящими глазами, — что переломы оказались сложными, исцелить их будет очень и очень

непросто. Кроме того, Финк был уже не молод, во всяком случае мальчиком он не казался. Если переломы и заживут, в лучшем случае он на всю жизнь останется хромым, а в худшем — вообще ходить не сможет. С его существованием покончено. Кроме того, за долгие годы он нажил себе немало врагов. Как они поступят, обнаружив его искалеченным, изничтоженным? Сколько он проживет?

Поэтому Элвин опустился на землю рядом с корчащимся Бездельником Финком — правильнее будет сказать, его верхняя половина корчилась, ведь ногами он старался вообще не шевелить, — и прикоснулся к его ногам. Почувствовав ладонями тело Финка, пусть даже сквозь ткань штанов, Элвин без труда проник под кожу. Несколько мгновений работы — и кости снова срослись. Все, больше ничего делать нельзя: отеки, порванные мускулы, кровотечение — это должно остаться, иначе Финк поднимется и снова нападет на него.

Он отдернул руки и отступил от Финка. Речные крысы сразу облепили падшего героя.

— Ноги переломаны? — поинтересовался крикун.

— Да нет вроде, — пожал плечами Элвин.

— Они раскрошены в кусочки! — скулил Финк.

К тому времени другой человек закатывал его штанину. Наткнувшись на синяк, он попытался прощупать кость, но Финк завизжал и отпрянул.

— Не трожь!

— По-моему, все нормально, — подтвердил человек.

— Посмотрите, как он двигает ногами. Они не сломаны.

И правда, теперь Финк извивался не только верхней половиной тела — ноги его точно так же колотились о землю.

Кто-то помог Финку встать. Финк зашатался, чуть не упал, но удержался, оперевшись о крикуна и размазывая по рубашке приятеля текущую из носа кровь. Остальные отпрянули.

— Как ребенок малый, — пробормотал кто-то.

— Скулит, как щенок.

— Большой ребенок.

— Одно слово, пацан.

Послышались смешки.

Элвин подошел к телеге, натянул рубаху и залез на сиденье, чтобы надеть носки и башмаки. Чуть повернув голову, он обнаружил, что леди наблюдает за ним. Она стояла футах в шести, поскольку телегу кузнеца Элвин подогнал вплотную к пристани. На лице дамы отражалось кислое

презрение. Видимо, она морщит носик, потому что он вывалялся с головы до ног, понял Элвин. Может, не следовало надевать рубаху, но ведь невежливо ходить без рубахи перед леди. По сути дела, городские жители, в особенности доктора и законники, вообще стыдились появляться на людях без сюртука, жилетки и галстука. Люди победней не могли себе позволить так одеваться, и подмастерье мигом подняли бы на смех, появись он в таком костюме на улице. Но рубаха — без рубахи нельзя, каким бы грязным он ни был.

— Прошу прощения, мэм, — улыбнулся он. — Вернувшись домой, я тут же вымоюсь.

— Вымоетесь? — переспросила она. — А зверство, что живет в вас, вы тоже смоете?

— Не знаю, поскольку даже слова такого никогда не слышал.

— Не сомневалась, — кивнула она. — Зверство происходит от слова «звериный». От слова «зверь».

Элвин почувствовал, как лицо его гневно заалело.

— Может быть, и так. Может быть, мне стоило позволить им шпынять вас как вздумается.

— Я не обращала на них никакого внимания. Они меня не волновали. Вам не требовалось

защищать меня, тем более таким способом. Раздеваться догола и валяться в грязи — вы весь в крови!

Элвин не знал, что и ответить, настолько презрительно, высокомерно она себя вела.

— Я не раздевался догола, — наконец промямлил он, после чего улыбнулся. — А кровь — это его.

— И вы этим гордитесь?

Да, гордится. Но он знал, что, скажи об этом вслух, сразу уронит себя в ее глазах. Ну и что? Какое ему дело до того, что она о нем подумает? И все же он ничего не произнес.

В молчании, наступившем между ними, он услышал, как речные крысы за его спиной издеваются над Финком, который уже не скулил, но особенно и не огрызался. Хотя внимание их занимал не только Финк.

— Городской парень теперь думает, что совсем крутой.

— Может, показать ему, как дерутся настоящие мужики?

— И посмотрим потом, что носит на теле его подружка.

Элвин не умел предсказывать будущее, но тут и светлячком не надо быть, чтобы понять, что

вот-вот случится. Башмаки Элвин надел, лошадь запряжена, пора убираться восвояси. Но как бы высокомерно эта леди себя ни вела, он не мог бросить ее в беде. Он понимал, что речные крысы сразу накинутся на нее, и пусть она считает, что в защите ничуть не нуждается, именно из-за нее этот сброд потерял своего вожака, который недавно валялся у их ног избитый и униженный, так что скорее всего ее по меньшей мере изваляют в грязи, побросав пожитки в реку, если не хуже.

— Лучше залезайте в телегу, — предложил Элвин.

— Вы смеете указывать, что мне делать, как простой… Да что вы творите?!

Элвин быстренько зашвырнул ее сундук и немногочисленный скарб в телегу. Отвечать в данной ситуации не требовалось.

— По-моему, вы грабите меня, сэр!

— Да, да, залезайте быстрее, — велел Элвин.

К тому времени речные крысы обступили повозку, а один схватил лошадь под уздцы. Дама оглянулась, и ее сердитое лицо вытянулось. Самую малость. Она сошла с пристани. Элвин принял ее руку и помог устроиться на сиденье. Громкоголосый крикун стоял рядом, облокотившись на борт и зловеще посмеиваясь.

— Ты победил одного из нас, кузнец, но сможешь ли ты победить нас всех?

Элвин молча уставился на него, но на самом деле его внимание было сосредоточено на человеке, который держал лошадь. Элвин про себя внушал ему, что руку его внезапно свело от жуткой боли, словно тысяча булавок впились в кожу. Речная крыса завопила от боли и отскочила от лошади. Крикун отвлекся от Элвина, повернувшись на шум, и в эту секунду Элвин со всех сил заехал ему в ухо башмаком. Пинок вышел не особенный, но, честно говоря, и уха-то не было — одним словом, крикун, держась за голову, свалился в пыль.

— Н-но! — заорал Элвин.

Лошадь послушно рванула вперед, и повозка сдвинулась на дюйм. Потом еще на дюйм. Трудно разогнать телегу, груженную железом. Элвин перенес свое внимание на колеса, заставив их вертеться легко и плавно, но он ничего не мог поделать с весом повозки, как ничем не мог помочь лошади. К тому времени, когда лошадь начала двигаться быстрее, у повозки еще прибавилось весу — на ней повисло несколько речных крыс, цепляющихся за борта и лезущих на Элвина.

Элвин обернулся и от души стеганул крыс кнутом. Так, для острастки — на самом деле кнут

никого не коснулся. Однако нападающие так и посыпались с телеги, как будто он действительно стегнул их. На самом же деле дерево повозки внезапно стало скользким, словно его только что намазали жиром. Им просто не за что было уцепиться. Так что речные крысы покатились в пыль, а телега понеслась дальше.

Однако боевой дух речная шушера не утратила. Ведь Элвину еще придется развернуться и проехать мимо них по главной дороге, чтобы попасть в Хатрак. Он пытался срочно придумать, что делать дальше, как вдруг услышал мушкетный выстрел, пушечным громом разнесшийся над рекой и повисший в густом летнем воздухе. Развернув телегу, он увидел начальника пристани, стоящего на пороге дома, а рядом — его жену. Он держал один мушкет, а она быстро перезаряжала второй, из которого ее муж только что выстрелил.

— По-моему, мы неплохо уживались друг с другом, парни, — заорал начальник. — Но сегодня вы, похоже, забыли, что такое честная драка. Возвращайтесь-ка обратно в тенечек, погуляли и будет, потому что если вы еще хоть шаг сделаете в направлении телеги, те из вас, кто не будет застрелен на месте, предстанут перед судом

Хатрака, и если вы думаете, что вам сойдет с рук убийство местного паренька и новой школьной учительницы, то вы такие же идиоты, какими выглядите.

То была настоящая речь, и она сработала лучше всех прочих, которые Элвин слышал в своей жизни. Речные крысы мгновенно бросились обратно в тень, приложились пару раз к кувшинчику с виски и через несколько секунд уже абсолютно безразличными взглядами провожали уезжающую телегу. Начальник пристани вернулся к себе задолго до того, как телега свернула на главную дорогу.

— Надеюсь, у начальника пристани не будет неприятностей, после того как он помог нам? — встревоженно спросила леди.

Элвин с удовольствием отметил, что самоуверенность ее куда-то подевалась, хотя слова по-прежнему звучали очень четко, словно внутри нее маленький молоточек звенел по железу.

— Да не, — махнул рукой Элвин. — Они знают, что, стоит им хоть пальцем тронуть начальника пристани, работы на этой реке им ни в жизнь не сыскать. А если они все-таки что-нибудь и найдут, то не проживут и ночи, сойдя на берег.

— А вы?

— О, у меня таких гарантий нет. Но, думаю, в Устье Хатрака я поеду только через пару недель, не раньше. К тому времени эти парни найдут себе работу и будут отсюда в сотне миль вниз или вверх по течению. — Вдруг на память ему пришли слова начальника пристани. — Так вы новая учительница?

Она не ответила. Во всяком случае, прямо.

— Думаю, на востоке таких людей тоже хватает, только они стараются не выступать в открытую.

— Ну, уж лучше сойтись с ними в открытую, чем в каком-нибудь темном переулочке, — пошутил, расхохотавшись, Элвин.

Она, однако, не засмеялась.

— Я думала, что меня встретит доктор Уитли Лекаринг. Он, наверное, счел, что моя лодка прибывает после полудня, но сейчас он, должно быть, уже в пути.

— Дорога до Хатрака одна, мэм, — успокоил Элвин.

— Мисс, — сказала она. — Не мадам. Слово «мадам» используется в применении к замужней женщине.

— Ну, как я и сказал, дорога на Хатрак одна. Поэтому, если он едет за вами, мы его не минуем. Это так же верно, как вы мисс, а не мадам. В доро-

гах-то я разбираюсь.

На этот раз Элвин не засмеялся над собственной шуткой. С другой стороны, взглянув на учительницу краем глаза, он вроде бы заметил ее легкую улыбку. «Может, она вовсе не такая уж зануда, какой хочет казаться, — подумал Элвин. — Может, она почти человек. Возможно, она все-таки согласится давать частные уроки некоему чернокожему мальчугану. Может, она стоит той работы, которую я проделал, чиня домик у ручья».

Поскольку он правил телегой и ему надо было смотреть вперед, с его стороны было бы крайне неестественно, даже невежливо постоянно поворачиваться и пялиться на нее, хотя ему очень хотелось разглядеть ее получше. Поэтому он послал к ней «жучка», свою искорку, ту часть, которая «видела» то, чего другой человек обыкновенными глазами никогда не увидит. У Элвина вошло почти в привычку исследовать, если можно так сказать, что таится у людей под кожей. Однако не стоит забывать, что это не все равно, как если бы он смотрел нормальными глазами. Конечно, он мог бы определить, что скрывается под одеждой, однако наготы людей он не видел. Вместо этого он видел кожу, близко-близко, как

будто перед глазами его одна из пор. Поэтому он не считал, что заглядывает под юбки или пялится в чужие окна. Нет, это просто еще один способ видеть и понимать людей; он не видел форму и цвет тела, но мог определить, потеет человек или нет, жарко ему или нет, здоров ли он, взволнован ли чем-то. Он был способен разглядеть синяки и рубцы от ран. Он видел спрятанные деньги и секретные бумаги — но чтобы прочесть написанное, ему нужно было почувствовать нанесенные на поверхность листа чернила, после чего медленно пройтись по всем изгибам, чтобы определить, какие буквы они составляют. Это был очень медленный процесс. Это не то что видеть глазами, данными человеку от природы, нет, сэр.

В общем, он послал своего жучка обследовать эту напыщенную леди, на которую не мог смотреть в открытую. И то, что он обнаружил, изрядно удивило его. Потому что ее обволакивали не менее сильные чары, чем Бездельника Финка.

Более того, чары переплетались и наслаивались друг на друга — на шее у нее висели амулеты, в одежду были вплетены всевозможные заклятия, даже в волосах торчала проволочная булавка в форме оберега. И только один из всех оберегов служил непосредственно для защиты, причем

был и вполовину не так силен, как оберег Бездельника Финка. Тогда как остальные… зачем? Ничего подобного Элвин раньше не встречал, и у него ушло немало сил, чтобы понять, для чего созданы сети оберегов, опутавшие эту леди. Все, что он смог определить, трясясь в телеге и не сводя глаз с дороги, сводилось к весьма простому выводу: каким-то образом обереги создавали очень могущественные чары, которые показывали новую учительницу не такой, какой она была на самом деле.

Вполне естественно, первым побуждением его было попробовать проникнуть под маскировку. Одежды, которые она носила, были обычными — заклятия меняли ее голос, цвет и строение поверхности ее кожи. Но в чарах у Элвина практически не было опыта, тем более в колдовстве, которое плели обереги. Большинство людей наводило чары при помощи слов и жестов, связанных с тем образом, который они надеялись призвать. Это воздействовало на умы окружающих, но стоит научиться видеть сквозь этот облик, как тебя уже не обмануть. Поскольку Элвин без труда проникал сквозь такие маски, эти чары на него не действовали.

Но тут был совершенно другой случай. Оберег

изменял то, как падал и отражался солнечный свет, так что перед тобой представал не какой-то там вымышленный образ, а новый человек. Ты действительно видел ее иначе — так свет падал в твои глаза. Так что эти чары не дурманили ум Элвина, ведь подобные штучки с ним не прошли бы. Даже при помощи своего «жучка» он не смог выяснить, что же кроется под оберегами — обнаружил лишь, что в действительности новая учительница вовсе не так морщиниста и костлява, как выглядит, а следовательно, значительно моложе.

Однако, перестав гадать, что же кроется за ее обличьем, он наконец задался главным вопросом: почему женщина, обладая силой изменить свою внешность и стать такой, какой захочется, — почему она предпочла выглядеть *вот так*? Холодной, занудной, старой, костлявой, неулыбчивой, злобной, самоуверенной. Учительница нарочно выбрала обличья, прямо противоположные желаниям остальных разумных женщин.

Может, она скрывается от закона? Но под оберегами она все же оставалась женщиной, а Элвин никогда не слышал о женщинах, которые вынуждены скрываться от закона. Хотя, возможно, она просто очень молода и посчитала, что люди не

воспримут ее всерьез, если она не будет выглядеть старше. С этой проблемой Элвину самому приходилось не раз сталкиваться. Или, может, она очень миленькая и не хочет, чтобы мужчины думали о ней не так, как надо, — Элвин попытался представить себе, что могло случиться на пристани, если бы речные крысы увидели перед собой настоящую красотку. Впрочем, по правде говоря, речная шушера скорее всего, наоборот, проявила бы всю возможную вежливость, будь учительница взаправду красавицей. Ведь они только с уродливыми женщинами распускают языки, поскольку уродины, наверное, напоминают им их матерей. Так что чары учительница навела вовсе не в целях самозащиты. И не затем, чтобы скрыть какое-нибудь уродство, поскольку Элвин видел сам, на ее коже нет ни оспин, ни каких-нибудь страшных родинок, шрамов.

Он никак не мог понять, почему она решила укрыться под столькими слоями обмана. Она могла превратиться во что угодно и в кого угодно. Но он не мог спросить ее об этом, потому что признаться, что он способен проникнуть сквозь ее чары, — все равно что рассказать о даре, которым Элвин обладал. А откуда он мог знать, можно ли ей доверять такую тайну, если он не мог понять,

кто она на самом деле и почему решила похоронить свою внешность под покровом лжи?

«Может, стоит предупредить кого-нибудь?» — невольно подумал он. Ведь ее опеке доверят городских ребятишек, может, дать школьному совету знать, что она вовсе не та, за кого себя выдает? Однако им он тоже ничего не мог рассказать, потому что снова выдал бы себя; да и кроме того, тайна — это ее личное дело и вреда никому пока не принесла. Стало быть, если он расскажет о ней правду, это выдаст и ее, и его, а ничего хорошего от этого не будет.

Нет, лучше понаблюдать за ней осторожненько. Узнать, кто она на самом деле, можно только одним способом: по ее поступкам. Так человек всегда узнает, кто его ближние. Лучшего плана Элвин придумать не смог, и по правде говоря, теперь, когда он узнал, что новая учительница скрывает такую тайну, разве сможет он удержаться от того, чтобы не следить за ней? При помощи своего «жучка» он постоянно обозревал окрестности — это вошло у него в привычку, так что теперь ему, наоборот, будет трудно сдерживаться и не обращать на учительницу внимания, в особенности если она поселится в домике у ручья. Где-то в душе он надеялся, что она все-таки

выберет гостиницу и ему не придется терзаться загадкой ее личности; но ничуть не меньше он хотел, чтобы она поселилась в домике, где он сможет следить за ней, дабы увериться, что она хороший человек.

«А если я поступлю к ней в ученики, то тем более смогу наблюдать за ней. Я смогу смотреть ее глазами, задавать вопросы, выслушивать ее ответы — и вскоре пойму, какая она на самом деле. Может быть, познакомившись со мной поближе, она станет доверять мне, а я — ей, и тогда я скажу, что должен стать Мастером. Она тоже раскроет мне свои тайны, и мы поможем друг другу, мы станем настоящими друзьями, которых у меня не было, с тех пор как я покинул Церковь Вигора, где остался мой брат Мера».

Элвин не особо гнал лошадь, ведь груз был довольно-таки тяжел — тем более к корзинам с железом прибавились сундук и пожитки учительницы, не считая ее самой. Пока они говорили, пока Элвин в тишине гадал, кто же такая эта новая учительница, тянулось время, но телега успела отъехать от Устья Хатрака едва с полмили, как навстречу попалась новая коляска доктора Лекаринга. Элвин сразу узнал коляску и дружелюбно помахал По Доггли, который управлял

лошадьми. Перенести вещи не заняло и нескольких минут. По и Элвин усердно таскали пожитки, пока доктор Лекаринг всячески обхаживал новую учительницу, усаживая ее в свою коляску. Элвин никогда не видел, чтобы доктор так изощрялся в любезностях.

— Я и не знаю, как извиниться перед вами. Подумать только, вам пришлось ехать в обыкновенной телеге… — всплеснул руками доктор. — Мне ведь казалось, что я прибуду к пристани как раз вовремя.

— По сути дела вы приехали бы даже чуточку раньше положенного, — ответила она, а затем, грациозно повернувшись к Элвину, добавила: — И поездка в телеге была на удивление приятной.

Поскольку Элвин во время поездки большей частью молчал, то он даже не понял, то ли ее комплимент относился к нему как к хорошему спутнику, то ли она благодарила его за то, что он держал рот закрытым и не надоедал ей. Как бы то ни было, щеки его все равно заалели от краски, бросившейся в лицо, но покраснел он вовсе не от гнева.

Пока доктор Лекаринг забирался в свою коляску, учительница спросила его:

— А как зовут этого молодого человека?

Поскольку она обратилась к доктору, Элвин решил не отвечать.

— Элвин, — сказал доктор, устраиваясь поудобнее. — Он здесь родился, а сейчас работает у кузнеца подмастерьем.

— Элвин, — произнесла она, обращаясь непосредственно к юноше, — я искренне благодарю вас за проявленную сегодня галантность и надеюсь, вы простите мне резкость первых суждений. Я недооценила коварство и жестокость людей, с которыми нам пришлось столкнуться на пристани.

Ее слова звучали так красиво, словно она пела, а не говорила, и Элвин настолько заслушался, что едва понял смысл сказанного. Однако теперь ее лицо лучилось такой же искренней добротой, как раньше — гневом и презрением. «Интересно, какова же она на самом деле?» — снова подумалось ему.

— Не за что, мэм, — ответил он. — Вернее, мисс.

По Доггли, вскарабкавшись на свое место, громко прикрикнул на запряженную двойку, и коляска стронулась с места, продолжая двигаться в сторону Устья Хатрака. На этой дороге По будет нелегко развернуться, так что Элвин прилично

отъехал от места встречи с доктором Лекарингом, когда коляска вернулась, обгоняя его. По слегка придержал поводья, и высунувшийся доктор Лекаринг швырнул в воздух долларовую монетку. Чисто инстинктивно Элвин поймал ее.

— Это за то, что ты помог мисс Ларнер, — крикнул доктор Лекаринг.

Затем По снова прикрикнул на лошадей, и те понеслись вскачь, оставив Элвина глотать пыль на дороге.

Монетка тяжким грузом оттягивала его руку — ему вдруг захотелось швырнуть ее вслед удаляющейся коляске. Но что толку? Он еще вернет ее Лекарингу, только так, чтобы никто не обиделся. Однако сердце все равно защемила пронзительная обида — ведь ему заплатили за то, что он помог леди, заплатили как слуге, как какому-нибудь мальчишке. А обиднее всего то, что, наверное, это она подала мысль кинуть Элвину эту монетку. Как будто решила, что он зарабатывал себе на жизнь, сражаясь за ее честь. Носи он вместо грязной рубахи сюртук и галстук, она бы сочла, что он помог ей как настоящий джентльмен, который всегда поможет леди. Она бы знала, что плата оскорбит его, ведь достаточно одной благодарности.

Ему заплатили… Монетка жгла ладонь. Несколько минут назад ему показалось, что он понравился ей. В нем даже зародилась надежда, что, может быть, она согласится учить его, поможет ему понять, как устроен мир, что он должен делать, чтобы стать настоящим Мастером и победить страшного Рассоздателя. Но теперь ему стало ясно, что она презирает его, — разве может он обратиться к ней с подобной просьбой? Разве стоит он, чтобы его учили, ведь она видит в нем только грязь, кровь и нищету! Она знала, что он хотел как лучше, но в ее глазах он был и остается безмозглым животным, как она заявила с самого начала. И она всегда будет считать его таким. Животным.

Мисс Ларнер. Так назвал ее доктор. Он попробовал покатать имя во рту. Пыль заскрипела на зубах. Животных в школу не пускают.

Глава 15
УЧИТЕЛЬНИЦА

Мисс Ларнер не намеревалась ни на шаг отступать от своего. Она наслушалась достаточно неприятных вещей о школьных советах, которые властвуют в отдаленных поселениях, и потому знала, что от большинства обещаний, данных в письмах, эти люди попытаются откреститься. И вот началось.

— В ваших письмах вы обещали мне, что одновременно с заработной платой предоставите отдельное жилье. Я не считаю гостиницу отдельным жильем.

— Но у вас там будет своя комната, — увещевал доктор Лекаринг.

— Значит, обедать мне придется за общим столом? Нет, это неприемлемо. Если я останусь здесь, то весь день буду обучать городских детишек, но когда мой рабочий день будет закончен, я хочу сама приготовить обед или ужин и съесть свою пищу в одиночестве. Вечера я надеюсь проводить в обществе своих книг, и мне не хочется, чтобы меня кто-то постоянно отвлекал или раздражал.

В гостинице это невозможно, джентльмены, поэтому комната, отведенная мне там, не может считаться отдельным жильем.

Она чувствовала на себе оценивающие взгляды. Кое-кого ошеломила взвешенность и точность каждого ее слова — она прекрасно знала, что провинциальные законники в своих городишках корчат из себя Бог весть что, но о человека, получившего настоящее образование, сразу обломают зубы. Неприятностей здесь можно ожидать только от шерифа, носившего странное имя Поли Умник. Какой абсурд — взрослый человек, а пользуется детским уменьшительным имечком!

— Послушайте-ка сюда, юная леди, — произнес шериф.

Она удивленно приподняла бровь. Впрочем, совершенно естественные слова — что можно ожидать от такого человека? Хоть мисс Ларнер на вид можно было дать не меньше сорока, он наверняка счел: то, что она не замужем, дает ему право называть ее «юной леди», обращаясь к ней как к капризной девчонке.

— И что ж здесь такого, чего я еще не слышала?

— Гораций и Пег Гестер действительно хотели предложить вам маленький домик, но мы

наотрез отказались от него. Вот так, взяли и отказались. Мы ответили «нет» им и отвечаем «нет» вам.

— Что ж, замечательно. Вижу, вы все-таки не намерены держать данное слово. К счастью, джентльмены, я не обыкновенная школьная учительница, которая будет рада любой подачке. В университете я на хорошем счету, так что всегда могу вернуться туда. Доброго вам дня.

Она поднялась со стула. Вслед за ней повскакивали остальные мужчины, за исключением шерифа, но поднялись они вовсе не из правил приличия.

— Умоляю…

— Присядьте…

— Давайте еще раз обговорим этот вопрос…

— Не делайте столь поспешных выводов…

Но больше всех суетился доктор Лекаринг, способный примирить всех и вся. Одарив шерифа испепеляющим взглядом — хотя шериф почему-то не захотел испепелиться, — он взял слово:

— Мисс Ларнер, наше решение по поводу личного домика не столь неоспоримо. Однако я должен убедительно попросить вас рассмотреть эту проблему с другой стороны. Во-первых, мы были уверены, что домик не удовлетворит вас.

На самом деле это и не дом вовсе, а так, комнатушка, отстроенная кладовая у ручья, где раньше хранили продукты…

Старый домик у ручья…

— Он отапливается?

— Да.

— Окна там есть? Дверь закрывается? Постель, стол, стул имеются?

— Да, конечно.

— Пол настелен?

— Хороший, крепкий пол, но…

— Тогда вряд ли то, что домик раньше служил кладовой, оттолкнет меня. У вас другие возражения имеются?

— Проклятье, конечно, имеются! — вскричал шериф Умник, но, увидев ошеломленные глаза окружающих, быстро поправился: — Прошу прощения за мою грубость.

— Мне будет очень интересно выслушать их, — невозмутимо произнесла мисс Ларнер.

— Вы, женщина, будете жить одна, в лесу! Это ж черт знает что, так нельзя!

— Нельзя так выражаться, мистер Умник, — осадила его мисс Ларнер. — Что же касается вопроса, могу я жить одна или нет, уверяю вас, что много лет живу сама по себе и еще ни разу

не пожалела об этом. Неподалеку от домика есть какие-нибудь строения, где меня, в случае чего, могут услышать?

— С одной стороны — гостиница, с другой — кузница, — ответил доктор Лекаринг.

— Стало быть, в случае неожиданной угрозы, уверяю вас, я добьюсь того, чтобы меня кто-нибудь услышал, и надеюсь, те, кто услышит меня, сразу придут на помощь. Или вы, мистер Умник, опасаетесь, что я по собственному желанию вступлю в порочную связь?

Он, естественно, опасался именно этого, и побагровевшее лицо выдало его мысли.

— Насколько мне известно, вы получили заслуживающие доверия отзывы обо мне, — продолжала мисс Ларнер. — Впрочем, если у вас на этот счет имеются какие-либо сомнения, наверно, мне лучше сразу вернуться в Филадельфию, ибо если мне в моем возрасте не доверяют и не позволяют вести личную жизнь без чьего-либо присмотра, то как вы отдадите под мою опеку своих детей?

— Это нечестно! — возопил шериф.

— Исходя из личного опыта, мистер Умник, — улыбнулась мисс Ларнер Поли Умнику, — я могу судить, что человек, заявляющий во всеуслыша-

ние, что окружающие при любой возможности совершат что-нибудь неподобающее, просто-напросто демонстрирует ту борьбу, которую ведет в своей душе.

Поли Умник сначала не понял, в чем его обвинили. Суть ее слов дошла до него, когда несколько законников за его спиной захихикали в ладошки.

— Насколько я понимаю, джентльмены, уважаемый школьный совет, у вас есть альтернатива. Во-первых, вы можете оплатить мой проезд обратно в Дикэйн и дорогу до Филадельфии плюс выдать зарплату за месяц, который я провела в пути сюда…

— Вы не преподавали, а поэтому никаких денег не дождетесь, — огрызнулся шериф.

— Вы слишком поспешны в своих суждениях, мистер Умник, — парировала мисс Ларнер. — Надеюсь, присутствующие здесь законники поставят вас в известность, что письма, написанные от лица школьного совета, являются контрактом, который вы обязаны выполнять, и что согласно изложенным там условиям я имею право потребовать зарплату не за один месяц, а за целый год.

— Ну, это не столь неоспоримый факт, мисс

Ларнер… — начал было один из законников.

— Гайо теперь один из Соединенных Штатов, сэр, — ответила она. — И в судах других штатов уже имелись подобные прецеденты, прецеденты, которые равносильны закону, до тех пор пока правительство Гайо не издаст особый указ, останавливающий действие этих поправок.

— Я не понял, она учительница или законник? — как бы про себя спросил кто-то, и все рассмеялись.

— Во-вторых, я должна сама осмотреть этот… эту бывшую кладовую и решить, приемлема ли она для жилья, и, если я сочту, что она меня устраивает, разрешить мне поселиться там. Если же в дальнейшем у вас появятся доказательства моего неподобающего поведения, то согласно условиям нашего контракта вы можете немедленно уволить меня без дальнейшей выплаты денег.

— Мы можем посадить вас за решетку, вот что мы можем сделать, — буркнул Умник.

— По-моему, мистер Умник, мы несколько преждевременно поминаем тюрьму, ведь я еще даже не решила, как именно оскорблю общественную мораль.

— Заткнись, Поли, — сказал один из законников.

— Ну, что же вы выберете, джентльмены? — поинтересовалась она.

Доктор Лекаринг не дал Поли Умнику и дальше воздействовать на более слабовольных членов совета. Он решил закрыть дебаты.

— Думаю, нам не надо удаляться, чтобы обсудить этот вопрос. Мы здесь, в Хатраке, может, и не квакеры, но не привыкли к тому, что леди живут сами по себе и сами о себе заботятся. Однако мы и не столь закоснелые пуритане, чтобы не принимать новое. Мы хотим, чтобы вы работали на нас, и в дальнейшем намереваемся придерживаться контракта. Все согласны?

— Да.

— Против? Никого. Единогласно.

— Я против, — заявил Умник.

— Голосование закончено, Поли.

— Черт возьми, ты слишком быстро говорил!

— То, что ты голосовал против, Поли, будет внесено в протокол.

— Можете быть уверены, шериф Умник, я этого точно не забуду, — холодно улыбнулась мисс Ларнер.

Доктор Лекаринг постучал по столу своим молоточком.

— Собрание закончено, следующее собрание

школьного совета состоится через неделю, во вторник, в три часа дня. А теперь, мисс Ларнер, я буду рад проводить вас к домику Гестеров, если вы готовы проследовать туда. Хозяева не знали, когда именно вы прибудете, а поэтому отдали ключ мне и попросили отпереть для вас коттедж. Позже они зайдут поприветствовать вас.

В глазах мисс Ларнер промелькнуло недоумение. Ей, как и остальным присутствующим, показалось по меньшей мере странным то, что хозяин не хочет лично проводить гостя к домику.

— Видите ли, мисс Ларнер, еще не ясно, сочтете ли вы домик приемлемым. Хозяева хотели, чтобы вы приняли решение после того, как осмотрите свое будущее жилище, а в их присутствии вам будет неловко отказаться.

— Они проявили настоящую вежливость, — отметила мисс Ларнер. — Не премину поблагодарить их за это при встрече.

Боже, ну и унижение. Старушке Пег приходится самой тащиться к домику у ручья, чтобы просить об услуге у наглой, высокомерной карги из Филадельфии. Надо было заставить пойти туда Горация. Пусть бы он поговорил с ней по-мужски. Эта женщина ведет себя не как дама, а как лорд какой-то. Словно из самого Камелота прибыла

— мнит себя принцессой, раздавая приказы направо-налево. Вот французы показали господам, почем фунт лиха, — Наполеон поставил Луи XVII на место. Но такие леди, как эта учительница, мисс Ларнер, не знают предела. Они идут по жизни, считая людей, которые не умеют складно выражать свои мысли, отбросами общества.

Так почему ж Горацию не поставить учительницу на место? Нет, он, видишь ли, боится. Как мальчишка, честное слово. Даже Артур Стюарт не наводит на него такой трепет.

— Мне она не нравится, — заявляет Гораций.

— Нравится она тебе или нет, но Артур может получить образование только у нее и ни у кого больше, — отвечает старушка Пег, как обычно называя вещи своими именами.

Но слушает ли ее Гораций? Не смешите меня.

— Если хочет, пускай живет там и учит Артура, а не хочет — пусть убирается на все четыре стороны. Мне она не нравится, и я считаю, что не место ей в том домике.

— Это что, святая земля какая? — злится Пег. — Там какое-то проклятие лежит? Или, может, нам дворец построить для ее королевского величества?

Но когда Горацию втемяшится что-нибудь в

голову, говорить с ним бесполезно, чего ж она его убеждает?

— Да нет. Пег, — пожимает плечами Гораций.

— Тогда что? Или ты вообще перестал прислушиваться к здравым доводам? Теперь ты будешь делать все что вздумается, а остальным с твоей дороги лучше убраться, да?

— Потому что это любимое место малышки Пегги, вот почему, и я не хочу, чтобы эта старая ведьма жила там!

Вот так вот! Как это похоже на Горация! Каждый раз он вспоминает свою дочь-беглянку, которая ни разу даже не написала с тех пор, как убежала, оставив Хатрак без светлячка и лишив Горация любви его жизни. Да, мэм, вот что означала Пегги для Горация, без нее он жизни не мыслил. «А если я убегу или, не дай Бог, умру, будешь ли ты точно так же ценить память обо мне? Или позволишь другой женщине занять мое место? Скорее всего, так оно и будет. Думаю, постель остыть не успеет, как туда запрыгнет какая-нибудь потаскушка. Меня ты заменить всегда сумеешь, а вот малышку Пегги… К домику у ручья мы должны относиться как к святилищу, вот почему я сама тащусь туда, чтобы встретиться с заносчивой училкой и попросить ее взять на обучение маленького

черного мальчика. Мне еще повезет, если она с ходу не предложит продать его».

Дверь мисс Ларнер открывать не торопилась. Наконец, соизволив ответить на стук, она появилась на крыльце, прижимая к личику платочек — вероятно, надушенный до невозможности, чтобы не чувствовать запахов, исходящих от честных простолюдинов.

— Если вы не возражаете, я хотела бы обсудить с вами кое-что, — сказала старушка Пег.

Мисс Ларнер отсутствующим взглядом поглядела куда-то поверх головы Пег, как будто изучая птичку, сидящую на далеком деревце.

— Если это насчет школы, мне сказали, что у меня есть неделя на подготовку, прежде чем мы начнем записывать учеников.

С подножья холма доносилось звонкое дзынь-дзынь-дзынь — один из кузнецов стучал по своей наковальне. Невольно Пег вспомнила малышку Пегги, которая терпеть не могла этих звуков. Может, Гораций был абсолютно прав, так упорно настаивая на своей глупости. Может, дух малышки Пегги до сих пор обитает в домике у ручья.

Однако в дверях сейчас стояла мисс Ларнер, и именно с ней предстояло договариваться старушке Пег.

— Мисс Ларнер, меня зовут Маргарет Гестер. Мой муж и я владеем этим домиком.

— О, прошу меня извинить. Вы моя хозяйка, а я повела себя так грубо. Прошу вас, входите.

Вот это дела! Старушка Пег шагнула через порог и замерла на секунду, обозревая комнатку. Еще вчера ее чистые стены были голыми и безжизненными, ожидая своего часа. Теперь же домик был почти обжит — на столе лежала чистая салфеточка и стояла дюжина книг, на полу маленький коврик, а на вбитые в стену крючья были повешены два платья. Сундук и сумки убраны в угол. Домик выглядел так, словно в нем уже кто-то живет. Старушка Пег сама не понимала, что ожидала здесь увидеть. Естественно, кроме черного наряда, предназначенного для путешествий, у мисс Ларнер имеются и другие платья. Просто старушка Пег не могла себе представить, что эта леди опускается до чего-то столь обыденного, как перемена платья. Хотя что в этом особенного? Наверное, снимая одно платье, перед тем как надеть другое, она остается в простом нижнем белье, как и всякая другая женщина…

— Прошу вас, миссис Гестер, садитесь.

— Мы здесь не больно-то привыкли ко всяким «мистерам» и «миссис». Так у нас разве что закон-

ников называют, мисс Ларнер. Меня же обычно кличут тетушкой Гестер, иногда старушкой Пег.

— Старушка Пег. Какое… какое интересное имя.

Она было подумала объяснить, почему ее называют «старушкой», — ей захотелось рассказать, что когда-то у нее была дочь, которая потом убежала. Но тогда будет довольно трудно растолковать учительнице, откуда у нее появился чернокожий сын. Зачем посвящать чужого человека в непонятности семейной жизни?

— Мисс Ларнер, я не стану ходить вокруг да около. У вас есть нечто, что очень нужно мне.

— И что же?

— Дело, честно говоря, не во мне, а в моем сыне, Артуре Стюарте.

Если она и узнала имя короля, то ничем этого не показала.

— И что же требуется от меня, тетушка Гестер?

— Я хочу, чтобы вы его учили.

— За этим я и приехала в Хатрак, тетушка Гестер. Чтобы учить детей.

— Но не Артура Стюарта. Ведь эти тупоголовые трусы из школьного совета настояли на своем.

— Почему же они не приняли вашего сына? Наверное, он вышел из должного возраста?

— Да нет, мисс Ларнер, возраст у него как раз для школы. Вот только цветом он не вышел.

Мисс Ларнер ждала, лицо ее было непроницаемо.

— Он чернокожий, мисс Ларнер.

— Наверное, не полностью, а только наполовину? — предположила учительница.

Естественно, учительница попыталась дознаться, откуда у жены хозяина гостиницы появился ребенок-полукровка. Старушка Пег с неприкрытым удовольствием следила за тем, как учительница старается вести себя вежливо, хотя внутри наверняка вся сжимается от ужаса. Но нельзя ей позволять долго обсасывать эту мысль.

— Он приемный сын, мисс Ларнер, — ответила Пег. — Скажем так, его чернокожая мама разродилась ребенком-полукровкой.

— И вы по доброте своего сердца?…

Послышалось ли ей, что в голосе мисс Ларнер прозвучали нотки отвращения?

— Я очень хотела ребенка. Я забочусь об Артуре Стюарте не из жалости. Он теперь *мой* сын.

— Понимаю, — кивнула мисс Ларнер. — Но добропорядочные горожане Хатрака решили, что образование их детей пострадает, если моим словам будут внимать не только ушки белых

ребятишек, но и мальчика-полукровки?

Снова мисс Ларнер явила неприкрытое отвращение, только теперь уже старушка Пег позволила себе возликовать, услышав, как произнесла свои слова мисс Ларнер.

— Не могли бы вы учить его, мисс Ларнер?

— Признаюсь, тетушка Гестер, я слишком долго жила в городе квакеров и совершенно позабыла, что на этом свете существуют места, где узколобые люди могут вести себя столь постыдно и наказывать бедного мальчика за то, что тот имел несчастье родиться не с тем цветом кожи, который положен. Уверяю вас, я вообще откажусь вести школу, пока вашему приемному сыну не позволят стать одним из моих учеников.

— Нет! — в ужасе вскричала старушка Пег. — Нет, мисс Ларнер, так может зайти слишком далеко.

— Я не скрываю своего эмансипационизма, тетушка Гестер, и не стану потворствовать людям, которые сговорились лишить детей с черной кожей их интеллектуального наследия.

Старушка Пег даже не представляла себе, что такое «интеллектуальное наследие», но поняла, что мисс Ларнер прониклась большим сочувствием к ней. Однако если учительница и дальше

будет стоять на своем, то весь план рухнет.

— Вы должны выслушать меня, мисс Ларнер. Ничего не изменится, если вы вмешаетесь. Просто найдут еще одного учителя, а мне и Артуру Стюарту будет только хуже. Нет, я всего лишь хочу попросить, чтобы вы выделяли ему вечером часок-другой — хотя бы пару дней в неделю. Я заставлю его учиться днем, чтобы он лучше понимал то, что вы потом будете объяснять. Вот увидите, он у меня умненький мальчик. Он уже знает все буквы — алфавит рассказывает лучше, чем мой Гораций. Гораций Гестер — это мой муж. Поэтому я прошу вас выделить Артуру хотя бы несколько часов в неделю. Вот почему мы так старались обновить этот домик, чтобы вы могли здесь заниматься с ним.

Мисс Ларнер поднялась с постели, на краешке которой сидела, и подошла к окну.

— Я и подумать не могла… Я буду втайне обучать ребенка, словно преступление какое совершаю.

— В глазах некоторых людей, мисс Ларнер, так оно и есть…

— Ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Но разве вы, квакеры, не договариваетесь о чем-нибудь втихую? Я прошу вас, чтобы вы никому об этом не говорили, ну, понимаете…

— Я не квакер, тетушка Гестер. Я обыкновенный человек, который отказывается отрицать человечность других людей, если только своими поступками они сами не лишили себя почетного звания разумного существа.

— Значит, вы согласны учить его?

— Да, но после занятий в школе. Я буду учить его у себя, в доме, который предоставили мне вы и ваш муж. Но учить тайно? Никогда! Я всему городу объявлю, что вечерами занимаюсь с Артуром Стюартом. Я вольна сама выбирать учеников — этот пункт специально оговорен в моем соглашении, а пока я не нарушаю условия контракта, меня обязаны терпеть по крайней мере год. Вы не возражаете?

Старушка Пег с нескрываемым восхищением воззрилась на стоящую перед ней женщину.

— Нечистый меня забери! — воскликнула она. — Вы словно кошка, которой репей попал под хвост!

— К сожалению, тетушка Гестер, я никогда не видела кошку в столь отчаянной ситуации, поэтому вряд ли смогу оценить точность вашего сравнения.

Старушка Пег не поняла, что хотела сказать мудреными словами мисс Ларнер, но заметила,

как глаза дамы едва заметно блеснули. Значит, все в порядке.

— Когда посылать к вам Артура? — спросила она.

— Как я уже сказала, я начну с ним заниматься, как только откроются двери школы. Мне нужно неделю на подготовку. Когда в школу пойдут дети горожан, тогда же я начну давать уроки Артуру Стюарту. Остается лишь обсудить вопрос оплаты…

Несколько секунд старушка Пег сидела с открытым ртом. Она пришла сюда, намереваясь подкупить мисс Ларнер деньгами, но после слов учительницы она было решила, что та вообще не примет никакой платы. Однако обучением детей мисс Ларнер зарабатывает себе на жизнь, так что ее требование совершенно законно…

— Ну, мы хотели предложить вам доллар в месяц, нас бы это устроило, но если вы попросите больше…

— Нет, тетушка Гестер, никаких денег. Я просто намеревалась испросить у вас разрешение на проведение в вашей гостинице раз в неделю, по воскресеньям, вечеров поэзии, дабы на них собирались те, кто жаждет поближе познакомиться с лучшими образчиками английской литературы

и языка.

— Не знаю, мисс Ларнер, многие ли у нас так любят поэзию, но считайте, разрешение получено.

— Мне кажется, вы будете приятно удивлены, сколько людей желает повысить свое образование. Единственная проблема может возникнуть в сидячих местах для городских дам, которые наверняка станут просить мужей сводить их в вашу гостиницу, чтобы послушать бессмертные слова Драйдена и Поупа, Донна и Мильтона, Шекспира и Грея, да и, конечно, Вордсворта и Кольриджа[11]. Не говоря уже об американском поэте, скитальце, разносящем по стране свои странные сказания, которого кличут Блейком.

— Вы имеете в виду старого Сказителя, да?

— Насколько я знаю, именно так его называют в народе.

— И у вас есть его записанные поэмы?

— Записанные? Вряд ли на то существует необходимость, ибо этот человек один из моих лучших друзей. Я имела честь запомнить многие из его вирш.

---

[11] Примечания: 11

Драйден Джон (1631-1700); Поуп Александр (1668-1744); Донн Джон (1573-1631); Мильтон Джон (1608-1674); Грей Томас (1716-1771); Вордсворт Уильям (1770-1850); Кольридж Сэмюэл Тейлор (1772-1834) — знаменитые английские поэты

— Да, далековато занесло старика. Аж в саму Филадельфию.

— Он почтил своим присутствием многие лучшие дома того города. Итак, тетушка Гестер, можем ли мы назначить нашу первую soir e[12] на это воскресенье?

— А что такое это свари?

— Суари. Это вечернее собрание, на котором может подаваться имбирный пунш или…

— О, мисс Ларнер, меня нет нужды учить гостеприимству. И если это все, что вы просите за образование Артура Стюарта, то, боюсь, мы жестоко надуваем вас, потому что, по-моему, вы оказываете нам не одну услугу, а две.

— Вы очень добры ко мне, тетушка Гестер. Но я должна задать вам еще один вопрос.

— Спрашивайте. Хотя не могу сказать, что я ловка в ответах.

— Тетушка Гестер, вам известно о том, что существует Договор о беглых рабах? — мягко поинтересовалась мисс Ларнер.

Одно упоминание договора заставило сердце старушки Пег сжаться от страха и гнева.

— Это работа самого дьявола!

---

[12] Примечания: 12
вечеринка (франц.)

— Рабство — это, несомненно, дело рук дьявола, но соглашение было подписано, чтобы привлечь Аппалачи в Соединенные Штаты и предотвратить войну с Королевскими Колониями. Дело мира вряд ли можно назвать работой дьявола.

— Можно, если, благодаря этому миру, проклятые работорговцы получили возможность наложить лапы на свободные штаты, где они отлавливают беглых чернокожих и вновь превращают их в рабов!

— Возможно, вы и правы, тетушка Гестер. Любой здравомыслящий человек скажет, что Договор о беглых рабах несет не столько мир, сколько пораженчество. Тем не менее это закон, и он принят.

Наконец-то старушка Пег поняла, что имеет в виду учительница. Договор о беглых рабах она помянула, чтобы подсказать старушке Пег, что Артуру Стюарту здесь угрожает опасность, что из Королевских Колоний в любой момент могут заявиться ловчие и объявить мальчика собственностью какой-нибудь белой так называемой христианской семьи. Также это значило, что мисс Ларнер ни на грош не поверила истории, которую выдумала Пег про Артура Стюарта. А если она так легко разглядела ложь, то почему

старушка Пег считает, что остальные поверили в это? Хотя, насколько Пег было известно, весь Хатрак давным-давно догадался, что Артур Стюарт — бывший раб, который каким-то образом сбежал и нашел себе белую маму.

А если всем это известно, то какой-нибудь недобрый человек может подать запрос на Артура Стюарта, разослав по Королевским Колониям весть о беглом мальчике-рабе, который живет в некой гостинице неподалеку от реки Хатрак. Договор о беглых рабах делал усыновление Артура Стюарта незаконным. Мальчика могут вырвать прямо у нее из рук и не позволят даже навещать его. По сути дела, если она когда-нибудь решит съездить на юг, ее могут арестовать и повесить согласно потворствующему рабовладельцам закону, принятому королем Артуром. Мысль об этом чудовище, которое звалось королем и обосновалось у себя в Камелоте, заставила старушку Пег вспомнить то, что может случиться, если Артура вдруг увезут на юг — его ведь заставят сменить имя! Это же равносильно предательству — наречь мальчика-раба тем же именем, что и короля. Представьте себе, что будет, если вдруг, ни с того ни с сего, бедняжка Артур обнаружит, кого зовут его именем, которого он никогда не

слышал. Невольно она представила смущенного мальчика, которого зовет надсмотрщик, а когда малыш не откликается, жестоко избивает его. Но как он может откликнуться, если его зовут каким-то чужим именем, которого он никогда не слышал?

На ее лице, должно быть, отразились страхи, возникшие в ее душе, потому что мисс Ларнер приблизилась к ней и положила руку на плечи старушки Пег.

— Вам нечего бояться, тетушка Гестер, я вам ничего не сделаю. Я приехала из Филадельфии, где люди в открытую протестуют против этого соглашения. Юный новоангличанин по имени Торо[13] прославился благодаря своим проповедям, в которых говорил, что плохой закон следует отменить и добропорядочные граждане должны быть готовы на все, даже на то, чтобы сесть в тюрьму, лишь бы воспрепятствовать несправед-

---

[13] Примечания: 13

Торо Гентри Дэвид (1817-1850) — американский писатель, общественный деятель; наиболее известным его произведением является «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854); написал ряд памфлетов, критикующих рабство, прославился речами в защиту прав негров; Орсон Скотт Кард слегка запутался во временах: если обратить внимание на годы жизни Торо и вспомнить, что события книги «Подмастерье Элвин» происходят где-то в начале XIX века, то окажется, что Торо в то время никак не мог выступать в Филадельфии с речами, как это утверждает Пегги

ливости. Вы бы порадовались его речам.

В этом старушка Пег сильно сомневалась. При одном упоминании Договора по телу у нее бежали холодные мурашки. В тюрьму? А что от этого толку, если Артура отправят на юг в цепях, жестоко избивая по дороге? Впрочем, это мисс Ларнер не касается.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, мисс Ларнер. Артур Стюарт был рожден на свободе свободной чернокожей женщиной, пусть даже зачала она его не на той кровати, что следует. Договор о беглых рабах никоим образом меня не касается.

— Значит, я больше не буду думать об этом, тетушка Гестер. А теперь убедительно прошу меня простить, но я несколько устала после долгого путешествия и хотела пораньше лечь спать, пока еще светло.

Старушка Пег мигом вскочила со стула, поняв с облегчением, что разговоры про Артура и Договор подошли к концу.

— Да, да, конечно. Но вам стоит принять ванну, прежде чем ложиться в кровать. Нет ничего лучше хорошей ванны для усталого путника.

— Совершенно с вами согласна, тетушка Гестер. Однако, к моему вящему сожалению, дальний

путь не позволил мне захватить в дорогу свою ванну.

— Я сейчас пойду домой и сразу попрошу Горация принести сюда ванну. А вы пока можете растопить печку, воды мы натаскаем из колодца Герти — глазом не успеете моргнуть, как все будет готово.

— О, тетушка Гестер, боюсь, еще до наступления ночи вы убедите меня, что я снова в Филадельфии. Я уж совсем было смирилась и приготовилась терпеть тягости примитивной жизни в глуши, как обнаружила, что вы можете предоставить все благословенные достижения нашей цивилизации.

— Насколько я поняла, вы таким образом хотите сказать мне «спасибо», на что я отвечаю — пожалуйста. Я сейчас, туда-обратно, вернусь с Горацием и ванной. Но вы таскать воду не смейте, по крайней мере сегодня. Посидите тихонько, почитайте, пофилософствуйте, в общем, позанимайтесь тем, чем занимается ученый человек, который в отличие от нас не имеет привычки дремать, только выдастся свободная минутка.

С этими словами старушка Пег выпорхнула из домика. У нее словно крылья выросли. Оказалось, учительница вовсе не такая уж зануда.

Может, она говорит так, что в половине случаев Пег ее не понимает, но по крайней мере она не чурается общения с обыкновенными людьми. Кроме того, она согласилась бесплатно учить Артура и проводить в гостинице вечера поэзии. А может, она даже согласится иногда беседовать со старушкой Гестер, чтобы немножко ее учености перешло к Пег. Не то чтобы ученость была очень необходима такой женщине, как старушка Пег, но что плохого, если на пальце у богатой леди сияет драгоценный камень? Присутствие рядом образованной дамы, прибывшей с востока, поможет Пег хоть немножко понять огромный мир, окружающий Хатрак, — а об этом старушка Пег и не мечтала. Словно краской капнули на бесцветное крыло мошки. Конечно, мошке никогда не стать бабочкой, но, может, теперь она не будет так отчаиваться и бросаться в огонь.

Мисс Ларнер проводила старушку Пег взглядом. «Мама», — прошептала она. Хотя нет, не прошептала. Даже рот не открыла. Но ее губы чуточку сжались, словно готовясь произнести букву "м", а язык напрягся, желая досказать слово.

Обман нестерпимо ранил ее. Она дала обещание не лгать, хотя в некотором смысле и не нарушила свое слово. Имя, которое она взяла,

означало «учитель», а она и в самом деле была учителем, точно так же, как отец ее был Гестером, «содержателем гостиницы», а второе имя Миротворца было Смит, «кузнец». Когда ей задавали вопросы, она никогда не лгала, но иногда отказывалась отвечать, ибо ответы могли сказать людям много больше, чем они хотели бы знать, и натолкнуть на ненужные раздумья.

И все-таки, несмотря на то, что она всячески избегала лжи, ей казалось, что она попросту обманывает себя. Неужели она считает, что, приехав сюда в этом обличье, избегла лжи?

Однако, если присмотреться, где-то в своей основе этот обман был чистой правдой. Той девочки, которую знали как светлячка из Хатрака, давным-давно не существует. Формально говоря, она больше не принадлежит к этим людям. Назовись она малышкой Пегги, это было бы куда большей ложью, чем ее теперешнее обличье, потому что все сочли бы, что она та самая девочка, которая когда-то жила здесь, и стали обращаться с ней соответствующим образом. В этом смысле ее новое обличье отражало то, какой она стала здесь и сейчас — образованной, отчужденной старой девой, непривлекательной для мужчин.

Поэтому ее обличье не было ложью, нет, не

было; это был способ сохранить тайну — тайну, какой она была и какой стала. Она не преступила своей клятвы.

Мать давно скрылась среди деревьев, отделяющих домик от гостиницы, но Пегги по-прежнему смотрела ей вслед. При желании Пегги могла увидеть ее, но не глазами, а зрением светлячка. Она могла отыскать огонек сердца матери, приблизиться к нему, заглянуть внутрь. «Мама, неужели ты не знаешь, что у тебя не может быть секретов от твоей дочки Пегги?»

Но дело в том, что теперь мама могла хранить какие угодно тайны. Пегги не станет заглядывать в ее сердце. Пегги не затем вернулась в Хатрак, чтобы вновь стать светлячком. После долгих лет учебы, за которые Пегги прочла огромное множество книг, глотая страницу за страницей (как-то раз она даже испугалась, что книги в один прекрасный момент могут закончиться и во всей Америке не хватит книг, чтобы удовлетворить ее аппетиты), — после этих лет у нее осталось только одно умение, в котором она была абсолютно уверена. В конце концов она научилась не смотреть в сердца других людей, если сама того не хочет. Ей наконец удалось обуздать дар светлячка.

О, когда возникала необходимость, она заглядывала в души окружающих людей — но редко, очень редко. Даже представ перед школьным советом и поняв, что ей придется выдержать нелегкий бой, ей понадобилось обыкновенное знание человеческой натуры, чтобы разгадать намерения и одержать победу. Что же касается будущего, которое открывалось ей в огне человеческого сердца, на него она больше не обращала внимания.

«Ваше будущее больше не зависит от меня, не зависит. А твое будущее, мама, тем более. Я достаточно вмешивалась в твою жизнь, в жизни наших соседей. Если я узнаю, что ждет Хатрак, передо мной встанет моральный долг, и мне придется действовать так, чтобы помочь вам достигнуть будущего, которое станет наиболее счастливым из всех возможных. Однако тогда я перестану быть собой. Мой завтрашний день лишится надежды, а почему так должно быть? Закрывая глаза на то, что грядет, я становлюсь одной из вас, я могу жить своей жизнью, лишь догадываясь о том, что может произойти. Я все равно не могу обещать вам счастья, но так по крайней мере я имею возможность добиться его для себя».

Оправдываясь перед собой, она все же чувствовала, как внутри поднимается вина. Отвергая свой дар, она грешила перед Богом, который наделил ее столь необычными способностями. Великий магистр Эразм[14] учил, что твой дар — это твоя судьба и ты никогда не познаешь радости, пока не пройдешь путь, который определяется заложенным внутри тебя. Но Пегги отказывалась подчиняться этой жестокой доктрине. Некогда она уже лишилась детства, и к чему это привело? Мать не любила ее, жители Хатрака боялись, зачастую ненавидели, хотя продолжали приходить к ней, снова и снова, в поисках ответов на эгоистичные, мелкие вопросы. Если какое-то непрошенное зло вторгалось в их жизни, они винили ее, но никогда не благодарили, если ей случалось уберечь их от надвигающейся беды, ибо не знали, сколько раз она спасала им жизнь, поскольку зло, разумеется, не случалось.

Вовсе не благодарности она искала. Она жаждала свободы. Хотела, чтобы ноша, давящая на плечи, стала хоть чуточку меньше. Она была

[14] Примечания: 14

имеется в виду Эразм Роттердамский (1465/1466-1536), один из крупнейших философов эпохи Возрождения, написавший ряд знаменитых философских трактатов, среди которых «Похвала глупости», «Домашние беседы» и «Книга поговорок»

слишком молода, когда приняла этот груз, и ни один человек не выказал сострадания. Их страхи перевешивали ее мечту о беззаботном детстве. Понимал ли это кто-нибудь? Догадывался ли кто, с какой радостью она скинула с себя эту ношу?

И вот Пегги-светлячок вернулась, но никто об этом не узнает. "Я вернулась не ради вас, люди Хатрака, и не затем, чтобы служить вашим детям. Я пришла, чтобы обрести одного-единственного ученика, человека, который сейчас стоит у наковальни и чье сердце пылает так ярко, что я вижу его даже во сне, даже в сновидениях. Я вернулась, научившись всему, чему может научить этот мир, чтобы помочь юноше исполнить труд, который значит куда больше, чем кто-либо из нас. Вот она, моя судьба, если есть у меня таковая.

По пути, покуда достанет сил, я буду творить добро — сейчас я буду учить Артура Стюарта, попытаюсь помочь исполниться тем мечтам, ради которых погибла его отважная мать. Одновременно я буду учить и других детей, тех, кто хочет учиться, — это я буду исполнять в часы, которые указаны в моем контракте. Я принесу в город на Хатраке поэзию, которую вы можете принять, если пожелаете.

Возможно, вам не нужна поэзия. Вам больше

нужны мои знания о возможном будущем, но я осмеливаюсь предположить, что поэзия принесет куда больше добра. Ибо знание будущего сделает вас самодовольными, тогда как поэзия превратит в людей, чьи души с благородством, твердостью и мудростью встретят любой поворот событий, так что вам и не нужно будет знать, что ждет впереди, ибо каждое будущее станет возможностью проявить то величие, которое поселится в вас. Смогу ли я научить вас видеть в себе то, что некогда разглядел Грей?"

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить. [15]

Однако она сильно сомневалась, что в ком-либо из обыкновенных обитателей Хатрака живет скрытый Мильтон. Поли Умник, ни для кого не секрет, не был воплощенным Цезарем. Может, он желал подобного величия, но ему не хватало ума и умения держать себя в руках. Уитли Лекаринг не был Гиппократом, хотя он действительно любил лечить людей и все время пытался примирить

---

[15] Примечания: 15
Томас Грей. «Сельское кладбище. Элегия»

жителей Хатрака друг с другом — его разрушала любовь к роскоши, так что, в конце концов, как и многие другие подающие надежду врачи, он стал работать исключительно ради денег, забыв о радости, которую должна нести работа.

Пегги взяла стоявшее у дверей деревянное ведро. Несмотря на усталость, она не могла позволить себе подобной беспомощности. Когда отец и мать вернутся, они обнаружат, что мисс Ларнер сама сделала все, что могла, не дожидаясь, когда прибудет ванна.

Дзынь-дзынь-дзынь. Элвин что, вообще не дает себе отдыха? Неужели он не видит, что солнце уже опускается к западу, окрашивая небо в пурпурный цвет, прежде чем утонуть в кронах деревьев? Спускаясь вниз по холму, к кузнице, она вдруг ощутила в себе желание побежать, полететь, как она неслась со всех ног незадолго до того, как родился Элвин. В тот день шел дождь, и мать Элвина застряла в телеге посреди реки. Именно Пегги увидела попавшую в беду семью, заметила огоньки их сердец посреди черноты дождя и вышедшей из берегов речки. Именно Пегги подняла тревогу, и именно она стояла рядом с рожающей женщиной, разглядывая будущее, которое ожидает Элвина, и дивясь огню его

сердца, — ни до этого, ни после она не встречала души, которая сияла бы так же ярко. Именно Пегги спасла ему жизнь, убрав с лица сорочку; а потом с помощью этой сорочки не раз выручала Элвина в годы его детства. Она могла повернуться спиной к жителям Хатрака, но к нему спиной она не повернется никогда.

Внезапно она пришла в себя. О чем она думает? Ей нельзя идти к Элвину — во всяком случае сейчас. Он должен сам явиться к ней. Только так она сможет стать его учителем; только тогда появится возможность, что их отношения перерастут в нечто большее.

Она повернулась и зашагала по склону холма в сторону колодца. Она видела, как Элвин рыл этот колодец — этот и другой. Впервые в жизни Пегги ничем не смогла помочь Элвину, когда явился Рассоздатель. Гнев Элвина и разрушение призвали его заклятого врага, и сорочка в тот раз оказалась бесполезной. Пегги могла лишь смотреть, как Элвин сам изгоняет проникшее внутрь рассоздание и расправляется с Рассоздателем, который впервые в открытую сразился с ним. Теперь колодец стоял как памятник силе Элвина, силе и уязвимости.

Она бросила жестяное ведерко в колодец, ве-

ревка принялась быстро разматываться, ворот задребезжал. Раздался приглушенный всплеск. Она подождала пару мгновений, пока ведерко наполнится, после чего начала поднимать его. Вскоре, слегка плеская водой, оно появилось из колодца. Она хотела перелить воду в деревянное ведро, которое принесла с собой, но вместо этого поднесла к губам и принялась жадно пить холодную свежую влагу. Столько лет она ждала возможности попробовать ее, эту воду, которую Элвин обуздал в ночь, явившуюся испытанием его сил. Пегги так боялась за него, что, когда утром он наконец зарыл яму, которую вырыл из чувства мести, расплакалась от облегчения. Вода была ничуть не соленой, однако Пегги показалось, будто пьет она собственные слезы.

Звук бьющего по наковальне молота смолк. Невольно она отыскала внутренним оком огонек Элвина. Отложив в сторону инструмент, юноша вышел из кузницы. Знает ли он, что она здесь? Нет. Он всегда идет к колодцу, заканчивая дневную работу. Обернуться она не может, пока не услышит его шаги. Однако, зная, что он идет, и специально прислушиваясь, она не услышала ни шороха — он двигался тихо, как белка по ветке дерева. До ее слуха не донеслось ни звука, пока

он не заговорил:

— Хорошая водичка, правда?

Она повернулась на его голос. Повернулась слишком поспешно, слишком сильное желание бурлило в ее душе — а поэтому совершенно забыла о веревке, держащей ведерко. Плеснув водой, ведро, громко бренча, унеслось в черную глубину колодца.

— Я Элвин, помните меня? Я вовсе не хотел напугать вас, мэм, э-э, мисс Ларнер.

— Это все моя глупость. Я абсолютно забыла, что ведро привязано, — ответила она. — Привыкла к насосам. Открытые колодцы редко встречаются в Филадельфии.

Она повернулась обратно к колодцу, чтобы снова поднять ведро.

— Позвольте мне, — предложил он.

— В этом нет нужды. Я сама могу вертеть ворот.

— Но зачем, мисс Ларнер, если я охотно сделаю это за вас?

Она отступила в сторону и молча глядела, как он одной рукой вертит рукоять, словно детскую игрушку. Ведро разве что не вылетело из колодца. Она заглянула в огонь его сердца — краешком глаза, только чтобы проверить, уж не рисуется ли

он перед ней. Нет. Он просто не замечал, какие у него огромные плечи, как под кожей танцуют мускулы, когда он двигает рукой. И естественно, он не замечал умиротворенности своего лица — такое выражение можно заметить на мордочке лесного оленя, который ничего не боится. В Элвине совершенно отсутствовала осторожность. Некоторые люди так и стреляют глазами во все стороны, словно с минуты на минуту ожидают какой опасности, а может, жертву выискивают. Другие смотрят сосредоточенно, вникая в то, что делают. Но Элвин был абсолютно беспечен, словно ни о чем не заботился. Он был погружен в свой внутренний мир, в который никто проникнуть не может. Снова на ум Пегги пришли строчки «Элегии» Грея:

Скрываясь от мирских погибельных сомнений,

Без страха и надежд, в долине жизни сей,

Не зная горести, не зная наслаждений,

Они беспечно шли тропинкою своей.[16]

«Бедняжка Элвин. Когда твое обучение закон-

[16] Примечания: 16
Томас Грей. «Сельское кладбище. Элегия»

чится, мирная долина исчезнет навсегда. Ты будешь вспоминать о поре ученичества как о последних мирных днях своей жизни».

Он ухватил полное, тяжелое ведро одной рукой и наклонил, чтобы перелить в то ведерко, которое она с собой принесла. Проделал он это с такой легкостью, словно домохозяйка переливает сливки из одной чашки в другую. «Но что если эти огромные руки возьмут мои пальцы? Не переломает ли он мне все кости, ведь он такой сильный? Не почувствую ли я себя в его объятиях, как в оковах? Или он сожжет меня в белоснежном жаре своего сердца?»

Она протянула руку к ведру.

— Прошу вас, мэм, мисс Ларнер, позвольте мне донести его.

— В этом нет нужды.

— Я понимаю, я с головы до ног измазан сажей, но я смогу донести ведро до вашей двери и поставить его там, ничего не запачкав.

«Неужели мой образ настолько чопорен, что ты считаешь, будто бы я отказываюсь от твоей помощи из-за чрезмерной брезгливости?»

— Я не хотела заставлять тебя исполнять лишнюю работу. Ты сегодня и так очень помог мне.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и лицо его

утратило умиротворенное выражение. В глазах промелькнули искорки гнева.

— Если вы опасаетесь, что я потребую с вас плату, можете не бояться. И если это был ваш доллар, то получите его обратно. Я за свою услугу ничего не просил.

Он протянул ей монетку, которую Уитли Лекаринг швырнул ему из коляски.

— Я сама не одобрила поведения доктора Лекаринга. Мне показалось оскорбительным, что он решил заплатить тебе за услугу, которую ты оказал из чистой галантности. Он вел себя так, будто события этого утра стоили ровно один доллар. Я сочла, что тем самым он унизил нас обоих.

Глаза Элвина смягчились.

— Однако ты должен простить доктора Лекаринга, — продолжала Пегги голосом мисс Ларнер. — Его несколько тяготит богатство, и он ищет возможностей поделиться своими деньгами с остальными. Правда, он пока не умеет делать это тактично.

— О, забудьте, мисс Ларнер. Раз не вы просили его кинуть этот доллар…

Он опустил монетку обратно в карман и, подняв ведро, двинулся по направлению к домику.

Сразу видно, он не привык ходить с дамой.

Шаги его были слишком велики и быстры, она никак не могла поспеть за ним. Кроме того, крутой склон, по которому он без труда поднялся, ей было не преодолеть. Он вел себя как ребенок, выбирал наиболее прямую дорогу, даже если препятствия можно без труда обойти.

«Однако я всего лишь на пять лет старше его. Неужели я так вжилась в свою роль? Мне двадцать три, а я думаю, живу и веду себя как женщина по крайней мере в два раза старше возрастом. Ведь когда-то я обожала ходить так же, как он, пробираясь по самой трудной дороге из любви к преодолению препятствий…»

Тем не менее она избрала тропинку полегче, чуть обогнув холм и поднявшись там, где склон был не столь крутым. Он ждал ее у дверей домика.

— Почему ты не откроешь дверь и не поставишь ведро в комнату? — удивилась она. — Дом ведь не заперт.

— Прошу прощения, мисс Ларнер, но эту дверь не следует открывать чужому, заперта она или нет.

«Так, — подумала она, — он хочет убедиться, знаю ли я о скрытых оберегах, которые он врезал в замки». Не так много людей способно увидеть

скрытый оберег — и если уж на то пошло, она этого не умела. Она бы и не подозревала о них, если б не наблюдала за Элвином, когда он ковал замок. Но этого она сказать ему не могла и потому спросила:

— А что, здесь есть какая-то защита, которую я не вижу?

— Я просто вставил в замок пару оберегов. Ничего особенного, но теперь вы можете ничего не опасаться. На плите я также нарисовал оберег, поэтому искр, которые могут начать пожар, тоже можно не бояться.

— А ты, Элвин, оказывается, умеешь обращаться с оберегами.

— Да, кое-что получается. Каждый знает пару-другую оберегов, мисс Ларнер. Просто немногие кузнецы умеют вживлять их в железо. Я хотел, чтобы вы знали о моих оберегах…

О них и еще кое о чем. Поэтому она ответила так, как он и ожидал:

— Значит, насколько я понимаю, ты тоже участвовал в отстройке домика?

— Я сделал окна, мисс Ларнер. Они теперь легко поднимаются и опускаются, а на подоконнике лежат колышки, которые удержат их на месте. Кроме того, я починил плиту, выковал замок и

сделал всю остальную работу по железу. Да, а мой помощник, Артур Стюарт, вычистил стены.

Для молодого человека, весьма безыскусного с виду, он неплохо поддерживал беседу. Она было подумала поиграть с ним, притвориться, что не понимает его намеков, и посмотреть, как он выйдет из положения. Но нет — он всего лишь хотел попросить ее о том, за чем она сюда и приехала. Так что не стоит затруднять задачу. Ему и так будет непросто учиться.

— Артур Стюарт… — повторила она. — Это, наверное, тот самый мальчик, о котором просила тетушка Гестер. Она хочет, чтобы я учила его.

— О, так она уже попросила вас об этом? Или может, мне не стоило спрашивать?

— Я вовсе не намерена делать из этого секрета, Элвин. Да, я буду учить Артура Стюарта.

— Я очень этому рад, мисс Ларнер. Вот увидите, он самый умный мальчик, какого вы когда-либо знали. А как голосам подражает! Услышит что-нибудь и сразу ответит вам вашим же голосом. Вы ушам своим не поверите.

— Надеюсь, он не станет играть в такие игры, когда я буду учить его.

Элвин нахмурился:

— Ну, это не совсем игра, мисс Ларнер. Он под-

ражает людям невольно, сам того не замечая. Я хочу сказать, отвечая вашим голосом, он вовсе не смеется над вами. Услышав что-нибудь, он запоминает не только слова, но и их звучание, ну, вы понимаете, о чем я говорю. Он не может запомнить слова отдельно от голоса, который их произносил.

— Я буду иметь это в виду.

Пегги услышала, как где-то вдалеке хлопнула дверь. Взглянув своим внутренним оком в сторону гостиницы, она заметила, что огоньки сердец отца и матери двигаются к ее домику. Они, естественно, спорили друг с другом, так что, если Элвин хочет о чем-то попросить, он должен сделать это быстро.

— Ты хотел еще что-нибудь сказать мне, Элвин?

Наконец настал момент, которого он долго ждал, но внезапно Элвин застеснялся.

— Ну, я хотел попросить вас… но вы должны понять, воду я донес вовсе не затем, чтобы вы чувствовали себя обязанной передо мной. Я бы сделал это все равно для кого угодно, а что же касается сегодняшнего, то я ж не знал, что вы учительница. Ну, я, конечно, мог бы догадаться, но как-то не подумал об этом. Поэтому все, что

я сделал, я сделал от чистого сердца, и вы мне ничего не должны.

— Мне кажется, я сама решу, насколько я обязана тебе, Элвин. Так о чем же ты хотел попросить?

— Конечно, вы будете заняты с Артуром Стюартом, поэтому у вас вряд ли останется много свободного времени, ну, может, один день в неделю, может, часок. Это могло бы происходить по субботам, а что касается платы, то просите сколько захотите, мой мастер выделяет мне свободное время, и я кое-что поднакопил, в общем…

— Ты просишь, чтобы я тебе преподавала, Элвин?

Элвин явно не знал, что значит слово «преподавать».

— Преподавать. Обучать.

— Да, мисс Ларнер.

— Плата будет пятьдесят центов в неделю, Элвин. И я хочу, чтобы ты посещал мои занятия вместе с Артуром Стюартом. Ты будешь приходить и уходить вместе с ним.

— Но разве вы сможете учить сразу нас двоих?

— Осмелюсь предположить, Элвин, что ты многое почерпнешь из уроков, которые я буду ему давать. А пока он будет писать или складывать

цифры, я могу заниматься с тобой.

— Но я не хочу лишать его законных часов.

— Ты сам подумай, Элвин. Если ты будешь брать у меня уроки наедине, это может показаться несколько непристойным. Да, я старше тебя, но наверняка найдутся люди, которые попытаются облить меня грязью, а если я буду давать частные уроки молодому ученику, это будет только способствовать распространению сплетен. Артур Стюарт будет присутствовать на всех наших уроках, и дверь домика в это время будет оставаться открытой.

— Но вы могли бы учить меня в гостинице.

— Элвин, я ясно изложила тебе условия. Ты хочешь, чтобы я тебе преподавала, или нет?

— Да, мисс Ларнер. — Он сунул руку в карман и вытащил монетку. — Вот доллар в оплату первых двух недель.

Пегги взглянула на монетку.

— Мне казалось, ты хотел вернуть этот доллар доктору Лекарингу.

— Я бы не хотел, чтобы его слишком уж стесняли деньги, мисс Ларнер, — ответил Элвин и широко улыбнулся.

Как бы застенчив он ни был, серьезным он долго оставаться не умел. В нем всегда живет

насмешка, и время от времени она прорывается наружу.

— Да, думаю, ты прав, — кивнула мисс Ларнер. — Уроки начнутся со следующей недели. Спасибо за помощь.

В это самое мгновение на тропинке появились папа и мама. Чуточку пошатываясь, папа нес на голове огромную ванну. Завидев это, Элвин сразу бросился на помощь — правильнее будет сказать, он вообще отнял ванну у Горация и понес ее сам.

Шесть лет прошло с тех пор, как Пегги в последний раз видела отца, и вот наконец они снова встретились. Лицо его раскраснелось и покрылось мелкими бисеринками пота, он никак не мог отдышаться после тяжеленной ванны. Глаза его сердито изучали стоящую перед ним даму. Хоть мать наверняка попыталась убедить его, что новая учительница вовсе не такая уж зануда, как кажется на первый взгляд, отец тем не менее не избавился от неприязни к непрошенной гостье, вторгшейся в домик у ручья, в домик, который некогда принадлежал давным-давно пропавшей дочери.

Пегги страстно захотелось кинуться ему навстречу, назвать папой и уверить, что здесь по-прежнему живет его дочь, что его труд по

отстройке домика и в самом деле явился нежным даром любимой дочке. Он до сих пор любил ее, все годы помнил о ней… Сердце Пегги разрывалось от жалости, потому что она не могла ему открыться — пока не могла, потому что ее ждала очень важная работа. Ей оставалось лишь завоевать его сердце точно так же, как она уже завоевала сердца Элвина и матери, — не с помощью старой любви и чувства долга, а новой любовью и дружбой.

Она не могла вернуться домой как родившаяся здесь, не могла открыться даже отцу, хотя, наверное, только Гораций искренне обрадовался бы ее возвращению. Ей пришлось вернуться домой, приняв личину незнакомки. Хотя именно такой она и стала — обличье не просто маска, она очень изменилась после трех лет обучения в Дикэйне и еще трех лет упорной учебы в Филадельфии. Она перестала быть малышкой Пегги, тихой, острой на язык девочкой-светлячком, — нет, она давным-давно стала другой. Под руководством миссис Модести она обучилась тайне красоты; из книг она узнала множество других секретов. Она теперь не та, какой была раньше. Так что, сказав: «Папа, я же твоя дочка, малышка Пегги», — она бы солгала. Точно так же, как солгала сейчас,

представившись:

— Здравствуйте, мистер Гестер, я ваша новая постоялица, меня зовут мисс Ларнер. Очень рада познакомиться с вами.

Тяжело дыша, он подошел к ней и протянул руку. Несмотря на недовольство, несмотря на то, что он всячески избегал встреч с ней с тех пор, как она прибыла сюда, он был настоящим хозяином гостиницы, а поэтому не мог не поприветствовать ее со всей учтивостью — по крайней мере с той вежливостью, которая в этой глуши заменяла городские манеры.

— Здравствуйте, мисс Ларнер. Надеюсь, вы сочли жилье удовлетворительным?

При этих словах на нее нахлынула грусть. Сейчас он пытался изъясняться с ней на причудливом языке. Так он обычно разговаривал с теми посетителями, которых называл про себя «важными персонами», подразумевая, что их положение в обществе куда выше его. «Я многому научилась, отец, и познала прежде всего вот что: главное в жизни — это доброе сердце, тогда как положение в обществе — ничто, пустышка».

Пегги не стала проверять, доброе ли сердце у ее отца или нет, она и так это знала. За прошлые годы она достаточно изучила его. Так что если

бы она сейчас снова заглянула в его огонек, она могла бы обнаружить там то, что не имеет права видеть дочь. Раньше она была слишком мала и не умела контролировать свой дар; в невинном детстве она познала много такого, что делало невинность и детство несовместимыми друг с другом. Но сейчас, когда ее дар был наконец обуздан, она могла больше не тревожить его душу. Она была обязана исполнить это — перед ним и мамой.

Не говоря о самой себе, ведь теперь она тоже не обязана знать, что они думают и какие чувства испытывают.

Ванну занесли в маленький домик. Мама принесла с собой еще одно ведро и чайник, а отец и Элвин принялись таскать из колодца воду, пока мать ставила чайник разогреваться. Когда наконец ванна была готова, старушка Пег выставила мужчин из дома, оставшись наедине с Пегги, но Пегги отказалась от ее помощи — впрочем, особых убеждений и не потребовалось.

— Я весьма благодарна вам за помощь, — сказала она. — Но обычно я принимаю ванну в полном одиночестве. Вы проявили ко мне неизмеримую доброту, так что можете быть уверены, каждую секунду, что я проведу в чистой воде, я буду вспо-

минать о вас с огромной благодарностью.

Этому потоку выспренней речи не могла сопротивляться даже мама. В конце концов дверь была закрыта и заперта, занавески задернуты. Пегги сняла дорожное платье, насквозь пропитавшееся потом и пылью, после чего избавилась от липнущих к телу сорочки и панталон. Одним из преимуществ ее нынешнего обличья было то, что ей не пришлось надевать на себя еще и корсет. Престарелая особа, в которую превратилась Пегги, просто не могла иметь идеальной талии, которой хвастались юные девушки, жертвы моды, затягивающие корсеты так, что потом дышать не могли.

В последнюю очередь она избавилась от амулетов — три оберега висели у нее на шее, и один был вплетен в волосы. Амулеты достались ей непросто, и не только потому, что были новыми, очень дорогими штучками, которые влияли непосредственно на обличье человека, а не на умы окружающих. Ей пришлось четыре раза посетить лавку оберегов, прежде чем продавец понял, что она действительно хочет стать уродливой. «Такой прекрасной девушке не нужно прибегать к моему искусству», — раз за разом повторял он, пока она в конце концов не тряхнула

его как следует, выкрикнув: «Так поэтому-то я и обратилась к вам! Сделайте так, чтобы я перестала быть красивой». Даже уступив, он так и не успокоился — до самого конца бормотал себе под нос, как, мол, грешно скрывать столь прекрасное творение рук Господних.

«Скорее рук миссис Модести, — подумала Пегги. — Красоту я обрела в доме миссис Модести. Но красива ли я сейчас, когда меня никто не видит? Вряд ли я восхищаюсь собой…»

Раздевшись и став наконец собой, она встала на колени рядом с ванной и опустила в воду голову, начав мыть волосы. Погрузившись в тепло, она почувствовала прежнюю свободу, которую впервые познала в этом домике. За влажную пелену не проникал ни один из огоньков, так что теперь она на самом деле осталась наедине с собой, теперь она могла понять, какая же она есть на самом деле.

Зеркала в домике не было. И с собой зеркальце Пегги тоже не захватила. Тем не менее она ясно представляла, какое чудо сотворила с ней ванна. Вытираясь перед плитой, раскрасневшись в наполненной жарким паром комнате, она знала, что стала настоящей красавицей, именно такой, какой учила ее быть миссис Модести; знала, что,

увидев ее сейчас, Элвин страстно возжелал бы ее. Но его влек бы не разум, а скорее обычная, мелкая страстишка, которую ощущает любой мужчина к женщине, услаждающей глаз. Так что если раньше Пегги пряталась от него, чтобы он не женился на ней из жалости, то теперь она скрывалась, чтобы он не воспылал к ней мальчишеской любовью. Эта Пегги, это гладкое юное тело останется невидимым ему, чтобы ее настоящее "я", острый, наполненный всевозможными знаниями ум пробудил в нем мужчину, который станет не любовником, но Мастером.

О, если б только она могла не видеть его тела, не представлять его касаний, мягких, нежных, как прикосновение ветерка к коже…

Глава 16
СОБСТВЕННОСТЬ

Не успели прокричать петухи, как чернокожие подняли вой. Кэвил Плантер поднялся не сразу; завывающие голоса неким образом совместились с его сном. В эти дни он частенько видел во сне разъяренных чернокожих. Однако в конце концов он проснулся и вылез из мягких объятий постели. Снаружи пробивался едва видный свет восходящего солнца, поэтому, чтобы отыскать штаны, ему пришлось раздвинуть шторы. Неподалеку от бараков он увидел какие-то движущиеся тени, однако что происходит, разглядеть не смог. Но подумал, естественно, о самом худшем, а посему сразу достал из висевшего на стене спальни шкафчика ружье. Рабовладельцы, если вы еще не догадались, всегда хранят оружие под рукой, в той же комнате, в которой и спят.

Снаружи, в холле, он на кого-то наткнулся. Этот «кто-то» громко взвизгнул. Лишь спустя секунду Кэвил понял, что столкнулся со своей женой Долорес. Иногда он начисто забывал о том, что она может ходить — редко, очень редко

она покидала свои покои. Он просто не привык видеть ее вне постели, кроме того, обычно она передвигалась при помощи двух рабынь, на которых опиралась.

— Тихо, Долорес, это я, Кэвил.

— Кэвил, что случилось?! Что происходит?! — Она повисла на нем всей тяжестью, так что он и шагу ступить не мог.

— Может, ты все-таки отпустишь меня? Тогда я схожу и все выясню!

Но она еще крепче вцепилась в него.

— Не делай этого, Кэвил! Не выходи из дому один! Тебя могут убить!

— С чего им меня убивать? Разве я плохой хозяин? Разве Господь не защищает меня?

Однако, несмотря на смелые слова, он ощутил легкий страх. Может, разразилось то самое восстание рабов, которого боится всякий рабовладелец и о котором никто не осмеливается говорить вслух? Теперь он понял, что эта мысль подспудно тревожила его с тех самых пор, как он проснулся. И Долорес лишь выразила ее словами.

— Я захватил с собой ружье, — утешил Кэвил. — Не беспокойся за меня.

— Я боюсь, — прошептала Долорес.

— А знаешь, чего боюсь я? Я боюсь, что ты спо-

ткнешься обо что-нибудь в темноте и больно ударишься. Возвращайся в постель, чтобы мне еще за тебя не пришлось волноваться, пока я буду разбираться с этими рабами.

Кто-то шумно заколотил в дверь.

— Хозяин! Хозяин! — закричал раб. — Быстрей сюда!

— Видишь? Это Толстый Лис, — сказал Кэвил. — Случись восстание, любовь моя, его бы вздернули первым, до того, как он заявится ко мне.

— Ты думаешь, мне от этого легче? — вскрикнула она.

— Хозяин! Хозяин!

— Возвращайся в постель, — твердо приказал Кэвил.

Какое-то мгновение ее рука сжимала твердое, холодное дуло ружья. Затем она повернулась и, подобно бледно-серому привидению, растаяла в тенях, удалившись в сторону своей комнаты.

От волнения Толстый Лис чуть не прыгал по веранде. Кэвил с привычным отвращением смерил чернокожего взглядом. Хоть Кэвил и полагался на Толстого Лиса, который сообщал ему, кто из рабов ведет за спиной хозяина богохульственные речи, Кэвилу вовсе не обязательно было питать к этому чернокожему какие-то нежные чувства.

Ибо души чернокожих, в чьих жилах течет чисто туземная кровь, не могут обрести спасения на небесах. Все они были рождены святотатцами, еще младенцами приняв первородный грех, всосав его с молоком матери. Чудо, что их молоко не почернело от грязи, которую несет в себе. Жаль, сразу нельзя обратить чернокожих в белых, процесс спасения их душ слишком долог…

— Та девчонка, господин, Саламанди… — задыхаясь, вопил Толстый Лис.

— Что, у нее начались преждевременные роды? — спросил Кэвил.

— О нет, — всплеснул руками Толстый Лис. — Нет, нет, роды — нет, нет, хозяин. Пожалуйста, идите туда. Но не понадобится вам ружье, хозяин. Скорее нужен тесак, да побольше, побольше…

— Это я сам решу, — перебил его Кэвил.

Если чернокожий предлагает оставить ружье дома, держись за ствол обеими руками.

Кэвил зашагал к баракам, где размещались женщины. Горизонт уже окрасился легким светом, и он ясно различал тропинку под ногами, видел, как мелькают в темноте чернокожие тела, как рабы таращатся на него белыми глазищами. Слава Богу, который создал их глаза белыми, иначе в темноте этих чернокожих вообще не

разглядишь…

У двери хижины, где спала Саламанди, толпились взбудораженные женщины. Ее роды приближались, работать на полях она не могла, поэтому Кэвил выделил ей отдельную постель и хороший матрас. Никто не упрекнет Кэвила Плантера в том, что он не заботится о племенном стаде.

Одна из женщин — в темноте он не разглядел, кто именно, но, судя по голосу, это вполне могла быть Гремучка, которую недавно окрестили и назвали Агнес, однако рабыня по-прежнему предпочитала называться именем гремучей змеи, — вскричала:

— О хозяин, позволь нам зарезать над ней курицу!

— Никаких языческих святотатств я на плантации не допущу, — резко заявил Кэвил.

Теперь он понял, что Саламанди мертва. До родов остался всего месяц, а она умерла… Его сердце судорожно сжалось. Одним ребенком меньше. Одной племенной овцой меньше. «О Боже, смилостивись надо мной! Как я могу служить тебе, если ты отнял у меня лучшую наложницу?!»

В домике стоял едкий запах больной лошади, ибо девчонка, умирая, опустошила свой желудок.

Она повесилась на простыне. Кэвил стукнул себя по лбу, проклиная собственную глупость, — это ж надо было дать ей в руки такое орудие. Он подарил ей простыню в знак особого расположения, потому что она рожала уже шестого ребенка-полукровку; он подумал, пусть она застелит грязный матрас, а она вот как его отблагодарила!

Ее ноги болтались в трех дюймах от пола. Должно быть, она забралась на кровать и прыгнула оттуда. Когда тело Саламанди заколыхалось от легкого ветерка, поднятого движениями Кэвила, ноги ее тихо стукнули о кровать. Только спустя некоторое время Кэвил понял, что это значит. Поскольку шея не была сломана, умирала Саламанди долго, мучительно, хватая ртом воздух, тогда как спасение в виде кровати было рядом, и она *знала* это. В любой момент она могла прервать мучения, встать на кровать и глотнуть воздуха. В любую секунду могла изменить свое решение. Но нет, эта женщина хотела умереть. Хотела *убить*. Убить ребенка, которого носила в утробе.

Вот еще одно доказательство тому, насколько упорны в своем грехе эти чернокожие. Они скорее повесятся, нежели родят полубелого ребенка, у которого появится шанс на спасение души.

Есть ли предел их извращенному коварству? Ну как благочестивому христианину спасти этих тварей?

— Она убила себя, хозяин! — взвизгнула женщина, которая только что просила принести в жертву курицу. Кэвил оглянулся и в свете восходящего солнца убедился в верности своих предположений — это и в самом деле говорила Гремучка. — Если мы не окропим ее куриной кровью, она дождется завтрашней ночи и убьет себя снова!

— Мне противно слышать ваши речи. Пользуясь смертью бедняжки, вы ищете предлог, чтобы набить свои желудки жареной курятиной. Нет, мы похороним ее достойно, и ее душа никому не навредит, хотя, совершив самоубийство, она теперь будет вечно гореть в аду.

Услышав его ответ, Гремучка взвыла от отчаяния. Остальные женщины присоединились к вою. Кэвил приказал Толстому Лису отправить рабов помоложе копать могилу — похоронена Саламанди будет где-нибудь в лесу, а не на кладбище для рабов, потому что самоубийц в освященной земле хоронить нельзя. Ее зароют где-нибудь подальше, и на могиле не поставят никакого знака, ибо этот зверь в человеческом

обличье отнял жизнь у собственного ребенка.

Еще до наступления вечера она была похоронена. Поскольку Саламанди наложила на себя руки, Кэвил не мог просить ни баптистского священника, ни католического прочитать над ней молитву. По сути дела, он решил было прочесть ей напутственные слова сам, но днем неожиданно познакомился с путешествующим проповедником, которого и пригласил на ужин. Священник тот объявился раньше времени, и слуги-рабы послали его на задний двор, где он обнаружил погребальную церемонию и, естественно, сразу предложил свою помощь.

— О нет, я не могу просить вас об этом, — запротестовал Кэвил.

— А я не могу допустить, чтобы по земле пошел слух, якобы преподобный Филадельфия Троуэр обделяет христианской любовью детей нашего Господа. Ибо положено нам любить всех — белых и черных, мужчин и женщин, святых и грешников.

Рабы, заслышав такие речи, сразу встрепенулись. Кэвил также напрягся — но по другой причине. Это были слова типичного эмансипациониста, сторонника равных прав, и Кэвил ощутил внезапный приступ страха. Неужели,

пригласив этого пресвитерианского священника на ужин, он привел в дом самого Сатану? Тем не менее, может, должный ритуал, проведенный настоящим священником, несколько уймет страхи суеверных чернокожих? И действительно, когда слова молитвы были произнесены, а могила зарыта, рабы притихли — во всяком случае, их отвратительного воя больше не было слышно.

За ужином священник, которого звали Троуэр, развеял страхи Кэвила.

— Мне лично кажется, то, что чернокожие были привезены в Америку в цепях, есть часть великого Божественного плана. Подобно детям израильским, которые долгие годы страдали под гнетом египтян, эти черные души подставляют себя под кнут Господень. Сам Господь укрепляет их для собственных целей. Эмансипационисты понимают лишь одну истину — Господь любит своих чернокожих детей, — но забывают обо всем остальном. Допустим, они настоят на своем и освободят рабов, так ведь это послужит дьявольским целям, а не Господу, ибо без рабства чернокожие не смогут подняться из первозданной дикости.

— Вы говорите как настоящий религиозный человек, — осторожно заметил Кэвил.

— Также Эмансипационисты не понимают, что каждый чернокожий, бегущий от законного хозяина на север, обрекает на вечное проклятие себя и своих детей! Если уж на то пошло, чернокожие могли бы изначально остаться в Африке, а не ехать сюда. Белые люди, живущие на севере, ненавидят черных всей душой, поскольку только злой, самовлюбленный, ничего не видящий гордец способен покинуть господина, оскорбив тем самым Господа. Но вы, жители Аппалачей и Королевских Колоний, вы любите чернокожих, ибо только вы желаете взять на себя ответственность за этих заблудших овечек и провести их по дороге прогресса к человечности.

— Может, вы и пресвитерианин, отец Троуэр, но истинную религию вы знаете.

— Я рад услышать, что нахожусь в доме настоящего христианина, брат Кэвил.

— Я и в самом деле надеюсь, что являюсь вам братом по духу, преподобный Троуэр.

Вот так и продолжался разговор, чем дальше к ночи, тем больше эта парочка нравилась друг другу. Наевшись до отвала, они вышли на веранду, чтобы немножко охладиться. Кэвил начал подумывать, что впервые в жизни встретил человека, которому может чуточку приоткрыть свою

великую тайну.

Начал Кэвил издалека:

— Преподобный Троуэр, как вы считаете, в наши дни Господь Бог еще обращается к людям?

Ответ Троуэра прозвучал почти торжественно:

— В этом я могу вам поручиться.

— А как вы думаете, может ли Он когда-нибудь обратиться к такому простому человеку, как я?

— Вам не следует надеяться на это, брат Кэвил, — покачал головой Троуэр, — ибо Господь приходит лишь туда, куда сам пожелает, а не туда, куда мы его зовем. Однако я знаю, что даже самый ничтожный человечишка в один прекрасный день может удостоиться чести… быть посещенным.

Кэвил ощутил легкую дрожь в животе. Троуэр говорил так, будто секрет Кэвила не был для него тайной. Однако Кэвил не стал сразу раскрывать все карты.

— Знаете, что я думаю? — спросил Кэвил. — Я думаю, Господь Бог не может появиться в своем истинном обличье, поскольку сияние его способно убить простого смертного на месте.

— Разумеется, — кивнул Троуэр. — Ведь, явившись Моисею, Господь прикрыл его глаза Своей рукою, позволив пророку лицезреть только Свою

спину[17].

— Я хотел сказать, что если Господь наш Иисус и явится такому недостойному человеку, как я, то выглядеть он будет вовсе не так, как изображают его на полотнах, а примет некий образ. Я считаю, человек видит лишь то, что дает ему понять могущество Господне, а не истинное величие нашего Бога.

С мудрым видом Троуэр опустил голову.

— Это вполне возможно, — ответил он. — Сие объяснение претендует на разумность. Но могло случиться и так, что видели вы лишь одного из ангелов.

Вот оно, все оказалось так просто. Собеседники от сравнений «такой человек, как я» перешли к полной откровенности — «вы видели одного из ангелов»! Как все-таки похожи эти двое. И Кэвил впервые за семь лет открыл свою тайну, поведал всю историю.

Когда он закончил, Троуэр взял его за руку и дружески пожал ее, пристально вглядевшись в глаза Кэвила.

— Подумать только, на какие жертвы вы пошли! Служа Господу, вы решились осквернить

---

[17] Примечания: 17
Библия, Исход, глава 33-34

свою плоть прикосновением к чернокожим женщинам… Сколько же детей появилось на свет?

— Двадцать пять. Сегодня вечером вы помогли мне похоронить двадцать шестого, который находился в животе у Саламанди.

— И где же эти обретшие надежду создания?

— О, я исполнил лишь половину труда, — воскликнул Кэвил. — Из-за этого Договора о беглых рабах мне приходилось продавать их на юг, чтобы они выросли там и распространили истинную кровь по Королевским Колониям. Каждый из них в семени своем стал миссионером. Последние несколько еще находятся здесь. Видите ли, преподобный Троуэр, держать на плантации рабов-полукровок крайне опасно. Все мои рабы черного цвета, поэтому местные жители начнут гадать, откуда у нас появились полукровки. Пока что мой надсмотрщик, Кнуткер, если и замечает, то держит рот на замке, а другие еще ничего не прознали.

Троуэр кивнул, но по выражению его лица было видно, что его что-то беспокоит.

— Всего двадцать *пять* детей? — уточнил он.

— Я делал что мог, — пожал плечами Кэвил. — Даже чернокожая женщина не может зачать ребенка сразу после того, как родила.

— Я хотел сказать… видите ли, я тоже удостоился… э-э, посещения. Вот почему я явился сюда, перевалив через Аппалачи. Мне было сказано, что здесь я встречу некоего фермера, который также знает моего Посетителя и который преподнес Господу двадцать шесть живых детей.

— Двадцать *шесть*?

— Живых.

— Ну, понимаете… вообще-то это правильно. Я не включил в счет самого первого, потому что его мать бежала и украла младенца спустя несколько дней, как он поя вился на свет. А я уже договорился с покупателем, пришлось вернуть все деньги, ведь выследить беглянку так и не удалось, собаки не взяли след. Среди рабов же прошел слух, что она обратилась в черного дрозда и улетела, но все это, как вы понимаете, суеверия…

— Значит, все-таки двадцать шесть. И скажите, говорит ли вам что-нибудь имя Агарь?

Кэвил аж задохнулся от удивления:

— Именно так я звал ту беглянку, но ведь никто не знает об этом!

— Мой Посетитель поведал мне, что ваш первый дар украла Агарь.

— Это Он. Вы тоже лицезрели Его.

— Ко мне он пришел в обличье ученого… че-

ловека неизмеримой мудрости. Потому что я сам в некотором роде ученый, помимо того, что являюсь священником. Я всегда считал, что Он один из ангелов — обратите внимание, один из *ангелов*, — поскольку никогда не осмеливался предположить, что это сам… Владыка. А теперь скажите, неужели случилось так, что мы с вами удостоились чести лицезреть самого Господа? О Кэвил, как я могу подвергать сей факт сомнению? Почему ж еще наш Господь свел нас вместе? Это означает, что я… что я прощен.

— Прощен?

Лицо Троуэра помрачнело.

— Нет, нет, ничего не говорите, если не хотите, — поспешил успокоить его Кэвил.

— Я… о Боже, какое страдание я испытываю, вспоминая об этом! Но теперь, когда я уверился, что меня снова приняли… по крайней мере дали возможность оправдаться… Брат Кэвил, некогда на мои плечи была возложена весьма ответственная миссия, столь же нелегкая и тайная, как ваша. Только у вас хватило мужества и сил побороть естество, тогда как я подвел нашего Посетителя. Я пытался, но у меня не было ни мужества, ни ума, чтобы одолеть дьявольские козни. Поэтому я счел себя отвергнутым. Я стал странствующим

проповедником, ибо чувствовал, что недостоин иметь собственный приход. Но теперь…

Кэвил кивнул, продолжая сжимать руку священника. По щекам святого отца струились слезы.

В конце концов Троуэр нашел в себе силы поднять глаза.

— Как вы думаете, с какой целью прислал меня сюда наш… наш Друг? Чем я могу помочь вам в вашем труде?

— Ничего не могу сказать, — пожал плечами Кэвил. — Мне на ум приходит только одно…

— Брат Кэвил, я не уверен, что могу исполнить столь отвратительную обязанность.

— Исходя из собственного опыта, я могу сказать, что Господь укрепляет человека и делает его задачу не столь уж невыносимой.

— Но в моем случае, брат Кэвил… Видите ли, я никогда не знал женщины, как об этом говорится в Библии. Лишь однажды мои губы прикоснулись к женским губам, и то не по моей воле.

— Тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Что если мы помолимся вместе, а потом я покажу вам, как это делается?

Ничего лучшего они придумать так и не смогли, а посему поступили, как предложил Кэвил

Плантер. Преподобный Троуэр оказался способным учеником. Разделив тяжкий труд с собратом по вере, Кэвил испытал громадное облегчение, не говоря уже о некотором удовольствии, получаемом от того, что кто-то смотрит за ним, и возможности понаблюдать за действиями другого человека. Они сроднились особыми узами братства, смешав свое семя в одном сосуде. Как выразился преподобный Троуэр: «Когда это поле даст всходы, брат Кэвил, мы даже не узнаем, чье семя в нем проросло, ибо поле это Господь дал взборонить нам двоим».

После чего преподобный Троуэр поинтересовался именем девочки.

— Ну, мы окрестили ее Гепзибой, но сама она взяла себе имя Тараканиха.

— Тараканиха?!

— Они все берут себе имена животных, птиц или насекомых. По-моему, она не особо высокого мнения о себе.

Троуэр наклонился, взял ручку Тараканихи и нежно потрепал по ней, как будто она была его женой. При мысли об этом Кэвил чуть не прыснул со смеху.

— Выслушай меня, Гепзиба, — мягко произнес Троуэр. — Ты должна использовать свое хри-

стианское имя, а не название отвратительного насекомого.

Тараканиха, свернувшись клубочком на матрасе, смотрела на него глазами-плошками.

— Почему она не отвечает мне, брат Кэвил?

— О, они никогда не говорят во время этого. Я изначально отбил у них эту привычку, а то они все время пытались отговорить меня. Уж лучше, чтобы они вообще молчали, чем произносили слова, которые вкладывает в их уста дьявол.

Троуэр повернулся к девушке.

— Я хотел бы попросить тебя ответить мне что-нибудь. Ведь ты не будешь произносить слов, которые нашептывает тебе дьявол?

Вместо этого глаза Тараканихи поднялись к потолку, к балке, с которой все еще свешивалась простыня, небрежно обрезанная чуть ниже узла.

Лицо Троуэра слегка позеленело.

— Это что, та комната… та, где девушка, которую мы похоронили…

— Здесь лучшая кровать, — буркнул Кэвил. — Зачем заниматься этим на соломенной циновке, если мы можем воспользоваться добрым ложем?

Троуэр ничего не ответил. Он быстренько покинул домик и умчался куда-то в темноту. Кэвил вздохнул, затушил лампу и последовал за ним.

Троуэра он нашел у водокачки. За его спиной из домика, где умерла Саламанди, тихонько выскользнула Тараканиха, направляясь в бараки, но Кэвил и не подумал останавливать ее. Его сейчас больше интересовал Троуэр — он надеялся, что священник не совсем лишился разума и не наблевал в воду, которую используют для питья!

— Со мной все в порядке, — еле слышно вымолвил Троуэр. — Я просто… та комната… поймите, я вовсе не суеверен, но мне показалось это несколько неуважительным по отношению к мертвым.

Ох уж эти северяне! Даже те, кто что-то понимает в рабстве, все равно не могут избавиться от мысли, что чернокожие — такие же люди, как они. Ну, сдохла в углу мышь или убил ты на стенке паука, что теперь — в доме не жить? Не будешь же сжигать конюшню, если там околела твоя любимая лошадь…

Как бы то ни было, Троуэр наконец нашел силы подняться. Он поддернул брюки, застегнул их и вместе с Кэвилом вернулся в дом. Брат Кэвил поселил Троуэра в гостевой комнате, которую, очевидно, использовали не часто, поскольку над одеялом, по которому хлопнул Кэвил, взвилось целое облако пыли.

— Так ведь и знал. Давно надо было заставить

этих рабов убраться здесь... — пробурчал брат Кэвил.

— Не беспокойтесь, — уверил Троуэр. — Ночи стоят теплые, так что я вполне обойдусь без одеяла.

Проходя по коридору к своей спальне, Кэвил остановился на секунду-другую, прислушиваясь к дыханию жены. Вот и сегодня он услышал, как она тихонько плачет в своей постели. Видно, опять ее одолела боль. «О Господи, — подумал Кэвил, — сколько еще я должен молить Тебя, прежде чем Ты явишь Свое милосердие и исцелишь мою Долорес?» Но заходить к жене он не стал — кроме молитвы, он ничем ей помочь не мог, а ему крайне необходимо было выспаться. Была уже глубокая ночь, а завтра его ждет трудовой день.

Очевидно, Долорес почти всю ночь провела в рыданиях, поскольку, когда Кэвил пришел к ней с завтраком, она еще спала. Поэтому Кэвил направился к Троуэру. Священник умял поразительное количество колбасы и лепешек. Когда его тарелка в третий раз опустела, он наконец поднял глаза на Кэвила и улыбнулся.

— Служба Господу рождает в человеке ужасный голод!

И они оба весело рассмеялись.

После завтрака они вышли во двор. Так случилось, что они проходили мимо рощицы, где была похоронена Саламанди, и Троуэр предложил навестить ее могилку, иначе Кэвил, наверное, и не узнал бы, чем занимались здесь чернокожие прошлой ночью. Вокруг могилы было полным полно отпечатков голых ступней, сама же земля чуть не хлюпала под ногами. Сверху высыхающую грязь усеивали полчища муравьев.

— Муравьи! — воскликнул Троуэр. — Не может быть, чтобы они сквозь такой слой земли почуяли труп.

— Верно, — кивнул Кэвил. — Их привлекло нечто более свежее. К примеру, эти кишки.

— Но они… надеюсь, они не эксгумировали тело и не…

— Это не ее кишки, преподобный Троуэр. Скорее всего, это внутренности белки, дрозда или еще какой пташки-зверюшки. Прошлой ночью здесь вершилось жертвоприношение дьяволу.

Троуэр принялся истово молиться.

— Им известно, что я этого не одобряю, — объяснил Кэвил. — К вечеру от доказательств их вины не осталось бы и следа. Они смеют перечить мне за моей спиной. Я этого так не оставлю.

— Теперь я понимаю важность работы, которую исполняете вы, рабовладельцы. Души этих чернокожих железной хваткой держит сам дьявол.

— Ничего, не волнуйтесь. Они сегодня же заплатят за это. Хотят, чтобы на ее могилу пролилась кровь? Что ж, пусть эта кровь будет их собственной. Мистер Кнуткер! Где вы? Мистер Кнуткер!

Надсмотрщик, судя по всему, только-только прибыл.

— Сегодня утром мы устроим чернокожим небольшой праздник, мистер Кнуткер, — сказал Кэвил.

Надсмотрщик не стал уточнять, что имеет в виду хозяин.

— Скольких вы хотите высечь?

— Всех до единого. По десять плетей каждому. За исключением беременных женщин, разумеется. Но даже им — по одному удару, по бедрам. И чтобы все видели.

— Они могут разбушеваться, сэр, — предупредил надсмотрщик.

— Преподобный Троуэр и я также будем присутствовать при наказании, — ответил Кэвил.

Когда Кнуткер бросился собирать рабов, Троуэр пробормотал нечто вроде того, что не испытывает особого желания наблюдать за процедурой.

— Это труд Господень, — возразил Кэвил. — Мне ведь хватает духу вынести любое действо, которое вершится праведным судом. Кроме того, я было счел, что прошлая ночь придала вам сил.

Они молча наблюдали, как рабов по очереди секли. Кровь прямо-таки заливала могилу Саламанди. Спустя некоторое время Троуэр уже не пытался отвернуться, когда плеть падала на спину чернокожего. Кэвил с радостью отметил мужество священника — очевидно, этот человек не такой уж и слабак, просто шотландское воспитание и жизнь на севере несколько размягчили его.

Вскоре после этого, готовясь отправляться в путь, — он пообещал прочитать проповедь в городке, находящемся немного дальше к югу, — преподобный Троуэр задал Кэвилу вопрос, который давно терзал его:

— Я заметил, что ваши рабы не совсем стары, но и не очень молоды…

Кэвил пожал плечами:

— Это все проклятый Договор о беглых рабах. Хотя моя плантация процветает, по закону я не могу ни покупать, ни продавать рабов — мы теперь часть Соединенных Штатов. Многие сами разводят чернокожих, но, как вам известно,

все мои малыши с недавних пор отправляются на юг. А вчера я лишился еще одной самки, так что теперь у меня осталось всего пять женщин. Саламанди была лучшей. Остальным недолго осталось рожать.

— Мне вдруг пришло на ум… — начал было Троуэр, но умолк, погрузившись в собственные мысли.

— Что же именно?

— Я много путешествовал по северу, брат Кэвил, и поэтому знаю, что почти в каждом городе Гайо, Сасквахеннии, Ирраквы и Воббской долины имеются одна или две чернокожие семьи. Мы-то с вами понимаем, что чернокожие на деревьях не растут, а значит…

— Все они когда-то сбежали с плантаций.

— Ну, кое-кто, без сомнения, вполне законно обрел свободу. Но в основном… наверняка среди них много беглых рабов. Насколько я помню, существует некий обычай: каждый рабовладелец хранит у себя прядку волос, обрезки ногтей своего раба…

— Да, у каждого новорожденного или купленного раба мы обязательно срезаем прядку волос. Для ловчих.

— Вот именно.

— Но мы ж не можем заставить ловчих обойти всю северную страну в поисках одного сбежавшего чернокожего. На эти деньги мне проще купить нового раба.

— Мне кажется, в последнее время цены на рабов несколько поднялись.

— Вы хотите сказать, что, согласно недавно принятому Договору, мы покупать рабов не можем…

— Совершенно верно, брат Кэвил. Что если ловчие не просто так будут отправлены на север? Мы ведь можем дать им некие указания. Что если вы наймете кого-нибудь из северян собирать сведения, запоминать имена и возраст чернокожих, которые попадутся им на глаза? Тогда ловчие отправятся на поиски, снаряженные точными указаниями.

Эта идея была настолько хороша, что Кэвил аж замер на месте.

— Нет, преподобный Троуэр, видно, в вашем плане что-то не стыкуется, иначе кто-нибудь уже подумал бы об этом.

— Я могу объяснить вам, почему никто не предпринял никаких шагов в эту сторону. Многие северяне питают к рабовладельцам отнюдь не дружелюбные чувства. Как бы северяне ни ненавидели своих чернокожих соседей, извращенные

понятия о совести не позволяют им способствовать поискам беглых рабов. Поэтому любой южанин, отправившийся на север за сбежавшей собственностью, вскоре убеждается в тщетности всяких розысков, если след уже остыл или если его не сопровождает ловчий.

— Истинная правда. Северяне — настоящие воры, сговорившиеся друг с другом лишить человека законного имущества.

— Но что если северяне сами станут осуществлять розыски? Что если вы обзаведетесь своим агентом на севере, возможно, священником, который сможет привлечь к этому делу других людей и наймет себе верных помощников? Конечно, траты будут большими, но здесь следует учесть невозможность покупки новых рабов в Аппалачах. Разве ваши соседи не заходят выложить некую сумму денег, чтобы найти беглых рабов?

— Некую сумму? Да вам заплатят вдвойне. Вперед будут платить, если вы пообещаете это.

— Допустим, я стану брать двадцать долларов за регистрацию беглого раба — дата рождения, имя, описание, время и место побега — и тысячу долларов в случае, если мне удастся предоставить хозяевам информацию о его месте пребывания…

— Пятьдесят долларов за регистрацию, иначе

вас никто не воспримет всерьез. И еще пятьдесят, когда вы пошлете информацию, даже если она впоследствии окажется неверной. И *три* тысячи долларов в случае, если беглец будет пойман живым и здоровым.

Троуэр легонько улыбнулся:

— Ну, мне бы не хотелось наживаться на праведном деле…

— Наживаться?! Да вам любой выложит деньги, если вы будете исправно исполнять свою работу. Говорю вам, Троуэр, напишите контракт, после чего наймите в городе писца, который сделает вам тысячу экземпляров. Затем отправляйтесь в путь и расскажите о своей затее одному рабовладельцу в каждом городе Аппалачей. Могу поспорить, что через неделю вам снова придется нанимать писца. Мы говорим не о прибыли, а об очень ценной услуге. Бьюсь об заклад, вам будут приплачивать даже те, у кого никогда не бежал ни один раб. Ведь если вы сделаете так, что река Гайо перестанет быть границей, за которой рабов ждет свобода, тем самым вы вернете не только беглецов, но и остальные рабы не станут убегать, потеряв всякую надежду!

Не прошло и получаса, как Троуэр отправился в путь — теперь у него имелись все необходимые

пункты контракта и рекомендательные письма Кэвила к законнику и писцу. Также Кэвил вручил ему кредит на пять сотен долларов. Когда же Троуэр запротестовал, объясняя, что это слишком много, Кэвил даже слушать не стал.

— Это вам для начала, — заявил он. — Мы оба знаем, что за труд нам предстоит исполнить. Вам потребуются деньги. У меня они есть, а у вас — нет, так что берите и принимайтесь за работу.

— Это действительно по-христиански, — умилился Троуэр. — Ведь святые на заре церкви тоже делились друг с другом своим имуществом.

Кэвил хлопнул сидящего в седле Троуэра по бедру. Священник чуть не затрясся от страха — эти северяне панически боятся лошадей…

— Нас объединяет нечто большее, чем кого-либо из рода людского, — сказал Кэвил. — Нам явились одинаковые видения, мы исполняем одно и то же дело, и если это не делает нас похожими друг на друга как две капли воды, то я тогда вообще не знаю, что такое похожесть.

— Если мне улыбнется судьба и я вновь увижу Посетителя, то буду знать, что он наверняка будет доволен.

— Аминь, — заключил Кэвил.

Он хлопнул лошадь Троуэра и проводил отъ-

езжающего священника задумчивым взглядом. "Моя Агарь… Он найдет мою Агарь и ее малыша. Почти семь лет минуло с тех пор, как она украла у меня моего первенца. Но вскоре она вернется, и я закую ее в цепи — она будет рожать мне детей, пока ее утроба не опустеет. Что же касается мальчика, то он станет моим Измаилом. Вот как я назову его. Измаил. Я оставлю его у себя, воспитаю настоящим, искренне верующим христианином. А когда он подрастет, отдам на работу на другие плантации, и ночами он будет исполнять мой труд, распространяя семя избранных по Аппалачам. Тогда детей у меня будет столько, сколько песчинок в море песка, как это было с Авраамом, которого кличут отцом народов.

И кто знает? Может быть, тогда случится чудо, и моя любимая жена исцелится, зачнет от меня и родит белого сына, Исаака[18], который унаследует мои земли и труды. О Господь мой Надсмотрщик, смилостивись надо мной…"

---

[18] Примечания: 18

от жены Сары, которой Господь позднее вернул способность к деторождению, у Авраама родился сын Исаак

Глава 17
ПРАВОПИСАНИЕ

Стоял ранний январь, повсюду высились глубокие сугробы, а ветер дул такой, что можно было отморозить нос. Естественно, в такой день Миротворец Смит решил сам поработать в кузнице, а Элвина послал в город за покупками и развезти исполненную работу. Летом обязанности распределялись несколько по-иному.

«Ну и пусть, — думал Элвин. — В этой кузнице хозяин он. Но если б у меня были кузница и ученик, я к своему подмастерью относился бы честнее, чем относятся ко мне. Мастер и ученик должны поровну делить работу, за исключением случаев, когда ученик не знает, как ее выполнить, — вот тогда мастер должен научить его. Это справедливо, подмастерье — не раб какой-нибудь, чтобы гнать телегу в город через глубокие снега».

Хотя, говоря по правде, ему вовсе не обязательно брать свою телегу. Он может взять лошадей у Горация Гестера — Гораций возражать не будет, если Элвин согласится сделать пару-другую заку-

пок для гостиницы.

Элвин поплотнее закутался в одежды и принялся пробиваться вперед, к постоялому двору — сильный западный ветер дул прямо в лицо. Дойдя до домика мисс Ларнер, он повернул на тропинку, которая была самой короткой дорогой до гостиницы, да и деревья немножко останавливали ветер. Мисс Ларнер, конечно, дома не было. Сейчас время занятий, и она с детьми в городской школе. Но Элвин учился в этом самом домике, и, пройдя мимо его дверей, он невольно вспомнил об учебе.

Она заставляла его учить то, чему он никогда и не думал учиться. Он ожидал, что его будут учить вычислять, читать и писать, — в некотором роде так оно и было. Только она давала ему не основы, которым обучала детей — таких как Артур Стюарт, который, склонившись под светом лампы, каждый вечер корпел над уроками в домике у ручья. Нет, она говорила с Элвином о вещах, о которых он слыхом не слыхивал, и учился он именно им.

Вот вчера, к примеру…

— Самая маленькая частица называется атом, — сказала она. — Согласно теории, выдвинутой Демосфеном, все состоит из крошечных

частиц, в основе которых лежит атом, самая мелкая и неделимая из существующих частиц[19].

— А как она выглядит? — спросил у нее Элвин.

— Не знаю. Она слишком мала, чтобы увидеть ее простым глазом. Может, ты мне подскажешь?

— Да нет. Никогда не видел частички настолько малюсенькой, что ее даже на части разделить нельзя.

— Неужели ты даже представить ее не можешь?

— Могу, но разделить ее тоже могу.

Она вздохнула:

— Ну ладно, Элвин, пойдем по другому пути. Если б на свете существовала частица, которую нельзя разделить, как бы она выглядела?

— Ну очень маленькой.

Но это он шутил. Перед ним встала проблема,

---

[19] Примечания: 19

Здесь замысел писателя не очень ясен. Либо Орсон Скотт Кард решил заодно с историей альтернативной Америки написать историю альтернативной Греции, либо просто-напросто ошибся. Демосфен прославился своими речами против Филиппа Македонского (отца Александра Македонского); в юности Демосфен страдал недостатками дикции, а потому тренировался в ораторском искусстве, набирая камней в рот и декламируя обличительные речи перед морем. Упорные тренировки дали о себе знать, и в историю Демосфен вошел как превосходный оратор. Что же касается теории об атомах, то ее совместно с несколькими греческими философскими школами выдвинул Демокрит, утверждавший, что неизменяемое должно состоять из каких-то мельчайших частиц.

и он вознамерился решить ее, как до этого решал любую другую. Он послал своего «жучка» в доски пола. Будучи сделанным из дерева, пол представлял собой бесконечные нагромождения всякой всячины, останки разбитых сердец некогда живых деревьев, и тогда Элвин быстренько заслал «жучка» в железо плиты, которое в основе своей было более однородным. Нагреваясь, его кусочки, самые маленькие частички, которые он когда-либо видел, принимались метаться из стороны в сторону; когда же огонь наконец проникал внутрь, железо само вспыхивало ярким светом и жаром, являя настолько прекрасное зрелище, что оно едва умещалось в голове. На самом деле Элвин никогда не видел частичек огня. Он только знал, что они существуют.

— Свет, — сказал он. — И жар. Их нельзя поделить на части.

— Верно. Огонь не похож на землю — его нельзя разрезать или разделить. Но он ведь способен изменяться, а? Он может разгореться. Может потухнуть. Следовательно, его частички становятся чем-то другим, так что они не являются неизменимыми и неделимыми атомами.

— Ну, раз ничего меньше частичек огня нет, тогда, как мне кажется, не существует и такой

вещи, как атом.

— Элвин, ты должен отучаться подходить к вещам с чисто эмпирической точки зрения.

— Знаючи, как это, я перестал бы.

— Не «знаючи», а «если бы я знал».

— А, как бы то ни было.

— Ты не можешь отвечать на каждый вопрос, сидя на одном месте и посылая своего «жучка» наружу.

— Иногда я начинаю жалеть, что рассказал вам об этом, — вздохнул Элвин.

— Ты хочешь, чтобы я научила тебя, что значит быть Мастером, или нет?

— Это как раз то, чего я хочу! А вы вместо этого талдычите о каких-то там атомах, о гравитации… Мне плевать, что твердил этот зануда Ньютон, мне все равно, что говорили остальные ученые! Я хочу узнать, как сотворить… некое место.

Он вовремя вспомнил, что в уголке сидит Артур Стюарт, который запоминает не только каждое сказанное вслух слово, но и то, каким тоном оно было произнесено. Нечего забивать голову Артура всякими намеками на Хрустальный Город.

— Неужели ты не понимаешь, Элвин? С тех пор прошло столько лет, тысячи и тысячи! Никто не знает, кто такой Мастер и чем он занимается.

Знают только, что такие люди были, и известны некоторые из их умений. К примеру, они могли превращать свинец и железо в золото. Воду — в вино. Нечто вроде того.

— По-моему, железо в золото превратить легче, — заметил Элвин. — Изнутри эти металлы очень похожи. Но вино… это такая куча всяких штуковин, что надо быть… э-э-э…

Он никак не мог подыскать подходящее слово, чтобы назвать человека, обладающего подобными силами.

— Мастером.

Да, точно. Мастером.

— Ну вроде, — согласился он.

— Говорю тебе, Элвин, если хочешь узнать, как творить то, что некогда умели творить Мастера, ты должен понять природу вещей. Ты не можешь изменить то, чего не понимаешь.

— И вместе с тем я не могу понять то, чего не вижу.

— Неправда! Это абсолютная ложь, Элвин Кузнец! Как раз то, что ты *видишь*, остается невозможным для понимания. Мир, который ты видишь глазами, не более чем пример, некий особый случай. Но лежащие в его основе принципы, порядок, благодаря которому все связывается

воедино, — вот что невозможно узреть. Это можно лишь открыть в воображении, а именно это свойство своего ума ты полностью игнорируешь.

На ее последнее замечание Элвин страшно разозлился. В ответ она сказала, что, если он не хочет ничего понимать, значит, так и останется дураком, на что он ответил: ну и ладно, таким дураком, какой он есть, он уже прожил девятнадцать лет, проживет еще много раз по столько и никакой помощи от нее ему не нужно. Заявив это, он пулей вылетел на улицу и побрел к кузнице, наблюдая за первыми снежинками, которые подбрасывала близящаяся метель.

Не успел он отойти от домика, как понял, что она была права. Он все время посылал своего «жучка» посмотреть, что *там* такое, но, намереваясь что-то изменить, он сначала четко представлял, какое именно изменение хочет внести. Он представлял себе несуществующее, задерживал эту картинку у себя в голове, после чего при помощи своего дара, с которым появился на свет и которого до сих пор не понимал, говорил: «Вот видите? Такими вы должны стать!» И потом — иногда быстро, иногда медленно — частички изменяемой вещи принимались двигаться, пока не выстраивались так, как он того пожелал. Вот

как он всегда поступал — отделял кусок живого камня, соединял две половинки дерева, наделял силой железо, распределял жар огня по стенкам и даже по дну тигеля. «Значит, я действительно вижу то, чего нет, вижу это своим разумом — вот что заставляет мои желания исполняться».

На секунду у него закружилась голова, он с ужасом подумал: а может, весь мир таков, каким он этот мир представляет. И если он перестанет его представлять, тогда мир распадется. Позднее, собравшись с мыслями, он, конечно, понял, что, будь так на самом деле, на земле не существовало бы такого количества непонятных вещей, которых он даже в страшном сне вообразить не смог бы.

Так что скорее всего этот мир снится Богу. Но нет, этого тоже не может быть, ведь если Бог создал в своем сне таких людей, как, к примеру, Бледнолицый Убийца Гаррисон, значит, Бог не столь добр, как о нем говорят. Нет, видимо, Бог работает примерно так же, как и Элвин, — показывает камням земли, огню солнца и всему прочему, какими надо быть, после чего все и свершается. Но когда Бог говорит *людям*, какими следует стать, люди корчат ему рожи и смеются или же притворяются, будто слушаются, а на

самом деле продолжают делать все по-своему. Планеты, звезды, элементы — все это создано разумом Бога, но люди вышли слишком сварливыми, привередливыми созданиями, чтобы сваливать вину на кого-то другого, кроме них самих.

Засим прошлой ночью Элвин решил покончить с размышлениями о вещах, которых он никогда не узнает. О том, что снится Богу, когда — и если — тот спит, и сбываются ли его сны, так что каждую ночь он сотворяет новый мир, полный людей. Эти вопросы ни на шаг не приблизят Элвина к пониманию, как стать Мастером.

Поэтому сегодня, бредя через сугробы к гостинице, проталкиваясь сквозь стену сильного ветра, он снова задумался о вопросе, с которого начался спор с мисс Ларнер — на что же похож этот загадочный атом. Он попытался представить крошечную частичку, которую нельзя разделить. Однако как только ему приходил на ум некий образ — маленькая коробочка, шарик или еще что, — он тут же представлял, как без труда делит частичку пополам.

Он не сможет разделить только ту частицу, которая будет настолько тонка, что дальше некуда. Он увидел перед собой тоненькую полоску, по-

лоску тоньше бумаги — она должна быть очень тонкой, и если ее повернуть боком, то она вообще исчезнет, как будто не существовала вовсе. Но даже в этом случае он сумеет разрезать ее пополам, как ту же самую бумагу.

Но тогда… Что если она со всех сторон будет одинаково тонкой, являя собой тонюсенькую ниточку? Никто ее не видит, однако она существует, потому что протягивается из одной точки в другую. Вдоль кромки ее не разрезать, и плоской поверхности, как у бумаги, у нее нет. Но поскольку она, как невидимая ниточка, протягивается отсюда досюда, как бы ни мало было это расстояние, Элвин все равно мог ясно представить, как разрывает ее на половинки, а потом каждую ее половинку — еще на половинки.

Нет, такая крошечная вещь, как атом, может существовать лишь в том случае, если у нее вообще нет никаких размеров — ни длины, ни ширины, ни толщины. Вот это и будет атом — однако тогда он исчезнет, превратится в ничто. Это будет место, внутри которого ничего нет.

Элвин поднялся на крыльцо гостиницы и принялся топать ногами, сбивая с сапог снег, — в дверь стучать не пришлось, его топот лучше всякого стука сказал хозяевам, что к ним в дом

пожаловал гость. Он услышал легкие шаги Артура Стюарта, бросившегося открывать дверь, однако его мысли сейчас занимали таинственные атомы. Пусть он только что доказал себе, что атомов существовать не может, он постепенно начал понимать, что атомы просто обязаны существовать, иначе начнется чистое сумасшествие — вещи будут делиться на маленькие частички, а те частички снова будут делиться, а потом еще делиться, и так до бесконечности. Так что, если хорошенько подумать, варианта здесь всего два. Либо согласиться, что некая неделимая частичка существует, стало быть, это и есть атом, либо атомов в природе нет, а значит, делить можно до бесконечности… Подобная картина не умещалась в бедной головушке Элвина.

Элвин очнулся от мыслей в кухне гостиницы. Артур Стюарт висел у него на спине, играя с шарфом и шапкой Элвина. Гораций Гестер работал в сарае, переворачивал залежавшуюся солому на сеновале, поэтому Элвин обратился со своей просьбой к старушке Пег. В кухне царила духота, и тетушка Гестер, похоже, пребывала не в лучшем настроении. Она позволила Элвину взять лошадей, но за это испросила определенную плату.

— Ты должен спасти жизнь некоего маленького

мальчика, Элвин, — сказала она. — Возьми Артура Стюарта с собой, или, клянусь, он выведет меня из себя, и я засуну его головой прямо в пудинг.

И вправду, Артур Стюарт сегодня чересчур расшалился — заливаясь глупым смехом, малыш принялся душить Элвина шарфом.

— Ну-ка, Артур, давай повторим пару уроков, — обратился к нему Элвин. — Как пишется «задохнуться и умереть»?

— З-А-Д-А-Х-Н-У-Т-Ь-С-Я, — по буквам выговорил Артур Стюарт. — И У-М-Е-Р-Е-Т-Ь.

Как ни зла была тетушка Гестер, но и она не выдержала, прыснув от смеха, — однако вовсе не потому, что Артур сделал ошибку в слове «задохнуться», а потому, что он в точности передал голос и интонации мисс Ларнер.

— Клянусь, Артур Стюарт, — наконец отдышавшись, воскликнула она, — ты лучше не демонстрируй свои умения мисс Ларнер, иначе твоей учебе придет конец.

— Вот и хорошо! Терпеть не могу учебу! — выкрикнул Артур.

— Посмотрела бы я, как бы ты запел, если заставить тебя работать со мной на кухне, — нахмурилась тетушка Гестер. — Каждый Божий день, зимой и летом, даже тогда, когда можно

пойти купаться.

— Да я лучше стану рабом в Аппалачах! — закричал Артур Стюарт.

Шутки и ругань были сразу забыты. Лицо тетушки Гестер посерьезнело.

— Это не повод для шуток, Артур. Однажды кое-кто пожертвовал жизнью, чтобы спасти тебя от этого.

— Знаю, — кивнул Артур.

— Ничего ты не знаешь, ты лучше думай, когда…

— Это была моя мама, — сказал Артур.

Теперь старушка Пег испугалась по-настоящему. Бросив встревоженный взгляд на Элвина, она сказала:

— Насчет этого тоже шутить не стоит.

— Моя мама превратилась в черного дрозда, — продолжал Артур. — Она взлетела высоко в небо, но потом земля все-таки притянула ее, она упала и умерла.

Элвин заметил, как поглядела на него тетушка Гестер, которая, похоже, растревожилась не на шутку. Поэтому, вполне возможно, в россказнях Артура о черном дрозде некая правда присутствовала. Может быть, девочка, которая была похоронена рядом с Вигором, каким-то образом

смогла превратиться в дрозда и унести своего малыша. А может, это было видение. Как бы то ни было, тетушка Гестер решила повести себя так, будто не обратила ни малейшего внимания на историю Артура, однако Элвина она этим не обманула, хотя, конечно, откуда ей было знать?

— Хорошую сказку ты придумал, Артур, — осторожно сказала она.

— Это правда, — возразил Артур. — Я все помню.

При этих словах тетушка Гестер еще больше расстроилась. Но Элвин понял, что спорить с Артуром, была птица или не было и летал он или нет, бесполезно. Единственный способ заставить Артура замолчать — это отвлечь его.

— Поехали-ка лучше со мной, Артур Стюарт, — встрял в спор Элвин. — Может, у тебя когда-то, в прошлом, была мама-дрозд, но у меня есть такое ощущение, что твоя нынешняя мама, которая сейчас находится в кухне, уже готова истолочь тебя в муку.

— Не забудь, что я просила тебя купить, — напомнила старушка Пег.

— Не беспокойтесь, список у меня есть, — успокоил Элвин.

— Но ты же ничего не записывал!

— Мой список — это Артур Стюарт. Ну-ка, Артур, покажи ей.

Артур наклонился к уху Элвина и закричал со всех сил, так что барабанные перепонки Элвина оказались где-то в районе пяток.

— Бочонок пшеничной муки, два больших куска сахара, фунт перца, дюжину листов бумаги и пару ярдов ткани, из которой можно сшить Артуру Стюарту рубашку.

Хотя он кричал, в голосе его безошибочно узнавались нотки речи Пег Гестер.

Она терпеть не могла, когда он передразнивал ее, поэтому, схватив в одну руку огромную вилку, а в другую — большой старый тесак, старушка Пег ринулась на малыша.

— Держи его, Элвин, сейчас я вгоню в его грязный ротик эту вилку и обрежу ему пару лишних ушей!

— Спасите! — завопил Артур Стюарт. — Помогите!

Элвин спас его от неминуемой смерти тем, что принялся отступать, пока не уперся в заднюю дверь. Тогда старушка Пег отложила инструмент по разделке маленьких мальчиков в сторону и помогла Элвину закутать Артура Стюарта во множество курточек, шарфов и платков. Вскоре

малыш раздулся, как мячик, после чего Элвин выпихнул Артура за дверь и принялся катать его по сугробам, пока тот с головы до ног не вывалялся в снегу.

Дверь в дом снова приоткрылась, и оттуда высунулась старушка Пег, прикрикнув на Элвина:

— Правильно, Элвин-младший, давай, пускай он замерзнет и умрет прямо на глазах у родной матери. Ни стыда ни совести у тебя нет!

Но Элвин и Артур Стюарт лишь рассмеялись. Старушка Пег велела им быть поосторожнее и не задерживаться допоздна, после чего громко хлопнула дверью.

Они выкатили из сарая повозку, выкидали из нее снег, который успело нанести, пока они запрягали лошадей, и закрыли сверху плотным куском ткани. Спустившись к кузнице, они забрали там работу, которую Элвин должен был развезти, — в основном это были дверные петли, шила и прочий инструмент городских плотников и тачальщиков, для которых зима являлась самым выгодным и занятым временем года. Сложив все в повозку, они направились в город.

Однако не успели они отъехать от кузницы, как наткнулись на человека, который также брел в сторону города, причем нельзя сказать,

что человек этот был тепло одет, а ведь стояли те еще холода. Поравнявшись с ним и увидев его лицо, Элвин вовсе не удивился, обнаружив, что это Мок Берри.

— Залазь в повозку, Мок Берри, не то совсем замерзнешь. Не хочу брать на совесть твою смерть, — крикнул Элвин.

Мок удивленно оглянулся на Элвина, будто только что заметил ползущую рядом повозку, запряженную парой храпящих и хрустящих снегом лошадей.

— Спасибо, Элвин, — поблагодарил Берри.

Элвин подвинулся немножко, уступая место, и Мок, неловко цепляясь за борта окоченевшими руками, залез наверх. Но тут, устроившись на скамейке, он вдруг заметил Артура Стюарта. Голова его дернулась, словно ему влепили оглушительную пощечину, и он полез с повозки прочь.

— Куда это ты собрался?! — изумленно спросил Элвин. — Только не говори мне, что ты такой же дурак, как городские зануды, которые наотрез отказываются сидеть рядом с полукровкой! Постыдился бы!

Мок долго смотрел Элвину в глаза, решая, что ответить, после чего наконец заговорил:

— Думай, что говоришь, Элвин Кузнец, ты ведь

хорошо меня знаешь. Мне известно, откуда берутся полукровки, и я не держу на ребятишек злобы за то, что какой-то белый человек сотворил с их матерью. Но в городе ходят сплетни о том, кто на самом деле мама этого мальчика, и я не хочу, чтобы меня видели рядом с этим малышом.

Элвин знал, о каких сплетнях идет речь — мол, Артур Стюарт на самом деле сын жены Мока, которую звали Анга. Поговаривали, что, поскольку Артур был явно прижит от какого-то белого мужчины. Мок отказался держать мальчишку в доме, вот поэтому тетушка Гестер и приютила Артура. Но Элвин-то знал, что это все враки. Однако в таком городке, как Хатрак, лучше поддерживать сплетни, чем рассказывать правду. Элвин не сомневался, что кое-кто, узнав, что случилось на самом деле, мгновенно попытается объявить Артура Стюарта рабом и сопроводить в цепях на юг, чтобы одним махом решить проблемы с посещением школы полукровкой.

— Не бери в голову, — махнул рукой Элвин. — В такую погоду никто тебя не увидит, а если и увидят, то Артур сейчас скорее напоминает тюк тряпок, нежели мальчика. А как приедем в город, ты можешь спрыгнуть с телеги. — Элвин наклонился, взял Мока за руку и усадил обратно

на скамейку. — Ты лучше спрячься от ветра и закутайся поплотнее, чтобы мне не пришлось тебя везти сразу к гробовщику. Замерзнешь ведь до смерти.

— Спасибо тебе от всего сердца, о спесивый, занудливый подмастерье, — улыбнулся Мок и скрылся за тентом повозки, укрывшись плотным холстом.

Артур Стюарт, которому стало не видно дорогу, протестующе взвыл и одарил Мока Берри таким взглядом, который мог бы испепелить его на месте, не будь тот насквозь промерзшим и промокшим.

Въехав в город, они с головой окунулись в шумную жизнь, хотя холод давал о себе знать и обычного веселья, царившего при снегопаде, не наблюдалось. Люди спешили по своим делам, лошади стояли и смиренно ждали, переступая копытами, отфыркиваясь и пуская клубы густого пара. Те, кто поленивей, — законники, клерки и прочие, — предпочли сегодня отсиживаться по домам. Но люди, которым нужно было делать свою работу, вовсю топили печи, — лавки торговали, мастерские светили окнами. Элвин быстренько объехал клиентов, раздавая исполненную в кузнице работу. Принимая выполненные за-

казы, мастера все как один расписывались в амбарной книге Миротворца — еще один знак того, что кузнец не доверял Элвину деньги, словно юноша был девятилетним неопытным мальчишкой, а не взрослым мужчиной.

Пока Элвин бегал по лавкам, Артур Стюарт оставался в повозке — Элвин старался исполнить обязанности побыстрее, чтобы совсем не окоченеть. Так они постепенно добрались до большой лавки Петера Вандервурта — вот в этот магазинчик стоило заглянуть и немножко погреться. Петер вовсю растопил печку, так что Элвин и Артур были не первыми, кому пришла в голову мысль зайти сюда. Двое городских парней уже грели у печи ноги, по очереди отхлебывая из фляги чай, согреваясь изнутри. Нельзя сказать, что Элвин был с ними знаком. Конечно, он встречался с ними пару-другую раз в поединке, но точно так же, по борцовским соревнованиям, он знал остальных мужчин в городе. Правда, Элвин запомнил, что эти двое — прыщавого звали Мартином, а другого — Васильком (ну да, имечко как у коровы, но какое-никакое, а имя) — в общем, Элвин помнил, что эти двое парней относятся к тому типу озорников, которые обожают поджигать кошкам хвосты и творить девчонкам за

спиной всякие пакости. Не то чтобы Элвин любил общаться с такими парнями, но и особой неприязни к ним тоже не испытывал. Поэтому он кивнул двум приятелям, поздоровавшись, а они кивнули в ответ. Один даже протянул фляжку, предлагая сделать глоток-другой, но Элвин, поблагодарив, отказался, и на этом все.

Подойдя к стойке, Элвин размотал бесчисленные шарфы и с облегчением перевел дух — в своих теплых одеждах он сразу вспотел, войдя в лавку. Затем он принялся раскутывать Артура Стюарта — брал за конец платка и тянул на себя, тогда как Артур Стюарт крутился как волчок. На заливистый смех Артура из задней половины магазинчика выглянул мистер Вандервурт и, увидев происходящее, тоже начал смеяться.

— Малыши, они такие забавные, — заметил мистер Вандервурт.

— Сегодня он мой список покупок, правда, Артур?

Артур Стюарт снова выпалил список тем же самым, маминым голосом:

— Бочонок пшеничной муки, два больших куска сахара, фунт перца, дюжину листов бумаги и пару ярдов ткани, из которой можно пошить Артуру Стюарту рубашку.

Мистер Вандервурт чуть не умер со смеху:

— Да этот паренек говорит в точности как его мама.

Один из юношей, гревшихся у плиты, громко хмыкнул.

— Ну, я хотел сказать, как его приемная мама, — быстро поправился Вандервурт.

— А может, она действительно его родная мать! — громко заявил Василек. — Я слышал, Мок Берри изрядно поработал в той гостинице.

Элвин покрепче сжал зубы, чтобы удержать рвущийся с языка язвительный ответ. Вместо этого он всего лишь нагрел фляжку, которую Василек держал в руке, так что парень, отчаянно заорав, сразу бросил ее на пол.

— Пойдем-ка со мной, Артур Стюарт, — сказал Вандервурт.

— Я чуть руку себе не сжег! — выругался Василек.

— Ты будешь перечислять мне, что вам нужно, только все не выпаливай, а я буду доставать, — объяснил Вандервурт.

Элвин поднял Артура и перенес через стойку, а Вандервурт, приняв мальчика, поставил его на пол.

— Ты, дурак, сам, наверное, положил ее на

горячую печь, а теперь ругаешься, — ответил Мартин. — Что, теперь тебе и виски нужно вскипятить, чтобы согреться толком?

Вандервурт увел Артура в заднюю часть магазина. Элвин достал из стоявшего рядом бочонка две печенины и, пододвинув табуретку, устроился поближе к огню.

— Да не клал я ее на печь, — воскликнул Василек.

— Привет, Элвин, как жизнь? — поинтересовался Мартин.

— Нормально, — пожал плечами Элвин. — Хороший денек, самое время посидеть у печки.

— Дурацкий день, — пробормотал Василек. — Всякие чернокожие вокруг бродят, а потом пальцы обжигаешь.

— Зачем в город приехал, Элвин? — продолжал расспросы Мартин. — И как тебя угораздило притащить с собой этого пацана? Или ты купил его у Пег Гестер?

Элвин молча впился в зубами в одну из печенин. Зря он наказал Василька за обидные слова, а уж повторно срываться тем более нельзя. Однажды Элвин уже накликал на себя Рассоздателя тем, что попытался отомстить. Нет, Элвину крайне необходимо научиться сдерживать свой норов,

а поэтому он ничего не ответил. Откусив кусок печенины, он принялся жевать.

— Пацан не продается, — заявил Василек. — Это все знают. Я даже слышал, что она пытается дать ему какое-то образование.

— Ну и что? Я свою собаку тоже учу, — ответил Мартин. — Как ты думаешь, этот чернокожий научится хоть чему-нибудь? Ну, там, к примеру, лежать, сидеть, палку приносить?

— У тебя слишком большое преимущество, Марта, — напомнил Василек. — У твоего пса хватает мозгов, чтобы понимать, что он пес, поэтому он и не учится читать. А взять этих безволосых обезьян, они ж считают себя людьми, понимаешь?

Элвин поднялся и подошел к стойке. Вандервурт возвращался, неся полную охапку товаров. Артур брел следом.

— Зайди-ка сюда, Эл, — окликнул Вандервурт. — Выберешь ткань на рубашку Артуру.

— Но я ничего не понимаю в ткани, — развел руками Элвин.

— Зато я понимаю, но не знаю, что нравится старушке Пег Гестер. Так что если ей не понравится то, что ты привезешь домой, виноват будешь ты, а не я.

Элвин сел на стойку и перекинул ноги на дру-

гую сторону. Вандервурт отвел его в заднюю половину магазина, и через несколько минут совместными усилиями они выбрали фланель, которая вроде бы и выглядела прилично, и была достаточно крепка, чтобы из ее остатков поставить на штаны добрые заплаты. Когда они вернулись, то обнаружили, что Артур Стюарт стоит у печки, рядом с Васильком и Мартином.

— Как пишется «сассафрас»? — допытывался Василек.

— Сассафрас, — повторил Артур Стюарт точь-в-точь голосом мисс Ларнер. — С-А-С-С-А-Ф-Р-А-С.

— Правильно? — поинтересовался Мартин.

— А черт его знает.

— Не выражайтесь при мальчике, — строго одернул парней Вандервурт.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Мартин. — Это наш ручной чернокожий. Ничего мы ему не сделаем.

— Я не чернокожий, — ответил Артур Стюарт. — Я полукровка.

— Эт' точна! — радостно загоготал Василек, так что даже поперхнулся.

Элвин едва сдерживался.

— Еще один такой вопль, и они у меня снег будут жрать! — тихонько пробормотал он, так что

услышал его только стоящий рядом Вандервурт.

— Не кипятись, — успокоил Вандервурт. — Вреда-то от них нет никакого.

— Поэтому они до сих пор живы.

И Элвин улыбнулся. Вандервурт ответил ему такой же широкой улыбкой. Василек и Мартин просто забавляются, а поскольку Артуру Стюарту тоже весело, так почему бы не посмеяться?

Мартин снял с полки какую-то склянку и показал Вандервурту.

— Что это за слово? — спросил он.

— Эвкалипт, — ответил Вандервурт.

— Ну-ка, как пишется «евкалипд», полукровка?

— Эвкалипт, — произнес Артур. — Э-В-К-А-Л-И-П-Т.

— Ты только послушай! — воскликнул Василек. — Эта училка не взяла нас в школу, зато мы раздобыли себе ее голос, который повторяет все, что мы говорим.

— Хорошо, тогда скажи нам, как пишется слово «задница»? — продолжал допытываться Мартин.

— Так, парни, вы заходите слишком далеко, — встрял Вандервурт. — Это ж маленький мальчик.

— Я хотел услышать, как это произнесет учительница… — принялся оправдываться Мартин.

— Знаю я, чего ты хочешь, но об этом шепчись где-нибудь за амбаром, а не в моем магазине.

Дверь открылась, и вслед за порывом холодного ветра в лавку ввалился Мок Берри. Вид у него был усталый и окоченевший, что, впрочем, неудивительно.

Парни не обратили на вновь прибывшего никакого внимания.

— За амбаром нет печки, — возразил Василек.

— Да-да, так что помните об этом, когда вздумаете болтать всякую мерзость, — буркнул Вандервурт.

Элвин заметил, как Мок Берри искоса поглядел на теплую печку, однако приблизиться к ней не посмел. Ни один человек в здравом уме и твердой памяти не станет шарахаться в морозный день от теплой печи, но Мок Берри знал, что есть вещи похуже холода. Поэтому он прямиком направился к стойке.

Вандервурт наверняка видел его, но, похоже, вниманием хозяина лавки всецело завладели Мартин и Василек, которые задавали Артуру Стюарту коварные вопросы из области правописания. На Мока Берри Вандервурт даже не оглянулся.

— Сасквахенния, — сказал Василек.

— С-А-С-К-В-А-Х-Е-Н-Н-И-Я, — повторил Артур.

— Могу поспорить, этот пацан выиграет любое соревнование по правописанию, — воскликнул Вандервурт.

— К вам посетитель, — напомнил Элвин.

Вандервурт медленно, очень медленно повернулся и бесстрастно воззрился на Мока Берри. Двигаясь так же неторопливо, хозяин лавки подошел к стойке и встал перед Моком Берри.

— Пожалуйста, мне два фунта муки и двенадцать футов полудюймовой веревки, — сказал Мок.

— Слышали? — громко спросил Василек. — Клянусь чем угодно, он собирается обваляться в муке, а потом повеситься.

— Как пишется «самоубийство»? — обратился к Артуру Мартин.

— С-А-М-О-У-Б-И-Й-С-Т-В-О, — по буквам продиктовал Артур Стюарт.

— В кредит не даем, — процедил Вандервурт.

Мок положил на стойку несколько монеток. Вандервурт с минуту молча изучал их.

— Шесть футов веревки, — наконец промолвил он.

Мок ничего не ответил.

Вандервурт тоже молчал.

Элвин видел, что денег, которые дал Мок, сполна хватит на покупку, да еще останется. Он не мог поверить глазам — Вандервурт специально повышал свои цены для человека, который пусть и был беден, но работал не меньше всех остальных в городе. Однако теперь Элвин постепенно начал понимать, почему Мок никак не выберется из нужды. Протестовать против несправедливости было бессмысленно, но по крайней мере Элвин мог сделать для Мока то же самое, что некогда Гораций Гестер сделал для него, — он мог заставить Вандервурта посмотреть правде в глаза. Хватит ему притворяться честным. Поэтому Элвин достал из-за пазухи бумажку, которую Вандервурт только что написал для него, и положил ее на стойку.

— Извините, но я не знал, что здесь не дают в кредит, — сказал Элвин. — Наверное, придется вернуться к тетушке Гестер за деньгами.

Вандервурт взглянул на Элвина. Теперь он должен либо отправить Элвина за деньгами, либо признать, что *Гестерам* он в кредит дает, а Моку Берри — нет.

Естественно, он избрал иной выход из положения. Не произнеся ни слова, он ушел в заднюю комнату и взвесил два фунта муки, после чего от-

мерил двенадцать футов полудюймовой веревки. Вандервурт славился тем, что никогда и никого не обманывает, и всем было известно, что цену за свой товар он запрашивает справедливую, вот почему Элвин был ошеломлен, увидев, как он обошелся с Моком Берри.

Мок взял веревку, муку и направился к выходу.

— Ты сдачу забыл, — крикнул Вандервурт.

Мок обернулся, даже не пытаясь скрыть удивления. Он вернулся к стойке и молча смотрел, как Вандервурт отсчитывает ему десять центов и три пенни сдачи. Поколебавшись секунду, он смахнул монетки на ладонь и спрятал в карман.

— Спасибо вам, сэр, — ответил он и, хлопнув дверью, исчез в метели.

Вандервурт сердито — а может, с осуждением — взглянул на Элвина.

— Я не могу давать в кредит первому встречному-поперечному.

Элвин хотел ответить, что хозяин лавки мог бы отпускать товары по одинаковой цене и белым, и чернокожим, но он решил не ссориться с мистером Вандервуртом, который, в принципе, был не таким уж плохим человеком. Поэтому Элвин лишь дружелюбно улыбнулся.

— Я понимаю. Эти Берри, они ведь почти такие же бедняки, как я, — сказал он.

Вандервурт слегка расслабился, а это означало, что доброе мнение Элвина для него важнее, чем сведение счетов с юношей, который поставил его в неудобное положение.

— Видишь ли, Элвин, если они все сюда потянутся, моей торговле конец. Никто не возражает против присутствия твоего мальчика-полукровки — они все очень миленькие, пока не вырастут, — но, узнав, что в мой магазин заходит всякая беднота, горожане станут держаться от меня подальше.

— Насколько мне известно, Мок Берри всегда держит слово, — осторожно заметил Элвин. — И никто не посмел обвинить его в краже или другом преступлении.

— О нет, такого о нем никто не говорит…

— Что ж, я рад, что вы записали нас в число ваших клиентов, — улыбнулся Элвин.

— Ты только посмотри. Василек, — ухмыльнулся из угла Мартин. — По-моему, подмастерье Элвин бросил свое дело и решил стать проповедником. Ну-ка, малыш, как пишется «проповедник»?

— П-Р-О-П-О-В-Е-Д-Н-И-К.

Вандервурт, почувствовав, что дело приобретает дурной поворот, попытался сменить тему разговора.

— Как я уже говорил, Элвин, этот пацаненок, видно, лучше всех в стране знает правила правописания, а? И я вот подумал, а почему бы ему не записаться на соревнования по правописанию, которые должны состояться на следующей неделе? Мне кажется, он может принести Хатраку звание чемпиона. Я считаю, он и в соревнованиях штата победит.

— Как пишется «чемпионат»? — спросил Василек.

— Мисс Ларнер ни разу не говорила мне этого слова, — ответил Артур Стюарт.

— А ты сам догадайся, — предложил Элвин.

— Ч-Е-М, — начал Артур. — П-Е-О-Н-А-Т.

— Вроде правильно, — пожал плечами Василек.

— У тебя всегда были нелады с правописанием, — хмыкнул Мартин.

— А у тебя что, лучше выйдет? — спросил Вандервурт.

— Ну, зато я соревноваться не лезу, — отбрехался Мартин.

— А что такое соревнование по правописа-

нию? — поинтересовался Артур Стюарт.

— Нам пора ехать, — перебил его Элвин, потому что знал: поскольку Артур Стюарт официально не учится в Хатракской грамматической школе, на соревнования ему ход закрыт. — Да, мистер Вандервурт, я съел у вас две печенины, сколько я должен?

— Ну, не буду же я с друзей брать деньги за какие-то две печенины, — улыбнулся Вандервурт.

— Я очень рад, сэр, что вы считаете меня своим другом, — искренне признался Элвин.

Чтобы вернуть хорошего человека на путь истинный, нужно сначала поймать его на чем-нибудь дурном, после чего все повернуть и назвать его своим другом. Этой истине Элвин научился давным-давно.

Элвин вновь замотал Артура Стюарта в шарфы, потом закутался сам и вывалился на мороз, сгибаясь под тяжелым мешком, в который были сложены товары, купленные у Вандервурта. Засунув мешок под скамейку, чтобы не занесло снегом, Элвин подсадил на повозку Артура Стюарта и вскарабкался следом. Лошади с веселым ржанием пустились вскачь — им тоже не улыбалось стоять на одном" месте и мерзнуть.

Возвращаясь в гостиницу, они снова встретили

Мока Берри и подкинули его до дому. Ни словом они не обмолвились о происшедшем в магазине, но Элвин понимал. Мок молчит вовсе не потому, что не оценил помощь Элвина. Наверное, Мока Берри просто пристыдил тот факт, что какой-то восемнадцатилетний подмастерье вступился за него и заставил Вандервурта назвать честную цену. А Вандервурт отступил только потому, что подмастерье был белым… О таком не всякий захочет лишний раз вспоминать.

— Передайте привет тетушке Берри, — сказал на прощание Элвин, когда Мок спрыгнул с повозки рядом с тропинкой, ведущей к его дому.

— Непременно передам, — кивнул Мок. — Спасибо, что довез.

Развернувшись, Мок Берри скрылся за пеленой бушующего снега. Метель ярилась все сильнее и сильнее.

Закинув покупки в гостиницу, Элвин обнаружил, что пришло время занятий в домике у мисс Ларнер, поэтому они с Артуром направились прямиком туда, перекидываясь снежками. Элвин заскочил в кузницу, чтобы отдать Миротворцу его амбарную книгу, однако кузнеца там не оказалось — видимо, решил пораньше закончить дело. Оглядевшись, Элвин сунул книгу на полку

у двери, где Миротворец найдет ее. Затем он и Артур снова принялись играть в снежки, ожидая, когда мисс Ларнер вернется из школы.

Доктор Уитли Лекаринг подвез ее в своей крытой коляске и проводил до самых дверей дома. Однако, заметив ждущих неподалеку Элвина и Артура, он сердито нахмурился.

— Ребята, вам не кажется, что в такой ненастный день стоит дать мисс Ларнер немножко отдохнуть от учебы?

Мисс Ларнер положила ладонь на руку доктора Лекаринга.

— Спасибо, что подвезли меня до дому, доктор Лекаринг, — поблагодарила она.

— Прошу вас, зовите меня Уитли.

— Вы очень добры, доктор Лекаринг, но мне кажется, ваш почетный титул звучит лучше. Что же касается моих учеников, то, как я недавно открыла, их обучение в ненастную погоду продвигается куда успешнее, поскольку они не терзаются желанием сбежать побыстрее да искупаться.

— Я никогда не сбегаю с уроков! — закричал Артур Стюарт. — А как пишется слово «чемпионат»?

— Ч-Е-М-П-И-О-Н-А-Т, — произнесла по буквам мисс Ларнер. — Но где ты его услышал?

— Ч-Е-М-П-И-О-Н-А-Т, — повторил Артур Стюарт голосом мисс Ларнер.

— Этот мальчик нечто, — заметил Лекаринг. — Настоящий пересмешник.

— Пересмешник бессознательно копирует песенки других птиц, — возразила мисс Ларнер. — Артур Стюарт, конечно, повторяет слова моим голосом, но он запоминает их, может потом написать и прочитать.

— Я не пересмешник, — заявил Артур Стюарт. — Я буду участвовать в чемпионате по правописанию.

Доктор Лекаринг и мисс Ларнер обменялись взглядами, за которыми явно что-то стояло, только что — Элвин не понял.

— Вот и замечательно, — кивнул доктор Лекаринг. — Поскольку я все-таки внес его имя в списки — по вашему настоянию, мисс Ларнер, — он действительно может принять участие в чемпионате по правописанию. Но вряд ли вам следует ожидать от него особых результатов, мисс Ларнер!

— Ваши доводы были разумны и логичны, доктор Лекаринг, и я с вами согласилась. Но мои доводы…

— Ваши доводы сметают все преграды, мисс

Ларнер. Я уже представляю, как оцепенеют те члены комиссии, которые старались не пустить Артура Стюарта в школу. Ведь они убедятся: он сейчас знает то, что проходят дети в два раза старше его.

— Оцепенение, Артур Стюарт, — сказала мисс Ларнер.

— Оцепенение, — повторил Артур. — О-Ц-Е-П-Е-Н-Е-Н-И-Е.

— Доброго вам вечера, доктор Лекаринг. Так, ребята, заходите в дом. Пора начинать занятия.

Артур Стюарт победил на чемпионате по правописанию, правильно написав слово «праздничество». Однако от дальнейших соревнований мисс Ларнер его отстранила, и в результате на чемпионате штата победил другой мальчик. Поэтому Артура Стюарта почти никто не заметил, за исключением, разве что, горожан самого Хатрака. В местной газете даже появилась маленькая заметка про него.

Шериф Поли Умник сложил страничку газеты вдвое и положил ее в конверт, адресованный преподобному Филадельфии Троуэру, Воббская долина, Карфаген-сити, улица Гаррисона, 44, «Восстановление Утраченной Собственности». Не прошло и двух недель, как эта страничка легла

на стол Троуэра вместе с краткой запиской, в которой говорилось:

«Мальчик нескольких недель от роду объявился здесь летом 1811 года. Живет в гостинице Горация Гестера что в Хатраке. Усыновление явно фальшивка так что не удивлюсь если мальчишка беглый раб».

Подпись отсутствовала, но к такому Троуэр привык, хотя и не понимал этого. Почему люди скрывают свои имена, ведь они участвуют в богоугодном, праведном деле? Он написал письмо и отослал его на юг.

Месяцем спустя Кэвил Плантер зачитывал письмо Троуэра двум ловчим. Закончив читать, он вручил им обрезки ногтей и локоны волос, принадлежавшие Агарь и ее пропавшему сыну Измаилу.

— Мы вернемся к лету, — сказал темноволосый ловчий. — Если этот мальчик ваш, мы приведем его.

— И получите свои законные деньги, к которым я прибавлю хорошую премию, — пообещал Кэвил Плантер.

— Никаких премий, — заявил светловолосый ловчий. — Той суммы, о которой мы договорились, и покрытия дорожных расходов вполне

достаточно.

— Как пожелаете, — развел руками Кэвил. — Да хранит вас Господь во время вашего пути.

Глава 18
КАНДАЛЫ

Зима сменилась весной. Осталось всего несколько месяцев до девятнадцатилетия Элвина, когда Миротворец Смит вызвал его к себе и сказал:

— Как насчет того, чтобы начать трудиться над вещью, которую ты должен изготовить, чтобы доказать свое право называться мастером, а, Эл?

Эти слова прозвучали для Элвина словно песенка иволги, он даже ответить ничего не смог, только кивнул.

— Ну, и что же ты собираешься выковать? — поинтересовался мастер.

— Я подумал, может, плуг? — пожал плечами Элвин.

— На плуг уйдет много железа. Нужно его хорошо выплавить, да и выковать будет нелегко. Это ведь весьма рискованно, мальчик мой, железо зря терять неохота.

— Если у меня ничего не получится, вы всегда сможете переплавить его.

Поскольку оба они знали, что скорее свиньи

научатся летать, чем Элвин потерпит поражение в своем деле, то разговор был пустым — просто Миротворец по-прежнему продолжал притворяться, будто Элвин так ничему и не научился.

— А ведь правда, — согласился Миротворец. — Ты только постарайся, парень. Смотри, чтобы железо не вышло хрупким. Плуг должен быть тяжелым, чтобы глубоко погружаться в почву, и вместе с тем легким, чтобы его без труда можно было стронуть с места. Резать землю он должен легко, а камни откидывать в сторону.

— Да, сэр.

Еще в возрасте двенадцати лет Элвин запомнил основные черты всех инструментов.

Однако были и другие правила, которым должен был следовать Элвин. Он хотел доказать, что настоящий кузнец, а не какой-то там полуиспеченный Мастер. Это означало, что в работе он не будет прибегать к помощи своего дара, а использует лишь те навыки, которыми обладает всякий хороший кузнец — верный глаз, знание черного металла, силу мускулов и мастерство рук.

Работа над плугом означала, что он не должен отвлекаться ни на что другое, пока вещь не будет готова. Он начал с того, что изготовил форму. И для формы взял не обыкновенную глину, а

отправился на Хатрак за лучшей белой глиной, чтобы поверхность плуга была чистой, гладкой и ровной. Вылепить форму нелегко, потому что для этого необходимо четко представлять себе, что хочешь получить, но Элвин умел запоминать формы. Добыв глину, он облепил ею деревянный каркас плуга — вся форма складывалась из составных частей, которые позднее должны придать остывающему железу вид плуга. После этого он хорошенько высушил глину, теперь она была готова принять железо.

Материал для плуга он отобрал из кучи лома, после чего хорошенько ошкурил железяки, очистив от грязи и ржавчины. Тигель он также хорошенько вычистил. Пришло время плавить железо и разливать по формам. Встав на мехи, поднимая и опуская рукоять то одной, то другой рукой — точно так же, как во времена, когда он только-только поступил в подмастерья, — Элвин пожарче растопил огонь. В конце концов железо, брошенное в тигель, раскалилось добела, а огонь так обжигал, что рядом с ним практически невозможно было находиться. Огромными щипцами Элвин достал тигель из горна, поднес его к форме и принялся потихоньку лить металл. Расплавленное железо шипело и плевалось искрами,

но форма крепко держала его, не треснув и не расколовшись под страшным жаром.

Итак, поставим тигель обратно в огонь. Уложим на места другие части формы. Осторожно, потихоньку, чтобы железо не плеснуло. Количество необходимого металла Элвин определил точно — когда последняя часть формы встала на место, оказалось, что железо ровно-ровно залило ее. Не больше, не меньше.

Вот и все. Оставалось подождать, пока железо остынет и затвердеет. Завтра он узнает, что у него получилось.

Завтра Миротворец Смит увидит плуг и назовет Элвина мужчиной — кузнецом, мастером своего дела, который может самостоятельно работать у горна, правда, пока не может брать учеников. Это придет к нему после некоторой практики. Что же касается самого Элвина, то он готов был к этому уже много лет назад. Миротворец скостит всего несколько недель с полных семи лет работы Элвина — кузнец ждал, когда истечет срок контракта, а плуг, который должен был продемонстрировать искусство ученика, его не интересовал.

Нет, настоящая работа Элвина, которую он должен исполнить, чтобы показать, что он не ученик, но мастер, ждет его впереди. После того

как Миротворец примет плуг, Элвину придется сотворить еще кое-что.

— Я сделаю его золотым, — сказал Элвин.

Мисс Ларнер недоуменно приподняла одну бровь.

— И что потом? Что ты скажешь людям, когда они увидят у тебя золотой плуг? Соврешь, что нашел его где-нибудь? Что наткнулся на случайную жилу золота и подумал, вот здорово будет выковать из него плуг?

— Вы же сами говорили мне, что Мастер — это тот, кто способен превратить железо в золото.

— Да, но это вовсе не означает, что следует все подряд превращать в золото.

Мисс Ларнер вышла из жаркой кузницы в теплый, вязкий вечерний воздух. Снаружи было попрохладнее, но не намного — надвигалась первая душная весенняя ночь.

— Я хочу сделать его не просто золотым, — объяснил Элвин. — По крайней мере, не совсем золотым.

— А что, обычное золото тебя уже не устраивает?

— Золото мертво. Как и железо.

— Оно не мертво. Это просто… земля, в которой потух огонь. Оно никогда не было живым, поэто-

му и мертвым быть не может.

— Вы сказали, что я могу осуществить любые свои мечты.

— А ты способен представить живое золото?

— Я хочу сотворить плуг, который сам пашет землю и в который не нужно впрягать быка.

Она ничего не ответила, но глаза ее блеснули.

— Если я смогу сотворить такое, мисс Ларнер, вы признаете, что я с честью выдержал выпускные экзамены вашей школы для Мастеров?

— Я скажу, что ты уже не подмастерье.

— Этого я от вас и добивался, мисс Ларнер. Я стану странствующим кузнецом, обретающим опыт, и странствующим Мастером. Если, конечно, смогу.

— А ты сможешь?

Элвин сначала кивнул, но потом пожал плечами:

— Думаю, да. Это то же самое, что вы говорили об атомах, — помните, в январе?

— Я думала, что ты забыл об этом.

— Нет, мэм. Я продолжал задавать себе вопрос: что нельзя разделить на более мелкие частички? И вдруг мне пришла в голову мысль — если вещь имеет хоть какой-нибудь размер, значит, ее можно разделить. Стало быть, атом — это всего-

навсего место, некое точное место, у которого нет ни ширины, ни длины, ни высоты.

— Геометрическая точка Евклида.

— Ну да, мэм, только вы говорили, что его геометрия была выдуманной, а атом существует на самом деле.

— Но если у атома нет размеров, Элвин…

— И вот что я подумал дальше — если у него нет размеров, значит, это ничто. Но атом — это не ничто. Это место. Лишь затем я понял, что атом — это не место, он просто *обладает* местом. Понимаете разницу? Атом может находиться в неком месте, ну, как геометрическая точка, но затем сдвинуться. Может очутиться где-то еще. Поэтому он не только обладает местом, но имеет еще прошлое и будущее. Вчера он был там, сегодня он — здесь, а завтра — вон где.

— Но атом — это не материальный объект, Элвин.

— Да, я понимаю, это не объект. Но это и ни ничто.

— Ты запутался в «ни».

— Я знаю грамматику, мисс Ларнер, просто сейчас о ней не думаю.

— Ты не будешь знать грамматику до тех пор, пока не начнешь правильно ее использовать,

нисколько об этом не задумываясь. Но мы отвлеклись, продолжай.

— Видите ли, я начал размышлять — если атом не обладает размерами, то как тогда определить, где он находится? Он ведь не светится, потому что внутри его нет огня, а значит, и гореть нечему. И вот к какому выводу я пришел. Представьте себе, что атом не имеет *размеров*, но в нем присутствует какой-то разум. Какая-то крошечная разумная искорка, благодаря которой атом может узнать, где находится. И единственная сила, которой обладает атом, состоит в том, что он может передвигаться с места на место и понимать, где он очутился.

— Как это может быть? Нечто несуществующее обладает памятью?

— Ну представьте! Скажем, вокруг нас находятся тысячи и тысячи атомов, бродящих повсюду. Как они определяют свое местонахождение? Поскольку атомы ходят как попало и куда попало, все вокруг постоянно меняется. И тут появляется некто — я сразу подумал о Боге — некто, кто может научить их образу. Показать, как остановиться и где. Он говорит нечто вроде: эй, ты, там, ты будешь в центре, а все остальные, вот вы, оставайтесь все время на одном и том же расстоянии

от него. Что тогда получится?

Мисс Ларнер на секунду задумалась:

— Пустая сфера. Шар. Но, Элвин, шар по-прежнему будет состоять из ничто.

— Вот именно! Разве вы еще не поняли? Вот почему я решил, что так оно и есть на самом деле. Посылая своего «жучка» внутрь вещей, я понял только одно — все вокруг меня большей частью пусто. Вот, к примеру, наковальня, она ведь выглядит твердой и тяжелой, да? Но говорю вам, она в основном пуста внутри. Маленькие железные частички, висящие на некоем расстоянии друг от друга, — вот и все, что в ней есть. Но большей частью наковальня состоит из пустого пространства между этими частичками. Понимаете? Эти частички ведут себя в точности как атомы, о которых я только что говорил. Хорошо, допустим, наковальня вдруг выросла и стала размером с гору. Когда вы подойдете к ней поближе, то заметите, что гора эта сделана из мелких камешков, а когда возьмете горсть камешков, то они рассыплются у вас в руке, и вы поймете, что они сделаны из мелкой пыли. Но если вы потом приглядитесь к одной из пылинок, то увидите, что пылинка эта очень похожа на гору, ведь она тоже состоит из камешков, правда очень маленьких.

— Так ты хочешь сказать, что твердые предметы, которые мы видим, на самом деле всего лишь иллюзия? Малюсенькие частички-ничто составляют крошечные сферы, которые, если их сложить вместе, образуют твои пылинки, потом из пылинок получаются кусочки, а уже из кусочков — наковальня…

— Да, все так, правда, мне кажется, что ступеней здесь куда больше. Неужели вы не видите, что это все объясняет? Я всего-навсего должен представить новую форму, новый образ или порядок и удержать у себя в голове, а затем, если я хорошенько напрягусь и подумаю, скомандую частичкам измениться, они мгновенно изменятся. Потому что они живые. Может, они совсем маленькие и не такие уж умные, но если я ясно покажу им то, чего хочу добиться, они могут последовать моей просьбе.

— Это слишком странно для меня, Элвин. Не могу себе представить, что все на самом деле ничто, пустота…

— Нет, мисс Ларнер, здесь вы ошибаетесь. Дело в том, что все вокруг — *живое*. Все создано из живых атомов, которые повинуются приказам, передаваемым Богом. Следуя этим приказам, некоторые атомы превращаются в свет и тепло,

кое-кто становится железом, другие — водой, третьи — воздухом, а четвертые — нашей кожей и костями. Эти вещи существуют на самом деле, значит, атомы тоже реальны.

— Элвин, я рассказала тебе об атомах, потому что сочла их существование интересной теорией. Лучшие мыслители наших времен считают, что атомов нет.

— Прошу прощения, мисс Ларнер, но лучшие мыслители никогда не видели того, что видел я, так откуда им знать? Говорю вам, это единственная теория, которая объясняет все, что я вижу и что делаю.

— Но откуда взялись эти атомы?

— Ниоткуда. А может, отовсюду. Может, эти атомы просто есть. Всегда были и всегда будут. Их ведь нельзя разделить. Они не могут умереть. Вы не можете создать их, не можете расколоть. Они вечны.

— Тогда наш мир создал вовсе не Бог.

— Почему? Атомы были ничем, обыкновенными точками, которые даже не знали, где находятся. Именно Бог расставил их по местам, показав, где они должны находиться, — и все во вселенной состоит из атомов.

Мисс Ларнер снова задумалась — на этот раз на-

долго. Элвин молча стоял рядом и ждал. Он знал, что его догадки истинны, во всяком случае ничего более правдивого он не слышал. Если только мисс Ларнер не найдет какой-нибудь уязвимый пункт. Сколько раз за этот год она разбивала его теории, находя в его доказательствах некое слабое место, о котором он совсем забыл, некую причину, которая объясняла, почему его замысел невозможен! Вот и сейчас он ждал от нее возражений. Которые докажут, что он снова ошибся.

Может, в конце концов она все-таки сумела бы опровергнуть его. Она еще хмурила лоб, раздумывая над словами Элвина, когда до их слуха со стороны ведущей из города дороги вдруг донесся стук лошадиных копыт. Естественно, они обернулись посмотреть, кто так гонит лошадей.

Это были шериф Поли Умник и двое каких-то мужчин, которых Элвин видел впервые. Позади тащилась коляска доктора Лекаринга, которой управлял все тот же По Доггли. И остановилась эта кавалькада прямо рядом с Элвином и мисс Ларнер, у поворота к кузнице.

— Мисс Ларнер, — обратился к учительнице Поли Умник, — вы Артура Стюарта не видели?

— А почему вы спрашиваете? — нахмурилась мисс Ларнер. — И кто эти люди?

— Он здесь, — проговорил один из незнакомцев. Светловолосый. В своей руке он держал маленькую шкатулку. Оба всадника разом поглядели на нее, затем перевели взгляд на домик у ручья, который располагался на склоне холма.

— Вон там, — добавил светловолосый.

— Ну что, вам еще какие-то доказательства требуются? — спросил Поли Умник, обратившись к доктору Лекарингу, который, покинув коляску, стоял рядом. На лице доктора были написаны ярость, беспомощность и вместе с тем ужас.

— Ловчие, — прошептала мисс Ларнер.

— Они самые, — кивнул светловолосый. — У вас здесь живет беглый раб, мэм.

— Он не раб, — твердо ответила она. — Это мой ученик, вполне законно усыновленный Горацием и Маргарет Гестер…

— Мы получили письмо от его владельца, в котором называется точная дата рождения мальчика. Кроме того, у нас имеются обрезки его ногтей и локон волос. Сомнений быть не может. Мы давали клятву и обладаем необходимым сертификатом, мэм. То, что мы находим, найдено. Это закон, и, мешая нам, вы совершаете преступление.

Ловчий говорил тихо и выражался очень веж-

ливо.

— Не беспокойтесь, мисс Ларнер, — вступил доктор Лекаринг. — У меня имеется письменное распоряжение мэра, рассмотрение этого дела будет отложено до завтра, когда вернется судья.

— А тем временем мы поместим мальчишку в тюрьму, — встрял Поли Умник. — Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь вдруг сбежал и увел его.

— Это не поможет, — возразил светловолосый ловчий. — Мы пойдем по следу. И, скорее всего, пристрелим вора, осмелившегося посягнуть на чужую собственность.

— Но вы ведь даже не удосужились переговорить с Гестерами! — воскликнула мисс Ларнер.

— Я ничего не мог сделать! — развел руками доктор Лекаринг. — Я сопровождал *их*, — показал он на ловчих. — Ведь они могли забрать малыша…

— Мы следуем закону, — ответил светловолосый ловчий.

— Вон он, — проговорил темноволосый.

На пороге домика у ручья появился Артур Стюарт.

— Ни с места, парень! — заорал Поли Умник. — Только шагни в сторону, я тебя так выдеру, света белого не взвидишь!

— Вовсе не обязательно угрожать ему, — заявила мисс Ларнер, но ее уже никто не слышал, потому что все сорвались с места и побежали по склону холма.

— Прошу вас, не надо его бить! — закричал доктор Лекаринг.

— Если он не попытается бежать, никто ему ничего не сделает, — ответил светловолосый ловчий.

— Элвин, — окликнула мисс Ларнер, — не делай этого.

— Они не получат Артура Стюарта.

— Не смей использовать свою силу. Она не для того тебе была дана.

— Говорю вам…

— Сам подумай, Элвин, у нас есть время до завтра. Может быть, судья…

— В тюрьму его!

— Если что-нибудь случится с ловчими, националисты немедленно поднимут вой, чтобы еще больше ужесточить Договор о беглых рабах. Понимаешь меня? Это тебе не местное преступление, не просто убийство. Тебя увезут в Аппалачи и подвергнут там суду.

— Но я же не могу сидеть сложа руки.

— Беги быстрее к Гестерам.

Элвин на секунду заколебался. Будь его воля, он бы сжег руки ловчих, прежде чем они дотронулись бы до Артура. Но мальчика уже схватили, пальцы алчно впились в его ручки. Мисс Ларнер права. Нужно придумать какой-нибудь способ отвоевать Артура раз и навсегда, а глупая драка лишь усугубит положение вещей.

Элвин помчался к дому Гестеров. Его очень удивило, насколько спокойно они восприняли дурные новости — словно ожидали подобного все последние семь лет. Старушка Пег и Гораций молча переглянулись, и, не произнеся ни слова, Пег принялась собирать вещи — свои и Артура Стюарта.

— Зачем она сама-то собирается? — не понял Элвин.

Гораций улыбнулся — скупой, натянутой улыбкой.

— Она не допустит, чтобы Артур провел ночь в тюрьме. Им придется запереть ее вместе с ним.

Это объяснение звучало вполне разумно — хотя представить, чтобы такие люди, как Артур Стюарт и старушка Пег Гестер, были брошены в тюрьму?… Нет, невозможно.

— А что вы собираетесь делать? — поинтересовался Элвин.

— Заряжать ружья, — пожал плечами Гораций. — Когда они уйдут, я последую за ними.

Элвин передал ему слова мисс Ларнер о националистах, которые не преминут раскричаться на всю страну, если кто-то посмеет поднять руку на ловчего.

— А что мне могут сделать плохого? Разве что повесят. Но я честно тебе скажу, скорее я пойду на виселицу, чем проживу в этом доме хоть один день, если Артура Стюарта уведут, а я ничего не сделаю, чтобы помешать этому. Ведь я могу помешать им, Элвин. Черт побери, парень, за свою жизнь я спас рабов пятьдесят, не меньше. По Доггли и я подбирали их на этом берегу реки и помогали перебраться в Канаду. Я всю жизнь этим занимался.

Элвин вовсе не удивился, когда узнал, что Гораций Гестер — ярый эмансипационист.

— Я рассказываю это, Элвин, потому что мне потребуется твоя помощь. Я обыкновенный человек, к тому же я один, а их — двое. У меня нет никого, кому я мог бы довериться; По Доггли не ходил со мной на такие дела уже много лет, и я не знаю, на чью сторону он перешел. Но ты — я знаю, ты способен хранить тайну и любишь Артура Стюарта так же, как моя жена.

То, как он сказал это, несколько ошеломило Элвина:

— А вы… неужели вы не любите его, сэр?

Гораций посмотрел на Элвина как на сумасшедшего:

— Я не позволю им забрать мальчика-полукровку из-под крыши моего дома, Эл.

На лестнице показалась тетушка Гестер, под мышками она держала два тюка.

— Отвези меня в город, Гораций Гестер.

Они услышали, как мимо гостиницы промчались лошади.

— Это, наверное, они, — заметил Элвин.

— Не волнуйся, Пег, — попытался успокоить жену Гораций.

— *Не волноваться*? — яростно накинулась на него старушка Пег. — То, что сегодня случилось, Гораций, может иметь только два исхода. Либо я потеряю сына, которого увезут в рабство на юг, либо мой дурак муж погибнет, пытаясь освободить его. Конечно, чего тут волноваться?!

Затем она разрыдалась во весь голос и крепко обняла Горация. Сердце Элвина чуть не разорвалось от жалости.

Именно Элвин отвез тетушку Гестер в город, взяв в гостинице повозку. Он стоял рядом, пока

она пытала Поли Умника, который в конце концов разрешить ей провести ночь в камере — хотя заставил поклясться ужасной клятвой, что она не станет пытаться тайком вывести Артура Стюарта из тюрьмы.

По дороге к камере Поли Умник сказал:

— Тебе не следует так беспокоиться, тетушка Гестер. Его хозяин наверняка хороший человек. Местные жители неправильно представляют себе рабство.

Тут уж она накинулась на него, как ураган:

— Так, может, ты отправишься вместо него, Поли? Посмотришь, как оно хорошо живется, в рабстве-то?

— Я? — Эта мысль явно позабавила шерифа. — Я *белый* человек, тетушка Гестер. Рабство — это естественное состояние чернокожих.

Элвин сделал так, что ключи выскользнули из пальцев Поли.

— Что-то я сегодня какой-то неловкий, — пробормотал Поли Умник, наклоняясь.

Нога тетушки Гестер наступила прямо на огромное кольцо, на котором были собраны ключи.

— Подними ногу, тетушка Гестер, — посоветовал шериф, — иначе я обвиню тебя в потворничестве и подстрекательстве, не говоря уже о

сопротивлении властям.

Она убрала ногу. Шериф открыл решетку. Старушка Пег вошла в камеру и обняла бросившегося к ней Артура Стюарта. Элвин молча смотрел, как Поли Умник закрыл и запер решетку. Затем Элвин отправился домой.

Элвин разбил форму и счистил глину, прилипшую к поверхности плуга. Железо было гладким и твердым — плуг получился на диво хорошим, подобного ему Элвин ни разу в жизни не видел. Он проник внутрь железа и не нашел там ни единой трещинки, из-за которой плуг может сломаться. Он шлифовал и точил, точил и шлифовал, пока железо не засияло, а лезвие не стало острым, как острие ножа, словно плугом этим будет пользоваться мясник для разделки туш, а не обыкновенный фермер в поле. В конце концов Элвин положил плуг рядом с собой, после чего выпрямился и уставился вдаль, глядя на восходящее солнце и просыпающийся мир.

В положенное время из дома пришел Миротворец и оглядел плуг. Но Элвин не видел его, потому что заснул. Миротворец растолкал юношу и отправил в дом отсыпаться.

— Бедняжка, — пожалела его Герти. — Могу поспорить, за последнюю ночь он ни разочка не

сомкнул глаз. Всю ночь он работал над дурацким плугом.

— Плуг вышел вроде ничего.

— Плуг — само совершенство. Зная Элвина, могу за это поручиться.

— Да что ты понимаешь в кузнечном деле? — скорчил гримасу Миротворец.

— Зато я знаю Элвина и знаю тебя.

— Странный паренек. Впрочем, ты права. Хотя он не спал всю прошлую ночь, плуг получился на славу.

В голосе Миротворца даже проскользнули добрые нотки, но Элвин к тому времени уже спал в своей постели, а поэтому ничего не слышал.

— Элвин был очень дружен с этим мальчиком-полукровкой, — сказала Герти. — Неудивительно, что он не мог заснуть.

— Сейчас он спит, — возразил Миротворец.

— Только представь себе, малыша Артура Стюарта отдадут в рабство…

— Закон есть закон, — философски заметил Миротворец. — Не могу сказать, что этот закон мне по душе, но человек должен подчиняться существующему порядку, иначе что будет твориться?

— Ты и закон… — фыркнула Герти. — Я рада, что мы не живем на другом берегу Гайо, не то, могу

поклясться, вместо учеников ты брал бы себе рабов — если, конечно, ты понимаешь разницу между ними.

Это было недвусмысленное объявление войны, так открыто Герти не выступала ни разу, поэтому вот-вот должна была разразиться одна из обычных волосодральных, тарелкоразбивальных ссор, но Герти и Миротворец вовремя вспомнили, что на чердаке спит Элвин, поэтому смерили друг друга разъяренными взглядами и разошлись. Поскольку все их ссоры заканчивались одним и тем же, одни и те же злые слова говорились, одни и те же побои наносились, можно было представить, что кузнец и его жена, устав от семейных скандалов, сказали друг другу: «Притворись, что мы обменялись кучей „любезностей» и покончим с этим».

Сон Элвина не был долгим и, если уж на то пошло, крепким. Его душу терзали страх, гнев и желание что-то сделать, поэтому он постоянно ворочался с боку на бок, не говоря о всяких дурных снах, которые ему снились. Он пробудился в ужасе, когда ему приснилось, что черный плуг превратился вдруг в золотой. Он проснулся, увидев во сне, как Артура Стюарта избивают плетьми. Еще раз его разбудил сон, в котором

Элвин направлял на одного из ловчих ружье и нажимал на курок. В четвертый раз ему приснилось, будто он прицеливается в ловчего, но на курок не нажимает, а смотрит, как двое мужчин утаскивают маленького Артура, который кричит: «Где ты, Элвин! Элвин, не позволяй им увести меня».

— Ты либо просыпайся, либо заткнись! — заорала Герти. — Всех детей мне перепугал!

Элвин открыл глаза и, свесив голову, выглянул в люк чердака.

— Так детей же нет в доме.

— Ну, меня перепугал. Не знаю, паренек, что тебе снилось, но надеюсь, такие сны не придут даже моему самому заклятому врагу, которым сегодня утром, сказать по правде, является мой муж.

Упоминание о Миротворце сразу разбудило Элвина. Он быстренько натянул штаны, гадая, когда и каким образом очутился на чердаке и кто снял с него штаны и башмаки. За это время Герти каким-то чудом удалось собрать на стол — откуда ни возьмись появились кукурузный хлеб, сыр и кусок патоки.

— У меня нет времени на еду, мэм, — сказал Элвин. — Извините, но мне надо…

— Времени у тебя предостаточно.

— Нет, мэм, вы уж простите…

— Хоть хлеб возьми, дурачина. Хочешь работать весь день на пустой желудок? Поспав часок-другой? Еще ведь и полудня нет.

Жуя хлеб, он торопливо спустился к кузнице. На повороте вновь стояла коляска доктора Лекаринга и паслись лошади ловчих. На мгновение Элвин подумал, что они заявились сюда, потому что Артуру Стюарту каким-то образом удалось ускользнуть, а ловчие потеряли его след и…

Но нет. Артура Стюарта они привезли с собой.

— Доброе утро, Элвин, — поприветствовал его Миротворец и снова повернулся к остальным. — Я, наверное, самый добрый мастер на свете, раз позволяю мальчишке-ученику спать до самого полудня.

Элвин не заметил язвительного замечания Миротворца и того, что кузнец назвал его «мальчишкой-учеником», тогда как работа Элвина, свидетельствующая о его мастерстве, стояла на скамье у кузницы. Элвин опустился на корточки перед Артуром Стюартом и заглянул мальчику в глаза.

— Отойди-ка от него, — сказал светловолосый ловчий.

Элвин ничего не слышал. Он и Артура Стюарта

не замечал — сейчас он вглядывался в стоящего перед ним мальчика другим, внутренним оком. Он отыскивал на его теле следы побоев. Но ничего не нашел. Пока малыша не били. Лишь страх поселился в его теле.

— Ты так и не ответил, — обратился к кузнецу Поли Умник. — Ты исполнишь наш заказ или нет?

Миротворец кашлянул.

— Джентльмены, как-то раз я выковал пару кандальных цепей, еще в Новой Англии. Для человека, обвиненного в предательстве, которого отправляли обратно в Англию в цепях. Надеюсь, мне никогда не придется ковать кандалы для семилетнего мальчика, который не причинил вреда ни единой живой душе, для мальчика, который играл рядом с моей кузницей и…

— Миротворец, — перебил Поли Умник, — я сказал ловчим, что, если ты выкуешь кандалы, им не придется использовать вот это.

Умник поднял тяжеленную доску из дерева и железа, в которой были проделаны три дыры — для головы и для рук.

— Это закон, — промолвил светловолосый ловчий. — Мы возвращаем беглых рабов в этой доске, чтобы показать остальным чернокожим,

что ждет их в случае побега. Но он всего лишь маленький мальчик, и поскольку от владельца убежала его мама, а не он сам, мы согласились на кандалы. Хотя мне никакой разницы нет. Нам так или иначе заплатят.

— Вы и ваш проклятый Договор! — взвизгнул Миротворец. — При помощи этого закона вы и нас хотите сделать работорговцами.

— Я выкую то, что вы просите, — неожиданно заявил Элвин.

Миротворец в ужасе оглянулся на юношу:

— Ты?!

— Кандалы всяко лучше этой доски, — объяснил Элвин. Чего он не сказал вслух, так это того, что он вовсе не собирается допустить, чтобы Артур Стюарт носил эти кандалы дольше чем один день. Он взглянул на мальчика. — Я сделаю кандалы, которые не причинят тебе боли, Артур Стюарт.

— Мудрое решение, — высказался Поли Умник.

— Слава Богу, хоть у кого-то осталась толика здравого смысла, — вздохнул светловолосый ловчий.

Элвин взглянул на него и попытался сдержать рвущуюся наружу ненависть. Это у него не совсем получилось. Его плевок взбороздил пыль прямо

у ног ловчего.

Темноволосый ловчий хотел было вдарить ему как следует за такую наглость, причем Элвин тоже не возражал против того, чтобы померяться силами с этим человеком и, может, повозить его мордой в грязи минутку-другую. Но Поли Умник прыгнул между ними, и у шерифа хватило ума обратиться к ловчему, а не к Элвину.

— Ты, должно быть, полный дурак, раз намереваешься затеять свару с кузнецом. На руки его посмотри.

— Я справлюсь с ним, — заявил ловчий.

— Вы, парни, поймите, — вступил светловолосый. — Это ведь наш дар. Мы ничего не можем с собой поделать, мы ловчие от природы и…

— Лучше бы человек, владеющий таким даром, умер при родах, чем потом вырос и стал пользоваться данными ему силами, — проговорил Миротворец и повернулся к Элвину. — Я не позволю тебе ковать кандалы в моей кузнице.

— Не валяй дурака, Миротворец, — поморщился Поли Умник.

— Прошу вас, — взмолился доктор Лекаринг. — Вы причините мальчику больше зла, чем добра.

Миротворец отступил, хотя и неохотно.

— Дай-ка мне свои руки, Артур Стюарт, — ска-

зал Элвин.

Элвин притворился, будто измеряет запястья Артура ниткой. По правде говоря, он и так знал все размеры, с точностью до дюйма, и он выкует железо гладким, закруглив края. Кандалы будут ровно такого веса, который нужно, и не причинят боли Артуру. Во всяком случае, этому телу.

Все стояли рядом и смотрели, как Элвин работает. Более точной работы им видеть не приходилось. На сей раз Элвин прибег к своему дару, но очень осторожно. Он согнул полоску железа ровно пополам и обрезал ее. Две половинки каждого наручника сошлись, не оставив ни щелочки, так что железо не будет защемлять кожу рук. Тем временем Элвин вспоминал, как Артур качал мехи или стоял рядом и развлекал разговорами, пока подмастерье трудился. Больше этого не будет. После того как мальчика сегодня ночью спасут, Артура придется переправить в Канаду или спрятать где-нибудь — если, конечно, возможно спрятаться от ловчего.

— Отличная работа, — похвалил светловолосый ловчий. — Никогда не видел столь замечательного кузнеца.

— Можешь гордиться собой, Элвин, — донесся из темного угла кузницы смешок Миротворца. —

Пусть эти кандалы станут твоей работой, которая принесет тебе звание мастера.

Элвин повернулся и смерил кузнеца взглядом.

— Работой, свидетельствующей о моем мастерстве, является вон тот плуг, стоящий на скамье, если ты его случайно не заметил, Миротворец.

Впервые Элвин обратился к своему мастеру на «ты». Элвин совершенно ясно давал кузнецу понять, что помыкать собой больше не позволит.

Но Миротворец, казалось, не понял.

— Следи за своим языком, парень! Ты станешь мастером, когда я скажу, и твоей работой, после которой я отпущу тебя на вольные хлеба, станет та, которую я сам назову…

— Ну-ка, мальчик, давай примерим. — Светловолосый ловчий, казалось, пропустил болтовню Миротворца мимо ушей.

— Я еще не закончил, — вступился Элвин.

— Они готовы, — возразил ловчий.

— Они должны остыть, — указал Элвин.

— Так окуни их вон в то ведро и остуди.

— Если я это сделаю, они изменят форму и порежут мальчику руки.

Темноволосый ловчий устало закатил глаза. Что с того, если рабу пустят немножко крови?

Но светловолосый ловчий знал, что никто не

упрекнет его, если он чуточку подождет.

— Да, торопиться некуда, — кивнул он. — Это недолго.

Они замолчали и стали ждать. Затем Поли вдруг принялся болтать ни о чем, пустой разговор подхватили ловчие, и даже доктор Лекаринг начал беседовать с ними, как со старыми знакомыми. Может, они считали, что ловчие немножко оттают и не станут измываться над мальчиком, перевалив на другой берег Гайо. Элвин решил остановиться на этом выводе, чтобы потом не возненавидеть шерифа и доктора.

Кроме того, у него в голове созрел план. Украсть Артура Стюарта мало — а если у Элвина получится сделать так, что ловчие вообще не смогут найти его?

— Что находится в шкатулочке, по которой вы, ловчие, ищете пропажу? — поинтересовался он.

— Все тебе надо знать, — проворчал темноволосый ловчий.

— Это не секрет, — пожал плечами светловолосый. — Каждый рабовладелец делает такую коробочку для каждого нового раба, который либо родился, либо был приобретен. Туда помещаются кусочек кожи, локон волос, обрезки ногтей, капелька крови и так далее. В общем,

частички плоти раба.

— И вы ищете потом по запаху?

— О нет, вовсе нет. Мы не псы, которые идут по запаху крови, мистер Кузнец.

Элвин знал, что мистером Кузнецом его назвали, чтобы польстить, поэтому улыбнулся краешком рта, притворяясь, будто лесть достигла цели.

— Но как же эта коробочка вам помогает?

— Это наш дар, — улыбнулся светловолосый ловчий. — Кто знает, как он работает? Мы просто смотрим на нее, и мы… ну, как будто видим очертания человека, которого ищем.

— И вовсе это не так, — проворчал темноволосый.

— Так действую я.

— Ну а мне становится известно, где находится тот, кого мы ищем. Я словно вижу вдруг его душу. Во всяком случае, это происходит, когда я приближаюсь к беглому рабу. Его душа начинает ярко-ярко светиться. — Темноволосый ловчий ухмыльнулся. — И вижу я это издалека.

— А показать можете? — спросил Элвин.

— Ты ничего не поймешь, — фыркнул светловолосый.

— Я, пожалуй, покажу тебе, парень, — вдруг

сказал темноволосый. — Сейчас я повернусь спиной, а ты уведи мальчишку в другой угол кузницы. И я через плечо укажу тебе на него, не ошибусь ни на дюйм.

— Кончай, — нахмурился светловолосый ловчий.

— Все равно нечего делать, пока не остынет железо. Дай-ка мне шкатулочку.

Темноволосый хвастался не зря — куда бы Элвин ни уводил Артура Стюарта, всякий раз ловчий точно указывал на мальчика. Но Элвина интересовало вовсе не его умение. Он вглядывался в тело ловчего, пытаясь понять, что тот *видит* и как это связано со шкатулкой. Каким образом частичка кожи или локон, взятые у новорожденного Артура Стюарта семь лет назад, могут провести туда, где находится мальчик?

Затем он вспомнил, как в первый раз ловчий несколько замялся, прежде чем указать на Артура. Его палец покружил немного, но после этой секундной заминки ловчий стал сразу указывать на Артура Стюарта. Как будто он пытался разобраться, кто из людей за его спиной Артур. Шкатулка служила не для нахождения беглого раба, а для его узнавания. Ловчие видели всех, но без шкатулки не могли определить, кто есть кто.

Значит, они видят не разум и не душу Артура. Они наблюдают тело, которое для них ничем не выделяется, если нет неких особых черт. Признаки, по которым они отличали свою жертву, Элвину и так были понятны — за свою жизнь он исцелил достаточно народу и осознал, что люди во многом похожи, если не считать крошечных частичек, находящихся в самом центре каждого кусочка их плоти. Эти частички у каждого человека были своими, однако походили друг на друга как две капли воды. Словно сам Господь проставил свои знаки отличия в человеческой плоти. А может, это отметина зверя, о которой говорится в книге Откровений. Не важно. Элвин догадался, что в шкатулке ловчих находится частичка-знак, которая живет в теле Артура Стюарта. Даже мертвые обрезки ногтей и высохшая капелька крови несут в себе рисунок человека.

«Я смогу изменить эти частички, — подумал Элвин. — Я наверняка смогу изменить их, изменить во всем теле. Это как превратить железо в золото, а воду — в вино. Тогда шкатулка ловчих не сработает. Она им ничем не поможет. Они сколько угодно могут искать Артура Стюарта, но пока они не узнают его в лицо, как узнают друг друга обыкновенные люди, они никогда не

найдут мальчика».

Лучше всего, если они вообще не поймут, что произошло. У них по-прежнему останется шкатулка, в которой хранятся частички Артура, и они убедятся, что она ничуть не изменилась, потому что Элвин к ней не прикоснется. Но они потом могут объехать весь мир и никогда не найдут тело, соответствующее имеющимся у них частичкам. Причем ловчие ни за что не догадаются, что случилось.

«Так и поступим, — решил Элвин. — Я отыщу способ изменить его. Даже если придется перерисовать миллионы знаков, рассеянных по телу, я найду способ изменить каждый из них. Сегодня же ночью — и завтра Артур будет свободен, свободен навсегда».

Железо остыло. Элвин опустился на колени перед Артуром Стюартом и осторожно надел кандалы. Они подошли так точно, словно Элвин отлил их в форме, снятой с тела Артура. Когда они защелкнулись и между ними закачалась легкая короткая цепь, Элвин взглянул Артуру в глаза.

— Не бойся, — сказал он.

Артур Стюарт ничего не ответил.

— Я не забуду тебя, — сказал Элвин.

— Уж конечно, — гоготнул темноволосый лов-

чий. — На всякий случай, если тебя вдруг одолеют воспоминания, пока мы будем везти мальчишку домой к законному владельцу, я тебя предупрежу, скажу прямо — мы всегда спим по очереди. А еще один дар ловчего заключается в том, что мы чувствуем, когда кто-то приближается к нам. Так что незаметно не подкрадешься. Тем более ты, кузнец. Тебя я увижу за десять миль.

Элвин молча смотрел на него. Вскоре ловчий фыркнул и отвел взгляд. Артура Стюарта посадили на лошадь перед светловолосым ловчим. Но Элвин понял, что, стоит им переправиться через Гайо, как Артур пойдет пешком. Они так поступят не из злобы — плох тот ловчий, который проявляет милосердие к беглому рабу. Они ведь должны показать пример другим рабам: пускай посмотрят, как семилетний мальчик, склонив голову, тащится за лошадьми, переступая окровавленными ногами. Тогда они дважды подумают, прежде чем попытаться бежать вместе со своими детьми. Они увидят, что ловчие не знают милосердия.

Поли и доктор Лекаринг тоже уехали. Они проводили ловчих до Гайо и проследили, как те переправляются через реку. Уверившись, что Артуру Стюарту, пока тот находился на свободной территории, никакого зла не причинили, доктор

и шериф отправились назад.

Миротворцу особенно сказать было нечего, но свои мысли он выразил достаточно просто.

— Настоящий мужчина никогда не наденет кандалы на своего друга, — сказал Миротворец. — Я пойду в дом и подпишу бумаги о том, что отпускаю тебя. Я не потерплю, чтобы ты работал в моей кузнице и жил в моем доме.

И он оставил Элвина одного.

Не прошло и пяти минут, как к кузнице подошел Гораций Гестер.

— Поехали, — сказал он.

— Нет, — покачал головой Элвин. — Рано. Они увидят нас и сообщат шерифу, заметив погоню.

— У нас нет выбора. Мы потеряем след.

— Вам известно кое-что о том, кто я есть и что умею, — ответил Элвин. — Я держу их сейчас. Они мили не отъедут от берега Гайо, как заснут мертвецким сном.

— Ты это можешь устроить?

— Мне известно, что происходит внутри человека, когда ему хочется спать. Я могу сделать так, что, как только они въедут в Аппалачи, на них нападет сонливость.

— Если уж ты на такое способен, то почему просто не убьешь их?

— Не могу.

— Это не люди! Это не будет убийством, если ты сотрешь их с лица земли!

— Они люди, как вы и я, — возразил Элвин. — Кроме того, убив их, я нарушу Договор о беглых рабах.

— Ты теперь превратился в законника?

— Мисс Ларнер объяснила мне это. Вообще-то, она объясняла Договор Артуру Стюарту, а я просто присутствовал при этом. Он интересовался. Прошлой осенью. «Почему мой папа не убьет их, если какие-нибудь ловчие вдруг приедут за мной?» — спросил он. И мисс Ларнер, она объяснила ему, что за теми ловчими пожалуют другие, но тогда они повесят вас и все равно заберут Артура Стюарта.

Лицо Горация побагровело. Элвин не понял, почему Гораций так разозлился, пока хозяин гостиницы не объяснил это сам:

— Он не имеет права называть меня отцом. Я не желал его присутствия в моем доме. — Он сглотнул. — Но мальчик прав. Я не задумываясь убил бы ловчих, если бы счел, что это принесет хоть какую-то пользу.

— Никаких убийств, — заявил Элвин. — Мне кажется, я смогу все устроить, они никогда не

найдут Артура снова.

— Знаю. Я хотел увезти его в Канаду. Добраться до озера и переправиться на другую сторону.

— Нет, сэр, — покачал головой Элвин. — Я смогу сделать так, что они вообще не найдут его. Надо будет просто спрятать Артура, пока они не уберутся восвояси.

— Но где мы его спрячем?

— В домике у ручья, если мисс Ларнер позволит.

— Почему именно там?

— Я наложил на дом надежные обереги. Я-то считал, что делаю это для учительницы, но теперь понимаю, что на самом деле старался ради Артура Стюарта.

Гораций довольно усмехнулся:

— Да, Элвин, ты нечто. Тебе об этом кто-нибудь говорил?

— Ну, бывало. Если б только знать, что же я на самом деле.

— Пойду спрошу у мисс Ларнер, можно ли воспользоваться ее домиком.

— Мне кажется, мисс Ларнер ответит «да» еще до того, как вы зададите свой вопрос.

— Хорошо. Итак, когда начинаем действовать?

Этот вопрос застал Элвина врасплох. Взрослый

мужчина спрашивал, когда Элвин даст команду отправляться в путь!

— Выедем, когда стемнеет. Как только двое ловчих заснут.

— У тебя действительно получится?

— Получится, если я буду наблюдать за ними. Ну, не глазами, но нечто вроде. Я должен следовать за ними, а то могу усыпить не тех людей.

— И сейчас ты тоже следишь за ними?

— Мне известно, где они находятся.

— Ну, ладно…

Гораций выглядел напуганным. Как семь лет назад, когда Элвин признался ему, что знает о девочке, похороненной на кладбище. Он боялся, потому что помнил — Элвин способен совершить нечто очень странное, и умения юноши лежат за пределами возможностей обычных оберегов или даров.

«Неужели ты так плохо меня знаешь, Гораций? Неужели ты не видишь, что я все тот же Элвин, мальчик, которого ты любил, которому столько раз доверялся и помогал? Ты увидел, что я сильнее, чем ты думал, и моим силам не видно предела, но это не значит, что я представляю опасность для тебя. Нет причины пугаться меня».

Гораций словно услышал эти мысли. Страх

покинул его.

— Я хотел сказать… старушка Пег и я рассчитываем на тебя. Слава Господу, что ты очутился здесь как раз тогда, когда мы в тебе так нуждаемся. Господь бережет нас.

Гораций улыбнулся, повернулся и вышел из кузницы.

Слова Горация пробудили в душе Элвина тепло, уверенность в себе. Но ведь в этом и заключался дар Горация — помочь людям взглянуть на себя со стороны и увидеть, какие они есть.

Элвин обратился мыслями к ловчим и послал своего «жучка» в погоню, чтобы он следовал за ними не отставая. Тела ловчих напоминали маленькие черные вихри, двигающиеся сквозь зеленую песню лесов, тогда как песенка Артура Стюарта ясными и чистыми нотами звучала между темными пятнами. «Видимо, цвет кожи не влияет на то, тьма или свет живет у тебя в сердце», — подумал Элвин. Его руки продолжали машинально исполнять какую-то работу по железу, но он даже не видел, что делает. Ему не приходилось следить за людьми, находящимися так далеко, — за исключением того случая, когда ему помогали неведомые силы, скрывающиеся внутри Восьмиликого Холма.

Однако хуже всего будет, если он потеряет ловчих и они сумеют улизнуть с Артуром Стюартом из-за того, что Элвин плохо следил за ними. Мальчик может раствориться среди исхлестанных плетьми душ рабов, которые живут в Аппалачах и далеко на юге, где все белые люди прислуживают другому Артуру Стюарту, королю Англии, так что чернокожие, по сути дела, являются рабами рабов. «Нет, нельзя терять Артура в этих гиблых местах. Надо держаться за него покрепче, как будто некая ниточка протянулась между ним и мною».

И стоило ему подумать об этом, как только он представил тонкую невидимую ниточку, соединяющую его и маленького мальчика, она тут же появилась. Прямо в воздухе, примерно такой же толщины, как он воображал ее когда-то, пытаясь разобраться, каким должен быть атом. Эта ниточка обладала только одним размером и шла в одном только направлении — она вела к Артуру Стюарту, соединяя сердца малыша и Элвина. «Вот так и держи», — сказал Элвин ниточке, как будто она действительно была живой. В ответ ниточка словно налилась светом, и Элвин даже испугался, что какой-нибудь прохожий увидит ее.

Но, посмотрев на нее обычным взглядом, он

вообще ничего не увидел; ниточка являлась ему, только когда он смотрел, закрыв глаза. Это простое чудо ошеломило его, ему казалось невероятным, что подобное может случиться, ведь ниточка появилась из… нет, не из ничто, но была создана по образу, который Элвин сотворил внутри своего разума. «Это и есть Творение. Мое первое, невидимое Творение, однако оно существует и сегодня ночью приведет меня к Артуру Стюарту, чтобы я мог освободить мальчика».

В своем маленьком домике Пегги наблюдала за Элвином и Артуром Стюартом, смотря то на одного, то на другого, пытаясь отыскать некую тропку, которая приведет к свободе Артура и не будет стоить Элвину жизни. Но, как она ни искала, тропки не нашлось. Ловчие были слишком сильны, а их дары — слишком ужасны. На некоторых тропинках у Элвина и Горация получалось увести Артура, но мальчика потом снова находили и забирали в рабство — ценой жизни или свободы Элвина.

Она совсем отчаялась, но вдруг увидела ниточку, которую протянул Элвин к Артуру. И тут она впервые заметила некий проблеск надежды — внутри огонька сердца Артура Стюарта родилась возможность свободы. Она появилась не потому,

что Элвин благодаря ниточке выйдет к мальчику — на многих тропках Пегги видела, как Элвин разматывает свою ниточку, а потом находит по ней ловчих и погружает в сон. Нет, различие состояло в том, что Элвин смог сотворить нить. Возможность подобного поступка Элвина была столь мала, что ни одна тропинка не показывала этого. А может — раньше Пегги не задумывалась об этом, — сам акт Творения был нарушением природного порядка вещей, вот почему Пегги не видела тропок, на которых осуществлялось Творение. Эти тропки появлялись только потом.

Однако она же увидела ожидающее Элвина будущее, когда мальчик появился на свет! Разве она не видела, как он строит город из чистейшего стекла или льда? Разве не видела она, как этот город наполняется людьми, которые говорят на языке ангелов и видят очами Господа? Тот факт, что Элвин будет Творить, всегда оставался вероятным, учитывая, что Элвин выживет. Однако один-единственный акт Творения не поддавался зрению светлячка, даже такого могущественного светлячка, как Пегги.

Как только стемнело, Элвин погрузил ловчих в сон, и им пришлось побыстрее искать место для ночлега на дальнем берегу Гайо. Пегги увидела,

как Элвин и Гораций встретились в кузнице — им предстояло по лесам добраться до Гайо, избегая дороги, по которой шериф и доктор Лекаринг могли возвращаться из Устья Хатрака. Но это уже не привлекало ее внимания. Теперь, когда появилась новая надежда, она полностью погрузилась в изучение будущего Артура, отыскивая, каким образом и где именно узенькие тропинки, ведущие к его свободе, пересекаются с действиями Элвина. Но момент выбора и перемены будущего она не нашла. Это еще раз доказало ей, что все зависит от Элвина, который вот-вот должен стать настоящим Мастером.

— О Боже, — прошептала она, — коль ты одарил этого мальчика таким даром, молю тебя, научи его Творить.

Спрятавшись вместе с Горацием в тенях речного берега, Элвин ждал, пока проплывет залитый огнями корабль. По всей реке разносилась громкая музыка, и на палубах корабля веселились люди, танцуя залихватскую кадриль. Элвин даже разозлился чуть-чуть — они здесь играют и резвятся, как дети, тогда как настоящего ребенка сегодня вечером увезли в рабство. Однако он понимал, что веселящиеся не имеют в виду ничего дурного, и знал, что нечестно винить других в

том, что они радуются и танцуют, в то время как человек, с которым они никогда не встречались, сейчас грустит. Иначе в мире вообще исчезнут радость и счастье. «Наверное, в нашей жизни, — подумал Элвин, — каждую секунду где-нибудь на другой стороне мира грустят по меньшей мере несколько сотен человек…»

Не успел корабль скрыться, как позади них, в лесу, раздался какой-то подозрительный треск. Услышал звук только Элвин, и ему он показался треском, потому что сейчас все его чувства были настроены на зеленую песню леса. Гораций услышал шаги несколько минут спустя. Кто бы ни шел за ними по пятам, крался он с типичной ловкостью белого человека.

— Вот теперь я жалею, что мы все-таки не захватили ружье, — прошептал Гораций.

Элвин покачал головой.

— Подождите, сейчас посмотрим, — еле слышно проговорил он, так что губы его едва шевельнулись.

Они стали ждать. Спустя еще некоторое время они увидели, как какой-то человек выскользнул из леса и торопливо побежал по берегу к мутной воде, на которой качалась лодка. Он оглянулся по сторонам, никого не увидел, вздохнул и шагнул

в лодку. Устроившись поудобнее на скамейке, он мрачно уперся подбородком в ладони.

Внезапно Гораций усмехнулся.

— Да чтоб я сдох и моими костями играли собаки, если это не старик По Доггли.

В эту секунду человек, сидящий в лодке, слегка поднял голову, и на лицо его упал лунный свет. Это действительно оказался кучер доктора Лекаринга. Но Горация, такое впечатление, этот факт ничуть не обеспокоил. Хозяин гостиницы прокрался по речному берегу, плеснув водой, забрался в лодку и так яростно обнял По Доггли, что лодка аж закачалась на тихой реке. Встретившиеся приятели наконец заметили, что борта уже зачерпывают воду, и, не произнеся ни слова, разжали объятия, чтобы окончательно не перевернуться. Все так же молча По вставил весла в уключины, а Гораций достал небольшую жестяную плошку из-под скамьи и принялся вычерпывать набравшуюся в лодку воду.

Элвин лишь подивился, как согласованно действуют двое мужчин. Судя по их поведению, они проделывали нечто подобное уже много раз. Каждый знал, что должен делать его приятель, так что нужда в распределении обязанностей разом отпадала. Один исполнял свою работу, другой

— свою, и им не приходилось проверять друг друга, чтобы увериться, что все сделано верно и правильно.

Они сейчас походили на частички, которые составляли этот мир, на атомы, с которыми недавно познакомился Элвин. Раньше он этого не понимал, но оказалось, что люди тоже могут вести себя, как атомы. Большую часть времени люди живут хаотично, никто не знает, кто его сосед, никто не задерживается на одном месте, чтобы поверить или чтобы ему поверили, — все в точности так, как Элвин себе представлял. Это атомы, какими они были до того, как Господь научил их, кто они есть на самом деле, и поручил ту или иную работу. И вот перед ним находились два человека, о которых даже не скажешь, что они знакомы, в смысле близкие приятели, потому что в маленьком городке типа Хатрака все знают соседей в лицо. По Доггли, бывший фермер, ставший кучером у доктора Лекаринга, и Гораций Гестер, первый поселенец в этом городе, хозяин процветающей гостиницы. Кто бы мог подумать, что они подойдут друг другу? Однако так оно и случилось, потому что один доверял другому, знал своего товарища, как атом знает имя, которым нарек его Господь. Каждый был на

своем месте и выполнял свою работу.

Эти мысли настолько быстро пронеслись в уме Элвина, что юноша не обратил на них внимания, однако потом, спустя несколько лет, он вспомнил, что именно тогда он впервые понял: эти двое мужчин, сойдясь вместе, создали нечто новое, которое было так же реально, как земля у Элвина под ногами, как дерево, к которому он прислонился. Другие люди этого не заметили бы — они посмотрели бы на По и Горация и увидели двух мужчин, которым случилось очутиться в одной лодке. Но, может, другие атомы тоже считают, что атомы, составляющие, к примеру, частичку железа, всего лишь две обыкновенные частицы, очутившиеся рядом друг с другом. "Наверное, нужно быть так же далеко, как Бог, и таким же огромным, чтобы увидеть, что на самом деле атомы, сойдясь неким определенным образом, составляют нечто новое. И то, что другой атом не видит этой связи, вовсе не означает, что железо не такое твердое, как оно есть на самом деле.

Если я могу научить атомы построить из ничто ниточку, превратить железо в золото и даже изменить рассеянные по телу Артура таинственные невидимые знаки, чтобы ловчие не смогли узнать его, почему Мастер не может сотворить

с людьми то же самое, что и с атомами? Почему бы ему и людей не научить новому порядку, и, как только он подыщет себе достаточно сторонников, которым можно верить, почему бы ему не построить нечто новое, нечто сильное и крепкое, как железо?"

— Эл, ты идешь?

Как уже было сказано, Элвин сам не заметил мыслей, которые пришли ему на ум. Но он не забыл их, нет. Спускаясь по скользкому берегу, он знал, что никогда не забудет то, о чем только что думал, пусть пройдут годы и мили, прольются слезы и кровь, прежде чем он поймет сегодняшние размышления.

— Рад видеть тебя, По, — поздоровался Элвин. — Правда, мне казалось, что мы хорошо хранили тайну.

По подгреб веслами, чтобы развернуть лодку к берегу. Элвин по-паучьи забрался на борт, даже не замочив ног. Чему был только рад. Он питал отвращение к воде, и неудивительно, ведь Рассоздатель неоднократно при помощи воды пытался погубить его. Но сегодня ночью вода вроде бы была самой что ни на есть обыкновенной; Разрушитель либо таился где-нибудь, либо вообще бродил где-то далеко. А может, причина крылась

в ниточке, которая по-прежнему связывала Элвина с Артуром — может быть, столь великое Творение лишило Рассоздателя силы, и теперь коварный враг даже такого верного союзника, как вода, не может обратить против Элвина.

— Тайна сохранена, Элвин, — успокоил Гораций. — Ты просто ничего не знаешь. Еще до того, как ты прибыл в Хатрак — хотя правильнее будет сказать, до того как ты сюда вернулся, — мы с По частенько помогали беглым рабам переправляться в Канаду.

— И что, неужели ловчие не разу не поймали вас? — удивился Элвин.

— Если уж раб сумел добраться до наших мест, значит, ловчие не скоро найдут его, — объяснил По. — А большинство из беглецов, которых встречали мы, вообще украли свои шкатулки.

— Кроме того, это происходило до того, как был принят Договор о беглых рабах, — пожал плечами Гораций. — Ловчие должны были поймать нас на месте преступления и пристрелить, иначе они вообще не имели права пальцем нас тронуть.

— И в те дни нам помогал светлячок, — добавил По.

Гораций ничего не ответил. Отвязав веревку, он швырнул ее конец обратно на берег. Не успела

веревка упасть на землю, как По сделал первый гребок веслами — лодка быстро рванула вперед, но Гораций уже крепко держался за борта. Поразительно, насколько точно двое мужчин угадывали каждое движение друг друга. Элвин чуть не рассмеялся при виде такой слаженности. Теперь он знал, что это возможно, а что из этого можно создать… Тысячи людей будут знать друг друга настолько хорошо, что каждое движение будет соответствовать движению соседа. Кто посмеет встать на пути у такого народа?

— Дочка Горация, до того как убежать, давала нам знать, если в наших местах появлялся беглый раб. — По тряхнул головой. — А потом все закончилось. Но чтобы Артура Стюарта заковали в цепи и уволокли на юг, а старый черт Гораций не пустился за похитителями в погоню?… Нет, такого не может быть. Поэтому, проводив ловчих и немного отъехав от Гайо, я остановил коляску и удрал.

— Могу поспорить, доктор Лекаринг заметил твою отлучку, — сказал Элвин.

— Конечно, заметил, ты что, дурак, что ли?! — воскликнул По. — А, понял, ты шутишь. Ну да, заметил. И сказал: «Ты поосторожнее, а то эти парни опасны». Я пообещал, что буду осторож-

ным, и тогда он объяснил: «Это все проклятый шериф Поли Умник. Чего он позволил им мальчика увезти? Может, мы нашли бы какую-нибудь зацепочку, если б задержали Артура Стюарта до тех пор, пока в наши края не заедет окружной судья. Но Поли, он все делает по закону, однако действовал он так быстро, что в своем сердце я сразу понял: он хочет избавиться от паренька, хочет спровадить его из Хатрака». И знаешь, Гораций, я поверил ему. Поли Умник невзлюбил мальчугана с тех самых пор, как старушка Пег подняла хай, мол, неплохо бы Артура Стюарта зачислить в школу.

Гораций буркнул что-то невнятное и немножко повернул руль, в точности в тот самый момент, когда По Доггли сделал мощный гребок левым веслом, чтобы лодка развернулась чуть-чуть против течения, направляясь к берегу.

— Я вот тут думал. По… — сказал Гораций. — По-моему, твоя работа кучера не очень-то тебе соответствует.

— Мне нравится моя работа, — ответил По Доггли.

— Этой осенью состоятся выборы, и в очередной раз будут избирать шерифа. Мне кажется, Поли Умника стоит прогнать с его должности.

— Ты хочешь, чтобы я стал шерифом? Думаешь, такое возможно? Всем же известно, что я пьяница!

— Ты не прикоснулся к бутылке с тех самых пор, как поступил на работу к доктору. А если у нас сегодня все получится и мы вернем Артура, то ты станешь настоящим героем.

— Черта с два! Ты, Гораций, совсем спятил! Мы не можем ни единой живой душе об этом рассказать, иначе за наши головы назначат награду, и их будут жаждать все и вся, от Гайо до Камелота.

— Ну, мы ж не напишем книжку и не станем продавать ее на каждом углу. Но ты ведь сам знаешь, как распространяются слухи. Добрые люди быстро прослышат о том, что мы с тобой сегодня сделали.

— Уж скорее ты сгодишься на должность шерифа, Гораций.

— Я? — Гораций ухмыльнулся. — Ты можешь представить, чтобы я посадил человека в тюрьму?

По тихонько рассмеялся:

— Нет, не получится.

Когда лодка достигла берега, снова их движения стали слаженными. Невозможно было поверить, что прошло много лет с тех пор, как они работали

вместе. Казалось, их тела сами знают, что делать, поскольку каждое движение было отточено и верно. По спрыгнул в воду, которая доходила ему до лодыжек, и чуточку попридержал лодку, чтобы та не плеснула. Лодка, конечно, закачалась из стороны в сторону, но Гораций, чуточку наклонившись вбок, мгновенно остановил ее. Спустя секунду лодка была вытащена — с этой стороны речной берег был покрыт песком, а не глиной, — и привязана к дереву. Элвину веревка показалась старой и прогнившей, но, запустив в нее своего «жучка», юноша убедился, что веревка удержит лодку и не даст речным волнам унести ее.

После того как работа была исполнена, Гораций вытянулся, словно доброволец на городской площади, распрямил спину и посмотрел на Элвина.

— Ну, Эл, веди нас.

— А нам что, даже не придется искать их след? — удивился По.

— Элвин и так знает, где они, — объяснил Гораций.

— Очень миленько, — хмыкнул По. — А он, случаем, не знает, не держат ли они сейчас ружья наготове, чтобы снести наши головушки?

— Держат, — произнес Элвин нарочито грубо, показывая, что на дальнейшие вопросы он отве-

чать не намерен.

Но По и не собирался успокаиваться:

— Ты хочешь сказать мне, что этот парень светлячок? Лошадей он умеет подковывать, это точно, это я слышал, но чтобы все остальное…

Вот почему Элвин не хотел брать посторонних людей. У него не было никакого желания растолковывать По Доггли, что он умеет и почему, но не мог же он сказать человеку в глаза, что не доверяет ему!

К счастью, на выручку пришел Гораций.

— По, я должен предупредить тебя, Элвин не участвует в том, что произойдет сегодня ночью.

— А по-моему, очень даже участвует.

— Говорю тебе, По, когда эта история пойдет из уст в уста, в ней должно рассказываться, как мы с тобой переправились через реку и случайно наткнулись на спящих ловчих, понял?

По наморщил лоб, затем кивнул.

— Ты мне одно скажи, парень. Каким даром ты обладаешь, меня не касается, но ты, надеюсь, христианин? Я даже не спрашиваю, уж не методист ли ты.

— Да, сэр, — кивнул Элвин. — Я христианин. Во всяком случае, следую Библии.

— Вот и ладно, — выдохнул По. — А то не хоте-

лось бы связываться со всякими дьявольскими штучками.

— Это ко мне отношения не имеет, — успокоил его Элвин.

— Тогда договорились. Но лучше, если я не буду знать, на что ты способен, Эл. Главное, чтобы ты остановил меня, если я по собственной дурости сунусь под пулю.

Элвин протянул руку. По пожал ее и ухмыльнулся:

— Вы, кузнецы, наверное, сильны, как медведи.

— Я? — удивился Элвин. — Если медведь попадется мне на пути, я так дам ему по башке, что он разом в росомаху превратится.

— Мне по душе твое хвастовство, паренек.

На мгновение воцарилась тишина, после чего Элвин повел их в лес, следуя ниточке, которая соединяла его с Артуром Стюартом.

Идти пришлось недалеко, но поскольку двигались они в полной темноте, то плутание по лесу заняло по меньшей мере час — густая листва деревьев не давала лунному свету проникать под лесной покров. Если б не Элвин, который умел чувствовать лес, они бродили бы в три раза дольше и шумели раз в десять громче.

Ловчих они обнаружили на поляне, рядом с постепенно затухающим костром. Светловолосый ловчий свернулся клубочком на своем одеяле. Темноволосый, должно быть, остался на часах — он храпел, прислонившись к дереву. Их лошади дремали неподалеку. Подобравшись поближе, Элвин остановился, чтобы случаем не вспугнуть животных.

Артур Стюарт не спал. Мальчик сидел и молча смотрел на догорающий костер.

Элвин подождал минутку, пытаясь придумать, как бы получше провернуть похищение. Он понятия не имел, насколько опасны ловчие. Может, они по одному-единственному волоску способны найти свою жертву? В таком случае изменять Артура там, где он сейчас находится, не имеет смысла. Но и на полянку выходить не стоит, ведь там Элвин, Гораций или По могут оставить частички своих тел, которые позволят определить, кто похитил Артура.

Поэтому Элвин проник в железо наручников и проделал в нем трещинки, так что с громким бряцаньем кандалы упали на землю. Шум встревожил лошадей, которые громко всхрапнули, но ловчие спали мертвецким сном. Однако Артур сразу понял, что произошло. Он вскочил на ноги

и взглядом стал искать спрятавшегося в лесу Элвина.

Элвин тихонько свистнул, постаравшись сымитировать песенку иволги. Получилось неважно, но Артур услышал его и догадался, что это зовет Элвин. Не тратя на раздумья ни секунды, Артур бесстрашно углубился в лес и минут через пять, следуя за якобы птичьим посвистыванием, очутился рядом с Элвином.

И конечно, хотел было броситься Элвину в объятия, но юноша предостерегающе вытянул вперед руку.

— Ни до кого не дотрагивайся, — прошептал он. — Я должен изменить тебя, Артур Стюарт, чтобы ловчие не поймали тебя снова.

— Хорошо, — еле слышно согласился Артур.

— Ты должен абсолютно измениться. У тебя на одежде остались твои волосы, кусочки кожи и все такое прочее. В общем, раздевайся.

Артур Стюарт не колебался. Спустя несколько мгновений одежда валялась у его ног.

— Вы, конечно, извините меня, что я лезу не в свое дело, — сказал По, — но если вы оставите одежду здесь, ловчие поймут, что он пошел сюда, а путь наш указывает прямо на север, словно мы нарисовали на земле большую белую стрелку.

— Наверное, вы правы, — пробормотал Элвин.

— Пускай Артур Стюарт захватит одежду с собой и выкинет ее в реку, — предложил Гораций.

— Главное, чтобы вы до Артура не дотрагивались, — предупредил Элвин. — Артур, ты возьми одежду и осторожно следуй за нами. Если вдруг потеряешься, свистни, как иволга, и я откликнусь. Так ты нас и найдешь.

— Я знал, что ты придешь за мной, Элвин, — сказал Артур Стюарт. — И ты, папа.

— Ловчие тоже это знали, — проворчал Гораций. — И как бы я ни желал им вечного сна, они вскоре проснутся.

— Во всяком случае минутка у нас есть, — сказал Элвин.

Он послал «жучка» обратно, снова проник в наручники и скрепил их друг с другом, соединил железо настолько крепко, словно оно не ломалось вовсе. Теперь кандалы лежали на земле целехонькими — замки на месте, так что можно сколько угодно гадать, как мальчуган ускользнул.

— Надеюсь, ты ломаешь им ноги, Элвин? — осведомился Гораций.

— А что, он и на такое способен? — изумился По.

— Этого я делать не буду, — возразил Элвин. —

Нам нужно, чтобы ловчие перестали искать мальчика. Надо притвориться, будто он никогда и не существовал.

— Ну, ты, конечно, прав, но переломать ноги ловчим не мешало бы, — буркнул Гораций.

Элвин улыбнулся и углубился в лес, нарочно производя больше шума, чем обычно, и двигаясь помедленнее, чтобы остальные поспевали за ним в кромешной тьме. При желании он мог двигаться сквозь леса как настоящий краснокожий, не издавая ни звука, не оставляя ни следа.

Добравшись наконец до реки, они остановились. Элвин не хотел, чтобы Артур залезал в лодку в своем нынешнем обличье и оставлял там следы. Так что изменять мальчика придется прямо здесь.

— Швырни одежду в реку, мальчуган, — посоветовал Гораций. — Как можно дальше.

Артур на шаг-другой зашел в воду. Элвин даже немножко напугался, ведь внутренним оком он видел, как ноги Артура, сотворенного из света, земли и воздуха, словно растворились в глубокой черноте воды. Однако вода пока что не причинила заговорщикам вреда, и Элвин понял, что в дальнейшем она может помочь.

Артур Стюарт со всей силы швырнул ком в

реку. Течение было несильным, и одежда лениво поплыла вниз по Гайо, постепенно исчезая из виду. Стоя по пояс в воде, Артур проводил ее взглядом. Впрочем, нет, он смотрел вовсе не на одежду — он и не повернулся, когда ее снесло влево. Он смотрел на северный берег, туда, где его ждала свобода.

— Я был здесь раньше, — вдруг заявил он. — И видел эту лодку.

— Возможно, — кивнул Гораций. — Хотя ты был слишком юн, чтобы помнить об этом. Мы с По переправили твою маму в этой самой лодке. Моя дочь Пегги взяла тебя у нас, когда мы причалили к другому берегу.

— Моя сестра Пегги, — сказал Артур, повернувшись кругом и посмотрев на Горация, будто задавая безмолвный вопрос.

— Ну, где-то так, — согласился Гораций.

— Стой, где стоишь, Артур Стюарт, — сказал Элвин. — Я должен изменить тебя целиком, как внутри, так и снаружи. Лучше провернуть это в воде, чтобы мертвая кожа сразу была смыта.

— Ты сделаешь меня белым? — спросил Артур Стюарт.

— Вот это да! — выдохнул По Доггли. — Ты и это можешь?

— Я пока не знаю, что буду в тебе изменять, — признался Элвин. — Но надеюсь, белым я тебя не сделаю. Иначе я украду то, что дала тебе твоя мама.

— Белых мальчиков не угоняют в рабство, — сказал Артур Стюарт.

— Нашего общего знакомого, мальчика-полукровку, тоже никогда не превратят в раба, — успокоил Элвин. — Я сделаю для этого все, что в моих силах. А теперь стой и не шевелись, дай мне поработать.

Все замерли, пока Элвин изучал Артура Стюарта, отыскивая крошечный знак, который метил каждую живую частичку мальчика.

Элвин чувствовал, что с наскоку, тяп-ляп, ничего не получится, поскольку не совсем понимал, зачем нужен этот знак. Элвин всего-навсего знал, что значок этот делает Артура самим собой и его нельзя взять и перерисовать. Вдруг изменится что-нибудь не то, и Артур ослепнет или его кровь превратится в дождевую воду?

На мысль Элвина натолкнула ниточка, которая по-прежнему соединяла его с Артуром Стюартом. Это и еще то, что промолвила устами Артура Стюарта Иволга. «Лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения». Элвин снял

рубаху, шагнул в воду и встал на колени, прямо перед Артуром Стюартом, оказавшись с мальчиком лицом к лицу и почувствовав, как вода приятно холодит разгоряченное тело. Затем он протянул руки, привлек Артура к себе и прижал к своей груди, крепко обняв мальчика за плечи.

— А мне казалось, мы не должны дотрагиваться до мальца, — недоуменно проговорил По.

— Заткнись, дурак чертов, — рыкнул Гораций Гестер. — Элвин знает, что делает.

«Если б это и в самом деле было так», — подумал Элвин. Но по крайней мере у него созрел план, а это лучше, чем ничего. Когда их тела прижались друг к другу, Элвин смог сравнить знаки Артура со своими. Большей частью они были похожи как две капли воды, а значит, эта часть, решил Элвин, делала их обоих людьми, а не коровами, лягушками, свиньями или курами. Эту часть трогать нельзя.

«Но остальное я могу изменять. Только действовать нужно очень осторожно. Ведь я могу окрасить Артура в ярко-желтый цвет или вообще лишить разума. Какой тогда прок от его спасения?»

Поэтому Элвин поступил так, как казалось ему наиболее разумным. Он изменил частички знака

Артура и сделал его похожим на свой. Конечно, изменил Элвин не весь знак, а лишь немножко перерисовал его. Но даже это «немножко» означало, что Артур Стюарт перестал быть полностью собой и отчасти превратился в Элвина. То, что Элвин сейчас творил, ужасало и одновременно приводило в благоговейный трепет.

Ну, сколько еще? Сколько ему придется менять, чтобы ловчие не узнали мальчика? Все изменять не стоит. Надо подправить вот здесь, перерисовать вот тут. Элвин мог только гадать, и поэтому он стал воплощать свои догадки в жизнь.

Разумеется, создать новый знак — это всего лишь начало. Теперь он принялся переделывать остальные знаки, чтобы они походили на тот, который он перерисовал. Он начал изменять частички Артура, одну за другой, как можно быстрее. Дюжины, сотни; он находил новый знак и мгновенно преображал его, чтобы сделать похожим на созданный им.

Сотня, еще сотня, а он и на шаг не продвинулся — он работал над крошечным кусочком кожи на груди Артура. Медленно, слишком медленно, он не успеет изменить все тело мальчика!

— Жжется, — прошептал Артур.

Элвин отодвинулся от него.

— Не может быть, Артур Стюарт, я ж ничего особенного не делаю.

Артур посмотрел на свою грудь.

— Вот здесь, — сказал он, коснувшись пятна, над которым работал Элвин.

Элвин пригляделся и в тусклом лунном свете заметил, что кожа на груди мальчика пошла прыщами, изменилась, потемнела. Он взглянул на нее снова, на этот раз внутренним оком, и увидел, что остальное тело Артура яростно нападает на ту часть, которую Элвин изменил, потихоньку убивая ее.

Ну конечно. А чего еще он ожидал? По этим знакам тело узнает себя — вот почему живые частички тела несут внутри значки. Узрев, что значок пропал, тело делает вывод, что появилась какая-то болезнь, и расправляется с нею. Может, то, что изменение Артура заняло столько времени, не так уж и плохо? Теперь Элвин понял, что изменить мальчика нельзя — чем больше он будет его изменять, тем хуже будет чувствовать себя Артур Стюарт. Его тело ополчится против себя, и в конце концов либо мальчик умрет, либо значки, перерисованные Элвином, вернутся в первозданное состояние.

Все происходило так, как в истории, которую

рассказал Элвину Сказитель и в которой говорилось о попытке построить огромную стену. Работая над новой частью кладки, ты видишь, что кирпичи в местах, которые ты уже сложил, превращаются в прах. Подобную стену построить невозможно, ведь она рушится намного быстрее, чем ее строишь.

— Не могу, — опустил руки Элвин. — Я пытаюсь совершить то, что не может быть сделано.

— Что ж, — пожал плечами По Доггли, — надеюсь, ты хоть летать умеешь, иначе тебе никогда не доставить мальчика в Канаду — ловчие поймают вас намного раньше.

— Не могу, — повторил Элвин.

— Ты просто устал, — попытался успокоить его Гораций. — Мы постараемся вести себя потише, чтобы ты мог спокойно подумать.

— Это не поможет, — махнул рукой Элвин.

— Моя мама умела летать, — заявил Артур Стюарт.

Элвин раздраженно фыркнул. Снова он завел старую сказку…

— А знаешь, он ведь не врет, — сказал вдруг Гораций. — Это мне малышка Пегги рассказала. Та чернокожая девочка-рабыня — она смешала пепел, перья черного дрозда, еще что-то и полетела.

Вот что ее убило. Сначала, услышав, что мальчик помнит об этом, я ушам не поверил, и после мы старались не поднимать эту тему, надеясь, что он забудет. Но я должен сказать тебе, Элвин, девочка пожертвовала жизнью вовсе не для того, чтобы ты подвел нас на том самом месте, где мы ее подобрали семь лет назад.

Элвин закрыл глаза.

— Тогда заткнитесь и дайте мне подумать, — устало проговорил он.

— Так я ж это и предложил, — кивнул Гораций.

— А чего тогда треплешься? — поинтересовался По Доггли.

Однако Элвин уже не слышал их перебранку. Он снова всматривался в тело Артура, в тот кусочек кожи, который успел изменить. Новый знак, который он нарисовал, был совсем не плох — но там, где новые значки граничили со старыми, кожа краснела и отмирала. С Артуром будет все в порядке, если Элвину каким-то образом удастся изменить его сразу целиком, а не переделывать кусочек за кусочком.

Это надо сделать так же, как он создал ниточку между собой и Артуром — нарисовать, где процесс начнется, где закончится и что будет собой представлять. Атомы должны передвинуться

одновременно. Они должны работать слаженно, как По Доггли и Гораций Гестер, — каждый будет исполнять свою собственную задачу, зная, что сосед делает свою работу.

Но в случае с ниточкой все было просто и ясно. Нынешняя проблема посложнее — как говорил Элвин мисс Ларнер, превратить воду в вино намного труднее, чем железо — в золото…

«Нет, так думать нельзя. Ниточку я создал, научив атомы, какими им нужно стать и где оказаться, потому что каждая частичка повинуется мне. Но тело Артура несколько иное, здесь я имею дело не с атомами, а с живыми кусочками плоти, которые действуют самостоятельно друг от друга. Впрочем, может, именно этот загадочный значок вселяет в них жизнь, может, я смогу научить их, какими им следует стать. Вместо того чтобы переписывать один знак за другим, я могу повелеть: „Станьте вот такими», — и они исполнят мой приказ».

Он не стал тратить время на лишние раздумья, а сразу приступил к делу. Он представил, как приказывает значкам в груди Артура, и показал им образ, который держал у себя в голове, образ настолько сложный, что Элвин сам не понимал его. Он знал одно: это тот самый образ, по которому

он уже начал изменять кожу. Продемонстрировав его частичкам, Элвин скомандовал: «Станьте такими! Вот какими надо быть!» — и они изменились. Изменились моментально, не успел Элвин и глазом моргнуть.

Артур судорожно вдохнул воздух и тихонько всхлипнул. Очевидно, жжение распространилось на всю грудь.

— Доверься мне, — сказал Элвин. — Теперь я изменю тебя целиком, и боль пройдет. Но я должен сделать это под водой, чтобы старую кожу смыло. Зажми нос пальцами! Задержи дыхание!

Артур Стюарт поморщился от боли, но послушался Элвина. Он зажал нос пальцами правой руки, глубоко вздохнул и закрыл рот. Элвин сразу схватил левой рукой Артура за запястье, а правой погрузил голову мальчика в воду. В это же мгновение он вызвал в своем сознании очертания тела Артура, увидел знаки, кишащие в его теле; Элвин показал им новый знак и крикнул:

— Станьте такими! Изменитесь!

Он не почувствовал никакой перемены в мальчишеском теле, которое сжимал в руках, — тело Артура, на первый взгляд, осталось прежним. Но внутренним оком Элвин разглядел перемену, свершившуюся в одну секунду. Каждый знак в

органах, в мускулах, в крови, в мозге поменялся. Изменились даже волосы мальчика — каждая частичка, которая принадлежала его телу, стала другой. А то, что не изменилось, унесла прочь река.

Элвин нырнул под воду, чтобы смыть остатки старой кожи и волос Артура, которые могли пристать к нему, поднялся и вытащил паренька на поверхность. Мальчик вынырнул и встряхнулся, рассыпая водяные капли, похожие в лунном свете на холодные жемчужины. Дрожа от холода, Артур шумно отфыркивался.

— Ну что, как живет твоя боль? — спросил Элвин.

— Не живет, а поживает, — поправил его Артур, как поправляла всегда мисс Ларнер. — Я чувствую себя хорошо. Только холодно очень.

Элвин поднял мальчика из реки и перенес на берег.

— Заверните его в мою рубашку и давайте побыстрее сматываться отсюда.

Так они и поступили. И никто из них не заметил, что голос Артура, поправляющего Элвина, вовсе не походил на голос мисс Ларнер.

Пегги этого тоже не заметила, вернее заметила, но уже потом. Сейчас она вглядывалась в огонь

сердца Артура Стюарта. Как он преобразился! Перемена была настолько незаметна, что Пегги даже не могла сказать, что именно изменил Элвин — однако в тот момент, когда Артур Стюарт вынырнул из реки, от прошлых тропинок, уходящих в будущее, не осталось ни одной. Ни единая тропка не вела в рабство. Новые дороги будущего, которые повлекло за собой преображение, вели к поразительным возможностям и невероятным встречам.

Пока Гораций, По Доггли и Элвин перевозили Артура Стюарта обратно через Гайо и пробирались к кузнице, Пегги изучала огонь Артура Стюарта, разглядывая возможности, которых до этого момента не существовало. На землю явился новый Мастер, и Артур был первым человеком, до которого он дотронулся и жизнь которого изменил. Большинство тропок будущего Артура неизменно были связаны с жизнью Элвина. Пегги видела впереди невероятные приключения — на одной из тропок, которая уходила в Европу, Артур Стюарт стоял рядом с Элвином, в то время как новый римский император Наполеон склонял перед ними голову; на другой тропке их ждало путешествие к странному островному народу, обитающему далеко на юге, там краснокожие

жили на плотиках из дрейфующих морских водорослей; третья тропка вела в восточные земли, где краснокожие будут приветствовать Элвина как великого человека, объединившего все народы, и позволят ему войти в свое последнее прибежище, настолько велика будет их вера в него. И повсюду его сопровождал Артур Стюарт, мальчик-полукровка, которому тоже верили, который теперь тоже обладает частичкой силы Мастера.

Многие тропки начинались с того, что Артура Стюарта приводили к ней в домик, поэтому Пегги вовсе не удивилась, услышав стук в дверь.

— Мисс Ларнер, — тихонько позвал Элвин.

Несколько неохотно она отвлеклась от своего занятия; реальность и вполовину не была так интересна, как дороги будущего, появившиеся в огне сердца Артура Стюарта. Она открыла дверь. На пороге стояли Гораций, По, Элвин и Артур Стюарт, по-прежнему завернутый в рубашку Элвина.

— Мы вернули его, — сказал Гораций.

— Это я вижу, — ответила Пегги.

На самом деле она была очень рада, но радость не отразилась в ее голосе. Слова прозвучали раздраженно, нетерпеливо. Вот что испытывала сейчас Пегги. «Давайте побыстрей покончим с

этим, — хотелось сказать ей. — Я видела наш разговор, так давайте побыстрей скажем друг другу все, что должны сказать, и я вернусь к исследованию будущего этого мальчугана». Но вслух, естественно, она не сказала ничего — некоторое время ей нужно было побыть в обличье мисс Ларнер.

— Его больше не найдут, — объяснил Элвин. — Для этого ловчим нужно увидеть Артура своими глазами. Ну, ихняя шкатулка больше не действует.

— Не ихняя, а их, — поправила Пегги.

— Правильно, — кивнул Элвин. — Вот мы и пришли к вам… Можно, мы оставим его на некоторое время у вас? Ваш дом, мэм, — я наложил на него надежные обереги, так что ловчие не подумают сунуться сюда, если вы будете держать дверь на запоре.

— У вас что, другой одежды ему не нашлось? Он же промок — хотите, чтобы он с простудой свалился?

— Ночь выдалась теплая, — успокоил Гораций. — Кроме того, нам не хотелось брать одежду из дома. Пока ловчие не уедут из наших мест.

— Ладно, — согласилась Пегги.

— Нам нужно отправляться по своим де-

лам, — вступил в беседу По Доггли. — Я должен возвращаться к доктору Лекарингу.

— А я сказал старушке Пег, что еду в город, так что мне тоже надо спешить, — объяснил Гораций.

— Ну а я буду в кузнице, мисс Ларнер, — сказал Элвин. — Если что-то случится, вы крикните, и я сразу прибегу.

— Благодарю вас. Теперь вы можете возвращаться к своим делам.

Она захлопнула дверь. Она вовсе не хотела показаться грубой. Но ей предстояло познакомиться с новым будущим Артура Стюарта. Прежде ни один человек, кроме нее самой, не играл столь важную роль в работе Элвина, однако теперь к ней присоединился Артур. Но, возможно, будут другие, которых Элвин коснется и души которых изменит, — может, став Мастером, он преобразит всех, кого любит. И эти люди разделят с ним его славу, встанут за прозрачными стенами Хрустального Города и посмотрят на мир глазами Бога.

Стук в дверь. Она открыла.

— Во-первых, — сказал Элвин, — не открывайте дверь, не спросив кто.

— Я знала, что это ты, — ответила она, хотя, по

правде, ничего она не знала. Она открыла дверь машинально.

— Во-вторых, я стоял и ждал, пока вы защелкнете замок, а вы его так и не закрыли.

— Извини, — пожала плечами она. — Забыла.

— Мы пошли на многое, чтобы освободить этого мальчика, мисс Ларнер. Теперь все зависит от вас. Вы будете охранять его, пока ловчие не уберутся отсюда.

— Да, я понимаю. — Ей действительно стало стыдно, и в голосе ее прозвучало искреннее раскаяние.

— Тогда спокойной ночи.

Он стоял на пороге и ждал. Чего?

Ах да. Она должна закрыть дверь.

Она закрыла ее, заперла, обернулась к Артуру Стюарту и крепко обняла мальчика, так что, в конце концов, ему пришлось вырываться из ее объятий.

— Ты спасен, — прошептала она.

— Ну конечно, — важно кивнул Артур Стюарт. — Мы пошли на многое, чтобы освободить этого мальчика, мисс Ларнер.

Что-то в его словах было не так. Но что? Ну да, разумеется. Артур в точности повторил последнюю фразу Элвина. Но что в этом такого? Артур

Стюарт всегда подражает голосам.

Всегда подражает. Однако на этот раз Артур Стюарт повторил слова Элвина своим голосом, а не голосом Элвина. Она никогда не слышала, чтобы он так поступал. Ей казалось, что это его дар, что он прирожденный пересмешник и даже не понимает, что передразнивает людей.

— Как пишется «цикада»? — спросила она.

— Ц-И-К-А-Д-А, — ответил он. Собственным голосом, ни капли не похожим на голос мисс Ларнер.

— Артур Стюарт, — недоуменно пробормотала она. — Что с тобой случилось?

— Ничего, мисс Ларнер, — пожал плечами он. — Я просто вернулся домой.

Он не знал. Он ничего не понял. Он не осознавал своей способности к подражанию и не заметил, что его дар бесследно испарился. Он по-прежнему обладал идеальной памятью на слова. Но голоса исчезли; остался лишь его голос, голос семилетнего мальчика.

Она снова обняла его и тут же отпустила. Она обо всем догадалась. Если бы Артур Стюарт остался собой, ловчие быстро отыскали бы его и увезли на юг, в рабство. Мальчика можно спасти только в том случае, если он потеряет частичку себя.

Элвин понятия не имел, что, спасая Артура, отнимает у мальчика его дар, не весь, но половину. Свобода Артуру досталась ценой того, что он перестал быть прежним Артуром. Понимает ли это Элвин?

— Я устал, мисс Ларнер, — сказал вдруг Артур Стюарт.

— Да, конечно, — засуетилась она. — Ты можешь спать здесь, в моей кровати. Снимай грязную рубаху и залезай под одеяло. Тебе будет тепло и спокойно всю ночь.

Мальчик переступил с ноги на ногу. Она заглянула в огонек его сердца и увидела причину его нерешительности; улыбнувшись, она повернулась к Артуру спиной. Она услышала шорох покрывала, хруст простыней и тихое шуршание маленького тельца, скользнувшего в кровать. Затем она повернулась, склонилась над ним и легонько поцеловала в щеку.

— Спокойной ночи, Артур, — сказала она.

— Спокойной ночи, — пробормотал он.

Спустя какие-то секунды он уже спал. Она села за письменный стол и прикрутила фитиль настольной лампы. Пока она ждет возвращения ловчих, можно почитать. Это отвлечет ее от долгих часов ожидания.

Нет, видно, ей не суждено сегодня погрузиться в чтение. Слова по-прежнему усеивали книжную страницу, но она не понимала их смысл. Что она сейчас читает? Декарта? Какая разница? Ее неумолимо влек новый огонек сердца Артура Стюарта. Все тропки его жизни изменились. Он перестал быть прежним. Нет, это неправда. Он был и остается Артуром.

Он почти прежний Артур. Почти такой же. Но не совсем.

Стоило ли платить за его спасение такую цену? Чтобы обрести свободу, ему пришлось потерять часть себя. Возможно, это новое "я" лучше, чем старое, но прежний Артур Стюарт навсегда исчез в прошлом, как если бы его увезли на юг и он прожил бы остальную часть своей жизни в рабстве, лишь изредка вспоминая о Хатраке. Потом эти воспоминания превратились бы в сон, а затем — в сказку, которую он рассказывал бы детишкам перед смертью…

«Дура! Глупая дура! — яростно прикрикнула на себя Пегги. — Человек меняется с каждым новым днем. Его тело стареет, сердце теряет детскую невинность, ум становится менее невежественным». Жизнь в оковах намного больше изменила бы мальчика — вернее искалечила, —

чем нежное прикосновение Элвина. Очутившись в Аппалачах, Артур Стюарт потерял бы много больше. Кроме того, Пегги своими глазами видела темные тропки, которые прежде затмевали огонь его сердца, — кнута надсмотрщика, палящее солнце, выжигающее мозги, пока он трудился в поле, или веревка, которая поджидала Артура на дорогах, ведущих к восстанию рабов. Артур возглавил бы это восстание или принял в нем участие, и десятки рабовладельцев были бы убиты во сне, в своих постелях… Артур Стюарт был слишком юн, чтобы понять, что с ним случилось, однако будь он постарше и представься ему такой выбор, Пегги не сомневалась, что он выбрал бы то будущее, которое дал ему Элвин.

В некотором роде он лишился частички своей души, частички дара, а следовательно, потерял часть жизни. Но благодаря этой потере он обрел куда больше свободы, приобрел силу, так что в этой сделке он выиграл.

Однако, вспомнив, как сияло его лицо, когда он произносил слова голосом своей учительницы, Пегги не смогла удержаться и пролила-таки несколько слезинок в память о даре Артура Стюарта.

Глава 19
ПЛУГ

Ловчие проснулись вскоре после того, как спасители Артура Стюарта перевезли мальчика через реку.

— Посмотри только. Кандалы целы и невредимы. Доброе, надежное железо…

— Плюнь. На них наложили хорошее заклятие, которое навело на нас сон. Наверное, они и сниматься сами могут. Но эти люди даже не подозревают, что мы, ловчие, всегда находим беглеца. Нам достаточно одного запаха.

Посмотреть на них со стороны, можно было бы решить, что они радуются бегству Артура Стюарта. Но говоря по правде, эти парни просто любили добрую погоню, им нравилось демонстрировать людям, что от ловчих не скроешься. Иногда им приходилось начинить чье-либо брюхо дробью, еще до окончания охоты, ну и что с того? Они были псами, взявшими след истекающего кровью оленя.

Ловчие шли по следу Артура Стюарта, пока не уперлись в берег реки. Осмотрев все вокруг, они

переглянулись, обменявшись хмурыми взглядами. Подняв глаза, они обозрели другой берег, отыскивая огоньки сердец тех, кто бродит посреди ночи, тогда как все честные люди должны спать. Светловолосый не умел видеть далеко, но темноволосый ловчий сказал:

— Вижу огоньки, они движутся. А несколько стоят на одном месте. Ничего, в Хатраке снова возьмем след.

Элвин держал плуг в руках. Он знал, что без труда превратит его в золотой — Элвин достаточно повидал в своей жизни золота, чтобы запомнить, как оно выглядит, и показать частичкам железа, какими они должны стать. Но вместе с тем он понимал, что сейчас ему требуется не совсем обыкновенное золото. Оно слишком мягкое и холодное, как обыкновенный камень. Нет, ему нужно нечто новое, он не просто превратит железо в золото, осуществив мечту всякого алхимика, но создаст живой металл, золото, которое будет намного крепче и сильнее железа и превзойдет лучшую сталь. Это золото будет видеть и чувствовать мир вокруг себя — плуг сам станет переворачивать землю, подставляя ее огню солнца.

Элвин создаст золотой плуг, который будет

знать человека и которому человек будет верить, как По Доггли и Гораций Гестер знают и доверяют друг другу. Этому плугу не понадобится ни вол, ни лошадь, ни дополнительный вес, чтобы вонзиться в почву. Плуг будет отличать плодородную землю от истощенной. Подобного золота ни разу не видели на земле; точно так же этот мир никогда не видел тонкой незримой нити, которую Элвин протянул сегодня между собой и Артуром Стюартом.

Он опустился на колени, вызвав в уме форму золота.

— Стань таким, — шепнул он железу.

Он чувствовал, как из окружающего плуг воздуха внутрь железа ринулись атомы, соединясь друг с другом, образуя частички, которые по своему весу были больше частичек железа. Атомы беспрекословно выстроились в том порядке, который Элвин им показал.

В своих руках юноша держал золотой плуг. Элвин потер пальцем металл. Ну да, самое настоящее золото, сияющее в огне горна ярко-желтым цветом, правда, оно еще мертво, еще холодно. Как научить металл быть живым? Показывать золоту образ человеческого тела бессмысленно — такой плуг Элвину не нужен. Он хотел пробудить

живые атомы, продемонстрировать им, какими были и какими они могут стать. Впустить в них огонь жизни.

Огонь жизни… Элвин поднял золотой плуг, который значительно прибавил в весе, и, отвернувшись от палящего пламени, поставил его прямо посреди ярких угольев горна.

Ловчие, спокойно покачиваясь на спинах лошадей, не торопясь ехали по дороге к Хатраку, заглядывая в каждый дом, в каждую хижину, сравнивая то, что находилось в их шкатулке, с огоньками сердец местных жителей. Но их поиски не увенчались успехом. Они миновали кузницу и увидели горящий внутри огонь сердца, но то был вовсе не мальчишка, которого они искали. Это, наверное, кузнец, который выковал кандалы.

— Убил бы его на месте, — проскрежетал темноволосый ловчий. — Точно знаю, это он засунул заклятие в кандалы, чтобы мальчик без труда их скинул.

— Ничего, поймаем парнишку, вернемся сюда, — успокоил светловолосый.

Они заметили, что в старом домике неподалеку горят два огонька, но ни один из них не соответствовал образцу, который хранился в шкатулке,

поэтому ловчие поехали дальше, разыскивая ребенка, которого должны были узнать с первого взгляда.

Огонь проник внутрь золота, но пламя всего лишь плавило металл. Нет, так не пойдет — плуг нуждался в жизни, а огонь нес ему смерть. Элвин восстановил в голове образ плуга и показал частичкам золота, крикнул каждому атому: «Мне нужно, чтобы вы не только своими формами повторяли формы золота, но еще держали вот этот образ. Вы должны придерживаться его, как бы ни жег огонь, какая бы сила ни давила, как бы вас ни рвали, ни уничтожали».

Он почувствовал, что его приказ услышан — в золоте наметилось движение, движение, которое мешало золоту таять в пламени и стекать в золу. Но этого мало, металл так и не обрел силы. Ни секунды не раздумывая, Элвин сунул руки в огонь и приложил к золоту, продолжая показывать металлу образ плуга, крича в своем сердце: «Вот какими нужно быть! Станьте такими!» Боль страшно жгла его, но он понимал, что руки вытаскивать нельзя, ибо лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения. Атомы услышали его и приняли форму, которой Элвин никогда не видел, но в результате этого

золото теперь спокойно вбирало в себя жар огня и не таяло. Одна часть работы выполнена; правда, плуг еще не ожил, не стал таким, каким хотел сотворить его Элвин, но уже мог стоять в огне горна, не превращаясь в расплавленные струйки металла. Золото приобрело иные качества. Это золото знало, что оно есть плуг, и намеревалось навсегда остаться в этой форме.

Элвин отнял руки от металла и увидел, что на его коже, которая местами обуглилась до самых костей, весело танцует пламя. Молчаливый, как сама смерть, стиснув зубы, он сунул руки в бочонок с водой и услышал, как огонь зашипел, затухая. После чего, прежде чем боль разгорелась в полную силу, Элвин принялся лечить себя, убирая старую кожу и наращивая на ее место новую.

Вскоре, пошатываясь от усталости, ибо исцеление рук потребовало огромных сил, он подошел к горну и снова уставился в огонь на золотой плуг. Элвин заставил золото запомнить образ и держать его всегда, но этого не достаточно, чтобы оживить плуг. Металл должен понять, для чего предназначен плуг. Чтобы в дальнейшем исправно исполнять свою работу, золото должно узнать, почему оно обязано ожить. Вот в чем суть

Творения; вот что хотела сказать ему Иволга три года тому назад. Творение — это не просто резьба по дереву или работа с железом, ведь плотники и кузнецы режут, гнут и плавят, принуждая вещи принять новую форму. Творение — это нечто более тонкое; ты должен сделать так, чтобы вещи сами *захотели* обрести новую форму, чтобы они стремились к ней. Вот что Элвин делал многие годы подряд, не понимая, что на самом деле творит. Считая, что отыскивает естественные трещинки в камне, в действительности он создавал трещинки, представляя, где они должны появиться, и показывая это атомам внутри камня. Таким образом он учил вещи принимать ту форму, которую он им предлагал.

С этим плугом он сделал то же самое, однако не случайно, а намеренно. Элвин научил золото, как обрести новые качества и держаться новой формы. Он создал нечто новое, чего не создавал никогда раньше. Но как ему научить плуг действовать, двигаться так, как никогда не двигалось золото?

Где-то в глубине души он понимал, что проблема на самом деле заключается не в плуге. Настоящей проблемой являлся Хрустальный Город, ведь кирпичи, из которых сложатся его

стены, — это не просто атомы в железном плуге. Атомами города станут мужчины и женщины, которые не воспримут форму на веру, как воспринимают ее атомы, не станут в точности следовать приказам Элвина, а когда будут действовать, их поступки вполовину не будут так чисты. «Если у меня получится вселить в золото жизнь, может быть, мне удастся-таки построить из обыкновенных людей Хрустальный Город. Может быть, я найду соратников, таких же чистых душой, как атомы этого золота, и, возможно, они поймут форму Хрустального Города и полюбят ее с первого взгляда, так же, как полюбил ее я, очутившись внутри смерча, в который провел меня Тенсквататава. Тогда они будут не только следовать форме, но и заставлять ее действовать. Хрустальный Город оживет, превратившись в нечто огромное, в нечто куда более величественное, нежели кто-либо из нас, потому что мы всего-навсего атомы».

Лишь тот настоящий Мастер, кто является частью своего творения.

Элвин подбежал к мехам и принялся качать их, пока угли не раскалились до такой степени, что любой другой кузнец давно удрал бы из кузницы и подождал в ночной прохладе, пока огонь немножко ослабнет. Но не Элвин. Вместо этого

он подошел к горну и шагнул прямо в пламя. Он чувствовал, как на его теле горит одежда, но не обращал на это внимания. Он обнял руками плуг, прижал его к груди и одновременно стал исцелять себя, но не по кусочкам, а всего сразу, говоря телу: «Оставайся живым! Переноси огонь, который жжет тебя, в плуг!»

И одновременно с тем он сказал плугу: «Следуй примеру моего тела! Живи! Учись у моих живых частичек, пойми, что каждая часть тела занимается своим делом, и действуй подобным образом. Я не могу явить тебе форму, которую ты должен обрести, и не могу научить тебя этому, потому что сам не знаю, как это происходит. Но я могу показать тебе, что значит быть живым, показать болью своего тела, показать исцелением, борьбой за жизнь. Стань таким! Как бы тебе трудно ни пришлось, учись у меня, — это ты, будь, как я!»

Это заняло целую вечность. Элвин дрожал в огне, пока его тело боролось с жаром, отыскивая способы нести огонь, как река несет воду, и вливать его в плуг, который превратился в океан желтого пламени. И атомы, находящиеся внутри плуга, отчаянно пытались сделать то, о чем просил Элвин, — они хотели повиноваться ему, но не ведали как. Однако его зов был силен, слишком

силен, чтобы его не услышать; причем услышать его приказ — мало. Они должны поверить, что Элвин желает им только добра. Они доверились ему, захотели стать живым плугом, о котором он мечтал, поэтому каждую частичку времени, по сравнению с которой секунда показалась бы вечностью, атомы пытались сделать то, пытались сотворить это, пока внутри золотого плуга не возник новый образ, который обрел жизнь — такую, какой требовал Элвин. За одно-единственное мгновение образ распространился по металлу, и плуг ожил.

Он ожил. Элвин почувствовал, как золото движется под руками, чтобы удобнее расположиться среди угольев огня, чтобы взрезать их и перевернуть, словно они были почвой. А поскольку в почве этой не могло взрасти семя жизни, плуг скользнул прочь, удаляясь от огня к краю горна. Он двигался потому, что решил оказаться в другом месте, куда и переместился. Достигнув края горна, он перевалился через него и покатился на пол кузницы.

Испытывая неизмеримые страдания, Элвин также выкатился из огня и тоже упал, распростершись на холодном земляном полу. Теперь, когда всепожирающее пламя больше не терзало

его, тело принялось бороться с умиранием кожи. Оно исцеляло Элвина, следуя образу, который юноша в него заложил. Элвину не нужно было говорить ему, что делать, и направлять его. «Стань собой», — был приказ Элвина, поэтому знак, находящийся внутри живых частичек тела, повиновался образу, который стоял у юноши в голове, пока тело вновь не исцелилось. Новая кожа ровно обтянула плоть, ни следа ожога не осталось на ней.

От чего не мог Элвин избавиться, так это от памяти о боли и от слабости, поскольку на исцеление ушло много сил. Но ему было ровным счетом наплевать на это. Как бы он слаб ни был, сердце его торжествовало, потому что плуг, который лежал рядом с ним на земле, был сделан из живого золота. И вовсе не Элвин создал его, Элвин лишь научил металл, а тот в свою очередь сам сотворил себя.

Ловчие ничего не нашли, хоть и объехали весь город. И как темноволосый ловчий не всматривался вдаль, отыскивая беглецов, он так ничего и не увидел. Ни одна лошадь не скакала во тьме, унося мальчишку, ни один огонек сердца не двигался в ночи. Каким-то образом раб-полукровка спрятался от них, что, насколько они знали, было

невозможно. Но, вероятно, ему все-таки удалось скрыться.

Разумнее всего было поискать там, где мальчишка жил эти годы. Надо посмотреть в гостинице, в домике у ручья, в кузнице — там, где пылали яркие огоньки сердец. Люди, живущие там, почему-то засиделись чуть ли не до рассвета. Ловчие подъехали к гостинице и привязали лошадей неподалеку от дороги. Зарядив ружья и пистолеты, они отправились на разведку. Проходя мимо гостиницы, ловчие снова вгляделись внутрь здания, тщательно обследуя каждый огонек, но ни один из них не соответствовал образцу, заключенному в шкатулке.

— Надо посмотреть в коттедже, где живет эта училка, — сказал светловолосый ловчий. — В первый раз мы ведь там его нашли.

Темноволосый ловчий глянул в сторону домика. Конечно, сквозь деревья коттедж не было видно, но то, что ловчий сейчас искал, не скроют ни деревья, ни самые крепкие стены.

— Там два человека, — произнес он наконец.

— Так, может, один из них полукровка? — предположил светловолосый ловчий.

— Судя по шкатулке, нет, — ответил темноволосый и вдруг грязно ухмыльнулся. — Учительница,

живущая одна, принимает в это время ночи какого-то посетителя? Догадываюсь, кто у нее в гостях, и это вовсе не мальчишка.

— Все равно пойдем глянем, — настаивал светловолосый ловчий. — Скорее всего ты правильно рассудил, и она не будет жаловаться, если мы вдруг вломимся к ней в дверь, иначе мы расскажем всей округе, что увидели внутри ее домика, когда случайно проходили мимо поздно ночью.

Они посмеялись над этим и направились по освещенной лунным светом тропинке к домику мисс Ларнер. Они намеревались выбить ногой дверь и хорошенько повеселиться, пока училка будет скакать по комнате и выкрикивать угрозы.

Но самое смешное, что, когда они подошли к коттеджу, этот план начисто выветрился из их голов. Они абсолютно забыли, зачем сюда шли. Ловчие снова взглянули на огоньки сердец и сравнили их с тем, что лежало в шкатулке.

— Какого дьявола мы перлись сюда? — возмегодовал светловолосый ловчий. — Парень наверняка в гостинице. Мы же видим, что его здесь нет!

— Знаешь, что я подумал? — спросил темноволосый. — Может, они убили его?

— Они что, совсем чокнутые? А зачем было

красть мальчишку?

— Тогда куда, по-твоему, они его запрятали, если мы ничего не видим?

— Он в гостинице. Могу поспорить, они наложили на пацана какие-то обереги. Но стоит нам открыть двери, как заклятия рухнут, и мы сразу увидим его, вот так вот.

На какое-то мгновение темноволосый ловчий подумал: «А почему бы заодно не заглянуть в домик к учительнице? Ведь на него тоже может быть наложен оберег? Почему бы нам сначала не открыть эту дверь?»

Но эта мысль мгновенно ускользнула от него, так что в следующую секунду он уже ничего не помнил — он даже не помнил, что у него родилась такая идея. Темноволосый ловчий молча побрел за своим компаньоном. Мальчик-полукровка наверняка в гостинице. Сто к одному.

Пегги, разумеется, увидела ловчих, когда те подошли к ее домику, но ни капли не испугалась. Все это время она исследовала тропки ожидающего Артура Стюарта будущего, и ни на одной из них не было того, что мальчика уведут с собой ловчие. Артура поджидало немало опасностей — это Пегги видела, — но сегодня ночью с ним ничего не случится. Поэтому она не обратила на

ловчих никакого внимания. Она увидела, когда они решили уйти; увидела мысль, мелькнувшую в голове у темноволосого ловчего; увидела, как обереги повернули его и отправили прочь. Но за этим она наблюдала краешком глаза — сейчас она с головой погрузилась в изучение будущего Артура Стюарта, рассматривая, что ждет мальчика впереди.

И вдруг она поняла, что больше сдерживаться не может. Она обязана поделиться с Элвином той радостью и печалью, которую он принес сегодня ночью. Но как это сделать? Неужели она признается ему, что мисс Ларнер на самом деле светлячок, который увидел, как в огне сердца Артура Стюарта родились миллионы и миллионы новых возможностей? Она не могла держать это в себе. Несколько лет назад она хотя бы могла поделиться своим открытием с миссис Модести, от которой у Пегги не было секретов.

Нет, идти в кузницу — это сумасшествие, ведь она мечтала рассказать Элвину такое, чего не могла рассказать, не выдав своей тайны. Однако, если она останется наедине с собой в этих стенах, знание, терзающее изнутри, сведет ее с ума.

Поэтому она поднялась, отперла дверь и вышла на улицу. Никого. Она закрыла дверь и повернула

в замочной скважине ключ, после чего снова заглянула в сердце Артура, чтобы увериться, что никакой опасности не возникло. Ему ничто не угрожает. Она может спокойно идти к Элвину.

И только тогда она заглянула в сердце Элвина, только тогда она увидела ужаснейшую боль, которую он перенес считанные минуты назад. Почему она этого не заметила? Почему она ничего не увидела? Только что Элвин преодолел величайший рубеж в своей жизни: он создал великое Творение, принес в этот мир нечто новое, а она все пропустила. Когда он сошелся в битве с Рассоздателем, она была далеко отсюда, в Дикэйне, и тем не менее присутствовала при его борьбе, а сейчас, находясь от Элвина в нескольких десятках ярдов… Почему она не услышала его боль, когда он извивался в огне?

Может, причиной был домик у ручья. Однажды, почти девятнадцать лет тому назад, в день, когда Элвин появился на свет, домик у ручья лишил ее дар силы и усыпил маленькую Пегги, и тогда она едва-едва не опоздала. Но нет, этого не может быть — вода больше не течет через домик, да и огонь горна куда сильнее воды.

Может быть, это Рассоздатель ее ослепил? Обозрев округу глазами светлячка, она не заметила

никаких подозрительных темных пятен среди красок окружающего мира. Во всяком случае, поблизости ничего угрожающего не было. Значит, ее никто не ослеплял.

Нет, видимо, сама природа того, что творил Элвин, не хотела, чтобы Пегги что-либо узнала. Много лет тому назад Пегги не видела, чем закончилось его противостояние Рассоздателю, — сегодня ночью она не видела, как Элвин изменил юного Артура на берегу Гайо. Точно так же она не видела, что он делал в кузнице. То особое Творение, которое осуществилось сегодня, стояло вне тропок будущего, которые открывались дару Пегги.

Будет ли так всегда? Неужели каждый раз она будет терять свое волшебное зрение? Это разозлило ее и напугало. «Какой прок от моего дара, если в самый ответственный момент он подводит меня?! Нет, сейчас он мне не так уж был нужен. Элвин не нуждался в моей помощи, когда заходил в огонь. Мой дар не подводит меня, когда в нем возникает необходимость. То рушатся мои желания».

«Но сейчас я нужна ему», — подумала она. Пегги начала осторожно спускаться по склону, луна висела над горизонтом, глубокие тени пролегли

по земле, пересекая предательскую тропинку. Обогнув угол кузницы, девушка поморщилась от ослепляющего огня, пылающего в горне и заливающего своим сиянием траву. Огонь полыхал ярко-красным светом, так что трава вместо зеленой стала казаться черной.

Внутри кузницы, свернувшись клубочком на земле, лицом к горну, лежал Элвин. Он тяжело и прерывисто дышал. Спит ли он? Нет. Он был полностью обнажен; ей потребовалась секунда, чтобы понять, что его одежда, наверное, сгорела в горне. Он не заметил этого, ибо тогда его больше занимала боль тела, поэтому Пегги, заглянув в огонек его сердца в поисках воспоминаний, ничего там не нашла.

Кожа Элвина была поразительно бледной и гладкой. Сегодня днем Пегги собственными глазами видела его коричневый загар, полученный под жарким солнцем. На теле его виднелись шрамы от ожогов или случайных искр — избытки работы рядом с огнем. Однако сейчас кожа Элвина стала как у младенца, и Пегги ничего не смогла с собой поделать. Она шагнула в кузницу, встала рядом с юношей на колени и нежно провела рукой по его спине. Его кожа была такой мягкой, что собственные руки показалась Пегги

грубыми — казалось, одним касанием она могла поранить Элвина.

Он глубоко вздохнул. Она убрала руку.

— Элвин, — окликнула она. — Ты в порядке?

Он двинул рукой, прижимая к себе какой-то предмет, который закрывал своим телом. И действительно, она разглядела, что рядом с ним блестит что-то желтое. Золотой плуг.

— Он ожил, — пробормотал Элвин.

И как бы в подтверждение этим словам плуг под его рукой слегка шевельнулся.

Стучаться, естественно, они не стали. Глухая ночь ведь на дворе! Хозяева сразу поймут, что это не какой-то там случайный путник — к ним могли заявиться только ловчие. Стук в дверь предупредит их, даст возможность унести мальчишку.

Так что темноволосый ловчий и не пытался бесшумно вскрыть замок. Он ударил со всех сил ногой, и дверь, сорвав верхнюю щеколду, настежь распахнулась. Держа ружье наизготовку, ловчий быстро вошел в дом и оглядел гостиную. Огонь в очаге уже затухал, отбрасывая на стены неверные тени, но даже при этом неясном свете было видно, что в комнате никого нет.

— Я посмотрю на втором этаже, — предложил

светловолосый ловчий. — А ты сходи на задний двор, проверь, может, они уже убежали.

Темноволосый ловчий прошел через кухню к черному ходу и выглянул на улицу. Тем временем светловолосый поднимался по лестнице.

Старушка Пег, спрятавшаяся под столом в кухне, вылезла из своего убежища. Ворвавшиеся в дом негодяи даже не позаботились повнимательнее оглядеть помещение. Она, конечно, не знала, кто эти люди, но надеялась… надеялась, что это ловчие, которые вернулись, потому что каким-то чудом Артур Стюарт умудрился сбежать и теперь они его ищут. Пег сбросила башмаки и на цыпочках проследовала в гостиную, где над камином висело заряженное ружье Горация. Она потянулась и сняла его с крюка, но рукой случайно сбила жестяной чайничек, который вечером кто-то поставил на камин, чтобы вода не остывала. Чайник, покатившись по полу, громко задребезжал; горячая вода окатила ее ноги, и она против воли тихонько зашипела.

На лестнице послышались шаги. Не обращая внимания на боль, Пег подбежала к лестнице, у которой и столкнулась со спускающимся вниз светловолосым ловчим. Дуло его ружья было направлено прямо на Пег. Хотя она в жизни не

стреляла из ружья в человека, сейчас она не колебалась ни секунды. Старушка Пег нажала на курок; сильная отдача ударила в живот, согнув ее пополам и отбросив к стене рядом с кухонной дверью. Впрочем, этого она не заметила. Она видела лишь то, как покачивается светловолосый ловчий, чье лицо внезапно расслабилось и поглупело, разом напомнив Пег морду жующей траву коровы. Затем его рубаха расцвела алыми потеками, и он с грохотом рухнул на пол.

«Больше тебе не придется красть детей у мам, — подумала старушка Пег. — Не уводить тебе чернокожих туда, где их ждет палящее солнце и кнут. Я убила тебя, ловчий, и думаю, наш Господь возрадовался моему поступку. Но даже если я теперь отправлюсь в ад, все равно я рада, что поступила так».

Она не сводила глаз с валяющегося на полу ловчего, поэтому не увидела, как задняя дверь тихонько отворилась и в нее просунулось дуло ружья, которое сжимал в руках темноволосый ловчий. Ловчий прицелился и…

Элвину страшно хотелось рассказать Пегги о своем творении, поэтому он совершенно забыл о наготе. Она вручила ему кожаный передник, который висел на колышке на стене, и Элвин

машинально надел его. Однако его взволнованных слов Пегги сейчас не слышала; все, что он рассказывал ей, она узнала, заглянув в огонь его сердца. Вместо этого Пегги смотрела на него и думала: «Вот теперь он Мастер, отчасти потому, что я научила его. Неужели я исполнила свой долг, неужели отныне моя жизнь будет принадлежать только мне? А может, нет, может быть, все только началось, и с этих пор я буду общаться с ним как с мужчиной, а не с учеником». Казалось, Элвин весь светится внутренним огнем; золотой плуг следовал за ним по пятам, но не путался под ногами, а скользил кругами, как планета вокруг солнца, стараясь не мешать, но находясь все время под рукой. Словно плуг стал частью Элвина, которая двигалась отдельно от своего хозяина.

— Я знаю, — ответила Пегги. — Я все понимаю. Ты теперь Мастер.

— Да нет, дело даже не в этом! — воскликнул он. — Хрустальный Город… Я знаю, как его построить, мисс Ларнер. Понимаете ли, город — это не просто хрустальные башни, которые я видел, город — это люди внутри него, и, чтобы построить его, я должен найти людей, чистых и преданных своему делу, как этот плуг. Людей, которые разделят мою мечту и захотят построить город,

которые возведут его, даже если меня не окажется рядом. Понимаете, мисс Ларнер? Хрустальный Город не под силу выстроить одному Мастеру. Это город Мастеров; я должен найти таких людей и каким-то образом сделать из них Мастеров.

Услышав эти слова, она наконец поняла: вот это и есть труд его жизни, который разобьет его сердце.

— Да, — кивнула она. — Это правда, я знаю, что это правда.

Больше она не могла притворяться мисс Ларнер, быть всегда спокойной, холодной, далекой. Она вновь стала собой, и внутри ее полыхал огонь, который зажег Элвин.

— Пойдемте со мной, мисс Ларнер, — произнес Элвин. — Вы столько знаете, и вы хороший учитель. Мне нужна ваша помощь.

«Нет, Элвин, не те слова. Да я и так пойду с тобой, но скажи другие слова, те, которые я жажду услышать».

— Как я могу учить тому, что подвластно только тебе? — спросила она, отчаянно пытаясь совладать с предательски дрожащим голосом.

— Да нет, просто… просто я не смогу исполнить это в одиночку. То, что я сделал сегодня, было так трудно… мне нужно, чтобы вы были рядом

со мной.

Он шагнул к ней. Золотой плуг скользнул по полу по направлению к Пегги, огибая ее, как будто обозначая границы души Элвина, и теперь Пегги попала в этот огромный круг.

— Но зачем? — спросила Пегги.

Она нарочно не хотела заглядывать в огонь его сердца, она не хотела видеть, есть ли хоть какой-нибудь шанс, что Элвин действительно… нет, она даже называть это не хочет, потому что боится: вдруг она откроет, что это почему-то невозможно, что этого никогда не случится и сегодня ночью все тропинки, ведущие к их чувствам, вдруг исчезнут. Вот почему ее увлекло будущее, ожидающее Артура Стюарта; он будет так близок Элвину, что глазами Артура Пегги могла узреть часть великой и ужасной судьбы Элвина. Таким образом ей не пришлось заглядывать в огонь сердца Элвина, ведь там она сразу увидела бы тропки, на которых Элвин, может быть, полюбит ее и женится на ней, отдав это ненаглядное, совершенное тело в ее руки, чтобы подарить ей и получить в подарок то, что приносит двум людям любовь.

— Пойдемте со мной, — повторил он. — Я представить себе не могу, как буду обходиться без вас, мисс Ларнер. Я… — Он усмехнулся над самим

собой. — Я ведь даже не знаю, как вас зовут, мисс Ларнер.

— Маргарет, — ответила она.

— Можно я буду вас так называть? Маргарет… вы пойдете со мной? Мне известно, что вы не тот человек, которым кажетесь, но мне плевать на чары, мне все равно, как вы выглядите на самом деле. Иногда я думаю, что вы одна на всем белом свете знаете, что я собой представляю, и я…

Он замолк, подыскивая подходящие слова. Молчала и она, ожидая услышать, что он скажет дальше.

— Я люблю вас, — наконец промолвил он. — Пусть вы подумаете, что я еще мальчишка…

Возможно, она ответила бы ему. Может быть, она сказала бы, что он вовсе не мальчик, но муж и что она единственная женщина на всей земле, которая будет искренне любить его, а не почитать, единственная женщина, которая сможет помочь ему на его дороге. Но тишину, наступившую между ними, вдруг разорвал звук ружейного выстрела.

Она было подумала об Артуре Стюарте, но, заглянув в домик, убедилась, что огонек его сердца мирно дремлет; мальчик спокойно спал. Нет, выстрел донесся издалека. Она обратила око свет-

лячка на гостиницу и там обнаружила какой-то огонек, который мигнул и погас. В последнюю секунду перед смертью человек смотрел на женщину, стоящую у подножия лестницы. Это была мама, сжимающая в руках ружье.

Пегги сразу заглянула в сердце матери и увидела, как миллионы тропок будущего, вьющиеся за ее мыслями, чувствами и воспоминаниям, вдруг схлопнулись воедино, перепутались, изменились и стали единственной тропинкой, которая вела к страшному исходу. К вспышке раздирающей тело агонии, переходящей в ничто.

— Мама! — закричала она. — Мама!

Затем будущее стало настоящим, и огонь сердца старушки Пег угас еще до того, как звук второго выстрела достиг кузницы.

Элвин сам себе не мог поверить. Он сказал такое мисс Ларнер. До этого мгновения он и не подозревал, какие чувства испытывает к ней. Он боялся, что она высмеет его, страшно боялся, что она скажет, мол, он слишком молод и спустя некоторое время эти чувства оставят его.

Но, перед тем как ответить, мисс Ларнер на секунду задумалась, и в это мгновение прозвучал выстрел. Элвин догадался, что стреляли в гостинице; он послал своего «жучка», очутился там,

откуда этот звук исходил, и увидел мертвого человека, которого исцелять было уже бесполезно. Затем, спустя еще секунду, прозвучал другой выстрел, и снова Элвин увидел, что кто-то умирает, какая-то женщина. Он знал, кому принадлежит это тело; он знал эту женщину. Это была старушка Пег.

— Мама! — воскликнула мисс Ларнер. — Мама!

— Это старушка Пег Гестер! — закричал Элвин.

Он увидел, как мисс Ларнер рванула воротничок своего платья, засунула внутрь руку и вытащила амулеты, висящие на груди. Одним движением она сорвала их с себя, несмотря на то, что крепкие нитки, на которых висели амулеты, жестоко поранили ее шею. Элвин глазам своим не поверил — перед ним предстала юная девушка, которая была лишь ненамного старше его самого. Прекрасная юная девушка, чье лицо было искажено страданием и страхом…

— Это моя мама! — крикнула она. — Элвин, спаси ее!

Он не колебался ни секунды. Выскочив из кузницы, он помчался по траве, по дороге, не замечая, что острые камни ранят его мягкие, покрытые новой кожей ступни. Кожаный передник цеплялся и задевал за колени; он забросил его за

спину, чтобы не мешал бежать. Элвин видел, что старушку Пег уже не спасти, однако он бежал, потому что обязан был попробовать, хоть и знал, что не успеет. А потом она умерла, а он все бежал, потому что не мог не мчаться туда, где только что погибла эта добрая женщина, его хороший друг.

Его друг и мать мисс Ларнер. Стало быть, мисс Ларнер — это тот самый светлячок, который убежал отсюда семь лет назад. Но если она такой могущественный светлячок, как о ней рассказывают, почему она не увидела приближающуюся беду? Почему она не заглянула в сердце собственной матери и не предвидела ее смерть? В этом не было смысла.

На дороге ему попался человек. Человек, выбежавший из гостиницы и направляющийся к лошадям, привязанным неподалеку. Именно он убил старушку Пег. Элвин знал это и больше ничего знать не хотел. Он прибавил скорости, побежал так, как ни бегал ни разу в жизни, даже когда лес придавал ему силу. Человек в тридцати ярдах услышал его топот и обернулся.

— А, это ты, кузнец! — заорал темноволосый ловчий. — Что ж, убьем и тебя!

В руке он сжимал пистолет. Пистолет выстрелил.

Пуля попала Элвину прямо в живот, но он не почувствовал этого. Его тело сразу начало залечивать рану, но даже если б Элвин истек кровью до смерти, он все равно не остановился бы. Не замедляя шага, Элвин налетел на человека, сбил с ног и проехал на нем футов десять по дороге. Ловчий закричал от страха и боли. Этот вопль был единственным звуком, который он успел издать; в своей ярости Элвин так врезал кулаком по челюсти ловчего, что шея его противника хрустнула и переломилась. Человек был уже мертв, но Элвин не мог остановиться: он бил ловчего до тех пор, пока руки, грудь и кожаный передник не покрылись кровью темноволосого ловчего — череп лопнул, расколовшись на кусочки, словно старый горшок.

В конце концов Элвин совладал с собой. Он стоял на коленях, опустошенный гневом и яростью. Спустя пару мгновений он вспомнил, что старушка Пег по-прежнему лежит на полу гостиницы. Он видел, что она мертва и ей ничем не поможешь, но ему больше некуда было идти. Он медленно поднялся на ноги.

Со стороны города послышался стук лошадиных копыт. В такую позднюю ночь выстрелы могли означать только то, что случилась какая-то

беда. Скоро соберутся люди. Они найдут тело на дороге, а потом направятся в гостиницу. Так что не стоит приветствовать их здесь.

Пегги уже прибежала в гостиницу и сейчас стояла на коленях у тела матери, громко всхлипывая и задыхаясь после бега. Элвин узнал ее только по платью — ее настоящее лицо он видел всего секунду, там, в кузнице. Услышав шаги, она повернулась к нему.

— Где ты был?! Почему ты не спас ее?! Ты же мог ее спасти!

— Не мог, — ответил Элвин. Ей не стоило бросать ему в лицо такие обвинения. — У меня не было времени.

— Но ты же мог увидеть! Ты ведь мог предотвратить беду!

Элвин окончательно растерялся.

— Я не умею видеть будущее, — непонимающе развел руками он. — Это ведь твой дар.

Затем она разрыдалась, сухие натужные всхлипы сменились протяжным, исходящим из груди стоном. Элвин места себе не находил.

Дверь позади них отворилась.

— Пегги… — прошептал изумленный Гораций Гестер. — Малышка Пегги…

Пегги оглянулась, лицо ее было залито слеза-

ми, покраснело от рыданий, так что чудо, что он вообще узнал ее.

— Это я виновата! — выкрикнула она. — Не надо было мне оставлять ее, папа! Это я убила ее!

И в эту секунду Гораций понял, что на полу лежит бездыханное тело его жены. Элвин заметил, как он задрожал, застонал, а потом завыл громко и протяжно, как раненый пес. Элвин никогда не видел такой печали. Плакал ли так мой отец, когда погиб брат Вигор? Так ли он рыдал, когда узнал, что я и Мера попали в плен к краснокожим?

Элвин протянул руки к Горацию, прижал его к груди, затем подвел к Пегги и помог сесть рядом с дочерью. Они плакали, даже не замечая присутствия друг друга. Они видели лишь тело старушки Пегги, распростершееся на полу. Элвин и не догадывался, как глубока, как страшна та вина, которую возлагали они на себя за ее смерть.

Спустя некоторое время прибыл шериф. Он обнаружил труп черноволосого ловчего на улице, и ему не потребовалось много времени понять, что в точности здесь произошло. Он отвел Элвина в сторону.

— Чистейшая самооборона, — сказал Поли Умник. — Так что в тюрьму я тебя заключать не

буду, не бойся. Но должен предупредить, закон Аппалачей не станет закрывать глаза на смерть ловчего — Договор позволяет забрать тебя отсюда и увезти туда на суд. Так что, парень, тебе лучше смотаться из города побыстрее, иначе я не могу гарантировать твоей безопасности.

— Я все равно собирался уезжать, — ответил Элвин.

— Не знаю, как это у вас получилось, — продолжал Поли Умник, — но похоже, вы умудрились умыкнуть этого полукровку у ловчих и спрятали его где-то здесь. В общем, когда будешь уезжать, забери-ка ты мальчишку с собой. Увези его в Канаду. Если я снова увижу здесь его мордашку, то собственноручно доставлю пацана на юг. Это ведь все из-за него. Подумать только, хорошая белая женщина погибла из-за какого-то черномазого мальчишки-полукровки.

— Ты лучше никогда не говори при мне такого, Поли Умник.

Шериф лишь покачал головой и пошел прочь.

— Идиотство, — сказал он напоследок. — Вы все словно чокнулись из-за этой обезьяны, будто бы он человек. — Он снова повернулся и взглянул на Элвина. — Мне плевать на то, что ты обо мне думаешь, Элвин Кузнец, но я даю тебе и этому

парню возможность остаться в живых. Надеюсь, у вас хватит мозгов ею воспользоваться. Да и еще — смой с себя кровь и оденься во что-нибудь.

Элвин побрел обратно к дороге. На бегущих навстречу людей он не обращал никакого внимания. Казалось, только Мок Берри понял, что произошло. Он отвел Элвина к себе домой, там Анга вымыла юношу, а Мок одолжил ему кое-что из своей одежды. В кузницу Элвин вернулся только к рассвету.

Миротворец уже сидел у дверей на табуретке и разглядывал золотой плуг. Сам же плуг замер на земле прямо у горна.

— Вот это работа, — в восхищении промолвил Миротворец.

— Ничего получилось, — кивнул Элвин.

Он подошел к плугу и нагнулся. Тот сам прыгнул в руки к Элвину, причем тяжести его ничуть не ощущалось, но если Миротворец и заметил, что плуг пошевелился еще до того, как Элвин дотронулся до него, то не сказал ни слова.

— У меня здесь куча ненужного лома, — сказал Миротворец. — Я даже не прошу, чтобы ты делился со мной половина на половину. Оставь пару-другую пластинок, после того как превратишь все в золото, мне хватит…

— Я больше не стану превращать железо в золото, — покачал головой Элвин.

— Да это же *золото*, дурак! — пришел в бешенство Миротворец. — Выковав такой плуг, можно больше не голодать, а о работе и не вспоминать даже. Мы заживем так, как тебе и не снилось! Прикупим новых платьев Герти, может, пошьем сюртук мне! Люди в городе будут говорить мне «доброе утро» и снимать шляпы, будто я настоящий джентльмен. Я буду ездить в коляске, как доктор Лекаринг! Я смогу отправиться в Дикэйн, в Карфаген, куда угодно, и не думать о том, сколько это стоит. И после этого ты говоришь мне, что не будешь превращать железо в золото?

Элвин понимал, что объяснять кузнецу что-либо бесполезно, и все же попробовал:

— Это не совсем обычное золото, сэр. Это живой плуг, и я не позволю расплавить его, чтобы начеканить монет. Кроме того, насколько мне известно, этот плуг просто так не расплавишь, даже если очень захочешь. Поэтому не приставайте ко мне с глупыми просьбами и позвольте спокойно уйти.

— А что ты будешь делать с этим плугом? Дурак, да мы с тобой могли бы править миром! — Но когда Элвин молча протиснулся мимо него, на-

правляясь прочь из кузни, Миротворец перестал упрашивать и перешел к угрозам: — Это ведь из моего железа ты выковал золотой плуг! Это золото принадлежит мне! Работа, которую выполняет подмастерье, перед тем как уйти на вольные хлеба, всегда остается мастеру, если тот сам не решит отдать ее ученику, а я уж этого не решу, будь уверен! Вор! Ты крадешь мое добро!

— А ты украл у меня пять лет жизни. Ты давным-давно мог отпустить меня, — ответил Элвин. — И этот плуг… Твои уроки здесь ни при чем. Он живой. Миротворец Смит. Он не твой и не мой. Он принадлежит сам себе. Давай поставим его на землю, посмотрим, кто его поймает.

Элвин поставил плуг на траву и отступил немножко. Миротворец осторожно шагнул вперед. Плуг вонзился в почву и, переворачивая землю, подкатился к Элвину. Подобрав его, юноша ощутил, что золото нагрелось. Он догадывался, что это значит.

— Хорошая земля, — сказал Элвин.

Плуг подтверждающе задрожал у него в руках.

Миротворец окаменел, глаза его выпучились от страха.

— Боже, спаси и сохрани, да ведь этот плуг *двигался*.

— Знаю, — кивнул Элвин.

— Кто ж ты такой, парень? Дьявол?

— Не думаю, — усмехнулся Элвин. — Хотя я пару раз встречался с рогатым.

— Убирайся отсюда! Забирай эту штуку и проваливай! И чтоб я никогда не видел тебя здесь!

— У тебя мой контракт, — напомнил Элвин. — Отдай его.

Миротворец опустил руку в карман, вытащил сложенную бумажку и бросил ее в траву перед кузницей, затем дотянулся до ручек дверей и крепко заперся изнутри, чего он не делал даже в лютые зимние морозы. Он крепко закрыл двери и заложил засовом. Глупец, как будто Элвин не сможет разнести их в щепы, если захочет проникнуть внутрь. Элвин подобрал бумагу и, развернув, прочитал написанное. Все правильно. Все по закону. Элвин стал настоящим ремесленником и мог отправляться искать работу.

Солнце едва показалось, когда Элвин поднялся на крыльцо домика у ручья. Двери его были крепко заперты, но замки и обереги не могли остановить Элвина, тем более он сам их сделал. Он открыл дверь и вошел внутрь. Артур Стюарт беспокойно заворочался во сне. Элвин дотронулся до его плеча и тихонько встряхнул, затем, увидев,

что мальчик проснулся, сел рядом с кроватью и рассказал Артуру о происшедшем ночью. Он показал ему золотой плуг и продемонстрировал, как тот движется. Артур в восторге засмеялся. Затем Элвин объяснил ему, что женщина, которую мальчик всю жизнь звал мамой, умерла, погибла от руки ловчего, и Артур расплакался.

Но слезы вскоре высохли. Мальчик был еще слишком юн, чтобы долго переживать скорбь.

— Так говоришь, она убила одного из них, перед тем как погибла сама?

— Убила из ружья твоего папы.

— Здорово! — яростно воскликнул Артур Стюарт. Элвин чуть не рассмеялся, глядя на мальчика.

— А другого убил я. Того, который застрелил ее.

Артур привстал, взял правую руку Элвина и открыл ее.

— Вот этой рукой?

Элвин кивнул.

Артур поцеловал его открытую ладонь.

— Я бы исцелил ее, если б мог, — признался Элвин. — Но она умерла слишком быстро. Даже если бы я находился рядом, когда в нее попала пуля, и то ничего не успел бы сделать.

Артур Стюарт обвил ручонками шею Элвина и

снова заплакал.

Днем старушку Пег опустили в землю на вершине холма, рядом с могилами ее дочерей, брата Элвина Вигора и мамой Артура, которая умерла совсем молодой.

— Здесь покоятся люди великого мужества, — напутствовал доктор Лекаринг.

Он был прав, хотя и не подозревал о лежащей здесь чернокожей беглянке, девочке-рабыне.

Элвин отмыл с пола и лестницы гостиницы кровавые разводы. При помощи своего дара он отчистил кровь, которую даже песок не мог взять, как бы им ни терли. Это было последнее, что он мог сделать для Горация и Пегги. Маргарет. Мисс Ларнер.

— Мне нужно ехать, — сказал он. Они сидели на стульях в гостиной, куда сегодня приходили люди, желающие выразить скорбь. — Я отвезу Артура к моим родителям, в Церковь Вигора. Там он будет в безопасности. А затем отправлюсь дальше.

— Спасибо тебе за все, — ответил Гораций. — Ты был нам хорошим другом. Старушка Пег любила тебя.

И он снова разрыдался.

Элвин похлопал его по плечу, после чего повер-

нулся к Пегги.

— Всем, что я есть, я обязан вам, мисс Ларнер.

Она молча покачала головой.

— Я помню, что сказал вам тогда. И повторяю это сейчас.

Она снова покачала головой, но он не удивился ее ответу. После того как ее мать сошла в могилу, так и не узнав, что ее дочь вернулась домой, Элвин даже не надеялся, что Пегги согласится поехать с ним. Кто-то ведь должен помогать Горацию Гестеру управлять гостиницей. Это справедливо. И все же сердце его защемило, потому что сейчас он снова осознал — он любит ее. Однако она не пара ему. Это ясно с первого взгляда. Такая женщина, образованная, милая, прекрасная, — она могла быть его учителем, но она никогда не полюбит его так, как любит ее он…

— Что ж, тогда я прощаюсь, — сказал Элвин.

Он протянул руку, хотя понимал, что глупо пожимать руку человеку, который так тоскует. Ему очень хотелось обнять ее и прижать к себе, как он прижимал Артура Стюарта, когда тот плакал, но сейчас объятия он заменил рукопожатием.

Она взяла его руку в свою. Но не для того, чтобы попрощаться, а чтобы удержать, крепко сжать ее. Это удивило его. Не раз за последующие месяцы

и годы Элвин вспоминал, как она держала его. Может, это означало, что она его любит. А может, она просто беспокоилась о нем как о своем ученике или благодарила за то, что он отомстил за смерть ее матери? Кто знает, что означал этот ее жест? Однако он запомнил, как она держала его за руку, — на всякий случай, вдруг это означало, что она любит его.

И пока она держала его пальцы в своих, он дал ей обещание, поклялся перед ней, хотя сам не знал, хочет ли она, чтобы он выполнил свою клятву.

— Я вернусь, — произнес он. — И то, что сказал прошлой ночью, повторю снова. — Наконец, собравшись с мужеством, он назвал ее именем, которым она разрешила себя называть. — Да хранит вас Господь, Маргарет.

— Да хранит тебя Господь, Элвин, — прошептала она.

После того как Артур Стюарт тоже попрощался, Элвин взял мальчика за руку, и они вышли во двор. Обойдя гостиницу, они приблизились к сараю, в котором в бочонке из-под бобов Элвин спрятал золотой плуг. Сняв крышку, он протянул руку, и плуг сам скользнул навстречу, блеснув солнечным светом. Элвин взял его, обернул в

холст и засунул в холщовый мешок, который забросил за плечо.

После этого Элвин встал на колени и подставил руку, помогая Артуру Стюарту забраться на спину. Артур немедленно воспользовался возможностью поиграть и проехаться на спине Элвина — мальчики его возраста не умеют горевать дольше часа или двух кряду. Он запрыгнул Элвину на шею, смеясь и пинаясь пятками.

— Нам предстоит долгий путь, Артур Стюарт, — сказал Элвин. — Мы направляемся ко мне домой, в Церковь Вигора.

— И что, мы пойдем туда пешком?

— Я буду идти. А ты поедешь.

— Ур-р-ра! — закричал Артур Стюарт.

Элвин легко побежал вперед, но не прошло и минуты, как он уже бежал в полную силу. К тому же дороги ему не требовались. Он свернул прямо в поля, перепрыгнул через изгородь и скрылся в лесах, которые огромными заплатами усеивали территории Гайо и Воббской долины и отделяли его от дома. Зеленая песня звучала намного тише, чем во времена, когда земля принадлежала краснокожим, но по-прежнему звенела в ушах Элвина Кузнеца. Юноша поддался ее течению, следуя ей, как следовали краснокожие. И Артур Стюарт

— может, он тоже слышал ее, потому что вскоре, покачиваясь на широкой спине Элвина, заснул крепким сном. Окружающий мир потонул вдали. Остались только Элвин, Артур Стюарт и золотой плуг — все остальное затопила зеленая песня. «Я пустился в путь, чтобы искать себе работу. И это мое первое путешествие».

Глава 20
ДЕЯНИЕ КЭВИЛА

У Кэвила Плантера наметились в городе кое-какие дела. Ранним весенним утром он оседлал лошадь и спокойно направился прочь, оставив позади жену и рабов, дом и землю. Он знал, что все на его плантации течет своим чередом, все это принадлежит ему.

Около полудня, нанеся массу приятных визитов и заключив несколько удачных сделок, он заглянул в лавку почтмейстера. Там его ждали три письма. Два — от старых друзей-приятелей и одно — от Филадельфии Троуэра, из Карфагена, столицы Воббского штата.

Друзья подождут. В письме же от Троуэра могут содержаться какие-нибудь известия о ловчих, которых нанял Кэвил, хотя почему письмо послал священник, а не сами ловчие? Может, какая беда случилась? Может, ему придется отправиться на север, чтобы засвидетельствовать, что мальчишка принадлежит ему? «Что ж, если надо будет, я поеду, — подумал Кэвил. — Как напутствовал Иисус, я оставлю своих девяносто девять овец и

отправлюсь искать заблудшую»[20].

Новости оказались неприятными. Оба ловчих погибли, как и жена хозяина гостиницы, которая заявляла, что усыновила украденного первенца Кэвила. «Так ей и надо», — подумал Кэвил, а о ловчих больше и не вспоминал — они нанялись к нему на работу и в число его рабов не входили, стало быть, ему не принадлежали. Нет, хуже были последние новости, вот эти новости были поистине ужасны. Руки Кэвила задрожали, дыхание перехватило. Человек, который убил одного из ловчих, подмастерье кузнеца по имени Элвин, сбежал, не дожидаясь суда… сбежал и прихватил с собой сына Кэвила.

«Он забрал моего сына…» И вот что говорил в конце письма Троуэр: «Я знавал этого Элвина, когда он был совсем ребенком. Уже тогда он служил и поклонялся злу. Он заклятый враг нашего общего Друга, а сейчас он завладел твоим самым ценным приобретением. Жаль, что не могу ничем утешить тебя. Мне остается лишь молиться, чтобы твой сын не обратился в опасного и непримиримого противника святого дела нашего Друга».

---

[20] Примечания: 20
Библия, Евангелие от Матфея, глава 18, 12

Узнав такие новости, разве мог Кэвил продолжать наносить визиты? Не сказав ни слова ни почтмейстеру, ни кому-либо еще, Кэвил сунул письма в карман, вышел на улицу, забрался на лошадь и отправился домой. Сердце его терзали ярость и страх. Да как позволили эти эмансипационисты, это северное отродье, похить его раба, его сына?! И кто его похитил — заклятый враг Надсмотрщика! «Я сам отправлюсь на север, я заставлю их заплатить, отыщу мальчишку и...» Внезапно его мысли обратились к Надсмотрщику. «Что Он скажет, когда появится вновь? Возможно, Он воспылает ко мне презрением и больше никогда не придет? А может, случится самое страшное — Он проклянет меня за то, что я лишил Его слуги? Что если Он сочтет меня недостойным и запретит прикасаться к чернокожим женщинам? Вся моя жизнь была посвящена служению Ему... Зачем мне жить, если я никогда не увижу его вновь?»

Затем в нем снова проснулся гнев, ужасный, святой гнев, и он вскричал про себя: «О мой Надсмотрщик! Почему же Ты позволил этому случиться? Ты ведь мог остановить их одним Своим словом, если Ты истинный Господь!»

Но гнев тут же сменился ужасом: «Да как я по-

смел сомневаться в могуществе Надсмотрщика! Нет, нет, прости меня, я Твой презренный раб, о Повелитель! Прости, я лишился всего, прости меня!»

Бедняга Кэвил, вскоре ему предстояло узнать, что на самом деле означает «лишиться всего».

Подъехав к плантации, он направил лошадь по дорожке, ведущей к дому. Укрывшись от палящего солнца в тени дубов, растущих вдоль южной стороны аллеи, он не торопясь поехал к своему особняку. Может, если бы он ехал посредине дорожки, его бы заметили раньше. Может, тогда, вынырнув из-под ветвей деревьев, он не услышал бы донесшийся из дома крик женщины.

— Долорес! — позвал он. — Что случилось?

Никакого ответа.

Это напугало его. Он вообразил, как бандиты, воры или еще какое отребье вламываются в его дом, пока он находится в отлучке. Может, они убили Кнуткера, а сейчас терзают его жену. Он пришпорил лошадь и помчался к черному ходу.

К дому он подъехал как раз вовремя, чтобы увидеть, как из дверей выскользнул здоровенный чернокожий и со всех ног помчался в сторону рабских бараков. Лица чернокожего Кэвил не увидел, а все потому, что его закрывали портки, хотя сам

раб был абсолютно гол — штаны чернокожий держал над головой как знамя, они развевались и хлопали его по лицу, пока он удирал прочь.

«Голый чернокожий выскочил из моего дома, откуда только что донесся крик женщины...» Кэвил разрывался между желанием броситься за негодяем в погоню, убить его голыми руками и обязанностью проверить Долорес, убедиться, что с ней ничего не случилось. Вовремя ли он поспел? Не осквернил ли ее тело насильник?

Кэвил стрелой взлетел по лестнице и распахнул дверь в комнату жены. Долорес, натянув простыни до подбородка, лежала в постели и смотрела на него расширившимися, испуганными глазами.

— Что случилось?! — закричал Кэвил. — С тобой все в порядке?

— Разумеется! — резко ответила она. — Почему ты дома?

Что ни говори, а такого ответа никак не ожидаешь услышать от женщины, которая секунду назад в страхе кричала.

— Я услышал твой крик, — объяснил Кэвил. — И закричал в ответ.

— Я слышала. Я все здесь слышу, — отрубила Долорес. — Мне больше ничего не остается делать, кроме как лежать и слушать. Я слышу все, что

говорится в этом доме и что здесь делается. Да, я слышала тебя. Только говорил ты не со мной…

Кэвил был поражен. Голос ее звучал зло. Он никогда не видел, чтобы она злилась. В последние дни они вообще не обменивались ни словом — когда он завтракал, она спала, а обеды проходили в полной тишине. И вот теперь эта злость… откуда? Почему?

— Я видел, как из дома выбежал чернокожий, — пробормотал Кэвил. — И подумал, может, он…

— Может, он что? — насмешливо спросила она, будто бросая ему вызов.

— Может, он сделал с тобой что-нибудь отвратительное?

— О нет, ничего особенно отвратительного он со мной не делал.

Тут в голову Кэвила пробралась одна страшная мыслишка, настолько страшная, что он сначала даже не воспринял ее.

— И чем он тогда здесь занимался?

— Он исполнял тот же самый святой труд, который исполняешь ты, Кэвил.

Кэвил потерял дар речи. Она знала. Она все знала.

— Прошлым летом, когда сюда пожаловал твой дружок, преподобный Троуэр, я лежала в постели

и слышала, о чем вы разговаривали.

— Ты спала. Твоя дверь была…

— Я все слышала. Каждое слово, каждый звук. Я слышала, как вы ушли из дома. Слышала, о чем вы говорили за завтраком. О, как мне тогда захотелось убить тебя! Долгие годы я считала тебя любящим мужем, настоящим христианином, а все это время ты кувыркался с чернокожими бабами, после чего продавал своих детей в рабство. Ты настоящее чудовище. Настолько отвратительное и грязное, что своим существованием оскверняешь весь свет. Но мои руки не могут удержать нож или нажать на курок. Поэтому я принялась размышлять. И знаешь, что я придумала?

Кэвил ничего не ответил. Судя по ее словам, он совершал нечто грязное и постыдное.

— Все было не так, я исполнял святой труд.

— Это был разврат!

— Мне явилось видение.

— Ну да, твое видение… Какое замечательное видение тебе явилось, мистер Кэвил Плантер! Видите ли, теперь тебе разрешено плодить детей-полукровок. Так вот тебе одна новость. Я тоже могу родить полукровку!

Картина начала обретать смысл.

— Он изнасиловал тебя!

— Он не насиловал меня, Кэвил. Я пригласила его в дом. Сказала, что надо сделать. Заставила назвать меня самкой и помолиться вместе со мной до и после, чтобы сей акт был так же свят, как и твои действия. Мы помолились твоему проклятому Надсмотрщику, только он почему-то не объявился.

— Этого не было, нет…

— Каждый раз, когда ты уезжал с плантации, мы встречались — всю зиму, всю весну.

— Я не верю. Ты специально лжешь, чтобы причинить мне боль. Ты *не можешь*… доктор сказал… это причиняет тебе страшную боль.

— Кэвил, я считала, что познала всю боль на свете, — до того, как узнала, что ты вытворяешь с чернокожими женщинами. Так вот, те страдания ничто по сравнению с моими нынешними муками, слышишь меня? Дни, когда меня терзала болезнь, теперь мне кажутся праздником. Я беременна, Кэвил.

— Он изнасиловал тебя. Вот что мы скажем людям, а чернокожего повесим, чтобы неповадно было и…

— Повесим? Но что он совершил? На этой плантации насильник только один, так что не думай, что я буду говорить то, о чем ты меня просишь.

Если ты попробуешь хоть пальцем тронуть отца моего ребенка, я всей стране расскажу, чем ты тут занимаешься. В воскресенье я встану и объявлю об этом в церкви.

— Я совершал это, служа…

— Думаешь, тебе поверят? Не больше, чем я. То, что ты делаешь, называется вовсе не святостью. Это разврат. Адюльтер. Похоть. А когда о нас с тобой распространится, когда я рожу чернокожего малыша, против тебя ополчатся все, все до единого. Тебя выгонят в шею отсюда.

Кэвил знал, что она права. Никто ему не поверит. Ему конец. Если только не…

Он вышел из комнаты. Она лежала и издевалась над ним, смеялась вслед. Он зашел в свою спальню, снял со стены ружье, насыпал в ствол пороха, забил пыж, зарядил двойной порцией дроби и забил второй пыж.

Когда он вернулся, она уже не смеялась. Повернувшись лицом к стене, она плакала. «Поздно плакать», — подумал он. Она не стала поворачиваться к нему, когда он подошел к постели и одним движением сорвал одеяла. Она осталась голой, как ощипанная курица.

— Закрой меня! — прохныкала она. — Он быстро убежал и не успел одеть меня. Холодно! Закрой

меня, Кэвил…

И тут она увидела дуло ружья.

Ее искалеченные руки взлетели в воздух. Тело изогнулось. Она мучительно вскрикнула, потому что резкое движение причинило ей боль. Тогда он нажал на курок, и ее тело упало обратно на кровать, испуская последний вздох.

Кэвил вернулся в комнату и перезарядил ружье.

Когда он нашел Толстого Лиса, чернокожий был уже одет и с невинным видом полировал коляску. Наверное, этот лжец считал, что может надурить Кэвила Плантера. Но Кэвил даже слушать не захотел его вранья.

— Твоя самка зовет тебя, — сказал он.

Толстый Лис продолжал все отрицать, пока не очутился в спальне и не увидел на постели мертвую Долорес. После этого чернокожий запел другую песенку.

— Она меня заставила! О хозяин, куда мне было деваться? Она захотела, чтобы я совершил с ней то, что вы делаете с чернокожими женщинами! Какой выбор был у чернокожего раба? Я ведь должен повиноваться!

Кэвил умел распознавать речи дьявола, так что пропустил слова Толстого Лиса мимо ушей.

— Снимай одежду и сделай это еще раз, — приказал он.

Толстый Лис скулил, Толстый Лис ныл, но когда Кэвил ткнул ему под ребра ружьем, раб мигом все исполнил. Он закрыл глаза, чтобы не видеть то, что сотворило ружье Кэвила с Долорес, и последовал приказу хозяина. Затем Кэвил снова нажал на курок.

Спустя некоторое время прибежал Кнуткер с дальнего поля — надсмотрщик запыхался и дрожал от страха, ведь ружейные выстрелы разнеслись по всей округе. Кэвил встретил его внизу.

— Запри рабов, а затем приведи сюда шерифа, — велел он.

Когда приехал шериф, Кэвил отвел его на второй этаж и показал картину в спальне. Шериф аж побледнел.

— Боже милосердный… — пробормотал он.

— Это убийство, шериф? Это я сделал. Вы теперь бросите меня за решетку?

— Нет, сэр, — ответил шериф. — Это никто не назовет убийством. — Затем он повернул перекосившееся лицо к Кэвилу. — Что же вы за человек такой, Кэвил?

Сначала Кэвил не понял вопроса.

— Вы не колеблясь показываете мне свою жену в таком положении. Да я бы скорее умер, чем позволил людям увидеть свою жену вот такой…

Шериф уехал. Кнуткер заставил рабов убрать комнату. Торжественных похорон решили не устраивать. Тела Толстого Лиса и Долорес похоронили неподалеку от могилы Саламанди. Кэвил не сомневался, что ночью на могилах упокоятся несколько курочек, но ему уже все равно. Он приканчивал десятую бутылку бурбона и десятитысячную молитву Надсмотрщику, который, похоже, предпочел держать нейтралитет в этом деле.

Примерно неделю спустя, а может, больше, снова появился шериф. На сей раз он привез с собой священника и баптистского проповедника. Троица разбудила Кэвила, храпящего в пьяном сне, и показала ему расписку на двадцать пять тысяч долларов.

— Ваши соседи решили сложиться, — объяснил священник.

— Мне не нужны деньги, — буркнул Кэвил.

— Они выкупают вашу плантацию, — сказал священник.

— Плантация не продается.

— Вы неправильно поняли, Кэвил, — покачал

головой шериф. — Здесь случилось страшное, мерзкое деяние, но вы со спокойной душой выставили его на всеобщее обозрение…

— Трупы видели только вы.

— Вы не джентльмен, Кэвил.

— Кроме того, поднят вопрос о детях ваших рабов, — вступил в беседу баптистский проповедник. — У них на удивление светлая кожа, учитывая, что все ваши рабы до единого черны как ночь.

— Это чудо, сотворенное руками Господа, — возвестил Кэвил. — Господь осеняет расу чернокожих.

Шериф кинул бумагу Кэвилу на грудь.

— Согласно этому документу ваша собственность — рабы, постройки и земля — переходит во владение компании, состоящей из ваших бывших соседей.

Кэвил внимательно прочел документ.

— В акте говорится, что им переходят рабы, находящиеся на земле, — сказал он. — А у меня еще есть один беглый раб, который скрывается где-то на севере.

— Пусть скрывается и дальше. Он будет вашим, если вы сумеете найти его. Надеюсь, вы заметили, что в документе имеется пункт, согласно кото-

рому вы до скончания жизни не имеете права возвращаться в наши края.

— Я видел этот пункт, — кивнул Кэвил.

— Так вот, я должен уверить вас, что, если вы посмеете его нарушить и вас поймают, на том ваша жизнь и закончится. Даже такой справедливый и чтящий закон шериф, как я, не сможет защитить вас от того, что случится.

— Вы же обещали, никаких угроз… — пробормотал священник.

— Кэвил должен знать все последствия договора, — возразил шериф.

— Не беспокойтесь, я сюда не вернусь, — успокоил Кэвил.

— Молите Господа о прощении, — посоветовал проповедник.

— Всенепременно.

Кэвил подписал бумагу.

Тем же вечером, оседлав лошадь, он покинул поместье. В кармане у него лежал вексель на двадцать пять тысяч долларов, а в дорожном мешке находились смена одежды да провизия на неделю. Никто не пожелал ему доброго пути. Рабы, сидящие в своих бараках, пели вслед радостные гимны. Лошадь уронила «лепешку» прямо у парадного подъезда. Но ум Кэвила зани-

мала одна-единственная тревога. "Надсмотрщик ненавидит меня, иначе этого не произошло бы. Есть только один способ завоевать Его любовь. Надо найти Элвина Кузнеца, убить его и вернуть моего мальчика, последнего раба, который остался у меня.

Может, тогда, о мой Надсмотрщик, Ты простишь меня и исцелишь ужасные раны, которые нанес Твой кнут моей душе?"

Глава 21
ЭЛВИН-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Все лето Элвин пробыл в Церкви Вигора, вновь привыкая к своей семье. Его родные изменились, очень изменились — Кэлли вымахал с него ростом, Мера обзавелся женой и детьми, близнецы Нет и Нед нашли себе в жены двух сестер-француженок из Детройта, а мама и папа поседели и стали передвигаться с места на место медленными, маленькими шажками. Но кое-что осталось, как прежде, — веселое настроение, которое было свойственно семье. Тьма, которая пала на Церковь Вигора после бойни на Типпи-Каноэ, не то чтобы рассеялась, но превратилась в смутную тень, которая маячила за спиной, так что на ее фоне яркие краски жизни казались еще ярче.

Артура Стюарта приняли радостно. Он был очень юн и охотно выслушивал каждого, так что постепенно все мужчины города поведали ему о случившемся на Типпи-Каноэ. Он же в ответ делился с ними своей повестью, которая на самом деле представляла собой мешанину из других историй. Артур рассказывал о своей настоящей

маме, которая бежала из рабства, об Элвине, о ловчих и о том, как его белая мама убила одного из негодяев, после чего погибла сама.

Элвин предпочел не уточнять некоторые детали повествования Артура Стюарта. Артур Стюарт так любил рассказывать свою историю — зачем же портить мальчику удовольствие и перебивать на каждом слове, поправляя? Кроме того, в душе Элвин немножко жалел о том, что Артур Стюарт теперь говорит своим голосом. Местные жители никогда не узнают, каково это, услышать свою речь из уст Артура Стюарта. И все же они любили слушать мальчика, потому что Артур в точности помнил, что ему когда-либо говорили, и не забывал ни словечка. Это все, что осталось у Артура от прежнего таланта, так зачем же портить пареньку удовольствие?

Помимо этого, Элвину была хорошо известна истина: «чем меньше болтаешь, тем легче живется». Дело в том, что у него имелся некий холщовый мешок, и Элвин при посторонних никогда его не развязывал. Незачем распускать слухи о том, что в Церкви Вигора появился некий золотой предмет, иначе в город, в который со времен жестокой бойни на Типпи-Каноэ почти никто не заглядывал, вскоре толпой повалят

всякие нежелательные типы, которых ведет лишь жажда золота и которым ровным счетом наплевать, если кто-то из местных жителей вдруг пострадает. Поэтому Элвин ни единой живой душе не рассказывал о золотом плуге. Секрет Элвина знала лишь его сестра Элеанора, которая умела держать рот на замке.

Однажды Элвин заглянул к ней в гости, в лавку, которую она и ее муж Армор держали на городской площади, причем магазинчик их стоял еще с тех пор, когда городской площади не было и в помине. Некогда в эту лавку съезжались со всех окрестностей и белые, и краснокожие, чтобы приобрести карты или послушать новости, — в те годы земля между Миззипи и Дикэйном была покрыта непроходимыми лесами. Сейчас жизнь в лавке кипела, как и прежде, однако посещали ее исключительно местные поселенцы, которые заходили что-нибудь купить и разузнать сплетни большого мира. Поскольку Армор был единственным мужчиной в Церкви Вигора, на которого не пало проклятье Тенскватавы, только он мог без проблем ездить в другие города за товарами и новостями, которые привозил фермерам и ремесленникам Церкви Вигора. Случилось так, что в тот день, когда в лавку заглянул Элвин, Армор

как раз уехал, направившись в городок Мишивака купить кое-что из стеклянной и фарфоровой посуды на радость домохозяйкам. Одним словом, магазинчик остался на попечении Элеаноры и ее старшего сына Гектора.

Здесь тоже кое-что изменилось. Элеанора, которая обладала в сотворении оберегов и заклятий не меньшим талантом, чем Элвин, уже не прятала свое мастерство среди цветочных корзинок и трав, развешанных по кухне. Так что теперь заговоры стали куда сильнее и четче. Армор, должно быть, перестал ненавидеть скрытые силы. Этому Элвин только порадовался — в прежние времена Элеаноре приходилось притворяться, будто она ничего не ведает в оберегах и вообще ими не пользуется, так что порой было больно на нее смотреть.

— Я здесь кое-что принес… — начал было Элвин.

— Вижу, — кивнула Элеанора. — Это твое «кое-что» завернуто в холстину, оно твердо, как камень, однако мне почему-то кажется, что в мешке у тебя скрывается нечто живое.

— Тебе это лучше не видеть, — сказал Элвин. — То, что там хранится, я не хочу показывать ни единой живой душе.

Элеанора не стала задавать лишних вопросов. Она сразу поняла, почему он принес к ней этот таинственный мешок. Она оставила Гектора в лавке, на случай если кто из жителей вдруг задумает что-нибудь купить, и провела Элвина в новую кладовую, где хранились всевозможные бобы в бочонках, соленое мясо в банках, сахар в бумажных кульках, порох в водонепроницаемых мешочках и многочисленные специи в разнообразных склянках. Она подошла к одному из бочонков с бобами, который был заполнен почти доверху, — здесь хранился какой-то странный, неизвестный Элвину сорт зеленых в крапинку бобов.

— На эти бобы спрос не очень велик, — объяснила Элеанора. — Вряд ли мы когда-нибудь увидим дно этого бочонка.

Элвин поставил завернутый в холстину плуг на горку бобов, затем заставил бобы расступиться, пропуская плуг внутрь, пока мешок не упокоился на самом дне бочонка. Элвин даже не попросил Элеанору отвернуться, поскольку сестра узнала о силах Элвина, когда тот был еще маленьким мальчиком.

— Что бы живое там ни хранилось, судя по всему, оно не должно задохнуться под весом бо-

бов, — заметила Элеанора.

— Оно не может умереть, — сказал Элвин. — Оно не стареет и не умирает, как стареют и умирают люди.

Свое любопытство Элеанора выразила лишь напоследок, сказав:

— Надеюсь, ты пообещаешь мне, что когда решишь рассказать кому-нибудь о своем секрете, то поделишься им и со мной?

Элвин кивнул. Это обещание он сдержит. В тот день он даже представления не имел, как и когда он покажет плуг людям, но если кто и умеет хранить тайны, так это молчунья Элеанора.

Дальше жизнь потекла своим чередом. Элвин глазом не успел моргнуть, как наступил июль. За то время, пока Элвин жил в Церкви Вигора и спал в старой спаленке в родительском доме, он никому не рассказывал о том, что с ним случилось за семь лет обучения кузнечному делу. По сути дела, он говорил, только когда возникала необходимость. Вместе с папой и мамой он навещал знакомых, потихоньку исцеляя зубную боль и сломанные кости, заращивал раны и расправлялся с болезнями. Он помогал на мельнице, нанимался на работу к другим фермерам; в маленькой кузнице, которую он себе выстроил,

Элвин чинил всякую мелочь и ковал то, что может выковать кузнец без настоящей наковальни. Все это время Элвин открывал рот, лишь когда к нему обращались, и старался не трепаться без дела.

Нет, мрачным он не был — над шутками он радостно смеялся и сам порой шутил. Да и людей он не чурался — не раз выходил на городскую площадь, чтобы доказать самым сильным фермерам Церкви Вигора, что руки и плечи кузнеца справятся с любым в борцовском поединке. Он просто не позволял распространяться слухам и никогда не болтал о своей жизни. Если его собеседник не поддерживал разговор, Элвин вскоре умолкал и молча делал свое дело или смотрел в пространство, будто и вовсе забыв о присутствующих рядом людях.

Кое-кто заметил молчаливость Элвина, но юноши слишком долго не было в Церкви Вигора, да и вряд ли будешь ожидать от девятнадцатилетнего парня, чтобы он вел себя как одиннадцатилетний пацан. Люди просто решили, что Элвин вырос и стал молчаливым.

Но кое-кто слишком хорошо знал Элвина. Мать и отец не раз говорили друг с другом о сыне.

— Наверное, с мальчиком в прошлом случи-

лось что-то очень плохое, — предположила мать.

Но отец придерживался иной точки зрения:

— Скорее, с ним случалось и хорошее, и плохое, как со всеми нами. Элвин, наверное, отвык от нас, ведь он отсутствовал целых семь лет. Пускай пообвыкнется, он ведь стал мужчиной, и вскоре, вот увидишь, Элвин так будет чесать языком, что не остановишь.

Элеанора также отметила молчаливость Элвина, но она-то знала, что за тайна хранится у нее в бочонке с бобами, а потому не пришла к выводу, что с Элвином что-то неладно. Как-то ее муж Армор упомянул при ней, что от Элвина и пяти слов за раз не услышишь.

— Он думает о чем-то своем, — ответила тогда Элеанора. — Он решает свои задачи, и мы здесь ему не помощники. Ничего, ты вскоре сам убедишься, что он умеет говорить, когда знает, о чем вести речь.

Оставался еще Мера, старший брат, вместе с которым Элвин попал в плен к краснокожим и который познакомился с Такумсе и Тенскватавой почти так же близко, как и сам Элвин. Конечно, Мера сразу догадался, что малыш Элвин старается не вспоминать годы ученичества, но если кому Элвин и откроется, так только Мере, — вполне

естественное предположение, учитывая, как Элвин раньше доверял брату и сколько они пережили вместе. Просто Элвин чувствовал себя неловко при старшем брате, видя, как тот любит свою жену Дельфи. Любой дурак заметил бы, что двое влюбленных на пару шагов друг от друга отойти не могут; Мера был необычайно нежен и осторожен с ней, он все время ухаживал за ней, оберегал ее, включал в разговор, если она была поблизости, и с трепетом ждал ее возвращения, когда она куда-то отлучалась. Откуда было Элвину знать, осталось ли и для него местечко в сердце Меры? Нет, даже Мере Элвин не мог рассказать свою повесть.

Примерно в середине лета Элвин отправился в поле строить изгородь вместе со своим младшим братом Кэлли, который сильно вытянулся и выглядел настоящим мужчиной — ростом он был с самого Элвина, хотя не так широк в плечах. Братья нанялись на неделю к Мартину Хиллу, чтобы построить тому забор. На долю Элвина выпало расщеплять бревна и делать доски. Он, конечно, мог заставить расщепиться все бревна сразу, но к помощи своего дара Элвин старался не прибегать. Нет, он прилежно вбивал клинья в бревна, расщепляя дерево, — скрытой силой

он пользовался разве в тех случаях, когда бревно вдруг намеревалось треснуть под неудачным углом, испортив доску.

Они работали и работали, протянули уже полмили изгороди, когда Элвин вдруг понял, что Кэлли за это время ни разу не отстал от него. Элвин расщеплял дерево, а Кэлли ставил столбы и прибивал планки, но ни разу младший брат не попросил помощи, хотя земля встречалась всякая — и чересчур твердая, и слишком мягкая, и каменистая, и топкая.

Поэтому Элвин решил понаблюдать за юношей — вернее, при помощи своего дара посмотреть за тем, как Кэлли работает. Вскоре он заметил, что Кэлли и в самом деле обладает частью возможностей Элвина. Он действовал так, как давным-давно действовал сам Элвин, даже не понимая, что он делает. Кэлли находил хорошее место под столб, затем приказывал земле размягчиться, после чего возвращал ее в первозданное состояние. Насколько понял Элвин, Кэлли делал это как нечто естественное. Скорее всего его младший брат считал, что просто умеет находить места, где лучше всего поставить столб для изгороди.

«Вот оно, — подумал Элвин. — Вот что я должен сделать. Я должен научить людей быть Мастера-

ми. А если и есть на земле человек, которого мне следует учить первым, так это Кэлли, поскольку он также владеет моим даром. Кроме того, он, как и я, седьмой сын седьмого сына, потому что я родился, когда Вигор был еще жив, а Кэлли появился на свет уже после его смерти».

Поэтому Элвин принялся рассказывать Кэлли об атомах. Он поведал ему о том, что атомам можно показать, какими ты хочешь их видеть, и они последуют твоему приказу. Впервые Элвин попытался объяснить это другому человеку. Последний раз он говорил об атомах с мисс Ларнер — с Маргарет, — так что сейчас слова отдавались сладостью у него во рту. «Вот она, работа, для которой я был создан, — подумал Элвин. — Я рассказываю моему брату, как устроен мир, чтобы Кэлли мог понять его и научиться им управлять».

Но Элвин был немало удивлен, когда Кэлли внезапно поднял столб над головой и со всей силы швырнул к ногам брата. И швырнул он бревно с такой силой — или Кэлли в гневе невольно прибег к своему дару, — что столб расщепился, ударившись о землю. Кэлли полыхал яростью, хотя Элвин никак не мог взять в толк, что же рассердило его брата.

— Что я сказал? — спросил Элвин.

— Меня зовут Кэл, — сказал Кэлли. — Меня перестали называть Кэлли, с тех пор как мне исполнилось десять лет.

— Я не знал, — пожал плечами Элвин. — Извини, теперь я буду звать тебя Кэл.

— Называй как вздумается, — заорал Кэл. — И вообще можешь убираться отсюда!

Только сейчас Элвин понял, что Кэл не звал его с собой на работу — это Мартин Хилл попросил Элвина прийти, а до этого Кэл работал над изгородью один.

— Я не хотел вмешиваться в твою работу, — объяснил Элвин. — Мне даже не приходило в голову, что ты не желаешь, чтобы я тебе помогал. Я просто думал поработать с тобой немножко.

Однако каждое слово, произнесенное Элвином, еще больше распаляло Кэла. Лицо младшего брата покраснело, а кулаки стиснуты так, что могли выжать воду из камня.

— У меня здесь было свое место, — крикнул Кэл. — А потом заявился ты. Такой ученый, такой умный, слова всякие мудреные знаешь. И можешь исцелять людей, даже не прикасаясь к ним. Ты заходишь в дом, произносишь свое заклятие, а когда уходишь, оказывается, что все излечились

сразу от всех болезней…

Элвин решил было, что люди ничего не замечают. Поскольку ему никто и словом не обмолвился, он счел, что люди думают, будто хвори проходят естественным путем.

— Почему это так злит тебя, Кэл? Что дурного в том, что исцеляешь людей?

Внезапно по щекам Кэла потекли слезы.

— Даже когда я касаюсь их руками, и то у меня не всегда получается, — пробормотал Кэл. — А теперь вообще никто не обращается ко мне.

Элвин понятия не имел, что Кэл тоже занимается в городе исцелением. Хотя это так логично! После того как Элвин ушел отсюда, Кэл стал для Церкви Вигора тем, кем был когда-то Элвин, и исполнял работу своего старшего брата. Поскольку их силы были очень похожи, он постепенно занял место Элвина. Кроме того, он начал творить то, чего Элвин не умел, когда был маленьким, — к примеру, он научился исцелять людей. Но теперь Элвин вернулся и не только обрел прежний авторитет, но еще и превзошел Кэла. И кем теперь станет Кэл?

— Извини, — сказал Элвин. — Но я могу научить тебя. Я именно это и хотел сделать.

— Не вижу я твоих частичек и всяческих ато-

мов, о которых ты толкуешь, — снова разозлился Кэл. — Я ни черта не понял из того, что ты мне пытался вбить в голову. Может быть, мой дар не так силен, как твой, а может, я слишком туп… Я сам решу, кем хочу стать. И мне не нужно, чтобы ты мне все время доказывал, что с тобой я никогда не сравнюсь. Мартин Хилл попросил тебя взяться за эту работу, потому что ему известно, что у тебя изгородь получится лучше. А ты даже не пользуешься своим даром, чтобы расщепить эти бревна, хотя я знаю, ты без труда это можешь сделать. Просто хочешь доказать мне, что и без помощи скрытых сил заткнешь меня за пояс.

— Нет, я вовсе не это имел в виду, — запротестовал Элвин. — Я стараюсь не прибегать к своему дару, когда…

— Когда вокруг шляются всякие тупицы вроде меня, — ядовито закончил Кэл.

— Я не умею объяснять, Кэл, — сказал Элвин. — Но если ты позволишь, я могу научить тебя, как превращать железо в…

— В золото, — презрительно фыркнул Кэл. — Ты за кого меня принимаешь? Хочешь надурить меня алхимическими баснями?! Да если б ты умел это, то не явился бы домой голым и босым. Знаешь, раньше я думал, что ты начало и конец

мира. Я думал, когда Эл вернется домой, все станет по-старому, мы будем веселиться и работать вместе, говорить друг с другом, я буду повсюду за тобой увиваться. Но, похоже, ты считаешь меня маленьким мальчиком и говоришь мне только «на, еще одна планка» или «передай мне тот колышек, пожалуйста». Ты отнял у меня работу, которую раньше люди поручали только мне. Ты даже изгороди за меня делаешь.

— Можешь забирать себе свою работу, — сказал Элвин, забрасывая на плечо молот. Учить Кэла бессмысленно — если он и научится чему-нибудь, то только не у Элвина. — У меня есть другие дела, так что не стану отнимать твое время…

— Не станешь отнимать мое время, — передразнил Кэл. — Ты научился так выражаться по книжке какой-нибудь или у своей училки-уродины из Хатрака, о которой постоянно болтает твой дурак-полукровка?

Услышав столь презрительные характеристики мисс Ларнер и Артура Стюарта, Элвин аж закипел внутри, тем более что он действительно научился фразе «отнимать чье-то время» у мисс Ларнер. Однако Элвин ничем не выразил свой гнев. Он повернулся и пошел прочь, вдоль законченной части изгороди. Кэл теперь может пользоваться

своим даром и заканчивать изгородь сам; Элвину наплевать даже на деньги, которые он заработал за сегодняшний день. Сейчас его занимали иные мысли — он вспоминал о мисс Ларнер и расстраивался из-за того, что Кэл отказался от его помощи. Младшему брату не составило бы труда научиться тому, о чем толковал Элвин, — это ему как младенцу научиться сосать грудь, поскольку в Кэле жили те же самые силы, что и в Элвине. Однако он отказался учиться у Элвина. Такая возможность никогда не приходила Элвину в голову — он не верил, что человек может отвергнуть шанс научиться чему-то новому только потому, что учитель ему не нравится.

Хотя, если подумать, Эл тоже ненавидел ходить в школу, которую вел преподобный Троуэр, потому что Троуэр всегда делал из него посмешище, будто бы Элвин плохой, злой или дурак. Может, Кэл ненавидит Элвина точно так же, как Элвин ненавидел преподобного Троуэра? Но почему Кэл так злится? Кто-кто, а Кэл не должен ревновать к Элвину, потому что сам очень похож на своего старшего брата. Однако по той же причине Кэла раздирала ревность, и он не станет учиться у Элвина, пока не пройдет все ступени, по которым поднялся Элвин.

«Если так и дальше будет продолжаться, я никогда не построю Хрустальный Город, потому что не смогу научить Творению ни одного человека».

Прошло несколько недель после того случая, прежде чем Элвин предпринял еще одну попытку. В конце концов он должен был убедиться, сможет он учить Творению или нет. Это случилось в воскресенье, в доме Меры, куда Элвин и Артур Стюарт зашли пообедать. День выдался жаркий, поэтому Дельфи выставила на стол в основном холодные закуски — хлеб, сыр, соленую ветчину и копченую индейку, — а обедать сели в тени веранды, выходящей на север.

— Элвин, я не случайно пригласил тебя и Артура Стюарта на обед, — начал разговор Мера. — Дельфи и я, мы уже все обговорили и даже успели побеседовать с мамой и папой.

— Похоже, вы замыслили нечто ужасное, если разговор потребовал столько подготовки.

— Да нет, не совсем, — покачал головой Мера. — Дело все в том… В общем, Артур Стюарт — добрый мальчик, он прилежно трудится, да и товарищ хороший…

Артур Стюарт ухмыльнулся.

— А еще я крепко сплю, — похвастался он.

— Да, и не храпишь во сне, — кивнул Мера. —

Но мама и папа уже не молоды. Мне кажется, мама привыкла управляться на кухне по-своему.

— Этого у нее не отнимешь, — вздохнула Дельфи, словно у нее имелось достаточно доказательств тому, как упорно стоит на своем тетушка Миллер.

— А папа, ну, он стареет. И когда возвращается домой с мельницы, ему надо полежать спокойно, чтобы вокруг было тихо…

Элвину показалось, что он уловил, куда клонит Мера. Наверное, его родители не обладали качествами старушки Пег Гестер или Герти Смит. Может быть, они так и не смогли смириться с присутствием в доме мальчика-полукровки. Эти мысли наполнили Элвина грустью, но он знал, что ни слова не скажет в упрек. Он и Артур Стюарт соберут свой нехитрый скарб и отправятся дальше в путь — по дороге в никуда. Может, они пойдут в Канаду. Там мальчик-полукровка будет чувствовать себя в своей тарелке, и никто его гнать не будет.

— Я хочу сразу предупредить, что мне они ни словечком не обмолвились, — продолжал Мера. — Честно говоря, это я им предложил. Видишь ли, я и Дельфи… Ну, дом у нас больше, чем нам нужно, а поскольку у Дельфи на руках малютки,

было бы здорово, если б кто-нибудь возраста Артура Стюарта помогал ей на кухне.

— Я умею сам делать хлеб, — заявил Артур Стюарт. — Я наизусть выучил рецепт моей мамы. Она умерла.

— Вот видите? — воскликнула Дельфи. — Если он будет печь хлеб, пусть даже поможет мне тесто замесить, я хоть не так буду уставать к концу недели.

— А потом Артур Стюарт сможет работать с нами в поле, — добавил Мера.

— Но нам бы не хотелось, чтобы вы посчитали, будто мы нанимаем его как слугу, — предупредила Дельфи.

— Нет, нет! — испуганно вскричал Мера. — Он станет нам еще одним сыном, немножко повзрослее, чем наш старшенький, Джереми, которому всего три с половиной. Джереми сейчас больше мешает, чем помогает, но по крайней мере он не пытается прыгнуть в ручей и утопиться, как его сестренка Шифра — или как ты, Элвин, когда был совсем маленьким.

Артур Стюарт громко рассмеялся.

— А Элвин однажды чуть и меня не утопил, — объявил Артур. — Сунул с головой в Гайо…

Элвин почувствовал неизмеримый стыд. Он

устыдился, что до сих пор не рассказал Мере о том, как спас Артура Стюарта от ловчих; он стыдился, что смел предположить хотя бы на минуту, будто Мера, мама и папа попытаются избавиться от мальчика-полукровки, хотя на самом деле они дрались за право приютить Артура Стюарта.

— Ну, приглашают Артура Стюарта, а не меня, так что ему и выбирать, — сказал Элвин. — Да, он приехал со мной, но не мне за него решать.

— А можно я здесь поживу? — спросил Артур Стюарт. — Кэл не любит меня.

— У Кэла хватает задвигов, — возразил Мера, — но он нормально к тебе относится.

— Неужели Элвин не мог привести домой кого-нибудь пополезнее? Лошадь, к примеру… — сказал Артур Стюарт. — Ты жрешь как самый настоящий конь, только сомневаюсь, что ты потянешь двухколесную тележку.

Мера и Дельфи дружно расхохотались. Они поняли, что Артур Стюарт слово в слово повторил высказывание Кэла. Артур Стюарт частенько так поступал, и местные жители любили посмеяться над точностью его памяти. Но сам Элвин с печалью вспомнил, что всего несколько месяцев назад Артур Стюарт повторил бы это голосом Кэла, и даже мама не отличила бы — мальчик это

говорит или ее родной сын.

— А Элвин тоже будет здесь жить? — спросил Артур Стюарт.

— Ну, мы именно так и предполагали, — признался Мера. — Почему бы и тебе к нам не переехать, Элвин? Мы могли бы поселить тебя в гостиной. На время, а когда летняя работа закончится, починим нашу старую хижину — она еще крепкая, потому что выехали мы из нее не более двух лет назад. Тогда бы ты зажил сам по себе. Ты ведь уже большой, чтобы жить в доме отца и есть за материным столом.

Элвин не ожидал от себя подобной реакции, но внезапно его глаза наполнились слезами. Может быть, он радовался тому, что кто-то наконец заметил, что он уже не прежний Элвин Миллер-младший. А может, эти слезы были вызваны тем, что Мера, как и прежде, заботится о нем. Во всяком случае, в эту минуту Элвин впервые ощутил, что он действительно вернулся домой.

— Да, конечно, я перееду, если вы меня примете, — сказал Элвин.

— И нечего здесь плакать, — отрезала Дельфи. — У меня на руках три младенца, которые только и делают, что плачут. Мне совсем не хочется вытирать тебе слезы и подтирать нос, как я

это делаю Китуре.

— Ну, ему, по крайней мере, пеленки менять не надо, — заметил Мера, и они вместе с Дельфи громко рассмеялись, словно услышали самую забавную шутку на свете. На самом деле они смеялись от радости, увидев, как Элвин расчувствовался, когда его пригласили пожить у них.

Вот так и случилось, что Элвин и Артур Стюарт перебрались к Мере. Элвин заново стал открывать для себя своего любимого брата. То, за что когда-то Элвин любил Меру, осталось в нем, но прибавились и новые качества. Мера очень нежно обращался со своими детьми, даже отругав их за что-либо или наказав. Не меньше Мера заботился о земле и хозяйстве — любое дело он исполнял сразу, не откладывая в долгий ящик, так что ни одна дверь не скрипела дольше одного дня, а стоило какому-то животному отказаться есть, как Мера бросался выяснять, что с ним случилось.

Но больше всего Элвину нравилось, как Мера обращался с Дельфи. Она была не особенно красивой девушкой, хотя и дурнушкой ее не назовешь; она была сильной, крепко сбитой женщиной и смеялась точь-в-точь как ослица. Но Элвин отметил, что Мера смотрит на нее так,

будто никого красивее своей жены никогда не видел. Иногда, подняв глаза, она замечала, как он любуется ею, а по его губам бродит легкая улыбка, и тогда она заливалась краской, усмехалась или вовсе отворачивалась в смущении, но потом ее походка становилась очень грациозной, словно она на цыпочках ходит, словно танцует и вот-вот полетит. Увидев это, Элвин подумал, а сможет ли он так смотреть на мисс Ларнер, сможет ли наполнить ее такой же радостью, чтобы она не ходила, а летала над землей.

Частенько Элвин лежал ночами и слушал тихие шорохи дома. Вовсе не обязательно было использовать скрытые силы, чтобы догадаться, что за тихое, осторожное поскрипывание доносится до его слуха. В такие минуты он вспоминал девушку по имени Маргарет, которая долгие месяцы пряталась под обличьем мисс Ларнер, и представлял, как ее лицо приближается к нему, губы легонько раздвигаются и из ее горла доносятся нежные постанывания, которые издавала Дельфи в ночной тиши. После чего лицо Маргарет вновь всплывало в его памяти, но на этот раз его искажала скорбь и заливали слезы. В минуты подобных воспоминаний сердце сжималось в его груди, он жаждал вернуться к ней, заключить в

свои объятия и исцелить ее. Он хотел избавить Маргарет от страданий, сделать ее прежней веселой девушкой.

А поскольку Элвин жил теперь в доме Меры, то постепенно утратил былую осторожность, и его лицо опять стало демонстрировать все его чувства. Однажды, когда Мера и Дельфи в очередной раз обменялись влюбленными взглядами. Мера вдруг повернулся и увидел лицо Элвина. Спустя некоторое время, после того как Дельфи ушла из комнаты, а дети заснули в кроватках, Мера протянул руку и дотронулся до колена Элвина.

— Кто она? — спросил Мера.

— О ком ты? — смутился Элвин.

— О девушке, которую ты так любишь, что одно воспоминание о ней заставляет тебя забыть обо всем.

На мгновение Элвин по привычке засомневался. Но затем шлюз открылся, и его история бурным потоком ринулась наружу. Он начал с рассказа о мисс Ларнер, которую на самом деле звали Маргарет и которая являлась девочкой-светлячком из историй Сказителя, охраняющей Элвина из далекого Хатрака. Но, поведав историю своей любви к ней, он принялся рассказывать о том, чему она его научила, так что, когда вся

повесть была закончена, ночь уже близилась к рассвету. Дельфи спала на плече у Меры — посреди рассказа она вернулась, но долго не продержалась, что было вполне естественно, ведь трое ее детишек и Артур Стюарт захотят рано утром позавтракать и не станут слушать ее объяснений, что она, мол, засиделась до поздней ночи. Но Мера не спал, глаза его блестели, пока Элвин рассказывал об Иволге, о живом золотом плуге, о горне, в который он шагнул, и об Артуре Стюарте, которого изменил в водах Гайо. Время от времени яркое пламя в глазах Меры затуманивалось, ведь убийство Элвин совершил своими руками, хотя ловчий и заслуживал смерти. Не меньше Мера переживал за старушку Пег Гестер и чернокожую девочку-беглянку, которая, подарив Артуру Стюарту жизнь, погибла семь лет назад.

— Каким-то образом я должен отыскать людей, которых смогу научить быть Мастерами, — в конце концов сказал Элвин. — Но я даже не знаю, сможет ли человек, не имеющий моего дара, научиться этому и сколько такого человека надо учить. Да и захочет ли он учиться?

— Мне кажется, сперва эти люди должны полюбить мечту о твоем Хрустальном Городе, а уже потом узнать то, чему они должны научиться,

чтобы построить этот город, — сказал Мера. — Если распространится молва о том, что в Церкви Вигора объявился некий Мастер, который учит Творению, к тебе в ученики станут набиваться люди, которые захотят при помощи твоей силы править другими людьми. Но Хрустальный Город… ах, Элвин, ты только представь себе! Это словно навсегда поселиться в смерче, в который вы с Пророком попали много лет тому назад.

— А ты согласен учиться у меня, Мера? — спросил Элвин.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы овладеть этими знаниями, — ответил Мера. — Но сначала я должен торжественно поклясться, что твое учение я использую только с той целью, чтобы построить Хрустальный Город. Если же выяснится, что я не могу стать Мастером, я пособлю тебе чем-нибудь другим. Я исполню все, о чем бы ты ни попросил, Элвин, — уведу свою семью на край Земли, откажусь от всего, чем владею, умру, если нужно будет. Я готов на все, лишь бы осуществить мечту, которую однажды показал тебе Тенскватава.

Элвин взял его за руки, крепко сжал и держал так долго-долго. Потом Мера наклонился и поцеловал его как брат брата, как друг друга. Это

движение разбудило Дельфи. Она не слышала беседы, но сразу поняла, что происходит нечто очень важное. И она сонно улыбнулась обоим мужчинам, после чего Мера взял ее на руки и отнес в постель, чтобы она нормально проспала последние пару часов до восхода солнца.

Так началась работа Элвина. До конца лета Мера был его учеником и одновременно учителем. Элвин учил Меру Творить, а Мера в свою очередь обучал его отцовству, искусству быть мужем и мужчиной. Вся разница заключалась в том, что учеба давалась Элвину настолько легко, что он даже не замечал, что его учат, тогда как Мера каждый шаг преодолевал с огромным трудом. Каждую частичку силы Мастера он отвоевывал с боем. Однако постепенно он овладел умениями Мастера и вскоре научился Творить сам, а Элвин наконец понял, как учить человека «видеть» не глазами, «касаться» не руками.

Теперь, когда он лежал ночью, уставившись в потолок, прошлое уже не мучило его — он скорее пытался рисовать себе, что ждет его в будущем. Где-то на Земле находится место, где он построит Хрустальный Город. Где-то там живут люди, которых он должен разыскать, которым должен внушить любовь к этой мечте и показать, как ис-

полнить ее. Где-то лежат луга, которым принесет жизнь его золотой плуг. Где-то существует женщина, которую он полюбит и с которой проживет до самой смерти.

Осенью в Хатраке прошли выборы, и в результате выплывших на поверхность историй, разъясняющих, кто на самом деле герой, а кто — гад ползучий, Поли Умник лишился своей должности, и шерифом стал По Доггли. Примерно тогда же Миротворец Смит решил написать жалобу на предмет того, что прошлой весной его подмастерье скрылся с некой вещью, которая по праву принадлежала мастеру.

— Долгохонько ты ждал, чтобы обвинить Элвина в преступлении, — заметил шериф Доггли.

— Он угрожал мне, — ответил Миротворец Смит. — Я боялся за свою семью.

— Ну, и что же он у тебя украл?

— Плуг, — признался Миротворец.

— Обыкновенный плуг? И я что, должен искать какой-то плуг? Да за каким дьяволом ему тащить у тебя обыкновенную железяку?

Миротворец понизил голос и таинственным шепотом объяснил:

— Этот плуг был сделан из чистого золота.

Тут уж По Доггли не выдержал. Он так заржал,

что чуть живот не надорвал.

— Честно-честно, я правду говорю, — смутился Миротворец.

— Да ну? Хотя почему бы и нет? Знаешь, друг мой, я, пожалуй, поверю тебе. Однако могу поставить десять против одного, что если в твоей кузнице и валялся золотой плуг, то принадлежал он Элу, а не тебе.

— Все, что делает подмастерье, собственность мастера!

Терпение у По лопнуло. Он отбросил свое дружелюбие и выложил кузнецу все, что о нем думает:

— А ты распусти такую байку по Хатраку, Миротворец Смит, думаю, люди тебе сразу объяснят, что этот парень стал настоящим кузнецом задолго до того, как ты удосужился отпустить его. Молва о твоей «честности» мигом распространится по окрестностям, и если ты еще обвинишь Элвина Кузнеца в том, что он украл у тебя некий предмет, который во всем мире мог сделать только Эл, то вскоре обнаружишь, что над тобой смеется каждая бродячая собака.

Может, над ним и станут смеяться, а может, и нет. Как бы то ни было, Миротворец бросил затею законным путем отобрать плуг у Элвина. Однако

он всем подряд рассказывал свою историю, каждый раз накручивая на нее все больше и больше лжи. Он твердил, что Элвин с первого дня обворовывал его, а золотой плуг на самом деле перешел Миротворцу Смиту по наследству, и кузнец спрятал его в специальную форму и покрасил черной краской, но Элвин при помощи дьявольских сил открыл тайну и унес драгоценность. Пока Герти Смит была жива, она жестоко высмеивала мужа, но вскоре после ухода Элвина она умерла — какой-то кровеносный сосуд у нее в голове лопнул, когда она в очередной раз орала на мужа, твердя, какой он, мол, дурак. После этого Миротворцу уже никто не мешал во всеуслышание выставлять Элвина вором. Он даже прибавил к своей повести рассказ о том, как Элвин убил его жену Герти, наложив на нее проклятие, которое заставило вены в ее голове лопнуть и залить мозг кровью. Это была страшная ложь, но всегда найдутся люди, которые охотно выслушают подобную чушь, так что вскоре история распространилась по всему Гайо и вышла за пределы штата. Поли Умник слышал ее. Преподобный Троуэр слышал ее. Кэвил Плантер слышал ее. А также многие, многие другие.

Вот почему, когда Элвин наконец покинул Цер-

ковь Вигора и тронулся в путь, столько людей высматривало подозрительных незнакомцев, которые несли за спиной тяжелые мешки. Многие пытались разглядеть, а не блеснет ли вдруг из-под холстины золото и не тот ли это подмастерье, который украл наследство у своего мастера. Некоторые честно намеревались вернуть золотой плуг Миротворцу, кузнецу из Хатрака, если им случится найти столь драгоценную вещицу. Но были и такие люди, кто высматривал золотой плуг вовсе не за этим.

ГЛОССАРИЙ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Некоторые имена, используемые Орсоном Скоттом Кардом, двусмысленны и не подлежат переводу на русский язык. Чтобы лучше уловить характеры персонажей, был составлен данный краткий глоссарий.

Армор (Armor-of-God) — в переводе на русский язык это имя должно звучать как Броня Господня.

Бездельник Финк (Mike Fink) — в общем-то обычное английское имя Майк у Орсона Скотта Карда несет в себе несколько значений, ибо в переводе с английского оно означает «бездельник», «человек, отлынивающий от работы». Фамилия также несет в себе подтекст — «fink» с английского языка переводится как «штрейкбрехер», «бунтовщик», что весьма подходит характеру Бездельника, который не особенно любит работать.

Вера (Faith) — это имя дословно переведено на русский язык, и понимать его следует буквально.

Вигор (Vigor) — в переводе с английского имя

Вигор означает «сила», «мужество», что полностью соответствует характеру персонажа, пожертвовавшего жизнью ради своей матери и брата Элвина.

Гестер (Guester) — образованная от английского «guest», что означает «гость», фамилия имеет значение «принимающий гостей», «хозяин».

Доггли (Doggly) — вряд ли Орсон Скотт Кард, придумывая это имя, образовал его от английского «пес». Скорее всего фамилия этого персонажа имеет родство с другим, простонародным значением слова «dog» — «парень», «мужик». По Доггли — ничем не выдающийся мужчина, однако он всегда выручит в трудную минуту и умеет отличать добро от зла — в общем, настоящий мужик.

Кальм (Calm) — как и многие другие имена, это имя отражает характер персонажа: «calm» — «спокойный».

Лекаринг (Physicker) — фамилия деревенского доктора происходит от английского слова «physic», которое переводится как «медицина», «лекарство». «Лекаринг» — это образование от русского «лекарь» и чисто английского суффикса «ing».

Кэвил Плантер (Cavil Planter) — имя и фамилия этого персонажа обладают сразу несколькими

значениями. Если «cavil» означает «придирчивый», «находящий недостатки», то «planter» переводится с английского как «плантатор» и (самое главное) «сеятель», «сажальщик», что очень подходит данному герою, взявшему на себя обязанность «спасти» души чернокожих.

Мера (Measure) — данное имя также несет в себе черты характера, присущие герою. «Мера», «мерило» — юноша обладает верным глазом и никогда не ошибается.

Миллер (Miller) — многие английские фамилии, как, впрочем, и русские, произошли от названия известных профессий. «Миллер» означает «мельник», поэтому в тексте книги фамилии Миллер и Мельник чередуются.

Модеста (Modesty) — характер героини, носящей это имя, целиком и полностью включает в себя тот спектр значений, который имеет слово «modesty» в английском языке: «скромность», «умеренность», «благопристойность», «сдержанность».

Мок Берри (Mock Berry) — фамилия Берри, как указывает в тексте сам Орсон Скотт Кард, не соответствует роду профессии данного персонажа и означает «ягода», хотя здесь можно вспомнить, что Берри является одной из наиболее распро-

страненных негритянских фамилий (тот же Чак Берри, к примеру). Зато имя, переводящееся с английского как «насмешка», «посмешище», «пародия», точно характеризует отношение жителей Хатрака к несчастному негру, который (подумать только!) посмел жить и вести хозяйство, как белый человек.

Нед (Wantnot), Нет (Waistnot) — перевод имен братьев-близнецов весьма волен. В дословном переложении на русский их имена будут звучать как «Не-захоти» и «Не-трать-даром». «Нед» и «Нет» — это сокращения: Нед — от «не-дозволь» (по словам одного из персонажей книги, этот брат всегда оказывается там, где должна произойти беда, и предотвращает ее), а Нет — от «не-трать».

Смит (Smith) — самая распространенная английская фамилия, произошла от слова «кузнец».

Троуэр (Thrower) — эта фамилия несет в себе множество оттенков, она образована от английского глагола «throw», значениями которого являются «менять (кожу)» (говорится о змее), «набрасывать» (например, сети), «проигрывать».

Уивер (Weaver) — на первый взгляд, данная фамилия, переводящаяся как «ткач», не имеет отношения к герою. Впрочем, можно вспомнить, что Армор Уивер мечтал стать губернатором

штата. Давая людям в долг, он обязывал их и ткал сети, оплетая Воббскую долину.